

Администрация губернатора Пермского края
Министерство по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края
Администрация г. Кудымкара
Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН
ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж»

ПЕРМИСТИКА XVII:
Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками

Материалы XVII Международного симпозиума
23–24 ноября 2018 г.

Кудымкар, 2018

УДК 811.513.13
ББК 81.2 (Рос)
П 27

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации губернатора Пермского края*

Редакционная коллегия:

Черных А. В., д. и. н., член-корр. РАН (отв. за выпуск),
Дерябина Н. Н. (сост.), Мальцева Н. А., к. пед. н. (сост., отв. редактор),
Меркушева Т. Н., к. филол. н.

ПЕРМИСТИКА XVII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. Материалы Международного симпозиума (23–24 ноября 2018 г., г. Кудымкар). Сборник научных статей. – г. Кудымкар, 2018. – 368 с.

В сборник включены научные статьи и сообщения участников XVII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвящённого памяти выдающегося коми-пермяцкого языковеда Г. А. Нечаева. Статьи освещают проблемы истории развития пермских языков, вопросы лексикологии, диалектологии и грамматики, аспекты языкового анализа художественных текстов разных жанров.

В сборник вошли материалы ведущих учёных и начинающих исследователей в области финно-угроведения.

Издание предназначено филологам, культурологам, педагогам, студентам филологических факультетов, всем тем, кто интересуется языками и культурами пермских народов.

ISBN 978-5-91983-050-4

- © Коллектив авторов, 2018
- © Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, 2018
- © ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», 2018
- © ПРОО «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югёр», 2018

Григорий Андреевич Нечаев,
коми-пермяцкий языковед
(1905 – 1986)

*Участникам XVII Международного
симпозиума «Диалекты и история
пермских языков во взаимодействии
с другими языками»*

Дорогие друзья!

XVII Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» посвящен коми-пермяцкому языковеду Григорию Андреевичу Нечаеву.

Симпозиум – это встреча и общение с коллегами, возможность дискуссии, обсуждения новых идей, подходов, методик, проектов.

Пермский край – один из многонациональных и многоязыковых регионов России. Сохранение этнокультурного и языкового многообразия, поддержка родных языков – один из приоритетов национальной политики нашего региона. Надеемся, что сложные, но актуальные вопросы современного сохранения и развития родных языков не только получат обсуждение на симпозиуме, но и позволят найти конструктивные решения этих проблем и вопросов.

Дорогие друзья, хочется пожелать всем плодотворной работы, конструктивных дискуссий, новых впечатлений от общения с коллегами, от знакомства с Пермским краем. Надеюсь, что конференция даст новый импульс развитию исследований пермских языков, актуализации богатейшего этнокультурного и языкового наследия финно-угорских народов России.

*Л. В. Политов,
и.о. руководителя Администрации
губернатора Пермского края*

***Бур лун, «Пермистика» симпозиумлӧн участниккез!
Меным долыт адззыны тӱянӧс Парма му вылын.***

***Добрый день, уважаемые участники симпозиума «Пермистика»!
Рад приветствовать вас на гостеприимной земле Пармы.***

В Коми-Пермяцком округе мы встречаем участников авторитетного научного форума во второй раз. И это не случайно: здесь проживает более 63 тысяч представителей одного из пермских народов – коми-пермяков. Это 54,2% от населения Коми-Пермяцкого округа и 2/3 от численного состава коми-пермяков, проживающих на территории России (94 456 человек). Из 31,5 тысяч коми-пермяков, проживающих за пределами округа, 18 тысяч проживают в других районах Пермского края, а более 13 тысяч – в других субъектах федерации. Самые большие диаспоры коми-пермяков – в Ханты-Мансийском автономном округе, Свердловской и Ростовской областях (в каждом субъекте – более 1000 чел.), а самые активные – в Республике Коми и Москве, где имеются национально-культурные организации коми-пермяков.

По результатам переписи 2010 года, коми-пермяцким языком владеют 63106 человек, в т.ч. 58 693 коми-пермяка (62,1% от общего числа коми-пермяков).

К сожалению, приведённые цифры свидетельствуют о значительном уменьшении численности коми-пермяков в межпереписной период (почти на четверть – со 125,2 тыс. чел. до 94,5 тыс. чел.), полуторакратном снижении количества владеющих коми-пермяцким языком (с 94,3 тыс. чел. до 63,1 тыс. чел.) и существенном снижении доли коми-пермяков, владеющих коми-пермяцким языком (с 70% до 62,1%).

Перепись 2010 года дала ответ ещё на один «языковой» вопрос: какой язык вы считаете родным. Коми-пермяцкий язык назвали родным 57 782 чел., в т.ч. 56 817 коми-пермяков (60,2%). Самая высокая доля коми-пермяков, назвавших коми-пермяцкий язык родным – в сельских районах Коми-Пермяцкого округа (в Кудымкарском (87,9%), Кочёвском и Косинском районах – более 84%). К сожалению, в столице округа этот показатель составляет всего 47,1%. Такая же ситуация характерна для территорий, расположенных за пределами округа: коми-пермяцкий язык назвали родным менее половины проживающих в них коми-пермяков (для примера: Пермь – 37,7%; Березники – 26%).

Однако, здесь следует учесть, что перепись 2010 года не предусматривала возможность назвать в качестве родных 2 и более языка. Если бы такая возможность была, цифры были бы немного другими, поскольку практически все коми-пермяки, равно как и удмурты, коми, да и представители других народов России – билингвы. Поэтому более корректным представляется спрашивать не о родном языке, а о родных языках. Такой опрос в свое время (в 2012 году) по заказу нашего Министерства в округе был проведён.

На вопрос «Какой язык (языки) Вы считаете родным» коми-пермяки ответили так: коми-пермяцкий – 254 чел. из 343, принявших участие в опросе (74,1% от числа опрошенных коми-пермяков), в том числе 227 (66,2%) – единственный родной, 27 (7,9%) – наряду с русским языком. 89 коми-пермяков (25,9%) считают единственным родным языком русский язык. Ответы респондентов значительно отличаются в зависимости от возраста и места жительства. Так, коми-пермяцкий язык признали родным менее 60% респондентов-коми-пермяков из Кудымкара и Гайнского района. В Кудымкарском районе этот показатель составил около 90%. Среди коми-пермяков старшего поколения (свыше 55 лет) коми-пермяцкий язык родным считают 80% опрошенных. В средней возрастной категории (36–55 лет) этот показатель составляет 78,1%, а среди молодежи – всего 64,9%, причем молодежь гораздо чаще называла родными 2 языка.

В условиях двуязычия нам необходимо активизировать работу по развитию родных языков, формированию положительной мотивации их изучения.

Для выполнения этих задач в Российской Федерации создана вся необходимая правовая база. Статья 26 основного закона нашего государства гласит, что «каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества». Данная конституционная норма находит развитие в законах «О языках народов Российской Федерации», «Об образовании в Российской Федерации» и других важнейших нормативно-правовых актах. Стратегия государственной национальной политики, утверждённая указом Президента Российской Федерации от 19.12.2012 №1666, отнесла «сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации» к основным направлениям государственной национальной политики. Этим же документом «обеспечение оптимальных условий для сохранения и

развития языков народов России» определено одним из приоритетных направлений государственной национальной политики.

В целях исполнения норм федерального законодательства в каждом субъекте Российской Федерации приняты и действуют свои механизмы поддержки родных языков. В Пермском крае на решение этой задачи направлена государственная программа «Общество и власть» (подпрограмма «Реализация государственной национальной политики в Пермском крае»). В её рамках финансируются научные исследования и проводятся научные форумы, в том числе сегодняшний симпозиум. Реализован проект «Новый коми-пермяцкий учебник», позволивший полностью обеспечить школы округа учебниками на коми-пермяцком языке. Однако время не стоит на месте, обновляются образовательные стандарты, поэтому совершенствование учебно-методических комплексов происходит постоянно. В настоящее время, например, завершается работа по обновлению линии учебников коми-пермяцкого языка в средних классах. В рамках программы «Общество и власть» в солидных объемах издаётся художественная литература на коми-пермяцком языке, в том числе издано 11 книжек серии «Книжки-малышки», первая трёхмерная книжка на коми-пермяцком языке «Тошиндой-тош», 11 томов серии «Коми-пермяцкая классика». Реализованы проекты «Петас» и «Быдмас», в рамках которых детские сады получили 11 пособий на коми-пермяцком языке. Формированию интереса к языку способствуют детские творческие и интеллектуальные конкурсы, фестиваль КВН на коми-пермяцком языке «Пуксы да ваксы» и другие мероприятия.

Важной вехой привлечения внимания к коми-пермяцкому языку стал указ губернатора Пермского края от 12.02.2010 №12, объявивший 17 февраля Днём коми-пермяцкого языка. Ежегодно этот праздник широко отмечается на всей территории Пермского края. Проводимые к этому Дню творческие встречи, флэш-мобы, интернет-акции с каждым годом привлекают всё большее количество участников.

В последние 2 года росту числа участников способствует Всеобщий диктант по коми-пермяцкому языку, проводимый по всей стране в День коми-пермяцкого языка. В первый же раз, 17 февраля 2017 года, в Коми-Пермяцком округе, Перми, Сыктывкаре, Москве диктант написали более 500 человек. В 2018 году число участников оказалось еще больше – 640. Нас активно поддержали коми-пермяки, проживающие за пределами округа в городах и районах Пермского края. Поскольку идея

оказалась очень востребованной, диктант по коми-пермяцкому языку мы намерены проводить и в дальнейшем.

Благодаря предпринимаемым мерам, в Пермском крае, в целом, и в Коми-Пермяцком округе, в частности, фиксируется стабильно высокий уровень удовлетворённости граждан имеющимися возможностями реализации своих этнокультурных потребностей. В последние годы этот показатель составляет 87%. Для сравнения: в первом опросе, проводившемся в 2008 году, имеющимися возможностями реализации этнокультурных потребностей были удовлетворены около 77% респондентов.

Нам удаётся сохранить довольно высокий процент детей, изучающих коми-пермяцкий язык в школах. В 2010–2011 учебном году этот показатель составил всего 17,8%; в 2017–2018 учебном году – 22,8%; в этом учебном году – 24,8% (по предварительным данным).

Чтобы удержать эти позиции, необходимо наращивать усилия по работе с семьёй, которая зачастую перестаёт быть транслятором языковых традиций. Во многих семьях, даже в тех, где оба родителя коми-пермяки, единственным языком воспитания детей и межпоколенческого общения является русский язык. Думаю, это не только наша проблема. Нам надо вместе найти действенные механизмы возвращения родных языков в семью, поскольку именно от этого во многом зависит дальнейшее функционирование наших языков. В этом поиске, на мой взгляд, учёные могут и должны сыграть очень важную роль.

Желаю очередному симпозиуму «Пермистика» успешной работы, а всем его участникам – неустанного научного поиска и новых открытий.

*В. В. Рычков,
Глава Коми-Пермяцкого округа –
министр Пермского края*

Пленарные доклады

*Коньшин Анатолий Евдокимович,
доктор ист. наук, профессор,
с. н. с. Коми-Пермяцкого института
повышения квалификации
работников образования
kama-rod@yandex.ru*

Имя Г. А. Нечаева в советской лингвистике

Аннотация. В статье освещается непростая жизнь и творческий путь первого коми-пермяцкого лингвиста, доцента Г. А. Нечаева. Его известные работы широко используются в изучении коми и коми-пермяцкого языков, но многие работы ещё не выявлены и не получили должного признания.

Ключевые слова: доцент Г. А. Нечаев, коми-пермяцкий язык, «марризм», Коми пединститут, Кудымкарский учительский институт, Таганрог, подготовка учителей.

*Anatoliy Y. Konshin,
Dr. of Science (History),
Senior researcher of Komi-Permian
Institute of workers' advanced
training of education
kama-rod@yandex.ru*

The name of G. A. Nechaev in soviet linguistics

Summary. The article highlights the difficult life and creative path of the first Komi-Permian linguist, associate Professor G. A. Nechaev. His well-known works are widely used in the study of the Komi and Komi-Permian languages, but many works have not been identified yet and have not received proper recognition.

Key words: associate Professor G. A. Nechaev, Komi-Permian language, «marrism», Komi pedagogical Institute, Kudymkar teacher's Institute, Taganrog, teacher training.

Жизнь и творчество первого лингвиста коми-пермяка Григория Андреевича Нечаева долгое время предавалось забвению. И только в последние годы предпринимаются попытки восстановить его доброе имя. Среди учёных коми-пермяков Григорий Нечаев выделяется преданностью коми-пермяцкому народу, своему языку. Всю свою жизнь он посвятил исследованию и развитию коми-пермяцкого и коми-зырянского языков, хотя в вуз-ах страны читал лекции, в основном, по общему и сравнительному языкознанию. Практически основные его печатные работы посвящены изучению коми-пермяцкого языка, созданию программ и учебных пособий по коми-пермяцкому языку.

Г. А. Нечаев родился 3 (16) января 1905 года в с. Отево Кудымкарского района в крестьянской семье. В 1923 г. окончил школу второй ступени и двухгодичные педагогические курсы в Кудымкаре. После неудачной попытки учиться в Пермском техникуме, он год работал заведующим Мучаковской школой первой ступени Кудымкарского района. Летом 1924 г. Кудымкарский районо предложил место в Сыктывкарском педтехникуме. Приняли сразу на второй курс с 7-ми рублёвой стипендией. Учился отлично, подрабатывал писарем в областном ЗАГСе, иногда разгружал баржи. Молодой педагог мечтал о получении высшего образования. Вскоре отборочная комиссия Коми облоно выделила ему путёвку в Первый Московский госуниверситет. Учился с особым рвением, получал повышенную стипендию. В летние каникулы 1926 г. он помогал готовить окружную с/х выставку в Кудымкаре. На заработанные деньги летом 1927 г. совершил экспедицию в северные районы округа с целью сбора материала для семинарских занятий в университете. Результатом его изысканий стали два доклада: «Надмогильные камни у коми-пермяков» и «Средства и способы передвижения в Коми-Пермяцком округе», которые были одобрены московскими учёными [1. С. 165].

Тут он попадает в поле зрения видного коми лингвиста В. И. Лыткина, который работает над исследованием коми диалектов. В 1929 г. он создаёт Комиссию по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка из шести человек, из них четверо – студенты этнологического факультета университета. Нечаев стал секретарём этой Комиссии. В отчёте за 1929–30 г. отмечалось, что Комиссия провела 10 экспедиций в местах проживания коми. Нечаев в 1929 г., будучи в экспедиции, вдоль и поперёк исходил весь зюздинский край, изучая историю и язык на-

селяющих его коми-пермяков. Вскоре в сборнике Комиссии вышла его статья «Характеристика коми-пермяцкого диалекта коми языка», в которой он, как сформировавшийся исследователь, освещает историю, словарный состав и фонетику языка, фиксирует образцы речи и фольклор народа. И в этом же сборнике опубликована другая его статья «Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми округа». В. А. Лыткин с достоинством оценил работы молодого исследователя [2. С. 26].

В 1929 г. Нечаев успешно закончил университет и в числе четырёх лучших студентов был оставлен для подготовки к научной работе. Осенью 1930 г. поступил в аспирантуру при НИИ этнических культур, находящегося под влиянием марристов.

Справка. *Марризм или «Новое учение о языке» формировалось академиком Н. Я. Марром в 1923–1924 гг. и проповедовалось до 1950 г. (т.е. и после его смерти в 1934 году). Согласно этому учению, «...развитие языка идёт в обратном направлении: языки скрещиваются, и поэтому их число сокращается. В коммунистическом обществе будет один всемирный язык, отличающийся от существующих и который постепенно должен потерять звуковой характер» [3. С. 27]. Учение, поддерживаемое Наркоматом образования (А. В. Луначарский, М. Н. Покровский), с молчаливого согласия Сталина переросло в гонения на оппонентов. Государственная поддержка этого учения затормозила развитие отечественной лингвистики на несколько лет. Учение Марра было развенчано лишь с помощью Сталина в 1950 году с опубликованием статьи «Марксизм и вопросы языкознания». Скоро марризм сошёл со сцены. Зато сама работа Сталина, изданная миллионным тиражом, стала самым цитируемым произведением. Однако, после смерти вождя ссылки на работу тоже прекратились.*

Григорий Нечаев, будучи аспирантом первого года, на семинаре «дерзнул» выступить против «Нового учения...», и ему сразу же было предложено (мягко говоря) покинуть эту аспирантуру. Тогда он с трудом перевелся в аспирантуру НИИ языкознания, в котором работали оппоненты Марра. Здесь он получил основательную языковую подготовку и досрочно, в феврале 1933 г., был выпущен с правом занимать должность доцента по общему языкознанию и восточно-финским языкам в высшей школе. Так состоялся первый учёный коми-пермяк.

Весьма радостный, он получает распределение в Свердловский

НИИ образования, но на него претендует и Коми-Пермяцкий окрисполком. Перераспределился в округ. Он тогда ещё не мог знать, что с этого момента начнутся его страдания... В середине марта 1933 г. он приезжает в Кудымкар заведовать научно-исследовательским бюро при Президиуме Коми-Пермяцкого окрисполкома. (А бюро ещё нет, он будет создан только в следующем месяце). Тогда они втроём, совместно с А. Н. Zubовым и Ф. А. Тупицыным, развернули большую работу по коми-пермяцкому языку, литературе и фольклору. По экономике, истории и производительным силам учёных (пока) не было. Уже в 1933 г. в Москве из печати вышла «Грамматика. Медоддза тор. Морфология» для пятого класса. Была организована и проведена термино-орфографическая конференция, составлены учебник по синтаксису, коми-пермяцко-русский словарь на 40 тыс. слов и т.д. [4. С. 99]. Кроме того, Нечаев был утверждён представителем ЦК Нового алфавита, и ему пришлось заниматься разработкой письменности коми-пермяцкого языка в связи с переводом на латинскую графическую основу. С апреля по ноябрь перевернули огромный пласт работы. В это время он встречает свою любовь – зырянку Людмилу Старцеву, приехавшую по распределению из Ленинградского пединститута на работу в Кудымкарский педтехникум. Создали семью. Однако ему суждено было иметь ещё одно новое знакомство... с органами ОГПУ.

Справка. В 1932–1934 гг. была «раскрыта» т. наз. «контрреволюционная национал-шовинистическая повстанческая организация» в Коми-Пермяцком округе. В 1932 г. была ликвидирована Ёгвинская группа «в составе 120 чел.», осуждены 17 чел., в 1933 г. ликвидированы Юсьвинская и Кудымкарская группы, осуждены 26 чел., в 1934 г. – Кочёвская группа (6 ячеек), осуждены 43 человека на 5–10 лет. Органы считали, что целью этой повстанческой организации являлось свержение советской власти в округе, объединение с Коми областью и создание единой финно-угорской конфедерации под крылом родственной Финляндии. Форма борьбы – вооружённое восстание, назначенное, якобы, на 1 января 1932 г. и несколько раз переносившееся. Считалось, что в эту организацию окротделом НКВД был внедрён Н. И. Кузнецов [5. Л. 267]. В обвинительном заключении по уголовному делу сказано, что изобличаются 113 чел., однако материалы в отношении А. Ф. Тупицына, А. Н. Zubова, В. З. Радостева и др. выделены в отдельное дело «для дальнейших следственных действий и иных мероприятий» [6. Л. 268]. Нечаев

же, по всей вероятности, допрашивался в связи с сотрудничеством с Тупицыным и Зубовым.

В ноябре 1933 г. Нечаева призывают в армию. Он с облегчением оставляет округ, но уже в августе 1934 г. по ходатайству окрисполкома его досрочно увольняют в запас. В сентябре он возвращается в округ, но чувствует себя некомфортно из-за встреч со следователями окротдела ОГПУ. К тому же, «заведующим НИБ теперь его не назначили» [4. С. 100]. К этому времени из Москвы возвращается М. П. Лихачёв. Теперь они работают впятером, дружно окунувшись в работу. Нечаев параллельно заведует курсами подготовки учителей для неполных средних школ.

Желая уйти из-под пристального внимания органов, учёный принимает решение уехать в Сыктывкар, где ему с июня 1935 г. предложили заведовать кафедрой языка и литературы в Коми пединституте. Всё складывается как нельзя лучше: в институте читает лекции, пишет статьи, работает над учебниками. Но, оказывается, и тут работники Коми РесОГПУ «изучают его творчество», в статьях красным карандашом выделяют нужные им выдержки.

30 сентября 1937 г. последовал арест Нечаева. На следствии у него выпытывают сообщников по контрреволюционной национал-шовинистической организации. Ему предъявляют обвинение по участию в этом террористическом центре, который, якобы, «ведёт работу по отделению Коми области от СССР, созданию самостоятельной республики Коми», а на лекциях он будто бы ведёт антисоветскую агитацию, пользуется трудами врагов народа В. А. Савина, А. С. Сидорова и др. Сидя во внутренней республиканской тюрьме, он наивно полагает, что все нелепые обвинения будут сняты на суде. Однако, суда не было, ему зачитывают лишь постановление Особого совещания при НКВД от 7 июля 1938 г. – 8 лет лишения свободы по ст. 58–10 ч. II и 58–11 (контрреволюционная деятельность). Апелляционные жалобы остаются без внимания [7. С. 22]. И тут наступил 1941 год, началась война.

И пришлось ему отсидеть от звонка до звонка – ровно 8 лет. В октябре 1945 г. Нечаев сделал запрос в родной Коми пединститут, но там его, «врага народа», никто не ждал. И всё-таки в мае 1946 г. он вернулся в Сыктывкар. После долгих скитаний удалось, наконец, устроиться младшим научным сотрудником в Коми научно-исследовательском секторе АН СССР. На работе ему мало кто подавал руку, на улице знакомые

переходили на другую сторону. В январе 1948 г. он был уволен якобы «в связи с изменением общего направления работы сектора» [8]. Ему ничего не оставалось, как с семьёй обратно вернуться в Кудымкар. В начале февраля 1948 г. директор Учительского института А. Н. Торлопова на свой страх и риск приняла его ассистентом кафедры языка и литературы, а жену – зав. кабинетом основ марксизма-ленинизма. Здесь коллектив был разношёрстным, преподаватели назначались Министерством РФ из выпускников вузов Свердловска, Перми, Москвы и Ленинграда, в основном, русские, но работали и четыре еврея (очевидно, считалось за 104 км.). Естественно, преподаватели с «врагом народа» вели себя осторожно. С пониманием к Нечаеву относился заместитель директора по учебной и научной работе фронтовик Н. И. Нешатаев. (Он в 1946 г. сдал кандидатские экзамены, а в 1950 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата географических наук, основал и заведовал кафедрой естествознания и географии.) Нечаев же вёл себя с достоинством, работал добросовестно, читал лекции, писал программы. С 1 сентября 1951 г. его назначили ст. преподавателем (а это не только новый статус, но и новая зарплата) [8. Л. 6]. В его ситуации зарплата играла немаловажную роль. Будучи ст. преподавателем, он читает студентам лекции по коми-пермяцкому языку, сравнительной и сопоставительной грамматике. Параллельно работает над программами по коми-пермяцкому языку. Помимо работы в институте он ведёт курсовую подготовку и переподготовку учителей коми-пермяцкого языка. Его лекции отличались научной глубиной, убедительной аргументацией и уважительной манерой общения с аудиторией. За годы работы в институте он подготовил сотни учителей коми-пермяцкого языка, провёл две термино-орфографические конференции и выступал с докладами на двух научных финно-угорских конференциях.

В 1950 г. после аспирантуры в Кудымкар приезжает А. С. Кривощёкова под новой фамилией Кривощёкова-Гантман, с мужем и дочкой. Вначале она трудится в ИУУ, а с августа 1951 г. она – ст. преподаватель Учительского института на той же кафедре, что и Нечаев. Высокомерная, язвительная, уверенная в себе, она помнит обиду 1948 г. за разгромную рецензию Нечаева на её «Словарь...», который потом с другим отзывом всё-таки был издан в Комипермгизе. С марта 1952 г. она – кандидат филологических наук, а в декабре её назначают зав. кафедрой. Нечаев, униженный, обиженный, с уязвлённым самолюбием, продолжает рабо-

тать на кафедре. Взаимные упрёки дали повод для раскола в коллективе. Нечаева поддерживают зам. директора, кандидат наук Н. И. Нешатаев, к. филол. н. А. М. Герланц, к. филол. н. П. С. Кузнецов, ст. преподаватель Р. В. Гусева и др., а А. С. Кривощёкову-Гантман – сдавшие уже кандидатские экзамены её муж, Л. М. Гантман, ст. преподаватель Н. Е. Таматин, а также новый директор института В. А. Девятков [9. Л. 36].

Конфликт разрастался и грозил выйти за рамки института. Вмешался Окружком КПСС. Повод был найден – политический: как в институте идёт изучение материалов XIX съезда КПСС и гениальной работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

***Справка.** XIX съезд ВКП(б) состоялся 5–14 октября 1952 г., это был первый съезд после 13-летнего перерыва. На нём было принято решение о переименовании ВКП(б) в КПСС, о роспуске Политбюро (9 чел.) и образовании ЦК (25 чел.), принятии плана развития н/хозяйства на 5 лет. А 16 октября прошёл закрытый Пленум ЦК, который вошёл в историю как Пленум с политическим завещанием Сталина. К этому времени в печати закончилась полугодовая экономическая дискуссия, состоявшаяся по инициативе партии. Она завершилась статьёй Сталина в газ. «Правда» «Экономические проблемы социализма в СССР». Вскоре из печати многомиллионным тиражом вышла одноимённая книга, которая представляла собой замечания к проекту нового учебника политической экономии и подавалась народу как развитие Сталиным марксистской политической экономии. Здесь Сталин сформулировал «основной экономический закон социализма» и обозначил три основных условия для перехода от социализма к коммунизму. В экономическом разделе он писал, что «этап товарооборота изжил себя и необходимо переходить к прямому продуктообмену между городом и деревней». Практика строительства социализма в СССР должна была стать примером для других стран [10]. Цитирование работы до смерти Сталина было обязательно во всех курсовых, дипломных, диссертационных работах и научных публикациях.*

В институте прошла тщательная проверка учебно-воспитательной работы, и 29 апреля 1953 г. на бюро окружкома КПСС был заслушан отчёт директора Учительского института В. А. Девяткова. В итоговом документе писалось, что «Учительский институт крайне медленно перестраивает свою работу в свете решений XIX съезда партии и работы т. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». А дальше...

как всегда бывало в соответствующих партийных документах, последовало решение:

1. Признать работу Учительского института неудовлетворительной.
2. За неудовлетворительное руководство институтом директору В. А. Девяткову объявить строгий выговор.
3. Заведующего учебной и научной частью института доцента Н. И. Нешатаева с работы снять.
4. Директору укомплектовать институт подготовленными кадрами. Преподавателей с сомнительным прошлым от работы освободить.

И ещё 11 обязывающих пунктов. Последний пункт гласил о том, что если директор института В. А. Девятков в кратчайший срок не устранил недостатки, он также будет освобождён с должности [11. Л.177].

Четвёртый пункт касался Нечаева. Досталось и А. Гантман: «...до сих пор не нашла своё место в научно-исследовательской работе». (У неё была одна печатная работа ещё с аспирантуры). Но она с 20 апреля была уже в декретном отпуске, а в августе 1955 г. перевелась на работу в Молотовский пединститут.

В октябре 1953 г. ещё раз прошла проверка института на предмет выполнения решения бюро ОК КПСС и в результате в газете «Звезда» была опубликована большая разгромная статья: выводы не сделаны. Причём В. А. Девятков был уличён в недостоверном освещении деятельности института на страницах окружной газеты [12].

Заместитель директора к. геогр. н., доцент Н. И. Нешатаев в августе 1953 г. вынужден был перевестись в Новозыбковский пединститут Брянской области. Уволили из института и Г. А. Нечаева. Уволились из института ещё 4 преподавателя. Сам В. А. Девятков, заручившись поддержкой Министерства, экстренно сдал дела своему заместителю З. М. Михайловой с целью выезда в Ленинград на курсы по подготовке к экзаменам кандидатского минимума (9).

Так была поставлена точка в закате Кудымкарского учительского института... окружном партии.

Что касается Г. Нечаева, то он в поисках работы в 1953–1954 гг. исколесил полстраны. Работал учителем в Свердловской, Смоленской, Московской областях. Везде за ним следовала тень «врага народа». Семья оставалась в Кудымкаре. Всё это время он старался восстановить своё доброе имя – писал письма в различные инстанции, обивал пороги. Наконец, в октябре 1955 г. он был реабилитирован. Через 18 лет

пришло признание отсутствия его вины. Кроме того, в 1957 г. судом было признано, что никакой контрреволюционной повстанческой организации никогда не существовало [13. Л. 293].

Однако за своё признание Нечаеву пришлось ещё бороться. Сразу после реабилитации он написал заявление в Минпрос РСФСР с просьбой восстановить его в прежней должности в Коми пединституте. Через месяц пришёл ответ, что реабилитированных «врагов народа» должны трудоустраивать, но восстанавливать в прежней должности не обязаны. И пришлось ему в очередной раз начинать всё сначала. И всё-таки 20 декабря 1955 г. из Минпроса пришёл приказ о его назначении ассистентом кафедры русского языка и литературы Коми пединститута. Правда, в институте, зная высокую работоспособность коллеги, его быстро перевели в преподаватели, затем в старшие преподаватели, а в ноябре 1956 г. его избрали заведующим кафедрой. Вскоре учёный получает благоустроенную трёхкомнатную квартиру и перевозит из Кудымкара семью.

В мае 1958 г., по представлению Учёного Совета института, ВАК утверждает его в учёном звании доцента [14. С.18]. 25 лет ему пришлось потратить на то, чтобы вновь состояться в этом звании! Своим добросовестным трудом, безупречным поведением он восстановил своё доброе имя. Будучи доцентом и заведующим кафедрой Коми пединститута, он вёл большую научную и научно-методическую работу и с честью проработал здесь вплоть до выхода в 1965 г. на пенсию. (Отметим попутно, что именно в этот период он вступил в ряды КПСС, очевидно считая это вершиной реабилитации). Наряду с преподавательской деятельностью он опубликовал много статей, внося новую струю в коми-пермяцкое языкознание и разработку его малоизученных вопросов. Статьи по кочёвскому и зюздинскому наречиям (1933) до сих пор удивляют специалистов своей глубиной и многоплановым анализом. Им опубликованы также др. статьи. «К вопросу о значениях падежных форм в коми-пермяцком языке» (1951), «К вопросу о значениях родительного, притяжательного, творительного и соединительного падежей в коми языке» (1959), «О грамматической категории одушевленности и неодушевленности в коми-пермяцком языке» (1959), «Глагол или частица?» (1960), «О переходе имён прилагательных в имена существительные и существительных в прилагательные в коми-зырянском и коми-пермяцком языках» (1962) и др. В его работах

дан глубокий анализ строя исследуемого языка с основательной аргументацией и стройной логикой научных выводов. Кроме того, его как видного учёного, привлекали к научному рецензированию работ А. С. Сидорова «Порядок слов в предложении коми языка» (1953), В. И. Лыткина «Коми-язвинский диалект» (1959), А. С. Кривощёковой-Гантман «Современный коми-пермяцкий язык. Ч.1. Фонетика. Лексика. Морфология» (1959) [7. Л. 9]

В начале 1960-х гг. Нечаев принял активное участие в составлении учебного пособия «Коми-пермяцкий язык» под редакцией В. И. Лыткина (Пермь, 1962) для вузов. Им подготовлено для этого учебника 46 параграфов-статей [8]. И если бы у Г. Нечаева не было других заслуг, то только составление этого учебного пособия его поставило бы в разряд видных российских учёных. По этому учебнику уже более 50 лет готовят учителей коми-пермяцкого языка для школ округа. К нашему большому сожалению, современные учёные-филологи до сих пор не смогли его доработать и переиздать.

В июле 1965 г. Г. А. Нечаев вышел на пенсию и уволился из института. Теперь можно было подумать о здоровье. Съездил на курорт в Цхалтубу, по пути присмотрел хорошее место в Таганрогском пединституте. Переехал туда с семьёй и, будучи на пенсии, с 1965 по 1981 г. работал зав кафедрой и профессором в этом институте. Здесь он получил возможность всецело проявить свой талант учёного и педагога. Имел 7 благодарностей ректора института и Почётную грамоту Министерства просвещения РФ. При руководстве узбекским отделением в институте Минпрос Узбекской ССР за подготовку учителей русского языка из лиц узбекской национальности присвоил ему почётное звание «Отличник народного образования УзССР». [15. С. 287].

В 1976 г. в Ростове-на-Дону из печати вышло ещё одно его учебное пособие для вузов «Введение в языкознание». В общей сложности на его счету более 50 печатных работ по малоизученным проблемам языкознания и около 20 основательных работ в рукописях хранятся в архивных фондах вузов Сыктывкара, Ижевска, Москвы и Таганрога.

Г. А. Нечаев ушёл из жизни 15 октября 1986 г. в возрасте 81 года [16. С.12]. К сожалению, его научное наследие до сих пор не изучено. Отсутствует и полный перечень печатных работ. Известно, что в молодости он писал стихи, но и они коми-пермяckому читателю пока не доступны. Поэтому новому поколению исследователей в изучении

творчества видного советского лингвиста коми-пермяка Г. А. Нечаева открывается широкое поле деятельности.

Выявленные публикации и рукописи Г. А. Нечаева

Научно-исследовательские статьи

1. Нечаев Г. А. Особенности юрлинского русского говора // Русская диалектология. 1929. № 4.
2. Нечаев Г. А. Особенности ижемского говора коми языка // Сборник Комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. – Вып. 1. – М: Центриздат, 1930.
3. Нечаев Г. А. Характеристика зюздинского диалекта коми языка // Сборник Комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. – Вып. 2. М: Центриздат, 1931.
4. Нечаев Г. А. Отношение окружного коми литературного языка к северным диалектам Коми-Пермяцкого округа // Сборник Комиссии по собиранию и изучению диалектов коми языка. – Вып. 2. – М: Центриздат, 1931.
5. Нечаев Г. А. Средства и способы передвижения у коми-пермяков. – М., 1927.
6. Нечаев Г. А. Надмогильные памятники у коми-пермяков. – М., 1927.
7. Лыткин В. И., Нечаев Г. А. Вопросник по собиранию сведений о коми говорах. – Сыктывкар, 1931.
8. Нечаев Г. А. Унификация коми и удмуртского алфавитов. – Кудымкар: Кн. изд., 1934. 8 с.
9. Нечаев Г. А. Латинизация у коми-пермяков Уральской области. – Кудымкар: Кн. изд., 1934. – 11 с.
10. Нечаев Г. А. О переходе имён прилагательных в имена существительные и существительных в прилагательные в коми-зырянском и коми-пермяцком языках // Уч. зап. Коми гос. пединститута. – Сыктывкар, 1962, № 10.
11. Нечаев Г. А. Краткий лингвистический словарь (или Введение в языкознание). – Ростов-на-Дону: Изд. Рост университета, 1976. – 183 с.

Научно-методические статьи и пособия

1. Питю Ёньё, Нечаев Г. А. Грамматика. Медодзза тор. Морфология. Шёрёт школа понда велётчан книга. – М: Учпедгиз, 1933. – 116 с.
2. Нечаев Г. А. Грамматика. Медодзза тор. Морфология. Шёрёт школа понда велётчан книга. – М: Учпедгиз, 1935. – 132 с.
3. Нечаев Г. А. Программа по коми-пермяцкому языку для I–IV классов. – Кудымкар: Комипермгиз, 1949, 1952. – 37 с.
4. Нечаев Г. А. Программа по коми-пермяцкому языку для Кудымкарского

учительского института. – Кудымкар: Комипермгиз, 1951. – 16 с.

5. Нечаев Г. А. Программа по сравнительной и сопоставительной грамматике коми-пермяцкого языка для Кудымкарского учительского института. – Кудымкар: Комипермгиз, 1951. – 26 с.

6. Нечаев Г. А. Программа по грамматике коми-пермяцкого языка для V–VII классов. – М: Учпедгиз, 1951. – 41 с.

7. Нечаев Г. А. и др. Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология. Статьи в учебнике для высших учебных заведений. – Кудымкар: Кн. изд. 1962. – 340 с.

Статьи по проблемам коми-пермяцкого языка

1. Нечаев Г. А. К вопросу о значениях падежных форм в коми-пермяцком языке // Уч. зап. Коми гос. пединститута. 1959, № 7.

2. Нечаев Г. А. К вопросу о значениях родительного, притяжательного, творительного и соединительного падежей в коми языке // Уч. зап. Коми гос. пединститута. 1959, № 7.

3. Нечаев Г. А. О грамматической категории одушевлённости и неодушевлённости в коми-пермяцком языке // Уч. зап. Коми гос. пединститута. 1959, № 7.

4. Нечаев Г. А. Кудымкар: откуда это слово? // По ленинскому пути. 1959, 23 октября.

5. Нечаев Г. А. Глагол или частица? // Уч. зап. Коми гос. пединститута. 1960, № 8.

6. Нечаев Г. А. Употребление и значение форманта -ёс винительного падежа в коми языке // Уч. зап. Коми гос. пединститута. 1960, № 8.

Неопубликованные работы, рукописи

1. Нечаев Г. А. Развитие жилища у восточных финнов. Доклад в Учёном Совете НИИЯЗ 10 марта 1931. Рукопись. – 7 с.

2. Нечаев Г. А. О некоторых проблемах коми-пермяцкого языка. Рукопись. (Направлена в Комипермгиз).

3. Нечаев Г. А. История развития коми-пермяцкого языка. Доклад на заседании Учёного Совета НИИЯЗ в связи с окончанием аспирантуры. Февраль, 1933. – 9 с.

4. Нечаев Г. А. Основные проблемы словосочетания в современном коми языке. – 121 с.

5. Нечаев Г. А. Взгляды Г. Шухардта. Доклад. Рукопись. 1932. – 6 с.

6. Нечаев Г. А. Рецензия на работу А. С. Сидорова «Порядок слов в предложении коми языка» (1953). Рукопись. – 32 с.

7. Нечаев Г. А. Рецензия на работу В.И. Лыткина «Коми-язвинский диалект» (1959). Рукопись. – 26 с.

8. Нечаев Г.А. Рецензия на работу А. С. Кривошековой-Гантман «Совре-

менный коми-пермяцкий язык. Ч.1. Фонетика. Лексика. Морфология» (1959). Рукопись. – 43 с.

Список литературы и источников

1. Коньшин А. Е. Доцент Г. А. Нечаев // Время научного поиска. – Кудымкар: Изд. Филиала УдГУ, 2006. – С.165–171.
2. Филимонов В. В. Фольклор в неперидических изданиях Общества изучения Коми края // Уч. зап. Петрозаводского ГУ// Филология. 2014, № 1. – С. 22–41.
3. Алпатъев В. М. История одного мифа: Марр и марризм. – М., 1991. – С. 25–62.
4. 10 лет Коми-Пермяцкого округа. 1925–1935. – Свердловск-Кудымкар: Изд. Коми-Перм. ОИК, 1935. – 120 с.
5. Обвинительное заключение по делу к/р повстанческой организации в КПО в 1934 г. // Пермь, ГАНИ. Ф. 641 / 1, О.1, Д. 9028.
6. Там же. Л. 264, 268.
7. Нечаев С. А. Григорий Нечаев: краткая биография. – Таганрог: Изд. Таг. инст. упр. и эк., 2002. – 29 с.
8. Личное дело Г. А. Нечаева. – КПОГА. Ф. 99, О. 2, Д. 774. Л. 9.
9. Книга приказов Кудымкарского учительского института за 1952– 1955 гг. // КПОГА. Ф.99, О.2, Д.12.
10. Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР // Правда. 1952, 4 октября.
11. Протокол бюро Коми-Перм. окружкома КПСС «О работе Кудымкарского учительского института» от 29 апреля 1953 г. // Перм. ГАНИ. Ф.200, О.42, Д.3.
12. Кельник В., Фоминых Н. После признания ошибок...// Звезда. 1953, 25 ноября.
13. Постановление Президиума Молотовского областного суда от 3 апреля 1957 г. // Перм. ГАНИ. Ф.641/1, О.1, Д.1676.
14. Нечаев С. А. Указ. соч. – С.18.
15. Коми язык. Энциклопедия. – М.: Изд. ДИК, 1998. – 421 с.
16. Коньшин А. Е., Галкина М. Е. Вклад Г. А. Нечаева в развитие коми-пермяцкой лингвистики // Вестник Белгородского института развития образования. 2018. – С. 8–12.

Черных Александр Васильевич,
доктор ист. наук, член-корр. РАН,
заведующий сектором
этнологических исследований
Отдела истории, археологии и этнографии
ПФИИ УрО РАН

Каменских Михаил Сергеевич,
кандидат ист. наук, ст. н. с.
сектора этнологических исследований
Отдела истории, археологии и этнографии
ПФИИ УрО РАН

Языковое многообразие Пермского края и проблемы сохранения родных языков ¹

Аннотация. В статье на основании материалов Всероссийской переписи населения 2010 года представлена характеристика языковой ситуации в Пермском крае, основные тенденции и особенности региона, связанные с его этнической историей. Авторы приходят к выводу, что национальный состав и распространённость языков в Пермском крае сопоставимы, но не идентичны. Полиэтнический характер региона определяет актуальность и востребованность системы этнокультурного образования.

В статье представлен анализ нормативно-правовой базы и административных мер по сохранению и развитию родных языков у народов Пермского края на примере коми-пермяцкого и коми-язьвинского языков.

В целом, языковые процессы в Пермском крае имеют общие черты с языковой ситуацией в России, среди которых высокая степень владения русским языком, сохранение многообразия и родных языков, функционирование образовательных учреждений с преподаванием родных языков. Общественными институтами, органами власти и научным сообществом реализуется комплекс мер и проектов, направ-

¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ 17-31-00008 «Этнокультурное пространство Урала: идентичность, культура, взаимодействие».

ленных на актуализацию и поддержку родных языков, несмотря на негативное влияние урбанизационных и интеграционных процессов и слабую представленность языков в общественной и публичной сферах.

Ключевые слова: Пермский край, национальная политика, родные языки, коми-пермяцкий язык, коми-язьвинский язык

*Alexander V. Chernykh,
Dr. of Science (History),
Corresponding member of the RAS,
head of the sector of ethnological research
of the Department of history,
archeology and Ethnography
of the Perm Federal research center
of the Ural branch of RAS*

*Mikhail S. Kamensky,
Cand. of Science (History),
Senior researcher of Department
of ethnological studies
in the Department of history,
archaeology and Ethnography
Piskokefalo research center,
Ural branch of RAS*

Perm region linguistic diversity and problems preserve native languages

Summary. The article based on material of All-Russian population census of 2010 shows characteristic of state language in Perm region, trends and peculiarities of the region associated with its ethnic history. The authors come to a conclusion that national composition and prevalence of languages in the Perm region are comparable but not identical. Multi - ethnic character of the region define the topicality and the demand of the system of ethnocultural educational system.

The article presents an analysis of the legislation framework and administrative measures for the preservation and development of native languages of the people of the Perm region on the example of the Komi-Permian and Komi-yazvin languages.

In general, language processes in Perm region have common features with state of language in Russia, including high level of language proficiency in the Russian language, reservation of diversity and native language, functioning of educational institutions with the teaching native languages.

Human institutions, authority bodies and scientific communities implement the series of measures and projects, aimed at actualization and supporting native language, despite the negative impact of the urbanization and integration processes and weak representation status of language in public spheres.

Key words: Perm region, national policy, native language, Komi-Permyak language, Komi-Yazvin language.

Пермский край, как и многие другие субъекты Российской Федерации, представляет полиэтнический регион, одной из характеристик которого является языковое многообразие.

Языковое многообразие в Пермском крае

На сегодняшний день единственным репрезентативным источником для анализа языковой ситуации в Пермском крае, как и в России, являются итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В четвертом томе «Национальный состав населения» представлена информация о владении населением Пермского края различными языками, в том числе в разрезе на национальности. Как и в России, самым распространённым в Пермском крае является русский язык, на его владение указали 99,7% жителей края (в России – 99,8%), при этом родным русский язык является только для 92,2% из указавших родной язык.² В абсолютных цифрах количество говорящих по-русски превышает количество указавших на русский как на родной на 193 940 человек или 7,4% населения Пермского края.

Все это свидетельствует, что рамки применения русского языка выходят далеко за пределы русской национальности, а также подтверждает статус русского языка как государственного и языка межнационального общения. В целом, владение русским языком среди основных национальностей Пермского края находится в диапазоне 96-

² Отметим, что количество указавших родной язык ниже количества указавших владение языками на 1344 человека, то есть реальная разница между владеющими русским языком и разговаривающими на нем как на родном должна быть еще несколько выше, чем приводится в тексте.

99%, что характерно для общей языковой картины России.

Несколько иначе обстоит ситуация с распространением русского языка как родного. Среди русских этот язык считают родным свыше 99% (см. таблицу), однако у других национальностей эти показатели существенно разнятся. Более всего русский язык считают родным немцы (91,7%) и белорусы (84,9%), наименее популярен он у башкир (22,9%) и азербайджанцев (16,6%). Данная ситуация характерна и в целом для России за исключением башкирского населения: в Пермском крае доля башкир, считающих русский язык родным, почти на 10% выше, чем в целом по России (см. таблицу).

Владение русским языком населением 10 крупнейших национальностей в Пермском крае и России

Национальность	Численность	Из них владеет русским языком (%)		Из них считает русский язык родным (%)	
		В Пермском крае	В России	В Пермском крае	В России
Русские	2191423	100%	99,8%	99,8%	99,7%
Татары	115544	97,5%	97,4%	36,1%	20,5%
Коми-пермяки	81084	98,9%	99%	34,4%	39,3%
Башкиры	32730	96,4%	97%	22,9%	13,6%
Удмурты	20819	99,5%	98,9%	50,5%	37,6%
Украинцы	16269	99,8%	99,7%	76,2%	75,5%
Белорусы	6570	99,9%	99,7%	84,9%	82,4%
Немцы	6252	99,7%	99,8%	91,7%	89%
Азербайджанцы	5464	95,9%	95,6%	16,6%	15,2%
Армяне	4715	98%	98,6%	29,5%	30,6%

Составлено и подсчитано по: Население по национальности и владению русским языком [Электронный ресурс]: Пермьстат. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 16.12.2018); Население по национальности и владению русским языком [Электронный ресурс]: Росстат. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2018).

Кроме русского, в Пермском крае распространены татарский, коми-пермяцкий, башкирский, удмуртский языки, но их доля в общей численности не превышает 3-5%. В среднем, языком своей национальности владеет от 20% до 60% населения разных национальностей. За исключением русских, среди 10 крупнейших народов Пермского края родной язык наиболее распространён у коми-пермяков (68,2%), азербайджанцев (63,3%) и армян (61,9%), что в общем коррелирует с данными по России, за исключением башкирского населения (18,9% в Пермском крае против 61,7% в России). У башкир Прикамья зафиксирована самая высокая разница между численностью национальности и владением языком данной национальности – в 4,5 раза. Такая разница объясняется не только высоким процентом башкир, говорящих по-русски и не владеющих башкирским языком, но и довольно высокой численностью башкир, языком общения для которых является татарский.³

Владение родным языком и языком своей национальности населением 10 крупнейших национальностей в Пермском крае и России

Национальность	Численность	Из них владеет языком своей национальности (%)		Доля представителей данной национальности в общем количестве владеющих языком данной национальности (%)		Из общей численности считает язык своей национальности родным (%)	
		В Пермском крае	В России	В Пермском крае	В России	В Пермском крае	В России
Русские	2191423	99,8%	99,8%	86,8%	80,6%	99,8%	99,7%
Татары	115544	56,2%	68,7%	74,1%	85,2%	63,7%	79,1%
Коми-пермяки	81084	68,2%	62,1%	93,9%	93%	65,4%	60,2%
Башкиры	32730	18,9%	61,7%	85,5%	84,8%	22,2%	71,5%
Удмурты	20819	46,5%	54,1%	90,5%	92,1%	49,3%	62,1%

³ В Пермском крае проживает 18196 башкир (55% всех пермских башкир), владеющих татарским языком. Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/

ПЕРМИСТИКА XVII:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

Украинцы	16269	37%	34,7%	58%	59,2	23%	24,2%
Белорусы	6570	23,2%	23,9%	73,6%	71,6%	14,7%	17,3%
Немцы	6252	22,7%	21,7%	4,3%	4,1%	8,1%	10,8%
Азербайджанцы	5626	63,3%	61,1%	84,7%	77,8%	82,5%	83,3%
Армяне	5464	61,9%	50,1%	91,6%	89,6%	76,9%	68,7%

Составлено и подсчитано по: Владение языками населением [Электронный ресурс]: Пермьстат. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 16.12.2018); Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку [Электронный ресурс]: Пермьстат. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 16.12.2018); Владение языками населением Российской Федерации [Электронный ресурс]: Росстат. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2018); Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку [Электронный ресурс]: Росстат. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2018).

Десять самых распространённых языков Пермского края

Язык	Численность носителей языка	% носителей языка от общей численности населения		Количество носителей языка по отношению к численности данной национальности		Доля носителей языка, использующих язык в качестве родного	
		В Пермском крае	Показатель в России	В Пермском крае	Показатель в России	В Пермском крае	Показатель в России
Русский	2522305	95,7%	96,2%	1,2	1,2	86,7%	86,2%
Татарский	87606	3,3%	3%	0,8	0,8	84%	104,5%
Коми-пермяцкий	58849	2,2%	0,04%	0,6	0,7	90,1%	91,6%
Немецкий	33066	1,3%	1,5%	3,3	5,3	1,7%	2,1%
Удмуртский	10708	0,4%	0,2%	0,5	0,6	97,1%	107,2%
Украинский	10704	0,4%	0,8%	0,7	0,6	34,9%	44,2%
Башкирский	7238	0,3%	0,8%	0,2	0,7	100,5%	100,2%

Азербайджанский	4204	0,2%	0,3%	0,7	0,8	110,4%	108,9%
Узбекский	4017	0,2%	0,2%	1	0,9	88,4%	89,5%
Армянский	3692	0,1%	0,5%	0,7	0,6	100%	125,4%

Составлено и подсчитано по: Владение языками населением [Электронный ресурс]: Пермьстат. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 16.12.2018); Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку [Электронный ресурс]: Пермьстат. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010/score_2010/ (дата обращения: 16.12.2018); Владение языками населением Российской Федерации [Электронный ресурс]: Росстат. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2018); Население наиболее многочисленных национальностей по родному языку [Электронный ресурс]: Росстат. URL.: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 16.12.2018).

Как видно, национальный состав и распространённость языков в Пермском крае сопоставимы, но не идентичны. В большинстве случаев, количество носителей языка не превышает численность соответствующей национальности. Исключение составляют языки, для сохранения и развития которых существует поддержка на общегосударственном уровне через социальные институты и систему образования (как русский или немецкий). В этом случае язык уже не является средством общения в рамках одной этнической группы. Так, русских, говорящих по-немецки, в Пермском крае больше, чем немцев, для которых немецкий язык является родным.

Отметим, что в целом, за исключением ситуации с башкирами, языковая ситуация в Пермском крае сопоставима с общероссийской картиной, что позволяет считать ее типичной для страны по большей части народов.

Родные языки в системе образования

Полиэтнический характер региона, Пермского края, определяет актуальность и востребованность системы этнокультурного образования. В том числе преподавания на родных языках и преподавания родных языков. Этнокультурное образование в Прикамье имеет длительный путь развития, от появления первых национальных школ в XIX в. до

современной системы этнокультурного образования Пермского края.⁴

В текущем 2018-2019 уч. году в системе образования Пермского края велось преподавание татарского, коми-пермяцкого и удмуртского языков. Изучение татарского языка продолжалось в 43 образовательных учреждениях Пермского края, в сельских районах южной части региона с компактным расселением татар и башкир. В начальной школе ведется преподавание на родном татарском языке в 9 классах, в которых обучается 191 ученик. В 258 классах 4343 школьника изучают родной татарский язык как предмет и литературу на родном языке.

Изучение коми-пермяцкого языка в Пермском крае характерно для районов Коми-Пермяцкого округа, в 46 образовательных учреждениях которого велось преподавание родного языка в 184 классах. Изучали родной язык 3698 учеников. Удмуртский язык в текущем учебном году преподавался лишь в одном классе Киргинской основной общеобразовательной школы Куединского района, родной язык изучают 16 учеников.

Кроме названных языков, в рамках факультативных занятий проводится знакомство с марийским, удмуртским, башкирским и коми-язьвинским языками в образовательных учреждениях территорий компактного проживания народов.

Подготовка специалистов по родному языку и изучение коми-пермяцкого языка в сфере профессионального образования осуществляется в настоящее время в двух образовательных учреждениях – Кудымкарском педагогическом училище и Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете, где готовят специалистов для преподавания родного коми-пермяцкого языка. Подготовки специалистов по другим родным языкам в системе средне-специального и высшего образования в настоящее время в Пермском крае не представлено.

В современной ситуации важным становятся новые подходы, новые формы освоения этнокультурного компонента в содержании образования и воспитательных системах, расширение работы по этнокультурному компоненту в тех образовательных учреждениях ком-

⁴ Черных А. В. Национальное образование в Прикамье в XIX – начале XXI в. // Этнокультурные аспекты обновления содержания образования. Сборник материалов межрегиональной научно-практической конференции (25–26 апреля 2002). Пермь, 2002. С. 74–76.

пактного проживания этносов и этнических групп, в которых не ведется преподавание родного языка.

В 2016 г. Министерством образования и науки Пермского края в 2016 году была принята *«Концепция развития этнокультурного образования в Пермском крае»*.⁵ Одной из задач концепции является постановка единой цели, задачи, принципов и основ направления развития этнокультурного образования в регионе, которая провозгласила отказ от единого понятия «национальная школа», возможность разных вариантов образовательных учреждений с этнокультурным компонентом, множественность подходов к изучению родного языка и этнокультурного содержания. Однако к сожалению, концепция осталась декларативным программным документом, без программы реализации и реальных шагов к ее воплощению.

Меры поддержки коми-пермяцкого языка

Особое внимание уделяется в Пермском крае коми-пермяцкому языку. Это вполне закономерно, так как на территории региона расположена основная этническая территория коми-пермяков и значительная часть представителей народа проживает в Пермском крае, в том числе в районах традиционного расселения в Коми-Пермяцком округе.

В 2010 г. с целью привлечения внимания к родному языку в Пермском крае был учрежден День коми-пермяцкого языка – 17 февраля (Указ губернатора Пермского края № 6 от 12.02.2010 г.). Для поддержки коми-пермяцкого языка реализован целый комплекс мер. В 2012 году экзаменам по родному коми-пермяцкому языку и литературе в 9 классе присвоен статус краевых (Закон Пермского края № 81-ПК от 28.08.2012 г.).

Два существенных проекта «Новый коми-пермяцкий учебник» и «Коми-пермяцкий язык в школе: новое измерение» в течение нескольких лет привели к обновлению учебной, методической литературы, дидактических материалов. Новые учебники для коми-пермяцких школ по преподаванию родного языка и литературы готовятся ежегодно. Отдельным краевым проектом было оснащение кабинетов преподавания родного языка новым интерактивным оборудованием.

⁵ Концепция развития этнокультурного образования в Пермском крае [электронный ресурс] <http://iro.perm.ru/content/files/Pr-SED-26-01-06-536-ot-19.07.2016-Ob-utverjdenii-Kontseptsii-razvitiya-etnokulturnogo-obrazovaniya-v-Permskom-krae.pdf> (дата обращения 11.12.2018).

Только в течение последних лет в 2017-2018 гг. разработаны и изданы 1 000 экз. рабочей тетради для изучения коми-пермяцкого языка обучающимися 6 класса с приложением материалов для учителя, комплекты учебно-методических материалов для изучения коми-пермяцкого языка обучающимися 7 класса, разработаны и изданы учебные материалы для образовательных организаций с этнокультурным компонентом и национально-культурных организаций (игра «Лото» на коми-пермяцком языке, 7 комплектов), разработан учебно-методический комплекс для изучения курса «Коми-пермяцкий язык» учащимися 8 классов.

Несколько издательских проектов последних лет реализуется в Пермском крае, самый значительный из которых «Коми-пермяцкая классика», публикация в единой серии произведений коми-пермяцких писателей. Кроме того, среди изданий – поэтические сборники, переиздание трудов по истории и культуре коми-пермяков.

Среди СМИ несколько изданий Пермского края также выходят на коми-пермяцком языке. С 2010 г. выходит единственная газета полностью на коми-пермяцком языке «*Кама кытшын*» (В окружении Камы), в настоящее время очередность ее выхода – один раз в неделю. К изданиям на родном языке можно отнести и тематические страницы-приложения «*Коми говк*» (Коми эхо) к газете «Парма» на коми-пермяцком языке, журнал «*Сизимок*» для детей дошкольного и младшего школьного, литературную газету «*Парма ру*» (Дыхание Пармы). Новшеством последнего времени стало и издание целой серии детских книжек на родном языке. На коми-пермяцком языке и на русском языке на территории Коми-Пермяцкого округа ведется также теле- и радиовещание.

Несомненно, что существует целый комплекс проблем, связанный с развитием и продвижением коми-пермяцкого языка. Среди них следует отметить проблему единых подходов к разработке учебной, методической и дидактической литературы, отсутствие современных вузовских учебников по коми-пермяцкому языку, недостаточное количество высококвалифицированных кадров, способных быстро и на современном уровне осуществлять подготовку как учебной литературы, так и других изданий, способствующих развитию языка, в первую очередь, словари коми-пермяцкого языка.

В последние годы не развивается переводческая деятельность на коми-пермяцкий язык. По-прежнему представляется слабой пред-

ставленность языка в общественном и публичном пространстве Коми-Пермяцкого округа (отсутствие дорожных указателей, вывесок, рекламы на коми-пермяцком языке). По-прежнему чрезвычайно мало общественных инициатив и организаций, реализующих проекты по поддержке и развитию коми-пермяцкого языка.

Определенные проблемы существуют и в развитии этнокультурного образования. Для коми-пермяков в целом характерна слабая мотивация изучения родного языка. Преподавание языка сохраняется в сельских школах, в большинстве районных центров и школ г. Кудымкара не ведётся преподавание родного языка. Не разработана система преподавания коми-пермяцкого языка как не родного для городских школ. Нет новых образовательных проектов, в том числе проекта этнокультурной гимназии в Коми-Пермяцком округе, которая бы комплексно работала в направлении этнокультурного образования и была лидером в этнокультурном образовательном пространстве округа.

Следует констатировать, что несмотря на значительные усилия и меры поддержки коми-пермяцкого языка, они не приносят существенных результатов. Сокращается число носителей языка, городские коми-пермяки показывают слабое владение родным языком (ср. в 2010 г. среди городского населения только 42,36% считают коми-пермяцкий язык родным, среди сельского – 76,7%, самая высокая доля зафиксирована в Кудымкарском районе (87,87%), Кочевском районе (87,86%), самая низкая в г. Кудымкар – 47,11%, г. Перми – 37,72%), не увеличивается сфера использования языка.

Коми-язьвинский язык: становление нового языка

На волне общественной активности и национального движения в 1990-е гг. значительный интерес к истории и культуре своего народа был характерен и для этнической группы язьвинских пермяков в Красновишерском районе Пермского края. Итогами этих процессов стало формирование обособленной групповой идентичности, появление нового этнонима коми-язьвинцы, работа по сохранению и развитию этнокультурного наследия.

Языковой статус также был одной из обсуждаемых проблем. Основываясь на мнениях лингвистов, прежде всего В. И. Лыткина, изучавшего коми-язьвинский диалект, отмечавшего, что бесписьменное коми-язьвинское наречие является вполне автономным и непосредственно не входит в диалектную систему ни коми-зырянского,

ни коми-пермяцкого языка. Этот вывод лингвистов в 1990-е гг. и стал основой формирования новой письменности и институтирования коми-язьвинского языка. В 2003 г. учителем Паршаковской школы Красновишерского района был подготовлен и издан «Коми-язьвинский букварь», ставший первой публикацией на языке. В дальнейшем были разработаны учебные программы, факультативные и интегрированные курсы для школ по изучению языка, культуры, истории коми-язьвинского народа. В настоящее время издано около полутора десятков книг на коми-язьвинском языке, наиболее существенные из которых «Книга для чтения» (2008), «Русско-коми-язьвинский словарь» (2012) и другие.

После выхода букваря активизировалось изучение родного языка в школах сел и деревень компактного проживания коми-язьвинцев. В 2007 г. изучение коми-язьвинского языка велось в трех школах Красновишерского района, в Паршаковской средней школой обучением родного языка было охвачено около 50 человек, как предмет родной язык изучался в 3-4 классах, а в 5 и 6 классах велись факультативные курсы. Около 25 человек факультативно изучали родной язык и в других школах района. В текущем 2018–2019 учебном году знакомство с основами родного языка происходит на факультативных занятиях в двух школах Красновишерского района (Паршаковская и Верх-Язьвинская).

Создание коми-язьвинской письменности, издание литературы на этом языке, несомненно, явилось важным шагом к сохранению и популяризации языка и этнокультурного наследия данной этнической группы. В то же время следует отметить, что академическое изучение данного языкового феномена не последовало. Преподавание основ языка и знакомство с языком выполняет важную задачу поддержания этнической идентичности, интереса к истории и культуре народа, в то же время существенного влияния на общую языковую ситуацию, проявляющуюся в выходе родного языка из активного бытования, не оказало.

Поддержка и использование родных языков

В каких сферах и какие языки в настоящее время еще представлены в Пермском крае? В СМИ кроме русского и коми-пермяцкого используются татарский и башкирский язык. На татарском языке выходит краевая газета «Халыкчишимесе» (Народный родник), районная газета «Тан» (Рассвет) в Бардымском районе, на башкирском языке

издается газета «*Пермь башкорттары*» (Пермские башкиры). На татарском языке ведутся теле- и радиопередачи телерадиокомпанией «Притулвье» в Бардымском районе Пермского края. Осуществляется издательская деятельность на татарском языке – выходят краеведческие сборники, произведения поэтов и писателей на родном языке.

В сельской среде пермских татар и башкир сохраняются естественные механизмы передачи родного языка, высока мотивация к его изучению в рамках образовательных программ. В то же время в условиях городов Пермского края, в которых татары представлены значительно, составляя вторую по численности этническую группу в составе населения г. Перми, изучение родного языка не представлено ни в образовательных учреждениях, ни в рамках дополнительного образования. Общественные организации неоднократно предпринимали попытки организовать воскресные школы и преподавание татарского языка, однако по разным причинам, в первую очередь отсутствие выраженной потребности и мотивации выстроить системную работу в данном направлении не удается.

Удмуртский и марийский язык сохраняется в местах компактного проживания данных народов, однако в публичной сфере почти не представлены.

Важную роль в сохранении и поддержании родных языков имеют контакты и взаимодействие с титульными республиками – Марий Эл, Удмуртская Республика, Чувашская Республика, Республика Татарстан, Республика Башкортостан. Контакты с этими субъектами обеспечивают образовательные процессы необходимыми учебными и методическими пособиями, литературой на родных языках, в пермский край поступают газеты и журналы, изданные в данных регионах на родных языках.

Таким образом, языковые процессы в Пермском крае имеют много общего в сравнении с другими регионами России, отмечается высокая степень владения русским языком, сохранение многообразия и родных языков у разных народов региона, функционирование образовательных учреждений с преподаванием родных языков.

Для региона важными остаются и общероссийские задачи, связанные с поддержкой и сохранением этнокультурного многообразия, важным компонентом которого является язык. Общественными институтами, органами власти и научным сообществом реализуется

комплекс мер и проектов, направленных на актуализацию и поддержку родных языков. Осознается потребность в изучении и сохранении языков и диалектов как важной составляющей этнокультурного наследия региона. В то же время в условиях урбанизации, влияния интеграционных процессов отмечается низкая востребованности ряда родных языков, мотивации к их изучению, слабой их представленности в общественной и публичной сфере.

Федюнёва Галина Валерьяновна,
 доктор филол. н.,
 гл. н. с. Института языка,
 литературы и истории ФИЦ
 Коми НЦ УрО РАН.
fedyuneva@yandex.ru

**Диалектное слово *беспелюха* «неряха, неумёха»
 в контексте исторических контактов на русском Севере***

Аннотация. В статье рассматривается русское диалектное слово *беспелюха* «неряха, неумёха», которое, по мнению автора, является субстратным вхождением в контактной зоне северо-восточных русских и исчезнувших в позднем средневековье коми-зырянских говоров, предположительно, в бассейне р. Пинеги. В качестве производящей основы рассматривается коми слово *пельк* «чистый, опрятный», которое было адаптированное как суффиксально-префиксальный дериват по аналогии с широко распространённым словом *беспоряха* «неряха, ленивая, неумелая женщина, нерадивая хозяйка». Дальнейшие семантические и словообразовательные трансформации объясняются продвижением слова с колонизационными потоками русских в бассейны Вятки и Камы, в формирующиеся вятские, пермские, среднеуральские говоры.

Ключевые слова: языковые контакты, субстрат, северно-русские говоры, коми язык, этимология.

Galina V. Fedyuneva,
Dr. of Science (Philology),
Chief researcher of Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS
fedyuneva@yandex.ru

* Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта № 8-6-6-30 «Этнокультурные процессы в циркумполярной зоне Северо-Востока Европы в железном веке и средневековье» / Программа комплексных фундаментальных исследований УрО РАН: 6. «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества».

Dialect word «беспелюха» (sloppy, clumsy) in the context of historical contacts in the Russian North

Summary. The paper discusses a Russian dialect word *беспелюха* «sloppy, clumsy», which, according to the author, is the substratum entry in the contact zone of the northeastern Russian and the disappeared in the Late Middle ages Komi-Zyryan dialects, presumably in the basin of the river Pinega. The Komi word *пельк* «clean, neat», which was adapted as a suffixal-prefixal derivate by analogy with the widespread word *беспоряха* «sloppy, lazy, inept woman, careless mistress», is considered as a producing basis. Further semantic and word-forming transformations are explained by the advancement of the word with the colonization flows of the Russians into the basins of Vyatka and Kama, into the emerging Vyatka, Permian, middle Ural dialects.

Key words: language contacts, substrate, North Russian dialects, the Komi language, etymology.

Как известно, на территории Европейского Севера России русские появились достаточно поздно и застали там, так называемое, «дорусское население» – различные группы финно-угорских народностей, расселение которых носило как компактный, так и дисперсный характер. Инфильтрация русских в среду аборигенного населения приводила к ассимиляции небольших этнических групп финно-угров, языки которых оставили свои следы в русских говорах. В их числе было и комязычное население, говорившее на близкородственных говорах, но разбросанное на значительной территории от бассейнов Северной Двины, Сухоны и Юга до берегов Вычегды, Выми, Сысолы, Лузы, чуть позднее – Печоры, Вашки и Мезени (Жеребцов 1982: 25–42).

По данным археологов первые контакты коми с русскими произошли в XI – нач. XII вв. в низовьях Северной Двины и верхней Сухоны. По мере продвижения русских на северо-восток и в Предуралье контакты становились всё более тесными, в результате чего в современных архангельских, вологодских, вятских, пермских, соликамских и других русских говорах обнаруживается большой пласт лексики коми происхождения, напр., *бака* «древесная губка, трут», *гыч* «пескарь», *ельдаг* «вид гриба на засолку», *ёс* «рыбная мелочь», *желинка* «прут, колышек», *керас*, *керос* «холм, горка», *кулём*, *кулёма* «вид ловушки на

зверя», *ляпа* «небольшая рыбка», *чага* «трут», *шабур* «армяк» и т.д.

В работе Яло Калимы, положившей начало изучению коми лексических заимствований в северно-русских говорах, рассматривается около ста коми заимствований (Kalima 1927). Последующие исследования (Матвеев 1959; 1964; 1991; 1997; Мызников 2008; 2010; 2014; 2014а; Теуш 2002; 2007; 2011 и др.) показали, что этот список может быть значительно расширен. По мнению А. К. Матвеева, поиск коми заимствований в говорах русского Севера остаётся в числе актуальных проблем современного финно-угроведения. Особенно важны заимствования, зафиксированные в относительной удалённости от зон нынешнего и недавнего проживания коми, т.е. в районах, распространённых к западу от бассейна Мезени, низовий Вычегды и Вашки. Выявление такой лексики может стать дополнительным аргументом в спорах об освоении финно-уграми северных территорий, в том числе, о пермском субстрате в топонимии русского Севера (Матвеев 1997: 126).

Надо отметить, что выявленная к настоящему моменту лексика, как правило, хорошо поддаётся этимологизации средствами современного коми языка. Однако с учётом сложных процессов этно- и лингвогенеза финно-угоров под доминирующим влиянием неродственного русского населения в говорах русского Севера должна сохраниться лексика, трудно поддающейся идентификации с точки зрения её этнической принадлежности. В условиях спонтанных контактов представителей небольших этнических групп, обладающих разной степенью двуязычия, в контактирующие языки могли проникать не только имена в номинативе, но и их грамматические формы, фонетико-морфологические варианты, нетривиальные дериваты, характерные только для исчезнувшего говора или утраченные материнским языком и т.д.

Надо также иметь в виду, что субстратная лексика, как правило, сохраняется длительное время благодаря тому, что полностью адаптируется, подвергается соответствующей фонетической, морфологической, деривационной и семантической нивелировке по общим правилам языка-реципиента. Большую роль при этом играет аналогия к имеющимся, близким по значению, словам. Поэтому весьма важно при этимологизации учитывать фактор контаминационного развития заимствованных лексем, особенно, субстратных вхождений, которые требуют тщательного анализа при идентификации.

С этих позиций далее будет рассмотрено северно-русское слово

БЕСПЕЛЮХА, по моей версии, являющееся примером контаминации финно-угорской и русской лексем.

Слово зарегистрировано в словаре А. Подвысоцкого (2006: 30) как арх. (насм.) «небрежная, неряшливая хозяйка», в словаре В. Даля как сев. «рохля, неряха, разиня, бестолковый, развисяй» (1:70), а также в современных словарях северно-русских говоров:

(АОС 2: 15): *Беспелюха, беспелюга* холм., прим., онеж. пин. (неодобр.): *ой, беспелюху-то бирёшь, не ткать, не прясть не умкйот; не будьте такие беспелюхи-то; беспелуга ницево не умеют; навезли картинок беспелюги; у нас фсе беспелюги таки, никто не ткёт*. Значение даётся с отсылкой к статье *беспоряха* «неряха, неаккуратная, бесхозяйственная женщина»;

(СРНГ 2: 271): *Беспелюха, беспелюга* 1. арх. «неумелая, бесхозяйственная женщина», «нерасторопная женщина»: *К нам медведицу ведут, Людоедину ведут. К нам не ткиху ведут, К нам не пряху ведут, Беспелюху ведут* (свад. песня); пин. *бесислюга, ничего не умеет*; перм. «нерадивая женщина»; 2. вят. *беспелюха* - *неаккуратный человек, это как прозвище. У, беспелюха какая, говорит*; ср. урал. свердл. *беспелюха* *она и есть беспелюха: ходит, в рваной юбке, волосы нечёсаны, дважды два не сможет сосчитать*; перм. «забывчивый, неряшливый»; 3. вят. ср. урал. «бестолковый человек; разиня, рохля»: *человек плоховатый, беспечный и, пожалуй, туповатый. У беспелюхи все в руках не спорится (часто употр. как брань)»; сверд. «о человеке с какими-либо отрицательными качествами», «глуповатый, легкомысленный человек», «бестолковый»: да глуп-от де хвастат да тут родной сестрой Беспелюга где хвастат да молодой женой*; 4. арх. «нерасторопная женщина»; перм. «бестолковая женщина»;

(ОСВГ 1-2: 73): *Беспелюха* неодобр. «неряха; растяпа, бестолковый человек»: *какая беспелюха ты! Такая беспелюха, ничего не получается. Ему, беспелюхе, только и заказывать?! Беспелюхой какой стала – и не стыдно!*

(СРГК 2: 70): *Беспель, беспелюха* – 1. тих. кем. «тот, кто неловок, неумел»: *вот заставь его чего сделать, таланта не хватает, вот и беспелюха; У нас во соседка, беспель*; 2. кем «непонятливый, несообразительный человек»: *нищё не понимаешь, так и беспелюха ты*;

(СГРС 1: 108): *Беспелюха, беспелюга* арх. пин.: *беспелюга – ницево не умеет; который работать не может, лентяй – так беспелюха*.

Как видно из приведённого материала, слово представлено в некоторых архангельских, вятских, пермских, средне-уральских, а также карельских русских говорах. Реализуется в следующих лексико-семантических вариантах: 1) «неряха», 2) «неумеха, неумейка», 3) «непонятливый, бестолковый человек», общее негативно-оценочное значение в которых передаётся аффиксами *без-* и *-ух(-а)*. Однако семантика основы *-пель-* остаётся неясной, хотя, по-видимому, значение её «оценочно-положительное». Тот факт, что основа *-пель-* не зарегистрирована в качестве самостоятельного слова или в составе других дериватов ни в одном из приведённых словарей, позволяет предположить её неисконное происхождение.

Адаптация иноязычной лексики суффиксально-префиксальным способом в условиях спонтанного контактирования языков нередкое явление. Ближайшим аналогом может служить пермское слово *бессямный* «непонятливый, глупый»: да я уж сейчас бессямная стала, ничё не понимаю (СПГ: 37); «бестолковый, беспамятный»: *кака-то Надька у нас бессямая, никак я её не научу жить* (СРГЮП: 54), которое образовано от коми *сям* «толк, ум, разум, умение» таким же суффиксально-префиксальным способом, но сама основа *сям* в говорах отсутствует.

Аналогичным образом, можно предположить, что производящей основой арх. беспелюхи послужило коми слово *пельк* «аккуратный, опрятный, чистоплотный»; «ловкий, проворный»; «чистый», которое имеет широкое употребление в современном коми языке, является основой многочисленных дериватов, напр., *пельк-öд-ны* «убирать, наводить чистоту, порядок» и т.д. (КРС 2000: 491–492).

Соответствия ему (правда, не очень ясные) имеются в других финно-угорских языках. Коми *пельк* «ловкий, опрятный» < общеперм. *pel'k* || мар. *pelkə* «чистый» | фин. *pelkkä* «чистый, без примесей» = доперм. *pel'kkä* «чистый, опрятный» (КЭСК: 219). К. Редеев под вопросом реконструирует финно-волжскую основу *pel'kkä* ? «rein, sauber» от ?? finn. *pelkkä* «lauter, bloss, nackt, bar, ungemischt, ungemengt; rein» (> kar. *pelkkä*) | ?? tscher. *pelke* «einschmeichelnd, zutulich, gutartig, gutmütig, bieder» | ?? syrj. *pel'k* «behend, gewandt, rein, sauber, reinlich, hübsch, nett», отмечая, что фонетическое и семантическое совпадения могут быть случайными, поэтому этимология остаётся неясной (UEW: 728). См. также (SKES 1962 *pelkkä*; SSA 1995 *pelkkä*).

Если предположить, что русское *беспелюха* связано с коми языком,

то местом формирования его нужно считать пинежские говоры, где, по мнению историков и этнографов, вплоть до середины XVII в. проживала этнографическая группа «пермян пинежских», коми население, говорившее на одном из северных диалектов (Жеребцов 1982: 39). Этот вывод напрашивается в связи с тем, что слово имеется в пинежских и других архангельских говорах, но его нет (?) в вологодских, в которых также имеется коми субстрат.

Поскольку коми слово *пельк* «чистый, аккуратный» не зафиксировано как прямое заимствование или субстратное вхождение, процесс рецепции может быть представлен следующим образом.

В условиях развитого коми-русского билингвизма коми слово *пельк* «чистый, аккуратный» попало под влияние русской деривационной модели с аффиксами *без-* и *-ух(-а)*, затем упростилось, избавившись от труднопроизносимого сочетания *-льк-* (**без-пельк-уха* > *беспельуха*). Дальнейшие деривационные и лексико-семантические варианты формировались по аналогии и при непосредственном влиянии диалектного слова БЕСПОРЯХА, распространённого, в основном, в тех же говорах русского Севера и Карелии. Ср.:

(СРНГ 2: 273–274): *беспоряха* арх. верхнетоем. Сев. Двин. «человек, не привыкший к порядку, опрятности; неряха»: *Стары тётки говорят: беспоряху ведут. Беспоряха, без пояса который, растрёпанный. Целый день без пояса ходит, беспоряха;*

(АОС 2: 15): *беспоряха* – *она ничево не прибирает, и себя не прибирает* // «ленивая, неумелая женщина, нерадивая хозяйка»: *котора узоров брать не умийет, да ткать не умийет, шйот не дильно – даг беспоряха;*

(СРГК 2: 70): онеж. «грязнуля, неряха»: *раньше-то все делали, а теперь не ткахи, не пряхи, а целые беспоряхи; соседка моя беспоряха, ленивая, даже посуду не моет; Нюрка беспоряха – беспоряхой ходит, нечёсана, немыта, да ещё платье припачкано;*

(СГРС 1: 108–109): арх. «неряха»: *она беспоряха, не хочет с себя выстирать, себя угоить, умыться, нарядиться.*

Продвигаясь по северным территориям, под влиянием русских слов с близкой структурой и значением новообразование получило дополнительные коннотации: «бесхозяйственная», «бесталанная», «не умеющая прясть, ткать», «ленивая», «неспособная», «бестолковая женщина» и т.д. Чем больше удалялось оно от зоны формирования, тем больше его значение подвергалось различным девиациям. Так, в вятских, пермских

и средне-уральских говорах слово зарегистрировано только в одном негативно-оценочном значении (кстати, трудно выводимом из коми *пельк* «чистый, аккуратный, ловкий») – «глупец, бестолковый человек»:

(СРНГ 2: 271): вят. ср.урал. «бестолковый человек»: *человек плоховатый, беспечный и, пожалуй, туповатый*; сверд. «о человеке с какими-либо отрицательными качествами», «глуповатый, легкомысленный человек», «бестолковый».

(СРГЮП: 54): *беспель* перм. Осинцево Сукс. О глупом. *Он беспель, бестолковый, у его ничё не добьёшься*; Опалихино Сукс. *беспелюхий* «бестолковый»: *Докуль ты такой беспелюхий? Ведь не понимаешь, чё к чему*.

Известно, что направление движения колонизационных потоков русского населения в историческом освоении европейского Северо-Востока России шло с северных территорий к восточным и юго-восточным. В соответствии с этим вятские и пермские говоры формировались в значительной степени под влиянием говоров русского Севера, где уже сложились в своей основе севернорусские говоры (Долгушев 2006: 32; Полякова 1998: 16–17 и др.), в том числе, с участием финно-угорского компонента.

Интересно отметить, что слово *беспелюха* в значении «глупый человек» зарегистрировано на самом юго-востоке Пермского края – в Сарском районе. Как отмечают исследователи, бассейн Сылвы, где слово зарегистрировано только в двух населённых пунктах, начал активно осваиваться только в XVII в., при этом основу русского населения составили выходцы из северо-западных уездов России и Северного Прикамья, в прошлом пришедшие из Поморья (СРГЮП: 4–5).

Изложенная версия никоим образом не претендует на окончательное решение вопроса о происхождении русского диалектного слова *беспелюха*. Это рабочая гипотеза, требующая дополнительной верификации. Вопросы остаются, в частности, например вопрос, имеет ли отношение к этой этимологической истории прибалтийско-финский (карельский?) когнат, если да, то какое? Дальнейшая разработка этимологии предполагает тщательный анализ ареала распространения слова, процесса формирования его значений, а также современного функционирования лексемы в русских говорах.

Литература

1. Долгушев В. Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономастическом аспектах / Автореф. дис. д. филол. н. – М., 2006. – 37 с.
2. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. – М.: Наука, 1982. – 224 с.
3. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. – Свердловск, 1959. – 123 с.
4. Матвеев А. К. Заимствования из пермских языков в русских говорах Северного и Среднего Урала // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1964. f. 3–4, – К. 14 – Old. 285–315;
5. Матвеев А. К. Новые данные о коми-зырянских заимствованиях в говорах русского Севера // *Русская диалектная этимология: Труды межвуз. науч. конф.* – Свердловск, 1991. – С. 25–30.
6. Матвеев А. К. Финно-угорские заимствования в говорах Русского Севера. I. Новые данные о коми-заимствованиях в говорах Русского Севера // *Этимология 1994–1996*. – М.: Наука, 1997. – С. 125–134.
7. Мызников С. А. О некоторых финно-угорских заимствованиях в пинежских говорах / Севернорусские говоры. – 2008. № 9. – С. 46–54.
8. Мызников С. А. О лексике коми происхождения в северно-русских говорах // *Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования*. – СПб., Наука, 2010. – С. 297–302.
9. Мызников С. А. Многослойность лексики финно-угорского происхождения в пинежских говорах // *Северно-русские говоры. Вып. 13*. – СПб., 2014. – С. 87–95.
10. Мызников С. А. Некоторые аспекты этимологического анализа лексики коми языка // *Труды Карельского научного центра РАН. № 3*, 2014. – С. 90–98.
11. Полякова Е. Н. Формирование пермских говоров // *Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие*. – Пермь, 1998. – С. 4–30.
12. Теуш О. А. Новые данные о заимствованиях из коми языка в географической терминологии Русского Севера // *Этимология (2003-2005)*. – М., 2007. – С. 228–239.
13. Теуш О. А. Новые данные о коми заимствованиях в севернорусских диалектах // *Финно-угорское наследие в русском языке. Вып. 2*. Екатеринбург, 2002. – С. 200–204.
14. Теуш О. А. Новые материалы по коми заимствованиям в говорах Русского Севера (Ленский район Архангельской области) // *Урало-алтайские исследования. № 1 (4)*, 2011. – С. 110–120.
15. Kalima J. Die Syrjänischen Lehngut im Russischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen. XVIII*. – Helsinki. 1927. – 1–56.

Источники

1. АОС – Архангельский областной словарь / под. ред. О. Г. Гецово́й. М.: изд. МГУ. Т. 1–, 1983–
2. Даль– Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., Т. I. 1981. 699 с.; Т. II. 1981, 779 с; Т. III. 1982. 555 с.; Т. IV. 1982. 573 с.
3. Дилакт. – Словарь вологодского наречия (по рукописи П.А. Дилакторского 1902) / изд. А. И. Левичкин и С. А. Мызников. – СПб. 2006. – 677 с.
4. КРС – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-русский словарь. – Сыктывкар: Коми кн. изд., 2000. – 815 с.
5. КЭСК – Лыткин В. И. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. – Сыктывкар, 1999. – 430 с.
6. ОСВГ – Областной словарь вятских говоров /сост. Л. И. Горева. Вып. 1-2. – Киров, 2012. – 242 с.
7. Подвыс. – Подвысоцкий А. О. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении (I изд. 1888). – М. 2006. – 576 с.
8. СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Отв. ред. О. А. Черепанова. – СПб. 1995. – 448 с.
9. СРГЮП – Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / И. А. Подюков (науч. ред.), С. М. Поздеева, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; Перм. гос. Пед. Ун-т. – Пермь, 2010. – 456 с.
10. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. Вып. 1. – М.; Л.; СПб., 1965.
11. СРНГ – Словарь русских народных говоров. Т.1–. Санкт-Петербург, 1965.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4–х т. – М.: Прогресс, 1986. –576 с., 1986. – 671, 1987. – 831 с., 1987. – 863 с.
13. SKES – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. (LSFU, XII). Helsinki, 1958–1981.
14. UEW – Uralisches etymologisches Wörterbuch. B. I .Uralische und finnisch-ugrische Schicht. B. II. Finnisch-permische und finnisch-wolgaische Schicht. Ugrische Schicht / Rédei Károly. – Budapest, 1988. – 906 S.

Сокращения языков, диалектов, говоров

Арх. – архангельские говоры; вят. – вятские говоры; кар. – карельский язык; мар. – марийский язык; общеп. – общепермский праязык; перм. – пермские говоры; сев. – северные русские говоры; ср.урал. – среднеуральские говоры; фин. – финский язык.

Кельмаков Валей Кельмакович,
Доктор филол. н.,
профессор УдГУ
finnugor@mail.ru

Слово *кам* и гидроним *Кам(а)* в письменных источниках на удмуртском языке

Аннотация. Удмуртское слово *кам* 'большая река, большая вода', также как и образованный от него гидроним *Кам(а)*, фиксируется в источниках как на русском, так и на удмуртском языках, начиная от XVIII века. Однако нарицательное слово приблизительно с середины XX века почти уже ушло из живой речи, хотя словари традиционно продолжают его регистрировать. Гидроним же *Кам(а)* в формах *Кам* и *Кама* 'Кама', *Кам шур* и *Кама шур* 'река Кама', *Тӧдӧы Кам* 'Белая Кама' встречаются в текстах удмуртского фольклора и авторской прозы и поэзии вплоть до наших дней, имея каждый из них свою собственную сферу употребления и частотность. Кроме того, в народных песнях они могут обозначать не только реку Каму, но и (контекстуально) Вятку или Белую, о чём можно догадываться лишь по указанию собирателя и переводчика текстов.

Ключевые слова: *кам* 'большая река, большая вода', *Кам(а)*, *Тӧдӧы Кам* 'белая (светлая) Кама; р. Белая', *зарезь* 'море', *шур* 'река', тексты, народная песня, проза.

Valei K. Kelmakov,
Dr. of Science (Philology),
Professor of Udmurt State University
finnugor@mail.ru

The word *kam* and hydronym *Kam(a)* in udmurt written sources

Summary. The Udmurt word *кам* 'big river, big water' the same like as derivated from it hudronym *Кам(а)* are found fixed in written sources of the 18th century both in Russian and Udmurt languages. But common word approximately from the middle of the 20th century has practically disappeared from spoken language, though dictionaries traditionally continue

fixing it. As for the hudronym *Кам(а)* in the forms *кам* and *Кама* 'Кама', *Кам шур* and *Кама шур* 'the Kama river', *Тöдды Кам* 'The White Kama' are met in the texts of Udmurt folklore and prose including poetry up to our days and each hudronym has own sphere and frequency of usage. Besides it must be mentioned that these hudryonyms in songs can denote not only the Kama river, but also (contextually) the Vjatka river or the Belaya river and we can guess about it only on the instructions of texts collector or translator.

Key words: *кам* 'big river, big water', *кам(а)*, *Тöдды Кам* 'The White (Light) Kama', 'The White River', *запель* 'sea', *шур* 'river', texts, folk songs, prose.

Река Кама – одна из самых больших рек на северо-востоке Европейской части России; её протяженность от своих истоков до впадения в Куйбышевское водохранилище составляет 1805 км., а бассейн составляет 507 000 км² (БЭС 1901 1: 531). Она, вытекая из родника возле деревни Карпушата Кезского района Удмуртской Республики, вначале бежит на север, а затем поворачивает на юг и в своём нижнем течении снова приходит в соприкосновение с территорией юга Удмуртии и даже проходит по ней. Несмотря на то, что в настоящее время удмурты почти не живут на берегах Камы, эта река является самой поэтизированной удмуртами, и её образ весьма популярен как в народной поэзии, так и в поэтических и прозаических произведениях удмуртских авторов.

Как общеизвестно, названия крупных природных объектов, в том числе и рек, восходят к седой древности, и как правило, с трудом поддаются этимологической расшифровке (или вообще не этимологизируются) на основе тех языков, на территории распространения которых эти объекты в настоящее время расположены. Удмуртский гидроним *Кам* (и его русифицированный вариант *Кама*) имеет весьма туманное происхождение. Основательный и весьма квалифицированный обзор научной литературы о фиксации и происхождении гидронима *Кама* от средневековья до наших дней произведён в статье Л. Е. Кирилловой «Река Кама в трудах исследователей» (Кириллова 2006). Хотя моя работа ставит перед собой иную, более скромную задачу – рассмотреть, какое отражение этот гидроним, выступающий в различных своих вариантах, получил в некоторых удмуртских художественных и публицистических текстах середины XIX – начала XXI вв., я всё же вынуж-

ден вскользь коснуться также и вопроса о его происхождении.

1. В истории ономастики имеются, как пишет об этом Л. Е. Кириллова (2006: 51–53), несколько научных гипотез относительно этимологии этого гидронима, однако наиболее приемлемым (и вполне закономерным) кажется возведение гидронима *Кам* к нарицательному слову – к апеллятиву *кам* в значении ‘река, поток; большая вода’, зафиксированному ещё в конце XVIII в. (более ранними письменными документами удмуртский язык, к сожалению, не располагает), ср.: Рѣка большая *Камъ* – малая *Шуръ* (Миллеръ 1791: 84; ср. еще: Паллас 1788: 29; Атаманов 1988: 139; Никонов 2017: 170); и др. Этому удмуртскому слову *кам* повезло: хотя оно в современной бытовой речи уже (почти) не употребляется, однако историко-этнографические исследования и прочие письменные источники XIX – начала XX в. зафиксировали *кам* в значении ‘большая река’ (в противоположность слову *шур* ‘маленькая (небольшая) река’ или *ву*, иногда употребляемого в значении ‘(небольшая) река’); кроме того, традиционно оно продолжает включаться и в современные словари удмуртского языка, напр.:

1873: ‘*Камъ*, по-вотски, значить вообще большая, длинная река’ (Островский 1873: 3);

1880: *kam* ‘Fluss, Strom’ (= ‘(большая) река, поток’. – В. К.) (Wiedemann 1880: 483);

1896: *Kam* ‘рѣка Кама’, ‘рѣка’ (Munkácsi 1896: 124);

1890-е гг.: *kam* малм., елаб., м.-урж. ‘река, поток’; малм., м.-урж. ‘Кама’ (Wichmann 1987: 88);

1919: *Кама шуон кам* ‘(большая) река, называемая Камой’, *Ватка кам кузя* ‘по (большой) реке Вятке’ – но: *Вала ву кузя* ‘по (небольшой) реке Вале’, *Четца шуон ву кузя* ‘по (небольшой) реке, называемой Чеп-ца’ (Яковлев 1919: 2–3);

2002: *кам* ‘folyó’ (= ‘река’. – В. К.) (UMSz. 2002: 165);

2008: *кам* ‘крупная река; разлив; море’ (УРС 2008: 277); и др.

2. Кроме того, слово *кам* в своём исконном значении ‘(большая) река; большая вода’ (→ р. Кама) зафиксировали и такие источники, как: 1) ранние переводные тексты; 2) произведения зарождающейся художественной литературы на удмуртском языке; 3) фольклорные творения.

2.1. Ранние переводы – это, в первую очередь, изданные на удмуртском языке библейские тексты. Так, евангельское церковно-сла-

вянское выражение *въ пучинѣ морстѣй* = рус. *в глубине морской* в двух разных изданиях «Краткого славяно-вотскаго словаря» переведено двояко: *камэ* (1892) и *зарезь-камлэн пыдэсаз* (1897); причём в последнем случае семантика 'большая вода' усилена приложением к слову *кам* еще и слова *зарезь* 'море', ср.:

(Мф. 18:6) Иже аще соблазнѣтъ единаго малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Мя, ѹне естъ ему, да обѣсится жёрновъ осельскій на выи его, и потонетъ **въ пучинѣ морстѣй** (Слав.-вот. сл. 1892: 19) = {...} а кто соблазнит одного из малых сих, верующихъ въ Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его **в глуби-не морской** (Библия 1988: 1034) →

'— Мыным оскиѣ муртѣослиѣ одиг пичи гнэ ѡрекчаса мытланѣ кариѣ муртлы чыртѣяз вуко кѡ дѣмыса камэ куштысалзыкэ лэсэчэс лѣ- сал' (Слав.-вот. сл. 1892: 19).	'Та пичѣослѣсь огзэ-гнэ Мыным оскиѣсзэ мытланѣ карисѣ мурт- лы жечгэс лѣсал, солэн чыртѣяз вуко кѡ думыса сое зарезь-камлэн пыдэсаз куштысалзыке' (Слав.- вот. сл. 1897: 26).
---	--

Такой способ передачи на удмуртском языке слова море посредством сочетанием двух слов, означающих крупные водные бассейны (*кам* и *зарезь*), который возник ещё в конце XIX века, был использован и в новейшее время М. Г. Атамановым при переводе Библии (правда, и порядок следования компонентов сложного слова обратный: *не зарезь-кам*, а *кам зарезь*; и орфография композиты иная):

(Исх. 13–18) И обвѣл Бог народ доро́гою пустынною к Чѣрному **морю** (Библия 1988: 67). →

'Инмар калыксэ кыр дуннеысь котыр кузь сюрес кузя Горд **Кам зарезь** пала нуиз' (Библия 2013: 97–98).

(Исх. 23–31) Проведу пределы твои от моря Чѣрного до моря Филистимского и от пустыни до реки [великой Евфрата]{...}(Библия 1988: 77) →

'Горд **Кам зарезь** дурысен Филистим зарезь дорозъ, луоё кыр дуннеысен [быдзым Евфрат] шур дорозъ кунгожъёсыд кыстѣськозы {...} (Библия 2013: 114). И др.

Сочетание *кам-зарезь* или *зарезь-кам*, обозначающее 'море', следует считать вполне нормальным, ибо образование новых слов путём сложения двух синонимичных корней весьма продуктивно в удмурт-

ском языке; к тому же и сами слова *кам* и *зарезь* 'море' в семантическом отношении тождественных контекстах – в двух вариантах одной и той же песни, записанных, возможно, в одном и том же месте, но различными учёными и в разное время – взаимозаменяемы, ср.:

*Камлэн пашкытзе тодысалкэ Ёй
пуксысал туранэ{...}* (Гаврилов
1880: 32)

'Если бы я зналъ ширину Кама, не
садился бы на перевозъ' [Гаври-
ловъ 1880: 98] ~

~ *Zarežliš paškêztä mon todêzsal-
kä ‚uj-dêr pukšêsal puromä {...}*
(Munkácsi 1887: 212)

'Если бы я зналъ ширину моря, не
садился бы, наверно, на перевозъ'
(Перевод автора статьи.)

2.2. Особенно отчётливо первичное нарицательное значение слова *кам* выражено в повести А. Денисова «Мынам пленись пегъеме» ('Мой побег из плена'), изданной в 1919 г., где нарицательное слово *кам* в небольшом фрагменте этого произведения соотнесено, с одной стороны, с его синонимом *шур* 'река', а с другой, – с большой рекой Эмс:

*Милям улон палтймы чуин сюрес
кошке вал; со чуин сюрес граница
куснытй Эмс нимо кам вал. Со
кам съёрын ог 15 изськемын гра-
ница вылэм. Такам пичи өвёл. И
вуэз мур, паракодъёс ветло{...} Ку-
азь шунытэн шуръёс но туж шер
аръёсын гынэ кыммо вылэм
(А. Денисов. Мынам пленись
пегъеме, 9).*

'Мимо нашего жилья проходи-
ла железная дорога; между этой
железной дорогой и границей на-
ходилась *река* по названию Эмс.
Примерно в пятнадцати верстах
за той *рекой* находилась граница.
Река та [была] не маленькая. И
вода глубокая, пароходы [по ней]
ходят{...} Из-за тёплой погоды и
реки лишь в редкие годы замерза-
ли' (Перевод автора статьи).

2.3. Что касается фольклорных произведений, в особенности четырёхстрочных песен казанских удмуртов, то семантическое употребление в них слова *кам* весьма противоречиво.

2.3.1. С одной стороны, в ряде песен и других фольклорных произведений, записанных Ю. Вихманном у шошминских удмуртов, судя по переводу самого же финского ученого, слово *кам* (даже в составе

конструкции *töðby kam* 'белый кам') употреблено в значении нарицательного имени существительного '(большая) река', напр.:

kamleś paškǝdze totsāumǝ-ke,
öm pu-kšǝsāumǝ lotkaǝ.
ǝ'atleś kötsēze totsāumǝ-ke,
öm po-tǝsāumǝ ǝ'atǝse.
 (Wichmann 1893: 3)

'Если б знали мы ширину **реки**, то не сели бы в лодку. Если б знали мы, каково быть у чужих, то не отправились бы на чужбину'. (Перевод автора статьи; Ю. Вихманн при переводе песни на немецкий язык слово *kam-* передаёт как 'Fluss' (= река).

töǝ'i kam-durad töǝ'i kiś-pued
töǝ'i kamed'li pir-atške.
 (Wichmann 1893: 3)

'Белая берёза на берегу **прозрачной реки** (*klaren* (eig. *weissen*) *flusses*) [Wichmann 1893: 3]) на **прозрачной** (букв. белой) **реке** отражается'. (Перевод автора статьи)

mil'emli sāyam ležodǝ-ke
töǝ'i kam durad po-neuē!
mil'emiz kuškǝsa munodǝ-ke
ǝ'ez-ǝ'nbo kuža mu-neuē!
 (Wichmann 1893: 13)

'Если гостинец [захотите] нам отправить, то кладите на берег **светлой реки** (*klaren* (eig. *weissen*) *flusses* (Wichmann 1893: 13)). Если отправитесь в поисках нас, то по телеграфным столбам идите' (Перевод автора статьи).

2.3.2. С другой стороны, у иных собирателей удмуртского фольклора слово *кам* может обозначать и название реки, к примеру: (1) *Камы* (Р. Лях), (2) *Белой Камы* (*бѣлый Камъ*) (Б. Гаврилов), (3) *Вятки* (Б. Гаврилов), (4) *реки Белой* (Б. Мункачи), ср.:

(1) *Kam kemmeťoš-no Kam*
šunatoś Kam-d'aräz tubęsa
vüsal-kä{...}
 (Lach 1926: 83)

'Пока **Кама** замёрзнет и **Кама** оттаёт, успеть бы мне подняться на **камский** берег{...}' (Перевод автора статьи. Слово *Кам* австрийским исследователем передано как 'die Kama')

(2) <i>Ай арашко но арашко</i>
<i>Тöлы кам бусэд усьытоç{ ...}</i>
(Гавриловъ 1880: 24).	'Ахъ, жну, я жну, до техъ поръ,
пока не спадётъ туманъ на бѣлый
Камъ (следует полагать – это р.
Кама?)' (Гавриловъ 1880: 92).
(3) <i>Тöли но камлен шукіез</i>
<i>Кожисен кожэ шуккишкoз.</i>
(Гавриловъ 1880: 11)	'Пѣна бѣлаго Кама (р. <i>Вятка</i>) бу-
детъ биться изъ стороны въ сторо-
ну' [Гавриловъ 1880: 100–101].
(4) <i>tɔd'e -no kamlän šukijez</i>
<i>d'arišän d'arä šukkiškōz.</i>
(Munkácsi 1952: 337)	'Пена Белой Камы (<i>Белая-</i>
<i>Flusses</i> (Munkácsi 1952: 337)
будет биться от берега к берегу'.
(Перевод автора статьи)

В таком многообразии значений и дошло до нас выражение *тöды кам*, которое в современных (начиная с середины XX в.) записях, приведенных у кукоморских удмуртов, соотносится скорее с рекой Вяткой, протекающей в наибольшей близости от них, напр.:

<i>кам дурэ въдъса ву д'юи,</i> <i>тулкъмэс шуккиз – малъ д'юи?</i>	'Припав к берегу Вятки, воды попила, волной ударило – зачем пила?' (Перевод автора статьи)
--	--

3. В современных авторских удмуртских текстах различного жанра и характера слово *Кам* как **собственное название** реки северо-восточной части Европы выступает в пяти синонимичных вариантах, из которых каждый имеет свою специфичную сферу употребления: (1) *Кам* 'Кама'; (2) *Кам шур* 'река Кама'; (3) *Кама* 'Кама'; (4) *Кама шур* 'река Кама'; (5) *Тöды Кам* 'Белая Кама'.

3.1. Гидроним **Кам** – истинное удмуртское наименование этой реки и очень часто употребляемое в удмуртской народной и авторской прозе и поэзии как известный гидроним, ср.:

Гаян огназ Кам кузя мынэ (М. Коновалов. Гаян, 167). 'Гаян идёт один вдоль по Каме'. **Камез?** Ха-ха-ха! Вот паймон, **Камез** учке со, – дорам ик шоналляськыса серекъя та пи... – **Камез** учкытозь, лык-ай дорам юрттыны, мыным эш луод, умойгес луоз тыныд но, мыным но{...} (Ф. Кедров. Бырьем произведениос, 164). 'Камои? Ха-ха-ха! Вот умора, Камои она любитесь, – качаясь прямо возле меня смеётся этот парень...

Чем смотреть на Каму, подойди-ка ко мне на помощь, было бы лучше и мне, и тебе{...}'

*Тулъс васьки Кам дуре,
Жож сюлэмме буйгатй{...}*

(Д. Майоров. Бырьем произведениосыз, 82).

'Весной спустилась к берегу Камы, Печальную душу свою отвела{...}'.

3.2. Название *Кам шур* представляет собой приложение родового имени существительного *шур* 'река' к гидрониму *Кам(а)*, и это сочетание встречается несколько реже, нежели предшествующий вариант:

Бондюжской завод събрьсь гурезь йылысен Кам шур паськыт адзиське {...} (Ф. Кедров. Бырьем произведениос, 163). 'С вершины горы за Бондюжским заводом река Кама кажется широкой{...}'.

Кам шурлэсь но уно кисьтйськиз

Калыклэн со нунал синвуэз

(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 92).

'Больше, чем [воды] реки Камы, Лились слёзы народа в тот день'.

3.3. **Кама** 'Кама' – это русифицированное название рассматриваемой реки, которое иногда (правда, весьма редко) встречается преимущественно в авторских произведениях (в народной же поэзии пока мне не удалось его найти):

...Тубе пароход Кама вылтй (В. Широбоков. Мынам республикае, 66). 'Поднимается пароход по Каме'.

3.4. **Кама шур** 'река Кама' – исключительно редкое в удмуртских текстах сочетание (в моем распоряжении имеется пока лишь одно предложение):

– Россилэн самой шор люкетаз, Волга но Урал кусын, Кама шур кузя пичи гинэ зарни сюлэмо калык интыяськемын (Е. Самсонов. Тулыс чукна, 166). 'В самом центре России, между Волгой и Уралом, по реке Каме проживает небольшой народ с золотым сердцем'.

3.5. **Тёды Кам** 'белый Кам' (точнее: 'бѣлый Камъ') – именно так переводил Б. Гаврилов это сочетание, встречающееся в собранных им удмуртских народных четверостишиях казанских удмуртов. В удмуртских текстах различных форм и жанров встречается очень часто:

Тёды Кам! Яратско мон тонэ,

Тон сяръсь нырысез веранэ.

(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 89)

‘Белая Кама! Люблю я тебя, О тебе моё первое слово’.

Мон лыктй Тёды Кам шаерысь,

Янтамыр мон, удмурт выжыысь.

(И. Гаврилов. Люкам сочинениос I, 98)

‘Прибыл я из земель Белой Камы, Янтамыр я, из удмуртского племени’.

3.6. Синонимичность всех этих пяти наименований Камы подтверждается тем, что они, имея одну и то же семантику, но различаясь преимущественно в стилистическом отношении, способны употребляться в качестве синонимов в ближайшем контексте (в одном абзаце или даже в одном и том же предложении), ср., напр.:

(**Кам ~ Кам шур**): – *Кыдёкысь, Вишур кенак, Кам дурысь, отын ужасько.* – Э-э, кылэме вань, пие, **Кам шур** сярэсь, – вераськонзэ нош ик секыт кызонзэ куснетй уриз (Ф. Кедров. Быръем произведениос, 164). – Издалека я, тётушка Вишур, с берегов Камы, там тружусь. – Э-э, слыхала я, сынок, о реке Каме, – её речь снова оборвалась тяжёлым кашлем’.

(**Кам ~ Кама**): *Адямиос, кужмоесь экскаваторъёсын, самосвалъёсын лыктыса, Воткинск палтй Камаез ёсужыт плотинаен кортнаны тыршо. Жутаскозы Кам тыльёс – шаермы юг-юг тыльёсын ворекъялоз* (В. Ширококов. Мынам республикае, 7). ‘Люди, прибыв с мощными экскаваторами, самосвалами, стараются обуздать Каму со стороны Воткинска высокими плотинами. Загорятся огни Камы – наш край будет сверкать яркими огнями’. И пр.

4. Исторически гидроним **Тёды Кам** относится к реке Белой, левому притоку р. Камы, где некогда жили древние удмурты – постепенно сменившие друг друга племена ананьинские (VIII–III вв. до н. э.), пьяноборские (III в. до н. э. – II в. н. э.) и бахмутинские (мазунинские) (III–VIII вв. н. э.). Это сочетание позднее было скалькировано пришлым тюркским населением как тат. *Агидел* ~ башк. *Агизел* букв. ‘белая река’, где *ак* ‘белый’ и *идел* ~ *иДел* ‘река’ [Атаманов 2015: 352]. Позднее, когда прибельское удмуртское население частично было ассимилировано пришлыми тюрками, а частью ушло на запад к берегам Камы, сочетание **Тёды Кам** наполнилось в удмуртском языке иным содержанием, и в настоящее время оно в абсолютном большинстве случаев ассоциируется с Камой как её поэтическое наименование. Не случайно в современной авторской прозе слово *тёды* воспринимается

не как составной элемент гидронима *Тодды Кам* (р. Белая), а как обычный эпитет реки Камы, потому нередко и пишется с маленькой буквы – подобно определениям *чебер* 'красивая', *чырткем* 'резвая', *дыртись* 'торопливая', относящимся к другим рекам Удмуртии, как можем читать о них у одного из удмуртских авторов; и не случайно другой удмуртский писатель удивляется, почему же Каму называют белой, хотя она отнюдь не такая, ср.:

Шулдыресь арамаостіі, сикъёстіі, бусыостіі позыръяськыса-позыръяськыса визылаło тодды Кам но чебер Чупчи, чырткем Вало но дыртись Лоза, бызё но ас съоразы трос пичи сузърёссэс кыско (В. Ширококов. Мынам республикае, 6–7). 'По красивым рощам, лесам, полям, извиваясь, текут **белая Камаи красивая** Чепца, **резвая** Вала и **торопливая** Лоза, бегут и тянут за собой множество своих сестер'. *Туж-а меда кузь та тодды Кам но? Малы со тодды, кытын тодды?.. Сарапул дорын со пеймыт-лыз* (С. Самсонов. Выжыкыл ёвёл та, 28). 'Уж очень ли длинна эта белая Кама? Почему она **белая**, где **белая**?.. Возле Сарапула она тёмно-синяя'.

5. О существенной включённости слова *кам* в любой своей ипостаси – и как нарицательное имя существительное, и как гидроним – в лексико-семантическую систему удмуртского языка свидетельствует и то, что оно принимает своеобразное участие в образовании некоторых видов конструкций и слов.

5.1. Рассматриваемое слово *кам* входит в состав некоторых удмуртских афоризмов (фразеологических оборотов и пословиц), напр.:

1) *кам пасъта* 'очень широкий' (букв. 'шириной с кам'):

– *Уть, мугорыз [чёртлэн] нолэсмуртлэн ёсуужда, нырыз сяртынянь быдза, нош ымыз, ымыз – Кам пасъта!* (Е. Загребин. Секыт аджон, 118). '– Глянь, тело его [черта] высотой с лешего, нос величиной с пирог с репой, а рот, рот – шириной с Каму! **Синьёсы Кам пасъта** **усьтиськизы** (Уд. 3.04.2007, 8). 'Глаза мои раскрылись **очень широко** (т. е. 'шириной с Каму')';

2) *Насьта-насьта, Кам пасъта!* – трудно переводимый каламбур, обозначающий неожиданное удивление типа: 'чёрт побери, чёрт возьми' (букв. 'Насьта-пасъта, шириной с Каму'):

Нош со [Иван Марья] котыкытчы нырзэ чуртна. Умой скальёсты аслаз группаз каре. Завфермой эшио дурбасътэ. Тани эшио пызь нуллэ на. Судить кароно. Визь мед пыроз. – Тон китиз кутид-а, Нась-

та-пасьта, Кам пасьта! – *ös дорысен кеськиз Митя Кутявин* (Е. Загребин. Секыт адюон, 94). 'А она [Марья Ивановна] везде суёт свой нос. Лучших коров забирает в свою группу. Завфермой потворствует ей. К тому же ещё и муку уносит. Судить её надо. Пусть образумится. – А ты за руку схватила, **чёрт побери!** – с порога крикнул Митя Кутявин'.

3) *кыл вылын Кам вамен потыны* 'наобещать в три короба' (букв. 'на словах через Каму переправиться');

Пекла апай со, Раялэн анаез. Гуртын со кыллы укыр шаплы маке, адямиос шуэмъя,кыл вылаз Кам вамен но потоз (Г. Красильников. Тонэн кылысько, 15). 'Тётка Фёкла – это мать Раи. В деревне она самая острая на язык, как говорят люди, **на словах наобещает в три короба** (букв. 'и через Каму переправится').

4) *кошкем Кам шур берен уг берытскы* 'что было, то быльём поросло' (букв. 'утекшая река Кама обратно не вернётся');

– *Ортчезмез понна уг бёрдо, шуод-а, мар-а,кошкем Кам шур берен уг берытскы ни уг* Пётр Васильевич. Конечно, дыр ортчемъя бездону, италмаслэн но бездон дырыз вань (М. Лямин. Шудбур понна II, 56). '– О прошедшем не плачут, так что ли скажешь, ведь что прошло, то быльём поросло (букв. **ведь утекшая река Кама обратно не возвращается**'), Пётр Васильевич. Конечно, со временем всё блёкнет, и у цветка италмас настукает время поблёкнуть'.

5.2. Слово *кам* в сочетании с иными корнями служит для образования целого ряда новых сложных слов. Лишь в самом последнем словаре (УРС 2008) зафиксирован десяток таких композит, напр.: *кам-дурбадьпу* (букв. 'ива с камского берега') 'краснотал', *камкочо* 'чайка сизая' (букв. 'камская сорока'), *камкурег* (букв. 'камская курица') 'чайка', 'перепелка', 'куропатка', *кампицу* (букв. 'камская осина') 'осокорь, чёрный тополь', *камтютё* 'речная крачка', *камчабак* 'подлещик', *камчучо* 'кулик-сорока' и пр.

6. Если в создании фразеологических конструкций слово *Кам* участвовало скорее как название реки, то трудно судить, в какой ипостаси – в качестве нарицательного слова, или имени собственного – выступало *кам* при образовании таких композит подчинительного типа, как *кампицу* – в деривационном отношении то ли это 'речная (водная) осина', то ли всё же 'камская осина'. Оба варианта, как мне кажется, в равной степени допустимы.

Литература и источники

1. Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – 168 с.
2. Атаманов-Эграпи М. Г. Язык земли Удмуртской: историко-этимологический словарь топонимов Волго-Уральского региона = Удмурт музъемлэн аснимъёсыз: Волгаен Урал ёросвылъёсысь интынимъёссэс пуштроссэс эскерись кыллюкам. – Ижевск, 2015. – 976 с.
3. Библия 1988 – Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета: Юбилейное издание, посвящённое тысячелетию Крещения Руси. – М.: Изд. Московской Патриархии, 1988. – 1371 с. + Приложение (4 карты и Денежные единицы в Новом Завете).
4. Библия 2013 – Библия: [удмурт кылын] / Библияз берыктонъя Институт; [берыктоз Михаил Атаманов]. – Хельсинки: Библияз берыктонъя институт. – Ижкар, 2013. – 1696 б. – удмурт кылын.
5. БЭС 1901 1 – Большой энциклопедический словарь: В 2-х т. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. – 1991. – 863 с.
6. Гаврилов И. Г. Люкам сочинениос: Куинь томен. 1. – Устинов: Удмуртия, 1986. – 496 б.
7. Гавриловъ 1880 – Произведенія народной словесности, обряды и повѣрья вотяковъ Казанской и Вятской губерній. Записаны, переведены-и излжены Борисомъ Гавриловымъ во время командировки въ Вотяцкія селенія Казанской и Вятской губерній. – Казань, 1880. – 189 с.
8. Денисов А. Мынам пленійсь пегъеме. – Казань, 1919.
9. Загребин Е. Е. Секыт адюон: Повесть, веросьёс. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 256 б.
10. Кедров Ф. Г. Быръем произведениос. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1959. – 207 б.
11. Кириллова Л. Е. Река Кама в трудах исследователей // Пермистика XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: материалы XI Международного симпозиума (30–31 марта 2006 г., Пермь) / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2006. – С. 50–55.
12. Коновалов М. А. Гаян: Роман. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 230 б.
13. Красильников Г. Д. Тонэн кылысько. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. – 278 б.
14. Лямин М. А. Шудбур понна: Повесть: 2-тц книга. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. – 263 б.
15. Майоров Д. А. Быръем произведениосыз / Удм. АССР-ысь СНК-лэн История, кылья, литературая но фольклоръя удмуртской научно-исследовательской институтэз. – Ижевск: Удмуртгосиздат, 1939. – 164 б.

16. Миллеръ Г. Ф. Описаніе живущихъ въ Казанской губерніи языческихъ народовъ, яко то Черемисъ, Чуваши и Вотьяковъ... – Въ Санктпетербургѣ Иждивеніемъ Императорской Академіи Наукъ. 1791 года (По репринтному изданию: *Hamburger Sibirische und Finnougrische Materialien* Hamburg, 2005). – (7) + 99 с.
17. Никонов В. А. Краткий топонимический словарь / Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018. – 512 с.
18. Островский Д. Вотяки Казанской губернии // Труды Общества естествоиспытателей при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ. – Т. IV. – № 1. – Казань, 1873. – С. 3–48.
19. Палласъ П. С. Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго Государства. СПб., 1788. – Ч. III, пол. 2.
20. Самсонов Е. В. Тулыс чукна: Повесть, очеркъёс но веросьёс / Люказ но азыкылзэ гождиз И. В. Тараканов. – Ижевск: Удмуртия, 1995. – 288 б.
21. Самсонов С. А. Выжыкыл ёвёл та: Повесть // С. А. Самсонов. Выжыкыл ёвёл та: Повестьёс но веросьёс. Ижевск: Удмуртия, 1982. – 3–214-тц б.
22. Слав.-вот. сл. 1892 – Краткій славяно-вотскій словарь: Пособіе къ чтенію Церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта. – Казань, 1892. – 70 с.
23. Слав.-вот. сл. 1897 – Краткій славяно-вотскій словарь. Пособіе къ чтенію и пониманію церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта (опытъ). Для казанскихъ вотьяковъ. – Казань: Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества, 1897. – 86 с.
24. УРС 2008 – Удмуртско-русский словарь: Ок. 50 000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин и др.; отв. ред. Л. Е. Кириллова. – Ижевск, 2008. – 925 с.
25. Широбоков В. Г. Мынам республикае. – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1960. – 152 б.
26. Яковлев И. В. Удмуртъёслэсь ог-огзылэсь мукет сямен вераськон кылъёссэз валэктэсь книга (Сравнительный словарь вотскихъ напречий: 1. вотско-русский, 2. русско-вотский). – Казань, 1919. – 82 б.
27. Lach R. Gesänge russischer Kriegsgefangener. I B. Finnisch-ugrische Völker. 1. Abteilung. Wotjakische, syrjänische und permiakische Gesänge. Transkription und Übersetzung der wotjakischen Texte von Prof. Dr. Bernhard Munkácsi, der syrjänischen und permiakischen von Dr. Raphael Fuchs. – Wien und Leipzig, 1926. – S. 1–99.
28. Munkácsi B. Votják népköltészeti hagyományok. – Budapest, 1887. – 335 l.
29. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. – Budapest, 1896. – XVI + 758 l.
30. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D. R. Fuchs (= MSFOu, 102). – Helsinki, 1952. – XXXVII + 715 S.
31. UMSz. 2002 – Kozmács I. Udmurt-magyar szótár. – Szombathely: Savaria University Press, 2002. – 532 l.

32. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. – Helsingfors, 1893. – I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. – XX + 200 S.

33. [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987. – XXIII + 421 S.

34. Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutsches im Anhang und einem deutschen Register. – St.-Petersburg, 1880. – XIV + 692 S.

Меркушева Татьяна Николаевна,
 к.фил.н., директор ГБПОУ
 «Кудымкарский педагогический колледж»
 kpk-mtn@yandex.ru

Коми-пермяцкие исследования в Пермистике

Аннотация. Статья посвящена истории становления симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», анализу сборников «Пермистика». Более подробно раскрываются вопросы участия в симпозиумах в разные годы коми-пермяцких учёных и исследователей. Определены основные темы исследований на коми-пермяцком языковом материале.

Ключевые слова: история симпозиума, пермистика, коми-пермяцкие исследователи, коми-пермяцкий язык и диалекты.

Tatyana N. Merkusheva,
 Cand. of Science (Philology), Director of
 Pedagogical College of Kudymkar
 kpk-mtn@yandex.ru

Komi-Permian researches in Permistika

Summary. The article is devoted to the history of the formation of the symposium «Dialects and the history of Permian languages in interaction with other languages», the analysis of the collections «Permistika». Questions of participation in symposia in different years of Komi-Permian scientists and researchers are revealed in more detail. The main research topics on the Komi-Permyak language material are identified.

Key words: Symposium history, Permistic, Komi-Permian researchers, Komi-Permian language and dialects.

Согласно энциклопедии коми языка «Пермистика – это «1. отрасль финно-угроведения, изучающая историю и современное состояние пермских языков, а также 2. Название сборника докладов и сообщений, сделанных на симпозиумах по пермским языкам» (Ракин, Коми язык, 1998: 353).

История проведения симпозиума по пермским языкам начинается с 1986 года, когда по инициативе кафедры финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета в Ижевске состоялся первый форум пермистов. Инициатором проведения симпозиума был преподаватель университета Вaley Кельмакович Кельмаков.

Историю симпозиума до 2012 года обобщали в своих статьях Эса-Юсси Салминен, Паула Кокконен, организаторы симпозиума при издании сборников Пермистика (Салминен; Kokkonen, 2011). В таблице 1 представлена история симпозиума с 1986 года по 2018 год. Анализ показывает, что за эти годы восемь раз симпозиум проходил на территории Удмуртской Республики, шесть – Республики Коми и три – Пермского края. Поэтому в настоящее время Пермский край (Пермь и Кудымкар) можно по праву считать одним из научных центров пермского языкознания.

С момента становления симпозиума были определены основные задачи, которые остаются неизменными и в настоящее время, это рассмотрение современного состояния изучения пермских близкородственных (удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого) языков, выяснение неизвестных областей пермского языкознания, обсуждение пути дальнейшего развития пермского историко-сопоставительного и типологического языкознания, рассмотрение состояния изучения пермских языков в разных регионах и университетах, в том числе за границами пермских территорий, и нахождение возможности его координирования.

Остаётся неизменным и то, что после проведения симпозиума выходит сборник статей и материалов – Пермистика. Ниже представлен список сборников, которые изданы в настоящее время.

Пермистика: вопросы диалектологии и истории пермских языков : сб. ст. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, Удмурт. гос. ун-т ; редкол.: В. К. Кельмаков, Б. Ш. Загуляева, В. М. Вахрушев. – Ижевск : [б. и.], 1987. – 203 с.

Пермистика 2: Вихман и пермская филология: Сб.ст. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1990. – 208 с.

Пермистика: диалекты и история Пермских языков: сб.ст./ Коми научный центр УрО РАН Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории. - Сыктывкар, 1992. – 176 с.

Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии: Сб. статей / Удм.ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск, 1997. – 211 с.

Пермистика 5: Сб.ст./ Удм.гос.ун-т. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет, 2002. – 274 с.

Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб.статей / Удм. Гос.ун-т. Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2000. 276 с.

Пермистика: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб.ст. / Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук. – Сыктывкар, 1999. – 204 с.

Пермистика 8: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб.ст.– Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 2001. – 297 с.

Пермистика 9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвузовский сборник научных трудов / Удм.ун-т. Кафедра удмуртского языка и методики его преподавания. – Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. – 500 с.

Пермистика – 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24 - 25 марта 2004 г., Ижевск) / Редакционная коллегия: Д.А. Ефремов, кандидат филол. наук, доцент; В.К. Кельмаков, доктор филол. наук, профессор (составитель и ответственный редактор); М.А. Самарова, кандидат филол. наук, доцент. Ижевск, 2009. – 406 с.

Пермистика XI: Диалекты и история пермскими языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XI Международного симпозиума (30 – 31 марта 2006 г., Пермь) / отв. ред. Л.Г. Пономарева; Перм.гос.пед.ун-т. – Пермь, 2006. – 326 с. + Прил. 104 с.

Пермистика XII: Диалекты и история пермскими языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21 – 22 октября 2008 г., Ижевск) / отв. ред. А.Ф. Шутов; Удм. гос.ун-т/ Удм.ин-т ИЯЛ УрО РАН – Ижевск, 2008. – 386 с.

Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания: Сб. статей на материалах XIII Международного симпозиума. Вып. 69. Сыктывкар, 2012. – 242 с.

Пермистика-14: диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками»: Доклады и статьи Международного симпозиума в г. Кудымкаре 18–19 мая 2012 г. Кудымкар: Изд. Филиала УдГУ в г. Кудымкаре, 2012. – 316 с.

Пермистика 15 : диалекты и истории пермских языков с другими языками сборник статей : [посвящается 80-летию со дня рождения Л. И. Калининой] / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. Урал. отд-ния Рос. акад. наук, Удмурт. гос. ун-т; [редкол.: О. В. Титова (сост. и отв. ред.) и др.]. – Ижевск : УдГУ, 2015. - 382 с. : ил.

Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. научных ст. – Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 2017. – 372 с.

Учитывая вышеизложенное, была поставлена цель, проанализировать, какие исследования по коми-пермяцкому языку были представлены на симпозиумах «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», а также посмотреть, кто проводил эти исследования.

Участие коми-пермяцких исследователей началось с третьего симпозиума, который прошёл в г. Сыктывкаре в марте 1992 года и был посвящён 100-летию Дмитрия Владимировича Бубриха. Р.М. Баталова, кандидат филологических наук, раскрыла вопросы ударения в пермских языках, О.П. Аксёнова и А.С. Лобанова представили свои доклады по морфологии и топонимике коми-пермяцкого языка.

Постоянное участие коми-пермяцких лингвистов началось лишь с пятого форума.

В своих статьях Раиса Михайловна Баталова, участник третьего, восьмого, девятого и четырнадцатого симпозиумов, затрагивала вопросы расхождения близкородственных языков, о месте языка коми-язьвинцев в структуре пермских языков.

На страницах сборников Пермистики представлены статьи на разные темы Лобановой Алевтины Степановны (3, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16 и 17). В девяностые годы в начале двухтысячных научные изыскания автора связаны с описанием грамматических и лексических особенностей коми-пермяцких диалектов. В последующие годы исследования Алевтины Степановны связаны с изучением литературного коми-пермяцкого языка.

Активное участие в работе симпозиума в 90-е годы принимала

Ольга Петровна Аксёнова (3, 5, 6, 7, 12, 14, 17). Научный поиск в её работах связан с изучением топонимом, рукописных материалов 18 века, а также диалектов коми-пермяцкого языка (крохалевский говор южного наречия).

С середины девяностых – в начале 2000-х годов появляются новые исследователи коми-пермяцкого языка и диалектов (Л.Г. Пономарева, Р.П. Дмитриева (Попова), Е.Н. Федосеева, Т.Н. Меркушева, О.А. Гагарина (Попова). Большая часть работ этих авторов в сборниках Пермистика посвящена исследованиям коми-пермяцких диалектов как южного, так и северного наречия. Предметом исследования становились лексика, грамматика, фонетика и фразеология коми-пермяцких диалектов.

С начала 2000-х года активно начали принимать участие в работе симпозиума Мальцева Надежда Александровна, Косова Любовь Афонасьевна, Кривощёкова (Утева) Любовь Валерьевна, Онёв Лав, работы которых связаны как с методикой изучения языка, анализом языка художественных и публицистических текстов, а также лексическим и орфографическим аспектам изучения коми-пермяцкого языка.

На страницах сборников в разные годы представлены работы Анатолия Евдокимовича Коньшина и Германа Ивановича Мальцева, которые раскрывают историю становления и развития коми-пермяцкого языка в 19 веке и в начале 20 века.

С расширением спектра направлений симпозиума с 2012 года публикуются работы коми-пермяцких методистов Маргариты Егоровны Галкиной и Валентины Васильевны Федосеевой.

Новые исследования, которые связаны с изучением морфологических особенностей коми-пермяцкого языка, с 2014 года представлены в работах Селиной Алины и Гордеевой Елены Михайловны.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что с 1990 годов кандидатские диссертации на материале коми-пермяцкого языка защитили Алевтина Степановна Лобанова (1993), Ольга Петровна Аксёнова (1996), Ольга Анатольевна Гагарина (Попова) (1997), Римма Павловна Дмитриевна (Попова) (1998), Лариса Геннадьевна Пономарёва и Елена Николаевна Федосеева (2002), Татьяна Николаевна Меркушева (2003), Любовь Валерьевна Кривощёкова (Утева) (2015).

Таким образом, анализ показал, что коми-пермяцкий языковой материал достаточно представлен на страницах сборника «Пермистика», активное участие коми-пермяцких исследователей в симпозиуме начи-

нается с конца девяностых годов, Всё это, позволяет, ещё раз отметить, что симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» – это та платформа, где учёные-пермисты обсуждают актуальные вопросы внутренней структуры пермских языков и их диалектов, историю развития конкретных языковых явлений. Кроме того, это школа и стартовая площадка для молодых исследователей.

Источники и литература

1. Ракин А.Н. Пермистика // Коми язык, Энциклопедия. М.:Изд-во ДИК, 1998. С. 353.
2. Эса-Юсси Салминен. Симпозиумы пермистики [Эл. ресурс] // <https://permk.files.wordpress.com/2011/01/d181d0b8.pdf>
3. Kokkonen, Paula 2011: Permistit koolla Syktyvkarissa. – M. A. Castrénin seura. Jäsentiedote 1/2011. Permistika I–XII.

Таблица 1

Симпозиум	Место	Дата	Посвящен	Год издания сборника
I	Ижевск	1986		1987
II	Ижевск	2 – 3.03. 1988	120-летию Ю. Вихмана	1990
III	Сыктывкар	Март 1990	100-летие Д.В. Бубриха	1992
IV	Сыктывкар	17 – 20.05. 1992	100-летию А.С. Сидорова	1997
V	Ижевск	Октябрь, 1994	100-летию В.И.Лыткина	2002
VI	Ижевск	20 – 21.11. 1996	65-летию УдГУ	2000
VII	Сыктывкар	29 – 30.10. 1998	70-летие Е.С. Гуляева	1999
VIII	Сыктывкар	2 – 3.11. 2000	65-летие А.И.Туркина	2001
IX	Ижевск	15 – 16.01. 2002	60-летие В.К. Кельмакова	2002
X	Ижевск	24 – 25.03. 2004	80-летие Т.И. Тепляшиной	2009
XI	Пермь	30 – 31.03. 2006	85-летие А.С. Кривощёковой- Гантман	2006
XII	Ижевск	21 – 22.10. 2008	80-летие И.В. Тараканова	2008
XIII	Сыктывкар	20 – 21.10. 2010	195-летию П.И. Савvaitова	2012
XIV	Кудымкар	18 – 19. 05. 2012	80-летие Р.М. Баталовой	2012
XV	Ижевск	28 – 29.10. 2014	80-летие Л. И. Калининой	2015
XVI	Сыктывкар	27 – 28.10. 2016	130-летие В.А. Молодцова	2017
XVII	Кудымкар	24.11.2018	Г.А. Нечаеву	2019

Секция 1.

Вопросы лексикологии и фразеологии пермских языков

Пономарёва Лариса Геннадьевна,

к. филол. н., исследователь

(Кудымкар–Хельсинки),

dojegpl@gmail.com

Коми-пермяцко-русский рукописный словарь 1785 года: способы обозначения на письме звука *õ*¹

Аннотация. В статье исследуется рукописный алфавитный словарь 1785 года Антония Попова. Сделан качественный и количественный анализ способов обозначения на письме коми-пермяцкого звука *õ*. Выявлены все возможные позиции употребления звука *õ* на письме. Эти позиции рассмотрены методом количественного анализа. Исследование показало, что звук *õ* передаётся в словаре шестью разными буквами. В выявленных позициях звук *õ* обозначается разными буквами непоследовательно.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, письменные памятники, рукописный словарь, алфавитный словарь 1785 года Антония Попова, коми-пермяцкий звук *õ*, способы обозначения звука *õ* на письме, качественный и количественный анализ.

Larissa G. Ponomareva,

Cand. of Science (Philology),

Researcher scientist (Kudymkar–Helsinki),

dojegpl@gmail.com

Permian Komi-Russian hand-written dictionary of 1785: ways of designation of the sound *õ* in writing

Summary. In the article the hand-written alphabetic dictionary of 1785, compiled by Anthony Popov is investigated. It contains analysis of designation in the dictionary Permian Komi sound *õ*, qualitative and quantitative analysis

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а.

was made. Identified all the possible positions of using sound *ö*. These positions are considered by the method of quantitative analysis. The research showed that the sound *ö* is transmitted using six different letters. In all these positions the sound *ö* is designated inconsistently.

Key words: Permian Komi language, written monuments, hand-written dictionary, alphabetical dictionary of 1785 by Antony Popov, Permian Komi sound *ö*, the designation of sound *ö* in writing, qualitative and quantitative analysis.

Несмотря на то, что коми-пермяцкий язык приобрёл литературную норму только после революции 1917 года [КПЯ 1962: 34], письменность на нём появилась задолго до этого времени. Еще в XVII веке коми-пермяцкий материал был зафиксирован в виде отдельных слов и словосочетаний в трудах учёных-путешественников: Г. Ф. Миллера [Vocabularium 1759], И. Э. Фишера [Fischer 1768], И. И. Лепёхина [1780], П. С. Палласа [1787]. Время первой письменной фиксации коми-пермяцкого материала можно определить точнее. По сведению А. И. Туркина [по КЯЭ 1998: 56–57] в 1705 году голландский географ и юрист Н. Витсен опубликовал текст молитвы «Отче наш» на языке, который имеет языковые сходства с коми-пермяцким языком.

К 18 веку относятся также рукописи по коми-пермяцкому языку протоиерея Антония Попова – два больших словаря и грамматический очерк. Эти рукописи хранятся в Эрмитажном собрании в отделе рукописей Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и имеют следующие точные названия:

1. Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ 1785 года. РНБ. ОР. Эрм. 206. 81 л. (далее алфавитный словарь) [Попов 1785 а];
2. Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ 1785 года. РНБ. ОР. Эрм. 207. 29 л. [Попов 1785 б];
3. Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловского собора Протоіереємъ Антоніємъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскою языкъ 1785 года. РНБ. ОР. Эрм. 208. 33 л. [Попов 1785 в].

На данный момент эти рукописи известны как первые фундаментальные труды по коми-пермяцкому языкознанию.

Настоящая статья посвящена описанию способов обозначения на письме коми-пермяцкого специфического гласного звука *ö* в одном из вышеназванных словарей Антония Попова – в алфавитном словаре 1785 года.

Звук *ö* в коми-пермяцком языке имеет следующую характеристику: является неогубленным гласным среднего ряда и среднего подъёма. На письме обозначается буквой *ö* независимо от занимаемой им позиции.

Рассматриваемый алфавитный словарь Антония Попова располагает довольно большим материалом – в нём 2522 словарные статьи. На сегодняшний день этот словарь является малоизученным. К нему обращались многие ученые [Лыткин 1962; Баталова 1962; Баталова 1965; Баталова 1967; Светлаков 1967; Николаев 1968; Феоктистов 1968; Баталова 1975; Тепляшина, Лыткин 1976; Кривощёкова-Гантман 1977; Аксёнова 2000 и др.], однако объёмных исследований по нему не было сделано. Больше всего о работах Антония Попова писала Р. М. Баталова.

Некоторые графические и орфографические особенности этого рукописного словаря А. Попова отразились в статье Р. М. Баталовой «Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков» (1965). Здесь Р. М. Баталова выделяет 9 графических особенностей (на самом деле – графических и орфографических особенностей) алфавитного словаря А. Попова. Эти особенности касаются как гласных, так и согласных. Выделенные Р. М. Баталовой графико-орфографические особенности в алфавитном словаре А. Попова требуют уточнения и дополнения. В отношении передачи на письме гласного звука *ö* Р. М. Баталова пишет следующее: «Специфическая фонема *ö*, характерная для всех пермских языков, обычно передаётся через букву *e*: *абутем* вместо *абутём* ‘бедность’, *верись* вместо *вöрьись* ‘лесной’, *гер* вместо *гöр* ‘плуг’, ‘соха’ и очень редко буквой *э*: *бадеглэн* вместо *бадьö-глён* ‘у куропатки’, *гэтырлэн* вместо *гöтырлён* ‘у жены’»² [Баталова 1965: 111].

² При написании примеров Р. М. Баталовой допущены разные неточности. В оригинале эти примеры написаны следующим образом: *Абутемь лэнь* «бѣдность» [Попов 1785а: л. 3], *вёрьись* «лѣсной» [Попов 1785а: л. 7], *гёрь лэнь* «плугъ, соха» [Попов 1785а: л. 11], *бадегь лэнь* «куропатка» [Попов 1785а: л. 3 об.], *гэтырь лэнь* «мужняя жена, супруга» [Попов 1785а: л. 13].

Многую проанализированы в качественном и количественном отношении все способы обозначения на письме коми-пермяцкого гласного звука *ö* в алфавитном словаре Антония Попова. Результаты следующие:

1. Звук *ö* встречается в рассматриваемом словаре всего в 898 случаях.

2. Звук *ö* передаётся на письме шестью буквами:

Буква	Количество примеров
е	632 – 70,38%
э	188 – 20,94%
ѣ	55 – 6,12%
о	15 – 1,67%
ы	7 – 0,78%
а	1 – 0,11%
Итого:	898 – 100%

2.1. Звук *ö* обозначается буквой *е* в следующих позициях:

№	Позиция	Всего примеров	Примеры
1.	После твёрдого согласного звука:	504	<i>бурвунетысь</i> «Неблагодарный» ³ [л. 5] // кп. лит. <i>бур вунотись</i> ; <i>вагепь</i> «лужа» [л. 6] // кп. лит. <i>вагѣп</i> ; <i>важсь паськемь</i> «Рубище, в Ретище.» [л. 6] // кп. лит. <i>важ паськѣм</i> ; <i>вежсекта вежсектыны</i> «Ревную.» [л. 6 об.] // кп. лит. <i>вежѣкта, вежѣктыны</i> ; <i>верь</i> «лѣсь» [л. 7 об.] // кп. лит. <i>вѣр</i> ; <i>дѣнтема</i> или <i>дѣнтемь</i> «нарѣчие дешево» [л. 14] // кп. лит. <i>донтѣма</i> ; <i>ѣрета ѣретны</i> «разрываю» [л. 33] // кп. лит. <i>орѣта, орѣтны и др.</i> ;
2.	На месте русского гласного звука <i>о</i> :	42	<i>быдпера</i> нарѣчие «часто» [л. 5 об.] // кп. лит. <i>быд пора</i> ; <i>гѣдъ лѣнь</i> «годъ» [л. 11] // кп. лит. <i>год</i> ; <i>гѣрбъ лѣнь</i> «горбъ» [л. 11] // кп. лит. <i>горб</i> ; <i>Звѣнь лѣнь</i> «звонъ» [л. 16] // кп. лит. <i>звон</i> ; <i>пирегъ лѣнь</i> «пирогъ» [л. 35 об.] // кп. лит. <i>пирѣг</i> ; <i>прѣстита прѣститны</i> «прощаю» [л. 37] // кп. лит. <i>простита, проститны</i> ; <i>рѣдня лѣнь</i> «родня» [л. 39] // кп. лит. <i>родня</i> и др.;

³ Здесь и далее примеры приводятся из алфавитного словаря А. Попова [Попов 1785а].

3.	После мягкого согласного звука:	27	<i>вѣжсемь лэнъ</i> «мѣна» [л. 6 об.] // кп. лит. <i>веж-сьѡм</i> ; <i>гусьасемь лэнъ</i> «воровство» [л. 12 об.] // кп. лит. <i>гусьасьѡм</i> ; <i>косясемь лэмъ</i> «баталия» [л. 21] // сев. <i>косясьѡм</i> «драка» [КПРС 1985: 188]; <i>лѡлзета лѡлзетны</i> «воскрешаю» [л. 25 об.] // кп. лит. <i>ловзьѡта, ловзьѡтны</i> ; <i>ѡкасемь лэнъ</i> «поцѣлуй» [л. 32 об.] // кп. лит. <i>окасьѡм</i> ; <i>пѡлзета пѡлзетны</i> «пугаю» [л. 36] // кп. лит. <i>повзьѡта, повзьѡтны</i> и др.;
4.	После ч:	13	<i>гытцета гытцетны</i> «качаю» [л. 12 об.] // кп. лит. <i>гыччѡта, гыччѡтны</i> ; <i>кытце нарѣчіе</i> «куда» [л. 24] // кп. лит. <i>кытчѡ; мѣцета мѣ-цетны</i> «крашу, выкрашиваю» [л. 27 об.] // кп. лит. <i>мичѡта, мичѡтны</i> ; <i>пѣртцемь лэнъ</i> «кре-щеніе» [л. 38] // кп. лит. <i>пыртчѡм; рѣзетцемь лэнъ</i> «трескъ» [л. 39] // кп. лит. <i>ризьѡтчѡм</i> и др.;
5.	После й:	13	<i>ваѣта ваетны</i> «Довожу» [л. 6] // кп. лит. <i>вай-ѡта, вайѡтны</i> ; <i>Ѣзь</i> «чужой» [л. 14 об.] // кп. лит. <i>йѡз; ѣзѡй лэнъ</i> «свекорь» [л. 14 об.] // кп. лит. <i>йѡзай; ѣль лэнъ</i> «молоко» [л. 15] // кп. лит. <i>йѡв; ѣрнесь лэнъ</i> «рубашка» [л. 15] // кп. лит. <i>йѡрнѡс</i> и др.;
6.	После гласного звука:	12	<i>ваѣсь</i> «мокрый» [л. 6] // кп. лит. <i>вайсь; мѣды-лаѣ нарѣчіе</i> «инуда» [л. 27] // кп. лит. <i>мѡдіклад; нѣунаенъ нарѣчіе</i> «помалу» [л. 31] // кп. лит. <i>неунаѡн; пѣумь</i> «вареный» [л. 37 об.] // кп. лит. <i>пуѡм</i> и др.;
7.	После тш:	12	<i>бычема нарѣчіе</i> «хорошо» [л. 5 об.] // кп. лит. <i>бытиѡма; кѣумь</i> «какой» [л. 22 об.] // кп. лит. <i>кытиѡм; пѣчерь лэнъ</i> «крапива» [л. 35] // кп. лит. <i>петиѡр; сѣчемь</i> «такий» [л. 40 об.] // кп. лит. <i>сѣтиѡм; нѣсечемь тѡчемь</i> «особли-вой» [л. 29 об.] // <i>несѣтиѡм эттиѡм</i> и др.;
8.	После дз:	8	<i>ѡдземь лэнъ</i> «зрѣніе» [л. 3] // кп. лит. <i>ѡдзѡм; вѣдзета вѣдзетны</i> «смотрю» [л. 8] // кп. лит. <i>видѡта, видѡтны; вѣдзетцянъ лэнъ</i> «зерка-ло» [л. 8] // кп. лит. <i>видѡтчан; кѡдземь лэнъ</i> «сѣвъ» [л. 24] // кп. лит. <i>кѡдѡм</i> и др.;
9.	После дж:	1	<i>вѣчерь лэнъ</i> «тѣнь» [л. 10] // кп. лит. <i>вуджѡр.</i>

2.2. Звук ö передаётся графемой э в следующих случаях:

№	Позиция	Всего примеров	Примеры
1.	После твёрдого согласного звука:	117	<i>бы́дчасэ</i> «нарѣчие всегда» [л. 5 об.] // кп. лит. <i>быд часö; бэбэ</i> «безумный, дуракъ, бѣщенный» [л. 5 об.] // кп. лит. <i>бöб; вёлтъ пэлъ</i> «покрышка» [л. 7] // кп. лит. <i>пöв</i> 'доска'; <i>вэлэтемъ</i> «учливый» [л. 10 об.] // кп. лит. <i>велöтöм; гэтыртэмъ</i> «холостой» [л. 13] // кп. лит. <i>гöтыртöм; кэръ</i> «вкусъ» [л. 24 об.] // кп. лит. <i>көр</i> и др.;
2.	В начале слова:	51	<i>дасъ экмысь</i> «девятнадцать» [л. 13] // кп. лит. <i>дас öкмыс; кызъ экмысь</i> «двадцать девять» [л. 23] // кп. лит. <i>кыкдас öкмыс; эдöтнъ</i> нарѣчие «весма очень» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>öддöдн; эдъ лэнъ</i> «паръ» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>öд; эта ээтыны</i> «разжигаю» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>öта, öтыны; эмидзъ лэнъ</i> «малина ягода» [л. 53] // кп. лит. <i>öмидз</i> и др.;
3.	На месте русского гласного звука о:	12	<i>вэжжи лэнъ</i> «вожжи» [л. 10 об.] // кп. лит. <i>вожжи; кэшъ лэнъ</i> «ковшъ» [л. 24 об.] // кп. лит. <i>кöш; кэремысла лэнъ</i> «кормысель» [л. 24 об.] // кп. лит. <i>кормысла; Эбычей лэнъ</i> «нравъ, обычай» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>обычай; эвинъ лэнъ</i> «овинъ» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>öвин</i> и др.;
4.	После гласного звука:	6	<i>ну́эта нуётны</i> «веду, перевожу» [л. 30 об.] // кп. лит. <i>нуöта, нуöтны; кызъмъ</i> «витой» [л. 24] // кп. лит. <i>кыйöм; нгэтьпель</i> нарѣчие «часто» [л. 31] // кп. лит. <i>неöтпöв; нуэмъ Яй лэнъ</i> «вареное мясо» [л. 37 об.] // кп. лит. <i>пуöм яй; этлаэ</i> нарѣчие «въ одно мѣсто, вкучу» [л. 53 об.] // кп. лит. <i>öтлаö</i> и др.;
5.	После й:	1	<i>гёркъ эртанъ лэнъ</i> «запоръ» [л. 12 об.] // кп. лит. <i>гырк йöртан;</i>
6.	После ч:	1	<i>Чэлпанъ лэнъ</i> «коровай хлѣба» [л. 49 об.] // кп. лит. <i>чöпан.</i>

2.3. Звук ö обозначается буквой ъ в следующих позициях:

№	Позиция	Всего примеров	Примеры
1.	После мягкого согласного звука:	30	<i>гѣлѣта гѣлѣтны</i> «щекочью» [л. 11 об.] // кп. лит. <i>гильöта, гильöтны</i> ; <i>гусѣнѣ</i> «нарѣчие тайно» [л. 12 об.] // кп. лит. <i>гусьöн</i> ; <i>кватѣтъ или кватѣдзѣ</i> «шестой» [л. 18 об.] // кп. лит. <i>кватѣöт</i> ; <i>кѣнѣсѣ</i> «кадка» [л. 18 об.] // кп. лит. <i>кöньöс</i> ; <i>кöкъ кöкъ сѣрынѣ</i> «нарѣчие нога за ногою» [л. 20] // кп. лит. <i>сьöрын</i> 'за кем-чем-либо'; <i>нѣтъсѣ</i> «грязной» [л. 31] // кп. лит. <i>нѣтъöсь</i> и др.;
2.	После ч:	11	<i>тѣтѣцѣ или тѣтѣ</i> нарѣчие «сюда /по сему мѣсту/» [л. 44 об.] // кп. лит. <i>татчö али таті</i> ; <i>учѣтикѣ</i> «маленькій» [л. 47] // кп. лит. <i>учöтик</i> ; <i>чѣрѣсѣ лѣнѣ</i> «веретно» [л. 48] // кп. лит. <i>чöрс</i> ; <i>чѣскытѣ</i> «сладкій» [л. 48] // кп. лит. <i>чöскыт</i> и др.;
3.	После й:	4	<i>йѣкта йѣктыны</i> «танцую» [л. 52] // кп. лит. <i>йöкта, йöктыны</i> ; <i>йѣрнесѣ лѣнѣ</i> «рубаха, сорочка» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>йöрнöс</i> ; <i>йѣрѣ лѣнѣ</i> «заборъ, огородъ» [л. 52 об.] // кп. лит. <i>йöр</i> ; <i>сѣсѣсѣ лѣнѣ</i> «хомутъ» [л. 41 об.] // кп. лит. <i>сийöс</i> ;
4.	После твердого согласного звука:	4	<i>бѣдпелѣ</i> нарѣчие «навѣ стороны» [л. 5 об.] // кп. лит. <i>бѣд ладорö</i> ; <i>тѣгѣямѣ тѣгѣятѣ тѣгѣясѣ</i> «предлогъ кромѣ, безъ» [л. 45 об.] // кп. лит. <i>-тöг</i> и др.;
5.	После дз:	3	<i>пѣдзѣсѣ лѣнѣ</i> «колѣно» [л. 35] // кп. лит. <i>пидзöс</i> ; <i>рудзѣгѣ лѣнѣ</i> «рожь» [л. 39 об.] // кп. лит. <i>рудзöг</i> ; <i>Пѣдзѣсѣсѣсѣ вѣлесултны</i> «колѣна преклонить» [л. 35 об.] // кп. лит. <i>пидзöссз вѣлö сувтны</i> ;
6.	На месте русского гласного звука о:	2	<i>кѣбѣла лѣнѣ</i> «кобылка травная» [л. 24] // кп. лит. <i>кöбывка</i> ; <i>дѣгѣдѣ лѣнѣ</i> «деготь» [л. 14 об.] // кп. лит. <i>дöгöдѣ</i> .
7.	В начале слова:	1	<i>ёктанѣ или йѣкѣсѣмѣ лѣнѣ</i> «сборъ» [л. 53] // кп. лит. <i>öктан</i> или <i>öксöм</i> ;

2.4. Звук *ö* обозначается буквой *o* в следующих случаях:

№	Позиция	Всего примеров	Примеры
1.	В корнях <i>ýлдор-</i> // кп. лит. <i>увдöр-</i> 'под чем-либо' и <i>вёлдор-</i> // кп. лит. <i>вевдöр-</i> 'над чем-либо':	9	<i>вёлдорсянъ</i> нарѣчіе «сверху» [л. 6 об.] // кп. лит. <i>вевдöрсянъ</i> ; <i>Вёлдорынь</i> нарѣчіе «наверху, вверху» [л. 7] // кп. лит. <i>вевдöрын</i> ; <i>ýлдорэ</i> предлог «ниже» [л. 46 об.] // кп. лит. <i>увдöрö</i> ; <i>ýлдорсянъ</i> нарѣчіе «снизу» [л. 46 об.] // кп. лит. <i>увдöрсянъ</i> ; <i>ýлдорынь</i> нарѣчіе «подъ исподомъ, внизу» [л. 46 об.] // кп. лит. <i>увдöрын</i> и др.;
2.	В корне <i>кэмкоть-</i> // кп. лит. <i>кõмкõт</i> 'обувь':	2	<i>кэмкота</i> «обуть» [л. 24 об.] // кп. лит. <i>кõм-кõта</i> ; <i>кэмкотъ лэнъ</i> «обувь» [л. 24 об.] // кп. лит. <i>кõмкõт</i> ;
3.	В корне <i>óтыкъ</i> // кп. лит. <i>õtík</i> 'один':	1	<i>óтыкъ</i> «первой, единъ» [л. 33 об.] // кп. лит. <i>õtík</i> ;
4.	В слове <i>шёмкоръ</i> // сев. <i>шõмкор</i> , <i>шõмкõр</i> 'кислица'	1	<i>шёмкоръ лэнъ</i> «шавель /трава/» [л. 50] // сев. <i>шõмкор</i> , <i>шõмкõр</i> 'кислица' [КПРС 1985: 566];
5.	В слове <i>кóръ</i> // кп. лит. <i>кõр</i> 'когда'	1	<i>кóръ</i> или <i>кóдеръ</i> , <i>союзъ</i> «ежели когда» [л. 20 об.] // кп. лит. <i>кõр</i> .
6.	В слове <i>кíзоръ</i> // кп. лит. <i>кизьöр</i> 'жидкий':	1	<i>кíзоръ</i> «житкйй» [л. 19] // кп. лит. <i>кизьöр</i> .

2.5. Звук *ö* передается графемой *ы* в следующих случаях:

№	Позиция	Всего примеров	Примеры
1.	В корне <i>вýль</i> // кп. лит. <i>вõв</i> 'лошадь':	3	<i>вýль</i> «конь, лошадь» [л. 10] // кп. лит. <i>вõв</i> ; <i>вýль дõдьяла дõдьялны</i> «лошадь запрегаю» [л. 10] // кп. лит. <i>вõв дõдьяла, дõдьявны</i> ; <i>вýлгидъ</i> «конюшня» [л. 20 об.] // кп. лит. <i>вõв гид</i> ;
2.	В корне <i>мýсь</i> // кп. лит. <i>мõс</i> 'корова':	2	<i>мýсь</i> «корова» [л. 28 об.] // кп. лит. <i>мõс</i> ; <i>мýсьяй</i> «говядина или коровье мясо» [л. 28 об.] // кп. лит. <i>мõс яй</i> ;
3.	В корне <i>ýксу</i> // кп. лит. <i>õксу</i> 'царь':	2	<i>ýксу лэнъ</i> «государь, государина» [л. 52] // кп. лит. <i>õксу</i> ; <i>ýксулэнъ</i> «царскйй» [л. 52] // кп. лит. <i>õксулõн</i> .

2.6. Звук *õ* передаётся буквой *a* в одном слове: *нѣбагѣ* «законъ, указъ» [л. 30 об.] // кп. лит. *небѣг*.

Таким образом, представленный выше качественный и количественный анализ способов передачи на письме коми-пермяцкого гласного звука *õ* в алфавитном словаре Антония Попова показал следующее:

1. Звук *õ* обозначается на письме шестью разными буквами: *e*, *э*, *ѣ*, *ы*, *о*, *a*. Самой частотной буквой является графема *e* (632 примеров – 70,38%). На втором месте по частотности выступает буква *э* (188 случаев – 20,94%), на третьем месте – *ѣ* (55 слов – 6,12%), на четвертом – *о* (15 лексем – 1,67%), на пятом – *ы* (7 случаев – 0,78%) и на последнем шестом месте – буква *a* (1 пример – 0,11%).

2. В выявленных позициях в обозначении звука *õ* той или иной буквой отсутствует последовательность, а именно:

– после твёрдого согласного звука гласный звук *õ* может передаваться тремя буквами: *e*, *э*, *ѣ*;

– после мягкого согласного звука фонема *õ* может обозначаться буквами *e*, *ѣ*;

– звуко сочетание *йõ* может передаваться буквами *e*, *ѣ*, *э*;

– после гласного звука коми-пермяцкий звук *õ* может обозначаться графемами *e* и *э*;

– после аффрикат для обозначения звука *õ* применяются следующие буквы: после *ч* – *e*, *э*, *ѣ*; после *дз* – *e*, *ѣ*; после *дж* – *e*; после *тш* – *e*;

– в начале слова звук *õ* может передаваться буквами *э*, *ѣ*;

– в русских заимствованиях на месте русского звука *о* коми-пермяцкий звук *õ* может обозначаться также тремя графемами: *e*, *э*, *ѣ*.

Конечно, во всех этих позициях наблюдается разная частотность выявленных букв. Возможно, в этом проявляется некая попытка установления правил передачи звука *õ* на письме.

3. О непоследовательности употребления тех или иных букв для обозначения гласного звука *õ* говорит также следующий факт: в алфавитном словаре Антония Попова встречаются случаи обозначения гласного звука *õ* разными буквами в одной и той же позиции в одном и том же слове, например:

кѣдза кедзны «сѣю» [л. 24 об.] // кп лит. *кѣдза, кѣдзны*;

кѣсъя кѣсьины «общаю сулю» [л. 24 об.] // кп. лит. *кѣсъя, кѣсьины*;

нуѣта нуѣтны «веду, перевожу» [л. 30 об.] // кп. лит. *нуѣта, нуѣтны*;

пўемъ «вареный» [л. 37 об.] // кп. лит. *пўом*; *пўэмъ яй лэнъ* «вареное мясо» [л. 37 об.] // кп. лит. *пўом яй*;

пэжалемъ яй лэнъ «печеное мясо» [л. 38 об.]; *пэжалемъ яй лэнъ* «печеное мясо» [л. 34 об.] // кп. лит. *пэжаломъ яй* и др.

Следует заметить, что гласный звук *ө* является специфическим звуком в коми-пермяцком языке, его нет в русском языке, поэтому неудивительно, что этот звук передаётся в алфавитном словаре Антония Попова шестью разными буквами и в выявленных позициях обозначается разными буквами. К тому же, как уже указывалось выше, рукописи Антония Попова относятся к одним из самых ранних трудов по коми-пермяцкому языку. К тому времени (XVIII в.) правила передачи на письмо коми-пермяцких звуков ещё не сложились.

4. Несмотря на многочисленные случаи непоследовательного употребления тех или иных букв для передачи на письме гласного звука *ө*, в рассматриваемом словаре встречаются и примеры, в которых для обозначения звука *ө* используются определённые буквы последовательно. К примеру, в корнях *мыс-* // кп. лит. *мөс* 'корова', *выл-* // кп. лит. *вөв* 'лошадь', *ыксу-* // кп. лит. *өксу* 'царь' звук *ө* передается только буквой *ы* (примеры смотри выше в таблице, в пункте 5).

5. В примерах, в которых пишется буква *о* на месте коми-пермяцкой литературной буквы *ө* (см. таблицу, пункт 4), скорее всего выступает гласный звук *о*, обозначенный на письме соответствующей графемой *о*. Об этом говорит то, что в некоторых коми диалектах в этих примерах выступает также гласный звук *о*, ср.:

Вёлдорынь нарѣчїе «наверху, вверх» [Попов 1785а: л. 7] // *вевдор*, *велдор* [ССКЗД 1961: 40];

ўлдорынъ нарѣчїе «подъ исподомъ, внизу» [Попов 1785а: л. 46 об.] // *улдорынь* [ССКЗД 1961: 398];

кэмкоть лэнъ «обувь» [Попов 1785а: л. 24 об.] // *көмкот*, *комкот* [ССКЗД 1961: 171];

көръ или *көдеръ*, союзъ «ежели когда» [Попов 1785а: л. 20 об.] // *кор* [ССКЗД 1961: 164];

шёмкоръ лэнъ «шавель /трава/» [Попов 1785а: л. 50] // *шомкор* [ССКЗД 1961: 433].

В корне *отыкъ* «первой, единъ» [Попов 1785а: л. 33 об.] начальный гласный звук *о* восходит к общепермскому *ө*, который дал разные рефлексy в диалектах пермских языков, ср.: в языке язывинских пермя-

ков – *otik*, в удмуртском языке – *og*, *odüg*, в остальных коми диалектах выступает *ö-* [КЭСЯ 1999: 212]. Возможно, в зафиксированном Антонином Поповым коми-пермяцком диалекте это слово употреблялось с начальным звуком *o*, который является одним из рефлексов общепермского *ö*.

В слове *kiзорь* «житкий» [Попов 1785а: л. 19] возможность звука *o* сомнительна. В других коми диалектах это слово со звуком *o* не зафиксировано [ССКЗД 1961: 154].

Сокращения

Кп. лит. – коми-пермяцкий литературный язык;
Сев. – северное наречие коми-пермяцкого языка.

Литература

1. Аксёнова 2000 – Аксёнова О. П. К вопросу о рукописных материалах XVIII – начала XIX века по вымершим диалектам коми-пермяцкого языка // Пермистика 6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: Сб. статей / [Сост. и отв. ред. В. К. Кельмаков]. Ижевск: Удмуртский университет, 2000. С. 15–19.
2. Баталова 1962 – Баталова Р. (Баталова Р. М.). Новые памятники коми-пермяцкого языка // Ленин туй вылёт = По ленинскому пути (Кудымкар). 1962. № 214. 9 сентября. С. 4.
3. Баталова 1965 – Баталова Р. М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII – первой половины XIX веков // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3 / Отв. ред. К. Е. Майтинская. М.: АН СССР, 1965. С. 110–121.
4. Баталова 1967 – Баталова Р. М. Материалы по коми-пермяцкой лексике (извлечения из словарей XVIII и начала XIX вв.) // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 4 / Отв. ред. В. И. Алатырев. Ижевск: Удмуртия, 1967. С. 69–75.
5. Баталова 1975 – Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
6. Кривощёкова-Гантман 1977 – Кривощёкова-Гантман А. С. Коми-пермяцкое языкознание за 50 лет // Лингвистическое краеведение Прикамья / Отв. за вып. Л. И. Кременцова. Пермь: [б. и.], 1977. С. 20–32.
7. КИРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: ок. 27000 слов / [Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман]. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
8. КЭСЯ 1999 – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1999. 430 с.

9. КЯЭ 1998 – Коми язык: Энциклопедия / Мин-во образ. и высш. школы РК; РАН. УрО. Коми НЦ. Ин-т ЯЛИ. М.: ДИК, 1998. 608 с.
10. Лепехин 1780 – Третья часть дневных записокъ путешествія Ивана Лепехина (= Продолженіе дневныхъ записокъ путешествія Ивана Лепехина, академика и медицины доктора; Вольнаго экономическаго въ С.П., Друзей природы испытателей въ Берлинѣ и Гессенгом-бургскаго патріотическаго, общества члена, по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства въ 1771 году). СПб., 1780. С. 196–197.
11. Лыткин 1962 – Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология: учебник для высших учебных заведений / Авт.: Р. М. Баталова, Е. В. Ботева, А. С. Гантман, Е. С. Гуляев, В. И. Лыткин, Г. А. Нечаев, Б. А. Серебренников; ред. В. И. Лыткин. Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное изд-во, 1962. 340 с.
12. Николаев 1968 – Николаев С. Ф. Географические названия Пермской области. Указатель литературы // Географические названия Прикамья / Отв. ред. С. Ф. Николаев. Пермь: [б. и.], 1968. С. 132–146. (Уч. зап. Перм. ун-та. № 177).
13. Паллас 1787 – Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе перьвое, содержащее въ себѣ европейскіе и азіатскіе языки. Ч. 1. СПб., 1787. 411 с.
14. Попов 1785а – Краткой пермской словарь с російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловскаго Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // Россійская національная библиотека (РНБ). Отдел рукописей (ОР). Эрм. 206. 81 л.
15. Попов 1785б – Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловскаго собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 207. 29 л.
16. Попов 1785в – Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловскаго собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскою языкъ 1785 года // РНБ. ОР. Эрм. 208. 33 л.
17. Светлаков 1967 – Светлаков В. Коми-пермяцкѣй письменностьлѣн зоралѣм (II) // Иньва: литературно-художественной сборник. 1967. Пермь: Коми-пермяцкое отделение Пермского книжного издательства, 1967. С. 86–94.
18. ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: ок. 25000 слов / Под общей ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1961. 489 с.
19. Тепляшина, Лыткин 1976 – Тепляшина Т. И., Лыткин В. И. Пермские языки // Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, Карой Редеи. М.: Наука, 1976. С. 97–228.
20. Феокистов 1968 – Феокистов А. П. Истоки мордовской письменности / Отв. ред. В. И. Лыткин. М.: Наука, 1968. 100 с.

21. Fischer J. E. Sibirische Geschichte von der entdeckung Sibiriens bis auf die eroberung dieses Lands durch die Russische waffen... B. I. SPb, 1768. S. 162–165.

22. Vocabularium Harmonicum // Müller G. F. Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften Heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotiacken // Sammlung russischer Geschichte. B. 3. St. 4. SPb., 1759. S. 382–408.

Кондратьева Наталья Владимировна,
*доктор филол. н.,
 профессор УдГУ
 nataljakondratjeva@yandex.ru*

Бадретдинова Люза Геннадьевна,
магистрант УдГУ

Лексические особенности перевода стихотворения Юрки К. Ихалайнена «Ei tuo punainen» на удмуртский язык

Аннотация. В статье рассмотрены особенности перевода стихотворения финского автора Юрки Ихалайнена «Ei tuo punainen» на удмуртский язык. Перевод осуществлён удмуртским поэтом С. Матвеевым. Особое внимание уделяется анализу цветовой символики произведения, а также особенностям перевода безэквивалентной лексики.

Ключевые слова: художественный перевод, финская литература, Юрки Ихалайнен, художественные образы.

Natalja V. Kondratieva,
*Dr. of Science (Philology),
 Professor of Udmurt State University
 nataljakondratjeva@yandex.ru*

Lyuzha G. Badretdinova,
*Master degree student
 of Udmurt State University*

Lexical peculiarities of translating the poem “Ei tuo punainen” (Not that red) by J. K. Ihalainen into Udmurt

Summary. The article deals with translating the poem “Ei tuo punainen” (Not that red) by J.K. Ihalainen, translated into Udmurt by S. Matveyev. The paper focuses on colour symbolism and ways of translating culturally specific vocabulary.

Key words: literary translation, Finnish literature, J. K. Ihalainen, imagery.

Перевод художественного произведения является одним из способов знакомства читателя с культурой другого этноса. В последние годы в удмуртской литературной среде возрос интерес к переводу произведений финских авторов. Ярким примером здесь может послужить перевод произведений финского писателя, поэта и переводчика Юрки Ихалайнен, выпустившего свыше 30 своих книг на финском, английском, шведском, датском языках; а также издавшего на финском языке ряд произведений классиков мировой литературы (Литературные 2015). В творчестве финского поэта отдельное место занимает стихотворение «Ei tuo punainen» (произведение опубликовано в сборнике «Tisle» (2012) [Ihalainen 2012]). Лирическая героиня этого стихотворения – образ, создаваемый на основе воспроизведения цветовой палитры. Зачин стихотворению даёт красный цвет, представленный в различных цветовых оттенках – *Punainen tori* ‘Красная площадь’, *punainen saksalainen pikkukone* ‘красный немецкий автомобильчик’, *tiibetiläisen munkin karmininpunainen* ‘букв. карминовый цвет тибетских монахов’ и др. Перечисление указанных цветов и оттенков с самого начала стихотворения позволяет определить яркий, экспрессивный образ лирической героини. Включение образа *talviomenen punainen* ‘красный цвет зимних сортов яблок’ позволяет определить возраст лирической героини, поскольку красный цвет – единственный признак спелого плода, таким окрасом могут порадовать только зимние сорта яблоны.

Цвет синий, продолжающий цветовую гамму стихотворения, представлен образами *Berliinin sininen* ‘букв. синий цвет Берлина’, *jäänsininen* ‘ледяной-синий’, *Gitanes-tupakka-aski* ‘синяя пачка сигарет Gitanes’ и др. Отдельное место занимает образ *Saharan tuaregin sininen* ‘синий цвет кожи племён туареги в Сахаре’. Известно, что туареги окрашивали ткань для одежды особенным образом: экономя воду, они не пропитывают её краской, а «вколачивают» ее камнями. Со временем краска начинала осыпаться, и кожа туарегов часто приобретала синий цвет. Перечисление этих образов, вкпе с образом танцующей на пачке сигарет цыганки, позволяет выстроить образ тоскующей, ищущей себя, но не находящей места в этом мире лирической героини.

Синее плавно перетекает в белое: *maito* ‘молоко’, *leipäjuusto* ‘лапландский сыр’, *Pepsodent* ‘зубная паста «Pepsodent»’, *tomusokeri* ‘сахарная пудра’. Белый цвет возвращает лирическую героиню в повседневную жизнь, наделяя спокойствием, умиротворённостью. Но это

длится недолго. Чёрный цвет врывается, нарушая гармонию: *musta Saatana* 'черная Сатана', *lentokoneen pimeä laatikko* 'чёрный ящик самолёта', *tyhjä kaivo* 'пустой колодец', *nälkäinen pantteeri* 'голодная пантера', *jarrupalat* 'тормозные колодки автомобиля', *jano* 'жажда'. Чёрный цвет – цвет опасности, цвет пустоты, поглощения жизни. Неужели это цвет, характеризующий возлюбленную лирического героя? Нет, её любимая не может быть жадной, коварной, расчётливой. Она любит жизнь! Жизнеутверждающим цветом выступает жёлтый цвет: *auringonkukankeltainen* 'жёлтый цвет подсолнечника', *Bornholmin hiekan keltainen* 'жёлтый цвет песков Борнхольма', *ruskan keltainen* 'цвет золотой осени' и др. В то же время человек не может быть полностью свободен. Он всегда в зоне наблюдения других: *keltainen lehdistö* 'желтая пресса', *Fonecta luettelo* 'Fonecta-список', *lumileopardin silmä* 'глаз снежного леопарда' и др. Значит, и жёлтый цвет не может быть цветом возлюбленной. В таком случае, может быть цвет золота станет символом лирической героини? И снова – нет. Всё золотое материально: *atsteekkien kultainen* 'золото ацтеков', *kultainen rannekello* 'золотые наручные часы', *kultainen kuin hämähäkin seitti aamun kasteessa* 'букв. золотая паутина паука в утренней росе' и др. Не случайно автор восклицает: *Mutta kultaseni, kaikeen tähän kultaan ei minullakaan ole varaa* 'букв. Но, моя дорогая (букв. золотая), на всё это золото даже у меня нет средств'.

Остаётся зелёный цвет – цвет природных явлений: *metsän vihreä* 'зелень лесов', *sammalen vihreä* 'зелень мха', *lumpeen lehti* 'лист кувшинки', *armeijan vihreä* 'букв. зелёный цвет армии' и др. Вместе с природой возлюбленная лирического героя впитывает свежесть зелёного леса, ели, кувшинки и других природных образов. С другой стороны, зелёный цвет может стать символом каких-либо физических изменений: *vihreä kuin kupain patina* 'зелёный как цвет патины на медной поверхности (патина – естественный тонкий налёт, который образуется на поверхности изделий из меди и других металлов.)', *kuin homehtunut juusto* 'как заплесневелый сыр', *kuin pesukoneessa käytetty taala* 'как прокрученный в стиральной машине доллар' и др. Таким образом, именно зелёный цвет становится объединяющим для примирения взаимоисключающих начал (молодость – старость, страсть – спокойствие, наполненность – пустота, разум – безрассудность, физическое – духовное и др.).

Казалось бы, компромисс найден. Но в финале стихотворения появляется фиолетовый цвет. Лирический герой перестаёт искать смысл содержания, он просто соглашается с героиней:

<i>Ai, sinä sanot,</i>	Ой, тебе кажется (букв. ты говоришь),
<i>Että se on violetti?</i>	Что (твой цвет) фиолетовый?
<i>Minähän sanoin alusta lähtien,</i>	Я же с самого начала говорил(а):
<i>Violetti on sinun värisi.</i>	Твой цвет фиолетовый.

Таким образом, идея стихотворения гораздо глубже, чем просто анализ перечисленных образов. Здесь поднимаются философские вопросы человеческого бытия, проблемы взаимоотношения мужчины и женщины. Следует подчеркнуть, что в финском языке существует лишь одно местоимение третьего лица, выражающее одушевлённые лица: *hän* 'он/она'. Поэтому в структуре стихотворения сложно определить, кто является лирическим героем: *Minähän sanoin alusta lähtien, / Violetti on sinun värisi*. 'Я же с самого начала говорил(а)'.

Как же удмуртский переводчик смог донести идею произведения финского автора до своих читателей? Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо отметить, что перевод выполнил известный удмуртский поэт, прозаик, критик, переводчик Сергей Васильевич Матвеев. В аннотации к сборнику «Фиолет» отмечается: «В стихах С. Матвеева проступают мотивы русской поэзии представителей серебряного века и некоторых поэтов эпохи французского Возрождения, в то же время в них сильна струя чисто удмуртской образности, национального колорита, и в этом сплаве – новизна и самобытность творчества поэта» (Матвеев 2002). Чаще всего лирический герой С. Матвеева – романтик и эстет. Его художественные предпочтения отражаются и в выполненном переводе. Особенно ярко это отражается при переводе образов, связанных с белым цветом:

<i>se on taatusti valkoinen kuin maito</i>	'букв. Это, конечно же, белое как молоко
<i>se on valkoinen kuin leipäjuusto</i>	это белое как лапландский сыр
<i>se on valkoinen kuin Pepsodent</i>	это белое как Pepsodent
<i>se on tomusokerin valkoinen</i>	это белое как сахарная пудра
<i>se on valkoinen katkoviiva ajorada</i>	это белая разделяющая полоса

keskellä ja tanssi по центру шоссе, которая танцует'.

В переводе на удмуртский язык С. Матвеев использует такой вид трансформации как добавление, или использование дополнительных лексических единиц, не имеющих соответствий в оригинале:

*валамон ни, али кыскем йӧл кадь тӧдӧы со пиштэ;
оло со, дыр, – Лапландиысь сыр-а сыӹе напчиське,
яке со – Pepsodent насталэн нуйтӱськись ыркытэз;
оло со – сакырлэн кизили пырыӹ ӹаштырез,
яке со – асфальтлэн гадь вылаз вакчи гож эктонӹс;*

’букв. понятно, что это смотрится как белое парное молоко;
а может, это так густеет лапландский сыр,
или же это тягучая прохлада пасты Pepsodent?
а может быть, это скрежет звёздных сахарных частичек,
или же танцы разделяющих линий (букв.) на груди асфальта.’

Как видно из примеров, в стихотворении Ю. Ихалайнена преобладает номинативная функция белого цвета, тогда как в удмуртском переводе добавляются глагольные единицы, наполняющие стихотворение непрерывным и последовательным действием.

Ещё один вид трансформации, используемый в переводе на удмуртский язык – это замена. Так, в оригинале произведения для визуализации красного цвета используется такая реалья как *pelastuslaitos* ’служба спасения’, в удмуртском переводе звучащая как *чакласькон-утиськон* ’букв. наблюдение-защита’; или образ чёрного цвета *musta japo* ’чёрная жажда’ заменяется экспрессивным *сьӧд – ньылонэ жабырей кадь кугэам вень бугор* ’букв. чёрный (цвет) – это застрявший, словно вцепившись в горло, игольчатый клубок’.

Когда речь идёт о лексических заменах, необходимо брать во внимание такие понятия, как конкретизация (способ перевода, в результате которого в переводящем языке образуется слово или словосочетание с более узким смыслом по сравнению с исходным языком), генерализация (способ перевода, обратный конкретизации), модуляция (в процессе модуляции слово или словосочетание языка оригинала заменяется его логически связанным словарным соответствием). Каждый из этих замен находит своё место в тексте перевода, например: а) конкретизация: *vihreä se on kuusen vihreä* ’зелёный – это цвет ели’, ср. *яке со – лыслэн гужсьемез* ’или это выцветание хвой’; б) генерализация: *tai se on talviomenen punainen* ’букв. или это (красный цвет) красный цвет зимних сортов яблок’, ср. *оло со – лымысь ӹыж улмо* ’или это – яркое яблоко на снегу’; в) модуляция: *tai sitten se on punaviinin kastetun pokkarin punainen* ’или это обложка (книги), которую окунали

в красное вино³, ср. *оло со – вёсяса араке веттылэм книга бам* 'или это страница книги, которую окунали в аракы (крепкий спиртной напиток)'⁴.

Нужно отметить, что к методу замены удмуртский переводчик прибегает редко. С целью создания более яркого образа, как уже было сказано выше, С. В. Матвеев чаще использует такой вид трансформации как добавление. Это накладывает отпечаток и на ритмический строй перевода. Но данная проблематика может стать предметом специального научного исследования.

Таким образом, используя различные методы лексической трансформации, удмуртский поэт и переводчик Сергей Матвеев сумел донести до читателя как финские реалии, так и особенности поэтической системы финского автора Юрки Ихалайнена.

Список литературы

1. Литературные 2015 – Литературные премии Финляндии / Мурман. гос. обл. универ. науч. б-ка / Сост. Т. А. Соколова – Мурманск: Мурманская государственная областная универсальная научная библиотека, 2015. – 74 с.
2. Матвеев С. В. Фиолет: Стихи / Перевод с удмуртского Вл. Емельянова. – Ижевск: Удмуртия, 2002. – 128 с.
3. Ihalainen J. K. Tisle. – Turku: Kustannusosakeyhtiö «Sammakko», 2012. – 107 с.

Лобанова Алевтина Степановна,
кандидат филологических наук,
доцент ПГППУ
lobanova@pspu.ru

**О некоторых лексико-семантических особенностях рукописной
работы протоиерея Антония Попова «Краткий пермский словарь с
русским переводом, собранный и по алфавиту расположенный»
1785 г. ***

Аннотация. Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788) до настоящего времени не являлось предметом комплексного анализа. Лексико-семантический аспект исследования позволяет выявить особенности развития лексического состава языка коми-пермяков в диахронии, показать возможные ареальные изменения функционирования тех или иных лексем, обозначить направления заимствований за последние два столетия и др. Большой интерес представляют такие лексемы, как (примеры взяты из словаря А. Попова – А.Л.) ань «свекровь» (матшка), базар «рынок», вейпа «выговариваю», вижь «зелёный, также жёлтый» и многие др. Большой интерес представляют многозначные и стилистически окрашенные слова.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, письменный памятник, семантика слова, историческая лексикология.

Alevtina S. Lobanova,
Cand. of Science (Philology),
Associate Professor of Perm State
Humanitarian Pedagogical University
lobanova@pspu.ru

**About some lexical and semantic features of Archpriest Antony
Popov's manuscript «The Short Perm Dictionary with the Russian
Translation Collected and Alphabetically Arranged» 1785**

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00774а «Рукописное наследие протоиерея Антония Попова (1748–1788): исследование и публикация первых коми-пермяцких грамматик и словарей».

Summary. The manuscript heritage of Archpriest Antony Popov (1748-1788) has not been the subject of a comprehensive analysis to date. The lexico-semantic aspect of the study allows to identify the features of the development of the lexical composition of the Komi-Perm language in the diachrony, to show the possible areal changes in the functioning of certain lexemes, to identify the borrowings over the past two centuries, etc. Such lexemes as (examples are taken from the Popov – L.) an' «mother-in-law» (modern southern matshka), bazar «market» veipa «utter», vizh' «green or yellow» and many others are of great interest. Polysemantic and stylistically colored words are noteworthy.

Key words: Komi-Perm language, written monument, word semantics, historical lexicology.

О важности изучения сохранившихся письменных памятников, выполненных на языке коми-пермяков или, как писали до недавнего прошлого пермяков, сказано и написано уже немало. Напомним лишь, что с одной стороны, они недостаточно древние, как, может, хотелось бы, с другой стороны, даже имеющиеся памятники специалистами до сих пор детально не проанализированы, не говоря об их доступности для каждого интересующегося исторической лексикологией и, отчасти, грамматикой коми-пермяцкого языка.

Предметом нашего внимания является *Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный*, составителем которого является протоиерей Антоний Попов, дата его составления обозначена – это 1785 год.

Напомним, что 18-ый век примечателен тем, что до наших дней сохранилось не менее восьми источников, в которых зафиксирован язык пермяков того периода. Среди них названный Словарь Антония Попова является самым объёмным. Следующие большие работы будут составлены только в 19-ом столетии.

Заметим, что данным источником активно пользовались Р. М. Баталова и А. С. Кривощёкова-Гантман при составлении Коми-пермяцко-русского словаря (1985). Довольно много лексем представлено в этом известном всем лексикографическом источнике с пометой *Попов*.

Впервые особенности данного рукописного источника были описаны Р. М. Баталовой в 1965 году в статье «Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII и первой половины XIX веков» в сборнике

«Вопросы финно-угорского языкознания».

Упоминала об этом словаре и Т. И. Тепляшина в статье «О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка» в журнале «Советское финно-угроведение» (1965).

Раисе Михайловне Баталовой, как и следовало ожидать, было важно определить диалектную принадлежность лингвистического материала. Вот что она отмечает: «Диалект, отражённый в словаре Антония Попова, имеет значительное сходство с нердвинским диалектом коми-пермяцкого языка. Мы предполагаем, что данный диалект занимал территорию к юго-востоку от города Кудымкара и условно называем его припермским» (Баталова, 1965: 114). Логические нестыковки в условном названии ушедшего диалекта и отсутствие каких бы то ни было сравнений с языковыми особенностями современного нердвинского диалекта позволяют усомниться в выводах исследователя, или материал Словаря следует подвергнуть новому, более детальному анализу.

На данном этапе работы над лексикографическим источником, не ставя задачу определения его диалектной принадлежности, всё же позволим себе отметить, что в нём очень активно проявляются особенности коми-язьвинского наречия (и на лексическом, и на грамматическом уровне); отдельные грамматические формы и многие лексемы сближают его с северными диалектами коми-пермяцкого языка. В то же время наличие слов, отсутствующих в современных диалектах южного наречия, но присутствующие в работе Н. Рогова, выполненного в 19-ом столетии на материале современных территорий Кудымкарского и Юсьвинского районов, даёт повод обозначить для нашего Словаря возможный ареал, близкий к Кудымкару. Одним словом, диалектную принадлежность данного письменного источника, на наш взгляд, надо изучать в параллели с другими письменными работами, с современными коми-пермяцкими диалектами, близкородственным коми языком.

В Словаре 2521 словарная статья, из них более 600 занимают русские заимствования.

Очень велик соблазн остановиться на грамматических формах, обнаруженных в анализируемом источнике, но объявленная тема связана с лексическим значением Слова, поэтому попытаемся сфокусироваться на этом аспекте.

В Словаре представлены традиционные лексико-тематические группы слов, без которых не обходится ни один лексикографический

источник: термины родства; понятия, обозначающие флору и фауну, природные явления, наименования частей тела, наименования бытовой утвари, числительные, различные глаголы-действия, прилагательные и т.д., одним словом, то, что принято называть основным словарным фондом языка. Нам показалось интересной деталью то, что в работе довольно много лексем, связанных с женской работой – ткачеством, шитьём, но практически отсутствует лексика охотника; очень скромно представлена мифологическая составляющая народа. Кто же был информантом у А. Попова? Женщина? Довольно уверенно можно утверждать, что он не был носителем пермяцкого языка.

Добавим, что в Словаре представлены как отдельные слова, так и выражения слов, например, *јень ладтедысь* (совр. орф. *ен лад тѡдѣсь* досл. «знающий лад бога») «благочестивый»; изредка встречаются даже самостоятельные предложения: *јень остедь* (совр. орф. *Ен оз тѡд* досл. «бога не знает») «безбожник», которые, конечно, усиливают его значимость.

Опираясь на материалы обозначенного источника, попытаемся сформулировать некоторые направления, связанные с семантикой слова и его функционированием, являющиеся интересными в плане исторической лексикологии коми-пермяцкого языка. Отделив от общего лексического материала слова, отвечающие за основной словарный фонд, сохранившие лексическое значение и функциональный аспект, и иноязычные слова, требующие несколько иного анализа, обратим внимание на функционально ограниченные слова исконного происхождения, на непривычное семантическое толкование отдельных слов, стилистически окрашенные слова.

В первую очередь, в данном источнике большой интерес представляют лексемы, зафиксированные в нём, но практически полностью вышедшие из употребления к настоящему дню из коми-пермяцкого литературного языка или сохранившиеся только в составе сложных слов, доказывающих их былую самостоятельность. Значимость этих слов для исторической лексикологии возрастает, если они представлены и в иных, более поздних письменных источниках, а также имеются в родственных языках. К числу этих слов следует отнести *Ыжъ* «баран, овца» (сегодня функционирует в языке коми-язьвинцев и встречается в составе сложного слова *ыжман* «жимолость»); *Четчась* «лягушка» (в этом же значении представлено в словаре Н. Рогова); *Вейна* «выговари-

ваю» (сегодня имеется в языке коми-язьвинцев), *Гӧтырь* «жена» (сегодня в качестве самостоятельной лексической единицы не употребляется, только в составе производных *гӧтыра* «женатый», *гӧтрасьны* «жениться»), *Домь* «узда» (сегодня слово употребительно только в контексте с послелогом *йылын*: *дом йылын* «на привязи» или в производном глаголе *домавны* «привязать»). В этом аспекте зафиксированная в Словаре лексема *вижалань* «зависть» у современного читателя также может вызвать определённое сомнение и недоверие в плане его восприятия. Однако, Словари Г. Чечулина (1828) и Н. Рогова (1869) (*вежаалӧм*), устойчивое выражение *вежыс петӧ* в зн. «зависть берет» (Коми-пермяцкий фразеологический словарь 2010: 38) и коми-зырянский *вежсалӧм* «зависть» (Коми-русский словарь 1961: 84) позволяют не сомневаться в том, что в прошлом данная лексическая единица знала своё самостоятельное функционирование, а впоследствии была вытеснена русским вариантом зависть. Список подобных выражений можно продолжить и другими интересными примерами. Удостоверившись в правильности семантической фиксации, можно выявить примерный этап (период), когда та или иная лексема перестала активно функционировать в языке и уступила место другому слову.

Следующее, на что следует обратить внимание, используя материалы этого источника, — это на частичные изменения значения слова по сравнению с современным лексическим наполнением. Семантические сдвиги коми-пермяцких лексем, возникающие в развитии всех языков, крайне редко становятся предметом рассмотрения исследователей. Сужение значения слова или наоборот расширение; ухудшение значения, улучшение и др. аспекты — перспективные виды анализа для любой исторической лексикологии. Словарь Антония Попова служит в этом плане большим (не смеем утверждать о надёжности) источником. Лексических единиц, употребляющихся сегодня или зафиксированных в иных источниках, имеющих близкие, но не полностью совпадающие семантические нагрузки, очень много. Часть из них в Словаре могла возникнуть в силу не знания автором нюансов пермяцкого языка, часть — под влиянием родного языка автора, и только в части из них, смеем так предполагать, действительно, имеет место быть некоторое изменение смысловой нагрузки лексемы. Остановимся на некоторых примерах. Прилагательное *Шупыть* автор приводит в значении «борзый». Зафиксированные в Коми-пермяцко-русском словаре толкования этой

лексемы быстрый, резвый, проворный, *перен.* подвыпивший, вполне допускают и семантику «борзый». Причём, она могла возникнуть уже как под влиянием переносного значения, так и прямого. Негативный оттенок, сопровождающий прилагательное *борзый*, подразумевает наличие смыслового подтекста, связанного с резвостью и проворностью. Явные изменения в значении слова наблюдаются в таких примерах, как: *шуралемь* «вялый» (совр. сохнуть, высохнуть, подсохнуть), *умельця* «бледнею» (совр. похудеть, ослабнуть, ухудшиться), *шыра* «брею» (совр. стричь) и др. Названные лексемы все являются общеупотребительными, но они не знают предложенных Антонием Поповым семантических аспектов, во всяком случае, в современных лексикографических источниках они не обозначены.

Следующий пример намекает на наличие энантиосемии между двумя коми языками. В Словаре выражение *видзя олань* автор предлагает воспринимать как «прощай, прости, оставайся здорово», в то время как в современном коми-зырянском данное выражение является приветствием «здравствуйте».

На наш взгляд, стоит обратить внимание и на стилистически окрашенные слова. Таковые в Словаре также имеются: *берда* «плачу» □ стилистически окрашенное слово в зн. «долго, безутешно плачу» (нейтральное – горза); *горшала* «жру» и др.

«Французскую болезнь», оказывается, в прошлом называли словомч *чивера* (сегодня – *картовка*). *Чивера* сегодня является стилистически окрашенным словом, дисфемизмом. Так коми-пермяки назовут человека, который крайне неприятен говорящему. При этом подчеркиваются его негативные качества характера.

Со всем тем лексическим богатством, предложенным автором, отдельные моменты в трактовке переводов вызывают сомнения. Так, плотника, якобы, в период составления Словаря пермяки называли словом *Цягкерысь* (досл. «щепки делающий»). У Н. Рогова это понятие закреплено выражением *черён керісј* «плотник» (досл. «топором делающий») (Рогов, 1869: 324), что более ожидаемо и близко по смысловому содержанию компонентов. Не получается выявить этимологию слова кацвилтны «гадать»? Функционирующие сегодня лексемы русского происхождения ворожитны или гадайтны зафиксированы еще Н. Роговым.

Допуская, что в 18 веке в языке пермяков в качестве реализации

слова с семантикой богатство был лексический вариант *Ъмбуръ*, который, видимо, надо трактовать как *эм бур* «есть хорошее, есть хорошо, есть в наличии хорошо», то почему антонимичной грамматической формой *Ъмбуртемъ* реализуется семантика «убожество», а не «бедность»? Почему семантика слова бездельник не представлена исконным вариантом, а приведён русский вариант – *бездБльникъ*.

Одним словом, семантический и функциональный аспекты анализа слов, зафиксированных в анализируемом Словаре, способны раскрыть многие вопросы исторической лексикологии коми-пермяцкого языка.

Список литературы

1. Баталова Р.М. Рукописные словари коми-пермяцкого языка XVIII и первой половины XIX веков. // Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. 3. – М., 1965. – С.110–121.
2. Баталова Р.М., Кривощёкова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. – М., 1985. – 621 с.
3. Коми-пермяцкий фразеологический словарь. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. VII. / авт.-состав. О. А. Попова. – Пермь, 2010. – 343 с.
4. Коми-русский словарь./под ред. проф. В.И. Лыткина. – М., 1961. – 923 с.
5. Рогов Н. А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. – Санкт-Петербургъ, 1869. – 421 с.
6. Тепляшина Т.И. О рукописных памятниках коми-пермяцкого языка. // Советское финно-угроведение № 1. 1965. – С. 60–61.

Мальцева Надежда Александровна,
*преподаватель Кудымкарского
 педагогического колледжа*
E-mail: nagrima@mail.ru

К этимологии названия мифологического существа коми-пермяков «суседку»

Аннотация. В статье рассматривается этимология названия мифологического существа коми-пермяков «суседку». На основе своих полевых материалов, опубликованных фольклорных текстов, этнографических и лингвистических работ автор предполагает, что слово «суседку» имеет финно-угорские корни и не связано с русским словом «сосед».

Ключевые слова: этимология, коми-пермяки, коми-пермяцкий язык, финно-угорские языки, мифология, суседку.

Nadezhda A. Maltseva
*Teacher of Pedagogical Colledge
 of Kudymkar,*
E-mail: nagrima@mail.ru

Concerning the etymology of the komi-permyak name of mythological spirit «susedku»

Summary. The article studies the etymology of the name of the Komi-Permyak mythological creature “susedku”. The contents of the article is based on the author’s field materials, folklore texts, ethnographic and linguistic works. The author assumes that the word “susedku” has Finno-Ugric roots and is not associated with the Russian word “neighbor”.

Key words: etymology, Komi-Permian, Komi-Perm language, Finno-Ugric languages, mythology, susedku.

В представлениях коми-пермяков в каждом доме существует дух – хозяин дома и хозяйственных построек. Его основная функция – обеспечение благополучия обитателей дома и домашнего скота.

Управляющий графов Строгановых Н. А. Рогов, описывая быт

пермяков середины XIX в., отмечал: «В каждом доме водится *суседко*, косматый старичок-невидимка, то добрый, то злой, смотря по степени уважения к нему хозяина. Довольный всеми, он живет скромно, тихо и охотно кой-когда прислуживает: чистит лошадей, кормит, поит скот; сконфуженный становится мстительным,... Во избежание неприятностей, *суседко* в почёте у пермяков, и если он, со своей стороны, благоволит к семьянам и скоту, то его даже переводят с собой при переходе из старого в новый дом » (Рогов 2008: 45).

У известного финно-угорского этнографа Л. С. Грибовой в одной из работ читаем следующее: «В поверьях коми-пермяков существует образ «суседку» – домовой хозяйки, которая якобы прядет ночами. Изредка её будто бы можно увидеть сидящей с прялкой на брусках или полотах, с распущенными волосами, с длинными руками, прядущей так, что веретено её стучит по полу» (Грибова 1980: 74).

По сообщению А. С. Грибовой-Сухотериной, уроженки Кочёвского района Коми-Пермяцкого округа, *суседку* имеет женский облик: «Суседкуыс олô джоджулын, оз мыччась, пöрьсь инька кодь. Адззылан сійö не к добру. (Суседку живёт в подполье, не показывается [людям], как пожилая женщина. Видишь её не к добру.)» (ПМА).

Женский облик имеет дух дома и по представлениям жителей Гайнского района. Так, по сообщению жительницы посёлка Верх-Будым Кудымовой Натальи Ивановны, 1939 года рождения, она в детстве видела, как из погребца вышла суседко, маленькая женщина, и стала готовиться печь хлеб: просеяла муку, замесила тесто (ПМА).

В сборнике коми-пермяцкого фольклора «Жили-были» (сост. В. В. Климов) дух – хозяин дома предстает в облике женщины-пряжи; небольшого чёрного, мохнатого существа; маленькой девочки в дубасе (Жили-были 1990: 296;297). Иногда появляется в виде кошки, любит тёплое молоко.

В замечательной работе кандидата филологических наук Л. Г. Пономарёвой «Речь северных коми-пермяков» *суседко* предстает в женском и мужском облике. Это «старушка» «в кокошнике», украшенном бисером, она печёт хлеб (Пономарёва 2016: 315); «девушка длинноволосая, с косами» (Там же: 280); и «маленькие пара, муж с женой» (Там же: 304). Обращаются к этому существу «соседушко-батюшко, соседушка-матушка» (Там же: 347).

В своей монографии этнограф Т. Г. Голева приводит пример, за-

писанный в Юсьвинском районе Коми-Пермяцкого округа: «Суседко-мужик живёт в хлеву, а суседко-женщина в подполье. Их угощают в Великий четверг. Суседкам в хлев еду выносят» (Голева 2011: 60).

Итак, мифологическое существо коми-пермяков суседку в представлениях коми-пермяков может быть и в мужском и в женском облике и очень редко в зооморфном образе. Оно, как отмечается в опубликованных текстах и наших полевых материалах, живёт тихо, не показывается. Выявляет себя суседку чаще к какой-либо беде.

Информанты сообщают, что спящего человека домовый дух якобы иногда давит и даже может задушить (ПМА). В превентивных целях коми-пермяки стремятся задобрить суседко, угощают хлебом-солью, в Великий четверг – пирогами. Обычай угощать духа – хозяина дома – отражается даже в детской игре коми-пермяков, которая нами была описана ранее (Мальцева 2007: 172).

Как показывают наши полевые материалы, в коми-пермяцкой среде считается, что слово «суседко» произошло от русского слова «сосед» (ПМА). Авторы энциклопедического издания «Мифология Коми» также считают, что название духа – хозяина дома *суседко* имеет русское происхождение: «Самое широкое распространение в различных диалектных вариациях (иж., к-зюзд., к-п., лл., печ., сс., уд.) имело наименование духа – хозяина дома *суседко* (< рус.)... Также широкое распространение имело другое русское заимствование, *дед* в различных вариациях, *дедко*, *дедушко* и т.д.» (Мифология 1999: 264).

Действительно, коми-пермяцкое слово «суседко» очень напоминает русское слово «сосед», имеющее общеславянские корни и соотносящееся с *съсѣдѣти* – «сидеть рядом, жить вместе» (Шанский 1975: 422). Однако обратим внимание на характеристику хозяина жилища коми-пермяков. Суседку, как отмечается в опубликованных текстах и наших полевых материалах, живёт тихо («сусеткоыс гусьон олö»); не показывается («оз мыччась»); шаги крадущиеся, чуть слышны («кокшыыс гусь, чуть кылö»); «обычно он не видим». Выявляет себя суседку чаще перед каким-либо несчастьем.

В коми-пермяцком языке есть группа слов, похожих на название мифологического существа суседку в фонетическом оформлении и семантическом значении. Это *сусек* – *закром*; *суськисись* – *скрывающий, утаивающий*; *суськисьны* – 1) *отказываться, отпираться*; 2) *скрывать, утаивать, утаить*; *суськём* – *скрытый, утаённый* 2) *скрывание*,

утаивание; *суськыны* – *скрывать, скрыть, утаить* (КПРС 1985: 459). Со значением утаивающийся, скрывающийся, тайный у тверских карел слова звучат следующим образом *šuoja* – *укрытый, тайный*; *šuojah* – *укромно, скрытно*; *šuoj//ata* – *прибрать куда-либо в укромное место* (СКЯ 1994: 280). В мордовском языке (мокша) наречие *молча, тихо* звучит как *сускомбейхть*, а человек, исподтишка делающий неприятности – змея подколодная звучит как *салавань суски пине* (С.682). Последнее выражение буквально: тайно кусающая собака. У мордвы Заволжья ларь для хранения муки, заком – *сусек* (Мордва Заволжья 1994: 61), у эрзи – *сусик* (ЭРС 1993: 625). В мордовском языке (эрзя) *салава* означает тихо, крадучись, тайком; *салавань* – тихий; *салавачи* – тайна (ЭРС 1993: 564).

Данные языковые сопоставления нас приводят к мысли, что коми-пермяцкое мифологическое существо *суседку* очень древнее божество. С учётом того, что коми-пермяцкий язык, как и другие финно-угорские языки, агглюнативный, слово *суседку* можно разделить на составляющие *сус'ед(öd/od)ку* (*сус'* – утаившийся; *мед/öd* – означает иной, другой, для сравнения: *од* – на мордва-мокшанском языке; *ку* – жилище). Буквально слово *суседку*, возможно, означало скрытый, утаившийся другой в жилище.

Итак, название духа – хозяина жилища коми-пермяков *суседку*, по нашему предположению, возникло в давние языческие времена и не является русским заимствованием.

Литература и источники

1. Голева Т. Г. Мифологические персонажи в системе мировоззрения коми-пермяков. – СПб.: Издательство «Маматов», 2011. – 272 с.
2. Грибова Л. С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. – М.: Наука, 1980. – 239 с.
3. Жили-были. Коми-пермяцкие сказки, легенды, предания, сказы, былички и бытовые рассказы на коми-пермяцком языке. // Сост. В. Климов. – Кудымкар: Пермское кн. изд-во, Коми-Пермяцкое отд-е, 1990. – 366 с.
4. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.
5. Мальцева Н. А. Своеобразие мифологических представлений коми-пермяков и их отражение в детском фольклоре. // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Материалы Международной научно-практической конференции «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодежи»

(28 – 29 ноября 2007 г., г. Кудымкар) Т.2. – Кудымкар: Алекс-Принт, 2007. – С. 167 – 176.

6. Мокшанско-русский словарь: 41000 слов. / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. – М.: Рус. яз., Дигора, 1998. – 920 с.

7. Мордва Заволжья. /Редкол.: В. И. Козлов, П. Д. Грузнов, И М Петербургский и др. – Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1994. – 184 с.

8. Пономарёва Л. Г. Речь северных коми-пермяков: Монография. – М. : Языки Народов Мира, 2016. – 514 с.

9. Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков: стереотипное издание. – Пермь: Издательский дом «Типография купца Тарасова», 2008. – 224 с.

10. Словарь карельского языка: Около 17000 слов / Ответств. редактор канд. филол наук В. Д. Рягоев. Сост. А. В. Пунжина. – Петрозаводск: Карелия, 1994. – 396 с.

11. Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. Под ред. чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударова. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: «Просвещение», 1975. – 543 с.

12. Эрзянско-русский словарь: Ок. 27000 слов / Под ред. Б. А. Серебренникова, Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. – М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.

13. Полевые материалы автора.

Попова Ольга Анатольевна,
*к. филол. н., учитель русского
языка и литературы
Кочёвской СОШ
olga.popova.00@mail.ru*

**Употребление и значение устойчивых выражений с компонентом
‘петны’/ ‘выходить, выйти’ в коми-пермяцком языке**

Аннотация. В статье собран материал по устойчивым выражениям, имеющим в своём составе компонент *петны* с точки зрения значения и употребления. Представлен список основных устойчивых выражений с компонентом *петны* в сопоставительном плане с другими пермскими языками. Исследователи пермских языков объясняют первоначальное появление подобных фразеологизмов как отражение психофизиологической деятельности человека. Подобные словосочетания активно используются в разговорной речи и в языке художественных произведений коми-пермяцких писателей, выполняя роль сказуемого в составе безличных предложений.

Ключевые слова: пермские языки, коми-пермяцкий язык, устойчивые выражения, фразеологизмы, психофизиологическая деятельность.

Olga A. Popova,
*Cand. of Science (Philology),
teacher of the Russian language
and literature of Kochevo school*

**The use and value of set expressions with the component
«петны» (quit) in Komi-Permyak**

Summary. The article contains material on stable expressions, which have a component «петны» in terms of meaning and use. The list of basic stable expressions with foam component in the comparative plan with other Permian languages is presented. Researchers of the Permian languages explain the initial appearance of such phraseological units as a reflection of human psychophysiological activity. Such phrases are actively used in colloquial speech and in the language of literary works of Komi-Permian

writers, performing the role of a predicate in impersonal sentences.

Key words: Permian languages, Komi-Permian language, stable expressions, phraseological units, psychophysiological activity.

Коми-пермяцко-русский словарь (1985) выводит 13 лексических значений коми-пермяцкого слова *петны* / *выходить, выйти* [КПРС 1985: 335]. Из них нас заинтересовали два последних значения: «брать, взять (о каком-либо чувстве)», например: *сером петö* (букв. ‘смех выходит’), *лög петö* (букв. ‘зло выходит’), и «позывать (об отправлении естественных надобностей)», например: *дуль петö* (букв. ‘слюна выходит’), *öсöм петö* (букв. ‘тошнота выходит’) и др. Данные значения объединяют в коми-пермяцком языке устойчивые единицы (или: фразеологизмы), имеющие в своём составе лексему *петны*. Нами были выделены выражения с компонентом *петны*, активно употребляющиеся в разговорном коми-пермяцком языке и художественных текстах на коми-пермяцком языке в качестве устойчивых:

бөр петö (букв. ‘обратно выходит’)
вежыс петö (букв. ‘зависть его выходит’)
госыс мылькйöн петö (букв. ‘жир его верхом выходит’)
дуль петö (букв. ‘слюна выходит’)
дыш петö (букв. ‘лень выходит’)
жаль петö (букв. ‘жалость выходит’)
завид петö (букв. ‘зависть выходит’)
киись быдöс петö (букв. ‘из рук всё выходит’)
кучикись петö (букв. ‘из кожи выходит’)
кынöм вир петö сималö (букв. ‘живот кровь выходит есть хочется’)
лög петö (букв. ‘злость выходит’)
он петö (букв. ‘сон выходит’)
öсöм петö (букв. ‘тошнота выходит’)
полöм петö (букв. ‘страх выходит’)
синва петö (букв. ‘слеза выходит’)
горзöм петö (букв. ‘плачь выходит’)
стыд петö (букв. ‘стыд выходит’)
сьöлöм öмöт петö (букв. ‘сердце через рот выходит’).

О фразеологизмах с компонентом *петны* исследователь А.С. Гантман в вузовском учебнике «Коми-пермяцкий язык» (1962) пишет следующее: «В процессе исторического развития языка некото-

рые свободные словосочетания слов застывают в неизменной форме и начинают употребляться для обозначения одного понятия. Так было, по-видимому, со словосочетаниями, в которых одним из компонентов являлось слово *петны*. В старину было обычным употребление словосочетаний *он петö* (букв. ‘сон выходит’), *лög петö* (букв. ‘зло выходит’), *дыш петö* (букв. ‘лень выходит’) и т.д., так как сон, зло, лень и т.д. являлись в примитивном представлении древних представлением деятельности души. Если в состоянии усталости человек чувствовал, что его клонит ко сну (одолевает зевота), у него складывалось представление о том, что «сон выходит» (*он петö*), лень одолевает «лень выходит» (*дыш петö*) и т.д. С течением времени эти примитивные представления забылись, а оставшиеся сочетания слов с глаголом *петны* стали устойчивыми и, таким образом, воспроизводимыми» (КПЯ 1962: 138).

О фразеологизмах с компонентом *петны* как о застывших архаических оборотах писал и автор «Краткого коми-русского фразеологического словаря» (1959) И. И. Тарабукин: «Раньше обороты с глаголом *петö* (обозначавшем не только «выходит», но и «имеется желание») имели, по-видимому, широкое распространение. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что образования, аналогичные приведённым, в современном удмуртском языке ... являются весьма продуктивными...» (Тарабукин 1959: 5).

По мнению удмуртского профессора И.В. Тараканова, “круг слов, употребляющихся с глаголом *потыны*, первоначально, по-видимому, был ограниченным и касался в основном тех слов, которые обозначали понятия, связанные с психофизиологической деятельностью организма. Всё словосочетание первоначально употреблялось, по-видимому, в значении “находиться в таком-то состоянии”, поэтому глагол *потыны* в подобных словосочетаниях легко приобрёл более отвлечённое значение “хотеть, желать”, т. е. буквально “хочет выйти, желает выйти” (Тараканов 1998: 186).

В коми языках подобные аналитические конструкции с глаголом *петны* в значении ‘хотеть, желать’ не приобрели широкого распространения и замкнулись. В удмуртском же языке данные образования в период самостоятельного развития удмуртского языка развились далее, расширились и в настоящее время являются весьма продуктивными аналитическими конструкциями, обозначающими не только физиче-

ское и психофизиологическое состояние человека: *сиеме потэ* 'мне хочется есть' (букв. 'моя еда выходит'), *ветлэмед потэ* 'тебе хочется ходить' (букв. 'твое хождение выходит'), *биче потэ* 'мне щекотно' (букв. 'моя щекотка выходит'), *воже потэ* 'сержусь' (букв. 'мое зелье выходит'), но и выступающими «в функции грамматического форматива, сохраняя в себе лишь идею движения» (Тараканов 1998: 182): *учкеме потэ*, *ветлэмед потэ* и др.

Авторами «Краткого этимологического словаря коми языка» (1999) лексема *петны* выйти / 'выйти' отмечена как общеп. **pet*:- к. *петны*, к-п. *петны*, к.-яз. *пэ'тнө*, удм. *потыны* в значении «выйти» (КЭСКИЯ 1999: 220), что даёт возможность обозначить фразеологические соответствия в каждом из пермских языков (Таблица 1).

Из сопоставительной таблицы видно, что:

1. Устойчивые выражения с компонентом *петны* в основном имеют соответствующие эквиваленты во всех пермских языках.

2. Круг устойчивых выражений, употребляющихся с глаголом *петны/петö* касается моментов, имеющих значения: «чувства» или «естественные потребности человека», а также отвлечённое значение: «хотеть, желать».

Рассмотрим данные устойчивые словосочетания с глаголом *петны* в художественных текстах. Для анализа мы взяли произведения коми-пермяцких классиков: В. Климова, С. Федосеева, В. Исаева, И. Минина, В. Баталова. В Таблице 2 приведены отдельные предложения с анализируемыми устойчивыми выражениями.

В приведённых предложениях отражаются разные состояния чувств и состояния героев.

Чаще всего в художественных текстах встречаются фразеологизмы: *дыш петö*, *полöм петö*, *лöг петö*. Авторы включают подобные выражения в тексты, тем самым наполняя речь персонажей эмоциональностью, яркостью.

В коми-пермяцком языке выражения с компонентом *петны* выражают одно понятие, чаще входят в состав безличных предложений, являются одним членом предложения, выполняют роль сказуемого: *Лöгыс петö Васькалöн* (В. Исаев) *Сылöн дышыс петö уджавны*. (В. Климов) *Гортö дыш петö мунны*. (В. Исаев).

В коми-пермяцком языке, как и в других пермских языках, встречаются и другие архаические загадки-фразеологизмы, имеющие в своём

составе один и тот же компонент и обозначающие психофизиологическое состояние человека. Например: в коми-пермяцком языке – *завид кутӧ* (букв. ‘зависть ловит’), *стыд кутӧ* (букв. ‘стыд ловит’), *рам кай кутӧ* (букв. ‘добрая птица ловит’); коми языке – *гажӧй быри* (букв. ‘моё веселье иссякло’), *сьӧлӧм вылӧ воны* (букв. ‘прийти на сердце’), *унмӧй локтӧ* (букв. ‘сон приходит’) и др.

Литература

1. КПРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз. – 1985. – 624 с.
2. КПРС 1993 – Коми-пермяцко-русский и русско-коми-пермяцкий словарь / Сост. Г.И. Немтинова, В.В. Федосеева, Л.Ф. Яркова. Кудымкар. – 1993. – 288 с.
3. КПЯ – Коми-пермяцкий язык. Учебник для высших учебных заведений. Кудымкар: Коми-пермяцкое кн. изд-во. – 1962. – С.138.
4. КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство. – 1999. – С. 220.
5. Лыткин В.И., Коми-язьвинский диалект. М. – 161. – С.163.
6. Тарабукин И.И., Краткий коми-русский фразеологический словарь / Под ред. проф. В. И. Лыткина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во. – 1959. – 149 с.
7. Тараканов И.В., Употребление и значения аналитических форм глагола с *потыны* в удмуртском языке // Исследования и размышления об удмуртском языке: Сб. статей: Пособие для вузов. Ижевск: Удмуртия. – 1998. – С.181–197.

Таблица 1

Коми-перм. язык	Коми язык	Удмуртский язык	Значение
бөр петӧ			тошнит
вежыс (завид) петӧ	веж(ӧй) петӧ	дыльды шыр кошке	завидно
дуль петӧ	дуль петӧ	дыльды потто	завидно
госыс мылькйӧн петӧ		кӧй голям (голь на сало)	привередничать от пресыщения, безделья
горзӧм петӧ	горзӧм петӧ	бӧрдыса потэ	хочется плакать
дыш петӧ	дыш(ӧй) петӧ	мыл уг поты	лень
жаль петӧ	жалыс петіс		жалко
кучикись петӧ	кышысь петӧ	мылысь-кыдысь тыршыны	стараться что-либо сделать
кынӧм вир петӧ сималӧ	кынӧм сюмалӧ	сиеме потэ	хочется есть
лӧг петӧ	лӧгӧй петӧ	воже потэ	злиться
он петӧ	ун локтӧ	иземе потэ	хочется спать
ӧсӧм петӧ	век петӧ	ӧскем потэ	тошнит
полӧм петӧ	полӧй петӧ	кышкамед потйз	боязно
серӧм петӧ	серам петӧ	серем потэ	смешно
синва петӧ		синкылиос пото	хочется плакать
синсис би петӧ	синсьыс би петӧ		сердиться, злиться
стыд петӧ		возьыт потйз	стыдно
сьӧлӧм ӧмӧт петӧ		кышкан потйз	1) испугаться; 2) беспокоиться

Таблица 2

он петӧ	<i>Кинлӧ охота уджавны ойнас, кӧр он <u>петӧ</u> и номмес сёйдыны? (С. Федосеев)</i>
серӧм петӧ	<i>Врагыс сералӧ и ась сералӧ, кытчӧдз <u>серӧмыс петӧ</u>, кытчӧдз вынажык. (С. Федосеев) <u>Смех петӧ</u> видзӧтны: сувтасӧ пидзӧссз вылӧ и брякӧтӧны кымӧссззнаныс джодж кузя. Юрбитӧны</i>
полӧм петӧ	<i><u>Полӧм петӧ</u> и навкӧтчыны сэтшӧм басӧкыс бердӧ, мед не жугӧтны пежъялан доннэсӧ. (С. Федосеев) Городскӧй мортлӧ луннас <u>полӧм петӧ</u> вӧрын, а ӧнӧ охота вӧлӧ унъявны кӧин моз. (И. Минин) Керрес гольдӧтӧны – <u>полӧм петӧ</u> кайны – кок чегӧтан... (В. Климов) Сэтчинсянь <u>полӧм петӧ</u> нельки улӧ видзӧтны. (В. Баталов)</i>
дыш петӧ	<i>Кӧть мый висътав, кӧть вид, кӧть ошкы, сё шыннӧлӧ, только вот <u>дышыс петӧ</u> уджавнытӧ, а деньга йыльс оз вунӧт. (С. Федосеев) Сывӧ эд кружка ырӧш <u>дыш петӧ</u> удны. (А. Ермаков)</i>
лӧг петӧ	<i><u>Лӧг петӧ</u> сэтшӧм мортис вылӧ, кӧр сӧя тэ вылын сералӧ. (С. Федосеев) Оз радейт сӧя Гошасӧ, <u>лӧгыс сӧ</u> вылӧ <u>петӧ</u> невна. (В. Климов) <u>Лӧг</u> менам ӧддӧн <u>петӧ</u> богатӧйес вылӧ. (В. Баталов)</i>
кучикисъ петӧ	<i>Питиртӧ кӧз йылын ватикан, <u>кучикисъ петӧ</u> – гажӧтӧ тулысӧ. Нарошно муна тӧянӧ, ась кучикисъ петӧ тожно... (В. Климов)</i>
синва петӧ	<i>Сергей осьтис цистерна горловинасӧ и чуть <u>синваэс эз петӧ</u> – сэтшӧм сылӧ любо вӧлӧ кывны горючӧйлӧс тӧдса дуксӧ... (И. Минин) Дед кваркыш керис ӧзор синлыссьзнас, кашляйтшис и, медбы <u>синваэс эз петӧ</u> челядьыс одзын, недыр дугдылӧс висътасьны. (В. Баталов)</i>
стыд петӧ	<i><u>Стыд петӧ</u> висътавны, дружок... (И. Минин)</i>
дульыс петӧ	<i>Кыным ни год чулалӧс, кызд медбӧрьяисъ юис Покров лунся сурсӧ, а кызд уяс сурыс тӧдвылас, сӧдз и <u>петӧ дульыс</u>. (В. Климов)</i>
кынӧм вир петӧ сималӧ	<i>Но уж сӧдз и ло, – согласитчис кӧин, – мыччав – веселитчыит невна аслат кулӧм одзын. Только недыр, а то менам <u>вир петӧ</u> – <u>кынӧм сималӧ</u>. (В. Баталов) Лун оськалӧ, кыкӧ оськалӧ, а <u>кы</u> нӧмыс <u>вир петӧ сималӧ</u>. (В. Климов)</i>

Ракин Анатолий Николаевич,
д. филол. н., главный научный сотрудник
сектора языка ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Генезис метеорологической лексики коми-пермяцкого языка

Аннотация. С точки зрения происхождения в составе метеорологической лексики коми-пермяцкого языка различаются исконные образования и заимствования. Формирование и развитие исконного фонда происходило на основе внутренних ресурсов на всех важнейших этапах эволюции исследуемого языка – в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, общепермскую, пракоми эпохи и в последующие периоды. Верхнюю позицию в диахронической иерархии метеорологической лексики занимают собственно коми-пермяцкие обозначения, возникшие после отделения от предков коми-зырян. Иноязычный компонент состоит из поздних заимствований. Ранние заимствования древнебулгарского происхождения, имеющиеся в других пермских языках, в современном коми-пермяцком языке не употребляются. В качестве внешнего источника пополнения коми-пермяцкой метеонимии послужила лексика русского литературного языка и соседних русских народных говоров.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, метеорологическая лексика, исконный фонд, заимствования, источники заимствований.

Anatoly N. Rakin,
Dr. of Science (Philology),
Chief Research Scientist
of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS
E-mail: anatolij.rakin@mail.ru

Genesis of meteorological vocabulary of the komi-permian language

Summary. From the point of view of origin in the composition of meteorological vocabulary of the Komi-Permian language the primordial

formations and borrowings are distinguished. The formation and development of the primordial fund was based on internal resources, at all crucial stages of evolution of the studied language - in proto-Uralic, proto-Finno-Permian, proto-Finno-Ugrian, common Permian, proto-Komi epochs and in subsequent periods. The top position in the diachronic hierarchy of meteorological vocabulary is taken by the Komi-Permian designations that arose after separation from the ancestors of the Komi-Zyryans. The foreign language component consists of late borrowings. Early borrowings of ancient Bulgarian origin, available in other Permian languages, are not used in the modern Komi-Permian language. The vocabulary of the Russian literary language and the neighboring Russian folk dialects served as the external source of the replenishment of the Komi-Permian metonymy.

Key words: the Komi-Permian language, meteorological vocabulary, primordial fund, borrowings, sources of borrowings.

Метеорологическая лексика относится к основному словарному фонду коми-пермяцкого языка. По данным нашей картотеки она состоит из 180 метеонимов, обозначающих 134 объекта номинации. Как и в любом естественном языке, коми-пермяцкая метеонимическая лексика состоит из двух частей: исконный фонд и заимствования.

Исконный фонд метеорологической лексики коми-пермяцкого языка с точки зрения происхождения представляет собой многослойную структуру. В соответствии с хронологией возникновения в нём различаются допермские, общепермские, пракоми и собственно коми-пермяцкие образования. Допермские (прауральские, прафинно-угорские, прафинно-пермские), прапермские и пракоми метеорологические названия составляют общее наследие всех трёх или двух современных пермских языков. Собственно коми-пермяцкие метеонимы – поздние образования, возникшие после распада прапермской и пракоми языковых общностей.

I. Группа прауральских метеонимов состоит из двух обозначений, относящихся к одной микросистеме – названиям атмосферных осадков: **kura* «иней, мелкий снег» (Redei 1988: 215) > кп. *гыӧр* «иней», кз. *гыӧр* «тж», удм. *гӧр* «иней; изморозь». Генетические соответствия имеются в финском, карельском, саамском, мансийском и селькупском языках; *s'arW* «твёрдый снег, ледяная корка на снегу» (Redei 1988: 464) > кп. *чарӧм* «наст», кз. *чарӧм* «тж». В современном удмуртском языке данный

метеоним не употребляется. Генетические соответствия имеются в венгерском, ненецком, селькупском, камасинском языках.

II. Для древних метеонимов прафинно-угорского происхождения в пермских языках реконструируют 11 праформ (Ракин 2016: 45), в том числе 8 для коми-пермяцких: **sä\W* «воздух» (Rédei 1988: 435) > кп. *сынõt* «маревое», кз. *сынõд* «воздух». В удмуртском языке не употребляется. Генетические соответствия имеются в финском и венгерском языках; **el'W* «сырой, мокрый» (Rédei 1988: 73) > кп. *уль* «сыро, влажно», кз. *уль* «сыро, влажно», удм. *ыль* «сыро, влажно». Генетические соответствия имеются в марийском и мансийском языках; **len'W* (Rédei 1988: 246). Для праформы реконструируется не метеорологическая семантика: «мягкий, вялый». Кп. *лõнь* «безветренно», кз. *лõнь* «безветренно». В удмуртском языке не употребляется. Генетические соответствия приводятся из финского, эстонского, мансийского и хантыйского языков; **koje* «утренняя заря» (Rédei 1988: 167) > кп. *кыа* «заря», кз. *кыа* «заря». В удмуртском языке не употребляется. Генетические соответствия имеются в финском, эстонском, мансийском и хантыйском языках; **kumW* «облако; туча» (Rédei 1988: 204) > кп. *кымõр* «облако туча», кз. *кымõр* «облако; туча». В удмуртском языке не употребляется, удм. *пилем* «облако; туча» с коми примерами этимологически не связано. Соответствия имеются в финском, мансийском, венгерском и мордовских языках; **ratW* (**rote*) «пар; дым; туман» (Rédei 1988: 420) > кп. *ру* «воздух», кз. *ру* «туман». В удмуртском языке соответствие имеет не метеорологическое значение; *у* «раскалённые (горящие угли)». Генетическое соответствие имеется в хантыйском языке; **CHarW*- «молния» (КЭСК 1999: 302) > кп. *чардби* «молния», кз. *чард* «молния». Удмуртское *чар*, сопоставляемое с коми примерами, имеет не метеорологическое значение «треск разрываемой материи». Для обозначения молнии там употребляется слово *чилектэм*, которое этимологически с коми примерами не связано. Генетические соответствия приводятся из венгерского, саамского, марийского и эрзянского языков; **piCW* (**peCW*) «иней; роса» (Rédei 1988: 377) > кп. *пуж* «иней», кз. *пуж* «иней», удм. *пужмер* «иней». Сопоставляются с саамским, марийским и хантыйским примерами.

III. Группа метеонимов прафинно-пермского происхождения состоит из 7 примеров, относящихся к трём микросистемам – к обозначениям состояния атмосферы, осадков и ветров: **koksW* «сухой» (Rédei

1988: 670) > кп. *kös* «сухо», кз. *kos* «сухо», удм. *kös* «сухо». Пермские слова сопоставляются с марийскими названиями; **kä®W* «стать холодным, простужаться» (Rédei 1988: 648) > кп. *köдыт* «холодно», кз. *köдыт* «холодно», удм. *кезыт* «холодно». Соответствующий пример приводится из марийского языка; **pos'W* «горячий, жара, зной» (Rédei 1988: 738) > кп. *пось* «жарко», кз. *пось* «жарко», удм. *пось* «жарко». Соответствия приводятся из марийского и мордовских языков; **SonW* «тёплый» (Rédei 1988: 787) > кп. *шоньит* «тепло», кз. *шоньид* «тепло», удм. *шуныт* «тепло». Сопоставляются с финским и эстонским примерами; **jaCW* «твёрдый снежный покров» (Rédei 1988: 630) > кп. *юж* «плотный, протоптанный снег», кз. *юж* «плотный снег», удм. *юж* «наст». Сопоставляется с марийским и саамскими примерами; **lume* «снег» (Rédei 1988: 253) > кп. *лым* «снег», кз. *лым* «снег», удм. *лымы* «снег». Сопоставляются с финским, эстонским, саамским, марийским и мордовскими примерами; **tule* «ветер» (Rédei 1988: 800) > кп. *төв* «ветер», кз. *төв* «ветер», удм. *төл* «ветер». Сопоставляются с финским, эстонским и марийским примерами.

IV. Метеонимическая лексика общепермского происхождения унаследована из прапермского языка-основы. Обозначения данной диахронической группы употребляются только в современных пермских языках и дальнеродственных соответствиях не имеют: **sajk2t* «прохладно, свежо» (КЭСК 1999: 248) > кп. *сайкыт* «прохладно», кз. *сайкыд* «прохладно», удм. *сайкыт* «прохладно»; **8rkit* «прохладно, свежо» (КЭСК 1999: 329) > кп. *ыркыт* «прохладно, свежо», кз. *ыркыд* «прохладно, свежо», удм. *ыркыт* «прохладно, свежо»; **remit* «сумерки» (КЭСК 1999: 244) > кп. *рөмдандор* «время перед сумерками», кз. *рөмыд* «сумерки», удм. *омыт* «сумерки»; **zer* «дождь» (КЭСК 1999: 108) > кп. *зэр* «дождь», кз. *зэр* «дождь», удм. *зор* «дождь»; **l8s-va* «роса» (КЭСК 1999: 164) > кп. *лысва* «роса», кз. *лысва* «роса», удм. *лысву* «роса»; **Sšl'* «сырой снег» (КЭСК 1999: 321) > кп. *шоль* «влажный, сырой», кз. *шоль* «талый, зернистый весенний снег», удм. *шуль* «мокрый, сырой», *шуль* *лымы* «мокрый снег» и т.д.

V. Метеонимическая лексика пракоми происхождения характеризуется тем, что её формирование происходило после распада прапермской языковой общности и расхождения предков коми с древними удмуртами. Поэтому данный разряд лексических единиц, в основном, употребляется только в двух северных пермских языках – в коми-зырян-

ском и коми-пермяцком. Генетические соответствия им в удмуртском языке отсутствуют. Пракоми метеонимы содержатся в четырёх микро-системах исследуемой лексики: **tiC'a* «ясно, безоблачно» > кп. *мича* «ясно, безоблачно», кз. *мича* «ясно, безоблачно»; **g8t* «гром» > кп. *гым* «гром», кз. *гым* «гром»; **Ser* «град» > кп. *шер* «град», кз. *шер* «град»; **turep* «пурга» > кп. *турён* «пурга», кз. *турёб* «пурга» и т.д. Вместо метеонимов пракоми происхождения в удмуртском языке употребляются собственно удмуртские образования, например, *пилемтэм* «ясно, безоблачно», *гудыри* «гром», *йёкуштон* «град», *пельскон* «пурга» и т.д.

VI. В диахронической иерархии метеонимической лексики самую верхнюю (или позднюю) позицию занимают собственно коми-пермяцкие обозначения. Это такие образования, которые употребляются только носителями коми-пермяцкого языка и ни близкородственных, ни дальнеродственных соответствий не имеют: *югыт* «ясно», *чукора кымёр* «кучевое облако», *чарньёв* «молния», *пемдандор* «сумерки», *потииша кымёр* «перистое облако», *югдыштлём* «зарница», *борда кымёр* «перистое облако», *куш йы* «гололедица», *тёлок* «ветерок», *тёвчик* «вихрь», *ыджыт төв* «буря» и т.д. В составе собственно коми-пермяцких метеонимов по своей структуре различаются однословные обозначения, композиты и составные названия. У большинства названий, состоящих из двух и более частей, смысловое содержание понятно. Обычно оно связано с конкретным признаком номинации. Во многих случаях мотивированные метеонимы являются метафорическими названиями и образно выражают обозначаемое явление: *чарньёв* «молния» (букв. стрела молнии), *борда кымёр* «перистое облако» (букв. крылатое облако), *лым вевттьёт* «снежный покров» (букв. снежное покрывало) и т.д.

Составной частью метеонимической лексики пермских языков является иноязычный компонент. В зависимости от времени проникновения в нём различаются ранние и поздние заимствования. К числу ранних заимствований в системе метеорологической лексики, появившихся в прапермскую эпоху, относится название бури, для которого праформа реконструируется в виде **s'8/-* «буря, ураган». Этот метеоним возводится к древнебулгарскому источнику. В качестве доказательства его не исконности приводится чув. *сил* «ветер», имеющее параллели в других тюркских языках, например, в башкирском и киргизском (КЭСК 1999: 271). О существовании данного обозначения известно из письменных памятников древнекоми языка: *сьыв* дп. «буря, ураган» (КЭСК 1999:

271). Сохранилось оно и употребляется сейчас в некоторых диалектах коми-зырянского языка: *сьыы* вым. иж., *сив* нв. уд. «буря, сильный ветер» (ССКЗД 1961: 356). Приводится это слово как общеупотребительное в последнем издании Коми-русского словаря: *сьыв* «буря; ураган; сильный ветер» (КРК 2000: 627). В современном коми-пермяцком языке не употребляется, видимо, было утрачено. В удмуртском языке соответствие коми-зырянскому слову имеется, но не в качестве самостоятельного слова, а лишь как компонент в составе таких двучленных названий, как *сильтӧл* «ураган; буря», *сильнуэм* «бурелом» (УРС 1983: 389).

Группа поздних заимствований в составе коми-пермяцкой метеорологической лексики состоит из обозначений русского происхождения. Остальные три типа иноязычных названий (прибалтийско-финские, тюркские и марийские), характерных для других близкородственных языков, здесь отсутствуют.

В качестве источника заимствования для части метеонимов послужила лексика русского литературного языка: *атмосфера* «атмосфера» (КПРС 1985: 23) < рус., ср. атмосфера «газообразная оболочка Земли и некоторых других планет» (СРЯ 1981: 50); *воздух* «воздух» (КПРС 1985: 78) < рус., ср. *воздух* «образующая атмосферу Земли смесь газов, главным образом азота и кислорода, необходимых для жизни человека, животных, растений» (СРЯ 1981: 199); *климат* «климат» (КПРС 1985: 176) < рус., ср. климат «многолетний режим природы, свойственный той или иной местности на земле и являющийся одной из её географических характеристик» (СРЯ 1982: 58); *температура* «температура» (КПРС 1985: 473) < рус., ср. температура «степень нагретости чего-л. (какого-л. тела, вещества)» (СРЯ 1984: 352); *жар* «жарко» (КПРС 1985: 140) < рус., ср. жар «жара, зной» (СРЯ 1981: 472); *заря* «заря» (КПРС 1985: 147) < рус., ср. заря «яркое освещение горизонта перед восходом и после захода солнца» (СРЯ 1981: 568); *радуга* «радуга» (КПРС 1985: 397) < рус., ср. радуга «разноцветная полоса на небе, образующаяся вследствие преломления солнечных лучей в дождевых каплях» (СРЯ 1983: 581) и т.д.

Следующие метеонимы не исконного происхождения в коми-пермяцкий язык проникли из русских народных говоров: *падер* «непогода; снегопад; метель, пурга» (КПРС 1985: 313) < рус., ср. падер «метель, пурга»; *падера* «метель, пурга; снегопад; ветер с дождём или мокрым снегом» (СРГСУ 1981: 105); *погоддя* «погода» (КПРС 1985: 350) < рус.,

ср. погодьё «погода» (СРГСУ 1983: 45); *погодьё* «общее состояние погоды, по местности или климат» (Даль 1990: 256). Как и для коми-зырянского *поводдя* «погода» (см. Ракин 2015: 27) непосредственным источником заимствования послужила форма множественного числа русского слова *погодья*; *мускыт* «влажно» (КПРС 1985: 259) < рус., ср. мусклый «пасмурный», мусклая погода (СРНГ 1982: 36). При заимствовании произошла трансформация семантики исходного слова, в коми-пермяцком языке оно приобрело значение «влажно, влажный»; *кижа* «изморозь; иней» (КПРС 1985: 172) < рус., ср. кѣжа влгд., кижá тамб. «снег, валящий большими хлопьями, густо, и лежащийся рыхло» (Даль 1989: 197) (см. КЭСК 1999: 123); *куржава* «иней; изморозь» (КПРС 1985: 203) < рус., ср. куржа, куржавень «изморозь; иней» (Даль 1989: 154); *тола* «сугроб» (КПРС 1985: 476) < рус., ср. *тола* «сугроб» (СРНГ 2011: 181) (см. КЭСК 1999: 281; Лыткин 1955: 120); *пурга-падера* «сильная метель (вьюга), пурга» (КПРС 1985: 313) < рус., ср. пурга-падера «сильная снежная метель; сильный ветер» (СРНГ 1990: 128); *погода* «ветер» (КПРС 1985: 350) < рус. ср. погода «ветер» (СРНГ 1992: 298).

Таким образом, метеорологическая лексика коми-пермяцкого языка представляет собой многокомпонентную (по предметно-понятийному содержанию) и многослойную (по происхождению) самостоятельную систему. Её формирование и развитие происходило на всех важнейших этапах истории пермских языков – в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую, пракоми эпоху и в последующие периоды. Основу коми-пермяцкой метеорологической лексики составляет исконный фонд. Иноязычный компонент, состоящий из поздних заимствований, составляет незначительный удельный вес и существенного воздействия на данную отрасль словарного состава не оказал.

Сокращения

вым. – вымский диалект коми-зырянского языка, дп. – древнепермский язык, иж. – ижемский диалект коми-зырянского языка, кз. – коми-зырянский язык, кп. – коми-пермяцкий язык, нв. – нижневыхгодский диалект коми-зырянского языка, рус. – русский язык, уд. – удорский диалект коми-зырянского языка, удм. – удмуртский язык, чув. – чувашский язык.

Литература

1. Даль 1989 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М.: Рус. яз. 1989. – 779 с.
2. Даль 1990 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 3. М.: Рус. яз. 1990. – 555 с.
3. КИРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь. М.: Рус. яз. 1985. – 624 с.
4. КРК 2000 – Коми-роч кывчукор. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000.– 816 с.
5. КЭСК 1999 – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар: Коми кн. изд.-во., 1999 – 430 с.
6. Лыткин 1955 – Лыткин В.И. Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам. М.: Изд-во АН СССР. 1955. – 128 с.
7. Ракин 2015 – Ракин А.Н. Метеорологическая лексика в пермских языках (общесистемные обозначения) // Финно-угроведение. 2015, № 1. – С. 25–33.
8. Ракин 2016 – Ракин А.Н. Генезис метеорологической лексики коми языка // Финно-угорский мир. 2016, № 4. – С. 45–52.
9. СРГСУ 1981 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 3. Свердловск: Изд. УрГу. 1981. – 128 с.
10. СРГСУ 1983 – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 4. Свердловск: Изд. УрГу. 1983. – 136 с.
11. СРНГ 1982 – Словарь русских народных говоров. Вып. 18. Ленинград: Изд.-во «Наука». 1982. – 367 с.
12. СРНГ 1990 – Словарь русских народных говоров. Вып. 25. Ленинград: Изд.-во «Наука». 1990. – 352 с.
13. СРНГ 1992 – Словарь русских народных говоров. Вып. 27. Санкт-Петербург: Изд.-во «Наука». 1992. – 400 с.
14. СРНГ 2011 – Словарь русских народных говоров. Вып. 44. Санкт-Петербург: Изд.-во «Наука». 2011.–349 с.
15. СРЯ 1981 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 1. М.: Рус. яз. 1981. – 689 с.
16. СРЯ 1982 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 2. М.: Рус. яз. 1982. – 736 с.
17. СРЯ 1983 – Словарь русского языка: В 4 т. / Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 3. М.: Рус. яз. 1983. – 752 с.
18. СРЯ 1984 – Словарь русского языка: В 4 т./ Под редакцией А.П. Евгеньевой. Т. 4. М.: Рус. яз. 1984. – 794 с.
19. ССКЗД 1961 – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. – 490 с.
20. УРС 1983 – Удмуртско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1983. –592 с.
21. Redei 1988 – Redei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. – Band 1-2. Budapest, Akademiai Kiado, 1988.– 906 s.

Степанова Ольга Алексеевна,
 аспирант Института удмуртской филологии,
 финно-угроведения и журналистики
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
 университет»
 e-mail: troninaolga@yandex.ru

**Роль 20–30-ых гг. XX века в становлении и развитии
 общественно-политической терминологии удмуртского языка**

Аннотация. В формировании и развитии общественно-политической терминологии удмуртского языка особо следует выделить 1920–1930-ые годы XX века. Это связано прежде всего с фактами исторической действительности, так как именно в общественно-политической терминологии любого языка в полной мере отражается широкий спектр общественных изменений. Рассматриваемый период характеризуется сознательным и системным подходом к созданию терминов, большое количество этих новообразований закрепились в лексической системе удмуртского языка.

Ключевые слова: терминология, удмуртский язык, общественно-политическая лексика, общественно-политическая терминология, язык и общество.

Olga A. Stepanova,
 Postgraduate Student of Institute of Udmurt
 Philology, Finno-Ugric Studies and Journalism,
 Udmurt State University
 e-mail: troninaolga@yandex.ru

**The role of the 1920-1930s of the 20th century in the formation and
 development of the social and political terminology of the udmurt
 language**

Summary. In the formation and development of the social and political terminology of the Udmurt language, the 1920s-30s of the 20th century should be especially distinguished. This is primarily due to the facts of historical reality, since the social and political terminology of any language

fully reflects a wide range of social changes. The period under consideration is characterized by a conscious and systematic approach to the creation of new terms and a large number of these neoplasms entrenched in the lexical system of the Udmurt language.

Key words: terminology, Udmurt language, political vocabulary, political terminology, language and society.

Функционирование общественно-политической терминологию любого языка следует рассматривать в тесной связи с историческими событиями: не просто обращением к отдельным фактам внеязыковой действительности, а с учётом широкого социального, политического, исторического, культурного контекста. В некоторые периоды жизни общества здесь в исторически короткие промежутки времени происходят такие изменения, которые в других лексико-семантических подсистемах растягиваются на столетия и чем интенсивнее изменения в разнообразных сферах общественной жизни, тем активнее изменяется лексика на каждом этапе её становления.

Учитывая вышесказанное, в истории становления удмуртской общественно-политической терминологии особо следует выделить 1920–1930-ые гг. XX века.

Так, сразу после Октябрьской революции 1917 г. новая власть в качестве одного из важнейших принципов национальной политики определила развитие национальных языков. В то время государственные и партийные органы проводили целенаправленную работу по расширению сферы применения и функций удмуртского языка: формировали систему национального просвещения, создавали условия для функционирования удмуртского языка в качестве государственного наравне с русским (на всех советских собраниях и заседаниях в пределах Вотской автономной области оба языка были уравнены в правах; все документы – постановления, приказы, инструкции, объявления и т. п. – печатались одновременно на удмуртском и русском языках; печати, штампы и вывески всех госучреждений, госпредприятий и общественных организаций, дощечки с названиями селений, станций и улиц в городах ВАО должны были исполняться обязательно на русском и удмуртском языках).

Однако использование удмуртского языка во всех сферах жизни имело свои трудности – отсутствие необходимой терминологии. По-

этому развёртывается широкая работа по созданию новой лексики, в том числе большое внимание уделялось развитию общественно-политической терминологии. Важность формирования данной отраслевой группы терминов обуславливалась ещё и той ролью, которую играла и играет политика и политическая коммуникация в любом развитом обществе.

Этот процесс активизируется с началом работы специально созданной Комиссии по реализации удмуртского языка, впоследствии названной «Рудья». В состав комиссии были включены известные общественно-политические деятели, журналисты, лингвисты: М. И. Ильин, Т. К. Борисов, Д. И. Корепанов (Кедра Митрей), П. Д. Горохов, К. М. Баушев, К. П. Чайников (Кузедбай Герд). В последующие годы состав комиссии менялся, дополнялся. В разное время в ней также работали С. П. Жуйков, И. С. Михеев, И. Д. Дмитриев-Кельда и другие известные удмуртские педагоги, писатели, просветители. Уже на первом заседании, 19 сентября 1925 г., комиссия говорила о важности установления принципов терминологии и словообразования.

Наиболее успешно в эти годы в области терминотворчества работает общественный деятель, этнограф и поэт Кузедбай Герд. Он ввёл в научный оборот слова по разным отраслям науки и техники, в том числе и в общественно-политической сфере. В 1928 году в 15-м номере журнала «Кенеш» Кузедбай Герд опубликовал целый словник, включающий в себя 244 новых термина, 99 из которых можно отнести к общественно-политической лексике. Большинство из них образованы в результате буквального калькирования или использования внутренних словообразовательных ресурсов удмуртского языка: *азьветлйсь* ‘предводитель, вождь’ (Кузедбай Герд 2004: 208), *кунгож съёр* ‘заграница’ (Кузедбай Герд 2004: 209), *кылож* ‘дискуссия’ (Кузедбай Герд 2004: 210), *кенеш* ‘совещание, совет’ (Кузедбай Герд 2004: 210), *ёнерлык* ‘промышленность’ (Кузедбай Герд 2004: 212), *югытлык* ‘просвещение’ (Кузедбай Герд 2004: 213) и др. Большая часть из предложенной лексики закрепились в словарном составе современного удмуртского языка.

Новые слова с общественно-политической окраской начали активно применяться и на страницах ведущей удмуртской газеты «Гудыри». Рост неологизмов общественно-политического характера можно проследить, например, на материалах газеты за 1926 год: *Соослэн вичак бергась коньдонзы 1-тй октябре 500 миллён лыд'яське вал* ‘Их

капитал на 1 октября насчитывал 500 миллионов'. *Вайяськон уж'ёс, мынтйт луон'ёс парти пöлын али но жутскыло* 'Раздвоения, явления оппозиции и сейчас происходят внутри партии'. Кроме того, в материалах газеты «Гудыри» встречаются следующие неологизмы с общественно-политическим: *пырысь-потйсь коньдон* 'бюджет', *коньдон понйсьёс* 'вкладчики', *ужам мед* 'жалование', *отчам* 'собрание', *законэз валатйсь* 'юристконсультант', *дур басьтйсь* 'защитник', *куриськон* 'заявление' и т. д.

Помимо неологизмов в газетных статьях активно начали употребляться и многочисленные советизмы: язык стал трудным для восприятия. В помощь читателям в 1926 году выходит книга Е. Ф. Евсеева «Газет лыдзисьёслы кыл валэктон» ('Словотолкователь читателям газет'). Эта работа – своего рода первый русско-удмуртский словарь общественно-политических терминов. В него вошли около 1 300 наименований. Кроме толкования общественно-политических терминов, в нём даётся разъяснение некоторым узкоспециальным словам и терминам. В этом словаре можно встретить следующие общественно-политические термины: *лöпкытьясь* 'агитатор' (Евсеев 1926: 6), *радтэк улон* 'анархия' (Евсеев 1926: 9), *Бадзым суд* 'трибунал' (Евсеев 1926: 124), *выжы коньдон* 'основной капитал' (Евсеев 1926: 93), *ваньбурен тырон* 'натуральная плата' (Евсеев 1926: 89), *калык бугыр'яськон* 'бунт' (Евсеев 1926: 22) и т.д. Таким образом, этот словарь в полной мере отразил изменения общественно-политической терминологии советского периода.

Нельзя не отметить еще один словарь, включающий в себя общественно-политическую лексику советской эпохи. Важными разделами «Практического вотско-русского словаря» (1930) С. П. Жуйкова стали два приложения, содержащие образцы деловых бумаг, а также словарь канцелярской терминологии. Большинство неологизмов, включённых в этот словарь-приложение, можно с уверенностью отнести к общественно-политическим терминам: *веран мылкыд* 'лозунг' (Жуйков 1930: 107), *вожвыль'яськон* 'прения' (Жуйков 1930: 105), *закон выжы* 'конституция' (Жуйков 1930: 106), *кенешон уж'ёс* 'повестка дня' (Жуйков 1930: 106), *огазыйтскон* 'союз' (Жуйков 1930: 107), *узатон* 'провокация' (Жуйков 1930: 109) и т.д. Среди предложенных С. П. Жуйковым терминов встречаются довольно удачные, но, к сожалению, большинство из них не успело закрепиться в литературном языке.

1920–1930-ые годы характеризуются также интенсивной работой по переводу учебников и учебных пособий на удмуртский язык. Благодаря этому в целом активно развивались отраслевые терминосистемы. Однако общественно-политическая терминология в учебниках обществоведения представлена довольно слабо. Это связано, прежде всего, с идеологическим характером данного школьного предмета и стремлением использовать русский язык при обозначении новых реалий, в частности, обозначающих государственные учреждения и партийные должности советского времени. Советизмы подвергались лишь частичной адаптации системе удмуртского языка (см. в частности, учебник по обществознанию (Овсянникова 1933): *революцио движение* ‘революционное движение’, *хими промышленность* ‘химическая промышленность’, *манифес* ‘манифест’, *собственность* ‘собственность’, *пролетар революции* ‘пролетарская революция’ и т. п.

Таким образом, 1920–30-ые гг. – один из переломных периодов не только в политическом и социально-экономическом плане, но и в лингвистическом. Именно в этот период шла активная работа по созданию новых терминов. Все видные общественные деятели, просветители, педагоги находились в самом эпицентре работы по развитию терминологии, организовано и систематично работали по стандартизации норм удмуртского языка. Язык обогатился и множеством новых общественно-политических терминов, обслуживающих широкую область социальных отношений: политических, экономических, культурных и др.

И, несомненно, эта работа имела бы своё продолжение, если бы большинство членов комиссии «Рудья» и тех представителей удмуртской интеллигенции, которые привлекались к её работе, не были арестованы в течение 1932–1933 годов и последующие годы. Таким образом, прекращается целенаправленная работа по развитию отраслевой лексики, а научно-практический багаж по созданию терминов постепенно теряет свою силу и актуальность.

Литература

1. Евсеев Е. Ф. Газет лыдзисьёслы кыл валэктон [Словотолкователь. В помощь читателю газеты] / Е. Ф. Евсеев. – Ижевск, 1926. – 152 с.
2. Жуйков С. П. Практический вотско-русский словарь / С. П. Жуйков. – Ижевск, 1930 – 115 с.
3. Кузубай Герд. Люкам сочинениос. Куать томен. 3-тй том: веросьёс, по-

весть, пьесаос, статьяос, научной ужъёс, гожтэтъёс / Люказ Ф. К. Ермаков – Ижевск, 2004. – 208 б.

4. Овсянникова М., Левитан Б., Некрасова В. Обществоведение. III люкет / Берыктйзы Кутергин Т., Саушкин В., Князева А., Прохорова А., Чироков Я. – Ижкар: кунлэн удмурт книга поттонэз, 1933. – 102 с.

Тимерханова Надежда Николаевна,
к. филол. н., доцент,
заведующая кафедрой лингвистической
типологии и лингводидактики,
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный
университет», Ижевск
timer-nadezhda@yandex.ru

Географическая терминология в удмуртском языке (особенности создания и перевода)

Аннотация. При переводе географических терминов с русского языка на удмуртский язык используется подстановка и трансформация. Подстановки употребляются на лексическом уровне. Применяется простая и альтернативная лексическая подстановка, также сложная подстановка с дифференциацией значения и др. При создании терминов часто используются калькирование, аффиксальный и неаффиксальный способы деривации.

Ключевые слова: Терминология, транслирующе-модифицирующие действия при переводе, перевод и создание терминов, переводческие приёмы, способы образования терминологической лексики.

Nadezhda N. Timerkhanova,
*Cand. of Science (Philology),
associate professor, head of the department
language teaching and typology of
Udmurt State University
E-mail: timer-nadezhda@yandex.ru*

Geographik terminology in the udmurt language

Summary. The article deals with the translation of popular scientific texts from Russian into Udmurt. Transformation are used on level of lexis. Within the transformation both simple and complicated ones are implied. While using complicated transformation the change of the meaning occurs. Calques are used to coin a new term alongside with affixal and non affixal ways of derivation.

Key words: terminology, translation and modification operation, translation and coining terms, translation techniques, the ways of terminology lexis formation.

При создании географических терминов и их переводе с русского языка на удмуртский язык используются различные возможности языковой системы.

В основе переводов терминологии лежат транслирующе-модифицирующие действия, так как вслед за созданием устного перевода-подстрочника текст совершенствуется до письменного функционально-эквивалентного перевода. Из переводческих приёмов, как правило, используются подстановка и трансформация.

Подстановки, в основном, используются на лексическом уровне. Это обусловлено тем, что проживание на общих территориях и ведение в некоторых аспектах одинакового образа жизни обусловило наличие языковых параллелей, но в то же время, из-за отсутствия в удмуртском языке некоторых терминов, появилась необходимость создавать термины-неологизмы, например: *улісьёслэн жечлыксы* 'качество населения'; *шунасьтэм кын инты* 'многолетняя мерзлота' и др. Приведём примеры на простую лексическую подстановку: *Шунды сӧзнэт* 'Солнечная система', *шур нёжал* 'речная долина', *кун вуос* 'территориальные воды', *музьемзурканлэн шоринэз* 'очаг землетрясения' (в качестве иллюстративного материала используются примеры (Тимерханова 2011)).

Нередко при переводе используется альтернативная лексическая подстановка: *тӧллэн жӧглыкез (кужмыз)* 'скорость (сила) ветра'; *ныр / луоныр* 'коса'; *мукож / котныр* 'полуостров'; *инму / инсьӧрму* 'планета'. Также встречается сложная подстановка с дифференциацией значения: *луобукос* 'дюны', *луопуктос* 'бархан', *жильыр виясь ошмес* 'родник, вытекающий струей' и *пызьырась ошмес* 'мочажина' (родник, сочащийся из земли).

В некоторых случаях употребляется описательный или приближённый перевод. Примерами описательного перевода являются, например: *кӧсвакыт* 'засуха', *каръёслэн котретсы* 'городская агломерация', *йӧ вылэ султон* 'ледостав'; *йӧлюк* 'ледник'; *интыкалык* 'аборигены'; *инвис гожъёс* 'горизонтали'. Приближённый перевод, применяется, к примеру, в таких случаях: *гурезёлык* 'нагорье', *кузьвыр* 'увал',

Инбугор / Инсьӧрбугор ‘Галактика’.

К случаям калькирования можно отнести следующие переводы: *вырйыло инты* ‘холмистая местность’, *гурезь извыжыос* ‘горные породы’, *вуэн гылтиськись режим* ‘промывной водный режим’, *гурезь сӧзнэт* ‘горная система’.

Могут быть использованы подстановки и на морфемном уровне:

1) *мускытатон* ‘орошение’ (орошени[jэ]), *огазеян* ‘интеграция’ (интеграци[jа]); суффиксы *-он* и *-н* в удмуртском языке указывают на опредмеченное действие так же, как суффиксы *-(е)ниј-* и *-ациј-* в русском языке;

2) *пилемолык* ‘облачность’, *будослык* ‘растительность’, *уй-нунальем вакытлык* ‘суточная периодичность’, *гурезёлык* ‘нагорье’(нагор[jэ]); *векчивыролык* ‘мелкосопочник’, *кольёлык* ‘галечник’; суффикс *-лык* в удмуртском языке в значении собирательности предметов совпадает с русским суффиксом *-ость*, а также с суффиксами *-ј-* или *-ник-*, имеющими подобную функцию;

3) *мускытлык* ‘влажность воздуха’, *пасьталая зоналык* ‘широтная зональность’, *ужазинлык* ‘производительность труда’, *вулэн кузыйтлыкес* ‘солёность воды’; в данных словах суффикс *-лык* создает значение отвлечённости понятия и совпадает с русским суффиксом *-ость*;

3) *кылдытэт* ‘образование (образовани[jэ])’; суффикс *-эт* в значении отвлечённости понятия совпадает с русским суффиксом *-ниј-* и др.

Необходимо отметить, что из-за различия языковых систем удмуртского и русского языков, так как базовый порядок слов в русском языке SVO с правосторонним ветвлением, а в удмуртском языке базовый порядок слов SOV с левосторонним ветвлением предложения, практически не используются подстановки на синтаксическом уровне. Говоря о терминологии, мы можем рассматривать лишь уровень словосочетания, поскольку уровень предложения – это уже дефиниция. Именно на этом уровне встречается трансформация: *адямиен йырин кылдэм мугъёс* ‘антропогенные факторы’ (букв. ‘из-за человека появившиеся причины’); *адямиен кылдытэм инкуазь огъетьёс* ‘антропогенные природные комплексы’ (букв. ‘человеком созданные природные комплексы’); *арбыт температуралэн шорлыдыз* ‘годовая амплитуда температуры’ (букв. ‘годовой температуры средняя величина’); *ар-*

скын вукошкон ‘годовой сток’ (букв. ‘в течение года сток воды’); *тыл-гурезьлэн ымыз* ‘жерло вулкана’ (букв. ‘вулкана рот’).

Далее рассмотрим географическую (естественно-научную) терминологию с точки зрения деривации. Изучив географические термины, можно отметить общие тенденции и следующие особенности дериватов:

1. Некоторые слова в чистом виде заимствованы через русский язык, часто это термины, являющиеся лакунами для удмуртского языка (а иногда и для русского языка), то есть деривации нет: *саванна*, *прерия*, *джунгли*, *экватор*, *полуанклав*, *океан*, *меридиан*, *планктон*, *резервация*, *террикон*, *шельф*, *цунами*, *раса*, *пассат*, *лагуна*, *лиман* и др.

Часть заимствований лишь грамматически подстраиваются под систему удмуртского языка: *Полярной пояс* ‘Полярный пояс’, *сейсмической пояс* ‘сейсмический пояс’.

2. Часть терминов образуется аффиксальным, точнее, суффиксальным способом (знаком | обозначим границу межморфемного шва производящей основы и форманта или шва производящих основ):

а) образование отглагольных существительных: *кынт|эм* ‘заморозки’ от основы глагола *кынт-ыны* ‘заморозить’, *тöла|н* ‘выветривание’ от основы глагола *тöла-ны* ‘выветриваться’; *вӳзект|он* ‘конденсация’ ← *вӳзект-ыны* ‘покрываться испариной, становиться водянистым’, *куасегом|он* ‘межень’ ← *куасегом-ыны* ‘обмелеть’, *мускытат|он* ‘орошение’ ← *мускытат-ыны* ‘орошать’, *шупат|он* ‘осушение’ ← *шупат-ыны* ‘осушать’.

б) образование терминов от существительных (в некоторых случаях от существительных с тем же значением, например, от слов *выр*, *нёж*, *кыр*): *выр|ал* ‘возвышенность’ ← *выр* ‘возвышенность’, *нёж|ал* ‘долина’ ← *нёж* ‘долина’, *кыр|ал* ‘степь’ ← *кыр* ‘степь; открытое пространство; пространство вне дома’; *гон|ал* ‘впадина’ ← *гон* ‘яма, углубление’; несколько иначе, от глагола, образуется слово *чоша|л* ‘равнина’ ← *чоша-ны* ‘сравниваться, выровняться’;

в) образование терминов от прилагательных: *мур|дала* ‘глубина’ ← *мур* ‘глубокий’; *быд̋з̋|ала* ‘величина’ ← *быд̋з̋-ым* ‘великий’; *ж̋с̋ж̋|дала* ‘высота’ ← *ж̋с̋ж̋-ыт* ‘высокий’ (сопровождается морфологическим явлением – усечением основы производящего слова);

г) образование производного слова с нулевой суффиксацией и усечением основы производящего слова: *автономи̋О* ‘автономия’ ←

автономи-я (автономи[ja], выпадение [j] в конце производящей основы); **акваториØ** ‘акватория’ ← **акватори-я** (акватори[ja], выпадение [j] в конце производящей основы); **географиØ** (мутус) ‘географическая (карта)’ ← **географи-ческой**; **топографиØ** (план) ‘топографический (план)’ ← **топографи-ческой**; **кайнозойØ** (эра) ‘кайнозойская (эра)’ ← **кайнозой-ской**.

3. Образование терминов при помощи суффиксоида -ни: **потон|ни** ‘выход, место выхода (на поверхность земли)’ ← **потон** (инты) ‘выход’; **утён|ни** ‘заповедник’ ← **утён** (инты) ‘место для сохранения’; **кылдон|ни** ‘месторождение’ ← **кылдон** (инты) ‘место образования, рождения’.

4. Значительная часть терминов образуется неаффиксальным способом:

а) словосложением из двух существительных: **ин|вис** ‘горизонт’ ← **ин** ‘небо’ + **вис** ‘граница, промежуток’; **му|туп** ‘глобус’ ← **му** ‘Земля’ + **туп** ‘мяч, шар’; **Музьем|черс** ‘Земная ось’ ← **Музьем** ‘Земля’ + **черс** ‘ось’.

Продуктивной является словообразовательная модель существительное + отглагольное существительное: **му|гылзон** ‘оползень’ ← **му** ‘земля, почва’ + **гылзон** ‘скольжение’; **ву|йылон** ‘прилив’ ← **ву** ‘вода’ + **йылон** ‘прибавление, увеличение’; **ву|усён** ‘водопад’ ← **ву** ‘вода’ + **усён** ‘падение’. Сравните с терминами словосочетаниями: **бусэн тёлзон** ‘испарение’ ← **бус** ‘туман’ + **тёлзон** ‘выветривание’ (букв. выветривание туманом); **ёошалысь шур** ‘равнинная река’; **йыгдос эффект** ‘парниковый эффект’;

б) словосложением из прилагательного / причастия и существительного – термины со слитным написанием, например: **буш|кыр** ‘пустыня’ ← **буш** ‘пустой’ + **кыр** ‘открытое пространство’; **зыл|инты** ‘плёс’ ← **зыл** ‘плавный’ + **инты** ‘место’; **кёс|вакыт** ‘засуха’ ← **кёс** ‘сухой’ + **вакыт** ‘время, период’; **валлингож** (географи) ‘параллель (географическая)’ ← **валлин** ‘вдоль, параллельный’ + **гож** ‘линия’;

в) сочетанием прилагательного / причастия и существительного – термины с раздельным написанием: **пачкес гурезь** ‘плоскогорье’ ← **пачкес** ‘плоский’ + **гурезь** ‘гора’; **нялмыт ярдур** ‘пляж’ ← **нялмыт** ‘отлогий, покатый’ + **ярдур** ‘берег’; **виясь ты** ‘сточное озеро’ ← **виясь** ‘вытекающий’ + **ты** ‘озеро’; **пукись ты** ‘бессточное озеро’ ← **пукись** ‘невытекающий’ (букв. ‘сидящий’) + **ты** ‘озеро’; **сыръясь** **возьёс** ‘плавни’ ← **сыръясь** ‘топкий’ + **возь** ‘луг’ (букв. ‘топкие луга’);

г) сочетанием трех и более слов: *вуж|өр|ты* ‘старица’ ← *вуж* ‘старый’ + *өр* ‘русло’ + *ты* ‘озеро’; *му|выл|тус* ‘рельеф’ ← *му* ‘земля’ + *выл* ‘верх, поверхность’ + *тус* ‘облик, форма’; *ву|вис|гож* ‘водораздел’ ← *ву* ‘вода’ + *вис* ‘граница, промежуток’ + *гож* ‘линия’; *ву|возись сй* ‘водоносный слой, горизонт’ ← *ву* ‘вода’ + *возись* ‘державший’ + *сй* ‘слой’; *кезьыт ву|бызён* ‘холодное течение’ ← *кезьыт* ‘холодный’ + *ву* ‘вода’ + *бызён* ‘течение’; *карсо пеньзём выл|сюйёс* ‘дерново-подзолистые почвы’ ← *карсо* ‘дерновый’ + *пеньзём* ‘подзолистый’ + *выл|сюйёс* ‘почвы’.

д) в некоторых случаях термины образуются из словосочетаний с изафетной связью: *мускытлэн коэффицентэз* ‘коэффициент увлажнения’ ← *мускыт* ‘влажность, увлажнение’ + *коэффицент* ‘коэффициент’; *тылгурезьлэн кисьтйськемез* ‘извержение вулкана’ ← *тыл|гурезь* ‘вулкан’ (букв. ‘огненная гора’) + *кистьйськем* ‘извержение’; *шурлэн чукинлыкез* ‘уклон реки’ ← *шур* ‘река’ + *чукинлык* ‘уклон’.

Таким образом, рассмотрев некоторые географические термины, можно сделать следующие выводы: при переводе русских терминов на удмуртский язык значительное влияние оказывает различие языковых систем, а именно разный базовый порядок слов; из-за данного различия при переводе используются транслирующе-модифицирующие действия, подстановки и трансформации. Из способов словообразования часто применяются неаффиксальные способы: словосложение и сочетание слов; а также аффиксальный способ – суффиксация.

Список литературы

1. Тимерханова, Н. Н. Огъядышетсконъя шорьёзо школаослы удмурт кылын географи удискыльёсын кыллюкам / Н. Н. Тимерханова, Ассоциация финно-угорских университетов; ред. О. Б. Стрелкова. – Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011. – 67 с.
2. Пер. назв.: Словарь географических терминов на удмуртском языке для общеобразовательных школ.

Утева Любовь Валерьевна,

к. филол. н.

директор МБУ ДПО «ММЦ»

uteva.lyubov@yandex.ru

Выраженность фиктивного родства в коми-пермяцком языке

Аннотация. Статья посвящена изучению коми-пермяцкой лексики, обозначающей неродственные связи: через крестничество. Произведён лексико-семантический и этимологический анализ терминов.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, лексика, фиктивное родство, этимология.

Lyubov V. Uteva

Cand. of Science (Philology)

Director of MBU DPO «MMC»

uteva.lyubov@yandex.ru

The expression of fictitious kinship in the Komi-Permian language

Summary. The article is devoted to the study of Komi-Permian vocabulary, denoting unrelated ties: through serfdom. The lexical-semantic and etymological analysis of terms is made.

Key words: Komi-Permian language, vocabulary, fictitious kinship, etymology.

В последние годы внимание лингвистов всё больше привлекают проблемы соотношения языка и культуры, их взаимодополняющие роли в современном обществе, связи языка с социальным и духовно-культурным контекстом времени.

В антропологии есть понятие “фиктивное родство”, описывающее отношения близости, которые не могут быть сведены к физическим основам, то есть к так называемой «общей субстанции», соединяющей родственников, – будь то кровь, молоко матери, семя и т.п. В отличие от «общей» материальной «субстанции» фиктивное родство акцентирует символические связи, которые являются одновременно и внешними, и неотъемлемыми по отношению к данному сообществу (мифические

прародители, местность, культурная практика, обычай или ритуал и т.п.) [<http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/ush.html> С. Ушакин О пользе фиктивного родства: заметки о пропущенных именах: Дата обращения 9.11.2018].

Остановимся на отдельных лексемах, обозначающих неродственные связи: через крестничество.

Так, ритуал крещения в коми-пермяцком языке обозначается словом *пыртны* ‘крестить’. По материалам XIX в. детей крестили через две-три недели, а незаконнорожденных старались как можно быстрее [С.М.А., 1889, с. 217]. По современным полевым данным, во время сенокосной и уборочной страды крестить новорожденного не успевали, совершали этот обряд позже. Шестинедельного ребёнка причащали святыми таинствами [Рогов, 1860, с. 119]. Как отмечает Т. Г. Голева, при отсутствии священнослужителей в советский период детей крестили верующие старушки, знающие молитвы. В особенности эта традиция была распространена среди северных коми-пермяков [Голева, 2010]. *А эзö пыртлö, молитвасö мыйкö тöдлiсö, тётка висьталас, еннэсö миссьотас, сэтöн кага миссьотас, менчим морос тшöктас миссьотны, тожно ме понда нимöтны. Көр шогмас. Эзö креститлö некин, сiдз миссьотасö и сё. Кыдз пыртасö!? Ме көр шогми 34 году, сэж поппесö как раз вийöмась. Ме ни не крещёной* (А не крестили, молитвы что-то знали, тётка прочитает, иконы вымоет, тут ребёнка умоет, мне грудь скажет вымыть, только тогда я буду кормить. Когда родится. Не крестил никто, так вымоют и всё. Как окрестят!? Когда я родилась в 34-ом году, тогда попов как раз убили. Я уже не крещёная) (с. Коса, Мизёва Д.А., 1934 г.р.). *Лыддьясö, ва пуктасö, но таз ыджыт. Пыртасö, лыддисьясö, васö кресталасö, кагасö босьтасö этадз, сюйышласö юрсö, миськаласö сквöзь, коксö, юрсö, лыддьясö, васö этадз креститасö перво. Кум и кума сэтöн. Кагасö перво кумыслö сетасö, потом кумаыслö, мед эм ситечöн или мый, йöрнöс ли мый ли. (Крестик кин босьтлiс?) Вежась и вежай ваясö сьлö и голяс сюясö. Мыйöн тэ коран, тэ коран кинöс тэ хочешь кумаö ли кумö, тэ тожö нуан нянь чöлпан, ситеч. Нiя тожö сiйö ваясö, нянь бöр ваясö и ситечнас пыртöны. Васö сiйö кисьтöны, мед пон оз кудзал, енугöлö. Читают, воду положат, но таз большой. Крестят, читают, воду крестят, ребёнка возьмут так, суют голову, всего вымоют, ноги, голову, читают, воду сначала так крестят. Кум и кума здесь. Сначала ребёнка куму даёшь, потом куме, ситцем или чем, рубашкой может. (Кто*

крестик покупал?) Крёстный и крёстная принесут ему и на шею оденут. Чем ты позовёшь, ты позовёшь кого ты хочешь кумой или кумом, ты тоже несёшь каравай хлеба, ситец. Они тоже это принесут, хлеб назад принесут и ситцем принимают. Воду выливают, где собака не гадит, в красный угол (д. Мысы, Мизёва А.Н., 1937 г.р.).

Тем не менее, сами участники домашнего крещения отмечают, что подобным образом они не считались крещёнными, а только «меченными»: *«Я меченная, не крещённая. Бабки крестили, не в церкви. Если бабки крестят – это меченный будет. Если в церкви поп окрестит – это крещённый уж, уж законнокрещённый»* (Коч., Коча, от Ракиной М.Г. 1941 г.р.). *«Годов четырнадцать я была, старука какая-то кодила, говорит, я крестить буду. Дак сыись, наверно, пользаыс эз вёл [Да, наверно, от этого пользы не было]. Ведро поставила на табуретку. Молятся же. Мама молилась и крёсна, как же, молилась. Дак это, о-ё-ёй, батя, церкве-то не так совсем!»* (Куд., Мучаки, от Кудымовой К.Г. 1931 г.р.).

Налимов В.П. отмечает, что при крещении ребёнка на роль крёстного отца приглашали брата матери новорожденного. При выборе крёстной матери не принимались во внимание родственные связи, ей могла быть чужая женщина (с.Ошиб). Незамужняя женщина не допускалась крестить детей своего брата (с.Ёгва). Полевой материал свидетельствует о том, что в роли крёстного или крёстной, действительно, могли оказаться совершенно чужие люди. *«Уехали мы в Майков крестить, Светка, которая умерла и вторая дочка, им уже было 8 да 10 лет. Поехали мы никакую крёстную не взяли. Тётку я хотела взять, а она отказалась. Ну, мы и уехали, там кого-нибудь найдём. Там бабуку нашли, она приняла их.* (Юсь., с. Купрос, от Агишева В.Н., 1931 г.р.).

В сборнике статей, опубликованном в 1992 году в г. Сыктывкаре, имеются две статьи, посвящённые вопросам заимствования и происхождения терминов родства. В. В. Соловьёв в статье «Русское влияние на системы терминов родства в диалектах коми языка», рассматривает влияние русского языка в историко-социологическом аспекте [Соловьёв 1992: 134–140]. Исследователь А. И. Туркин в статье «О происхождении одной группы терминов родства в коми языке» [Туркин 1992: 149–151] подробно описывает этимологию отдельных слов группы лексики родства, которые возникли в коми языке в связи с принятием христианства древними коми-пермяками. Автор останавливается на первом компоненте слов *вежай* ‘крёстный отец’, *вежань* ‘крёстная мать’, *вежати*

‘крёстный сын’, *вежаныв* ‘крёстная дочь’ *веж-*, которое связывает со значением ‘крест’. Приведён материал из других финно-угорских языков: из удмуртского, мокша-мордовского, вепсского, эстонского, финского, хантыйского и венгерского языков [Туркин 1992: 149–151].

Вежай и *вежань* – общепринятые названия крёстных восприемников у коми-пермяков, крестники – *вежазон*, *вежани* ‘святой сын’, *вежаныв* ‘святая дочь’.

• ***Вежай*** ‘крёстный отец’ – *веж ај* [Роговь 1869: 10]; *вэжай* [Первоначальный учебникъ 1896: 10]; *вежай* [Азбука и первая книга для чтения 1904: 46, 56]; *вежай* [Первоначальный учебникъ 1906: 10]; *вежай* [Волеговъ, Rédei 1968: 17, 23]; *вежай* уст. [КПРС 1985: 60] | кя. *вижай* [КЯД 1961: 96] | кз. *вежай*. Образовано от отдельных компонентов *веж* – общеп. **veža* ‘святой, освященный, священный’. Слово произведено с помощью суффикса *-а* от *vež* ‘зелёный, жёлтый’ > ‘горький’, из которого развилось *vež* ‘зависть, страстное желание, ненависть, злоба, гнев’; первоначальное значение **veža* ‘греховный, вызывающий гнев, запретный, недозволенный’ > ‘священный, святой’ [КЭСЯ 1999: 50]; *веж* ‘крест’ [Туркин 1992: 150] + *ай* ‘отец’ | кз. *ай* ‘самец, отец’ | удм. *айы* ‘отец, родитель’, ‘самец’. – Общеп. **aj8* ‘родитель’, ‘самец’ || ф. *äijä* ‘старик, дед’ | саам. *ag'gja* ‘тж.’ = Доперм. **ajз-* [КЭСЯ 1970: 31]; *U ääa* [UEW 1988: 22]; *FP äje* [Csúcs 2005: 320].

• ***Вежань*** ‘крёстная мать’ – *веж аңј* [Роговь 1896: 10]; *вэжань*, [Первоначальный учебникъ 1896: 10]; *вежань* [Первоначальный учебникъ 1906: 10]; *вежай мама* [Волеговъ, Rédei 1968: 23]; уст. *вежань* [КПРС 1985: 60]; *вежанька* [Лупинцы: история, культура, язык 2011: 223] | кя. *вижан* [КЯД 1961: 96] | кз. *вежань* [КРК 2000: 85]. Образовано от отдельных компонентов см. *веж-(ай)* + *ань* ‘мать, женщина’ | кз. *ань* | удм. *аньы* ‘сноп (конопли, льна)’. – Общеп. **an'8* ‘женщина’ || эрз. *аня: низаня* ‘тёща’ | венг. *ануа* ‘мать’ | манс. *oân* ‘бабушка со стороны матери’ = Доперм. **an'з-* ‘мать, женщина’ [КЭСЯ 1970: 33]; *FU, ? U апз (-прз)* [UEW 1988: 9]; *U ? апа* [Csúcs 2005: 320].

• ***Вежаныв*** ‘крёстная’ – уст. *вежаныв*, сев. *вежаныл* [КПРС 1985: 60] | кз. *вежаныв* [КРК 2000: 85]. Образовано от отдельных компонентов см. *веж(ай)* + *ныв* ‘дочь, девушка’ | кз. *ныв* ‘девочка, девушка, девица’, ‘дочь, дочка’ [КРК 2000: 439] | удм. *ныл* ‘дочь’, ‘девушка, невеста’. – Общеп. *nül* || коми и удмуртские слова сопоставимы с ф. *neiti* ‘девушка’, *neito* ‘девочка’ | саам. *N nieidda* ‘тж.’ = Доперм. **nejде* [КЭСЯ 1970:

196]; *U nejde* [UEW 1988: 302].

• **Вежани, вежазон** ‘крестник’ – *вежаній* [Волеговъ, Rédei 1968: 28]; *вежани* уст. [КПРС 1985: 60]; *вежани* [Лобанова 2008: 66] | кз. *вежани* [КРК 2000: 85]. Образовано от отдельных компонентов см. *веж* (ай) + *ни* ‘сын’ – сев. *ни* [КПРС 1985: 337] | кя. *ни* ‘пазуха’ | кз. *ни* ‘сын, мальчик’ | удм. *ни* ‘мальчик, парень’. – Общеп. **pi* || ? мар. *пу:* *пуэргы* ‘мужчина’ | ? эрз. *p’ijo, bujo* ‘мальчик’ | ф. *poika*, диал. *poja* ‘мальчик, парень’, ‘сын’, ‘детёныш’ | манс. *piγ* ‘тж’ | хант. *px, pχ* ‘тж’ | венг. *fi* (*fi-a*) ‘тж’ = Доперм. **rojka* [КЭСКИЯ 1999: 221]; FU *rojka* [Csúcs 2005: 367]. + *зон* ‘сын’ | кз. *зон.* – Общеп. **z n* ‘сын, парень, человек’ < ир.: ср. осет. *zänäg* ‘дети’, авест. < *zan-* ‘рождать’, др.-инд. *jan-* ‘тж’, *jana-* ‘человек, создание’ [КЭСКИЯ 1999: 105-106].

• Лексема **вежайгöтыр** ‘жена крёстного’ в настоящее время является диалектным словом, функционирующим в речи северных коми-пермяков. Лексема состоит из трёх компонентов, первый и второй см. выше **веж(ай)**. Третья часть диалектного слова **-гöтыр** ‘жена, супруга’; *gx tər* кя. **Гöтыр** ‘жена’ – *гетырь* [Поповъ 1785: 24]; *гöтырь* [Первоначальный учебник 1896: 9]; *гöтыр* [Первоначальный учебник 1906: 9]; редко *гöтыр* [КПРС 1985: 107] | кя. *гöтөр* [РКЯС 2012: 109] | кз. *гöтыр* [КРК 2000: 151]. Существуют несколько гипотез, которые связывают либо с германскими словами, например, ср.-нем. *gater*, голл. *gader* и др. эти слова одного корня с нем. *gätlich* и *gut*, др.-норв. *göör*, гот. *gōds* с первоначальным значением ‘годный’ [КЭСКИЯ 1999: 81], либо заимствование из ранних булгаро-тюркских **jutur* или **jotur* [Сий 1998: 197–198]. Сегодня как самостоятельная лексема слово *гöтыр* ‘жена, супруга’ редко встречается в речи северных коми-пермяков. В современном коми-пермяцком языке вместо этого слова активно употребляется многозначная лексема *инь (-ка)* ‘жена, женщина’. Тем не менее, общеизвестными являются производные данного слова, например, *гöтыра* ‘женатый’, *гöтрасьны* ‘жениться’ и др. Очевидно, как предполагает исследователь А.С. Лобанова, «когда-то, действительно, существовала лексема *гöтыр* со значением ‘жена’, которая была зафиксирована еще Н.А. Роговым в XIX в.» [Лобанова 2008: 65-66].

Довольно часто в речи коми-пермяков для обозначения фиктивного/духовного родства используются и русские термины – *крёстный, крёстная, кока*. Активно функционирующая русская речь сопутствовала появлению и развитию в исследуемом языке и такого явления,

как лексически полные синонимы. Когда параллельно употребляются исконный и заимствованный варианты, напр.: *вежаныв* и *крестница* ‘крестница’. К данной группе слов мы хотели бы отнести также и *вежань* и *кока* ‘крестная’. Лексема *кока* в приведённом значении активно функционирует в северных говорах Прикамья. Для представителей южного наречия характерно употребление общепринятого в литературном коми-пермяцком языке соответствия *вежань*. *Кокаё нимлуннам козь-налис ыджыт пöтшалöк* (Исаева, 2011). ‘Крёстная на день рождения подарила мне большой платок’. *Вичкуас колö ветвöтны* (лит. *ветлöтны*) *пыр вежаньыткöт, а не аймамкöт, ась сiя кеймö тэ понда* (Власова, 2009). ‘В церковь надо ходить с крёстной, а не с родителями, пусть она молится за тебя’.

Кроме этого зафиксированы такие номинации крёстных как *нёнька* (Куд., Ленинск, от Зубовой А.А. 1929 г.р.), *матша* (Куд., Косогор, от Мехоношиной З.А. 1922 г.р.; Пермь, от Сысолетиной Е.З. 1920 г.р., родом Куд., Бобунёво). Термин *нёнька*, воспринятый из русского языка [Подюков, 2007, с. 93], скорее всего, связан с функциями ухода за ребёнком, похожее обращение отмечено к старшим сёстрам – *няня* (Куд., Панья, от Виноградовой Е.А. 1922 г.р.). Слово *матша* – сокращённый вариант русского слова «матушка», подобен обращению коми-пермяков к свекрови – *матика* [Голева, 2010].

Необходимо обозначить и тенденцию ухода из речевого этикета, анализируемого нами, наименований в роли обращений. *Кöркö мийö пыр шуллылiм* (лит. *шувлывлiм*) *вежань, да вежай, а öнi эд нимöн шулöны, дяддез да тёткаэз кытшiмöськö*. Раньше мы всегда обращались крёстная и крёстный, а сейчас ведь так не обращаются, все по имени да дяди с тётями какие-то (Коч., Кочёво, Утробина О.С., 1965 г.р.).

В лексикографической работе «Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа» отражена речь носителей русского языка, проживающих на территории Коми-Пермяцкого округа. «Настоящий Словарь ориентируется не только на описание лексико-фразеологического состава исследуемых говоров, но и на выявление следов межъязыкового и межкультурного взаимодействия русских и коми-пермяков... Основой для словаря стали результаты проведённых в 2006 году полевых обследований русских поселений в Кудымкарском, Косинском, Гайнском, Юсьвинском, Юрлинском районах...» [Копытов 2006: 6]. Словарные статьи следующих лексем: •*вежай* ‘крёстный отец’ (*Дружки у него, у*

жениха-то, и вежай) [Копытов 2006: 59]; •*вежань, вежанька, вежанья, вежаня* ‘крёстная мать’ (*Вежань приедёт, надо её встретить, крёстну-ту. Вежанька подарок дарит крестнице. Когда высватали, мать изладила на стол, и тутока тётка приходит, вежаня. За стол сели, тогда по рюмочке выпили. Вежанья у меня приходила на свадьбу.*) [Копытов 2006: 59]; •*везанька* ‘крёстная мать’; то же что *вежанька* (*Меня крестили, дак велели крёстну везанькой звать.*) [Там же] свидетельствуют о процессе употребления коми-пермяцких слов среди русского народа.

Таким образом, обряд крещения у коми-пермяков не всегда соответствует церковным канонам, главной задачей крёстных было сопровождать их духовного ребёнка в трудные моменты жизни. По нашему мнению, к общекоми (пракоми) периоду относится группа слов, возникшая в связи с христианским обрядом крещения: *вежай* ‘крёстный отец, крёстный’, *вежань* ‘крёстная мать, крёстная’, *вежа пи* ‘крёстный сын, крестник’, *вежаныв* ‘крёстная дочь, крестница’. Поскольку процессы контактирования двух народов – русских и коми-пермяков продолжают-ся, неизбежны варианты употребления в речи коми-пермяков и исконных лексем, и заимствованных терминов.

Список литературы

1. Азбука и первая книга для чтения 1904 – Азбука и первая книга для чтения (выддезь коми отирь челядь понда). Издано въ пользу пермяцкихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, поступающихъ учиться въ С. – Петербургъ, Москву, Казань и Красноуфимскъ / сост. Е. Поповъ. – Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1904. – 155 с.
2. (Волеговъ), Ф.А., Rédei, K. 1968 – (Волеговъ), Ф.А., Rédei, K. *Permjakisches Wörterverzeichnis aus dem Jahre 1833 auf Grund der Aufzeichnungen F.A. Wolegows / Rédei Károly.* – Budapest, 1968. – 138 S.
3. Голева Т.Г. Вежай и вежань – крёстные восприемники в традиции коми-пермяков // Национальные культуры Урала. Семейные обряды и традиции: Материалы региональной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2010. – С. 17–23.
4. Копытов Н.Ю. Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / авт. кол.: Н.Ю. Копытов, И.А. Подюков, А.В. Черных. – Пермь, 2006. – 272 с.
5. КИРС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь / Р.М. Баталова, А.С. Кривощёкова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 621 с.
6. КЭСЯ 1999 – Краткий этимологический словарь коми языка: переиздание с дополнением / В.И. Лыткин, Е.С. Гуляев. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999. – 432 с.

7. КЯД 1961 – Коми-язьвинский диалект / В.И. Лыткин. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 228 с.
8. Лобанова А.С. Термины родства как средство вокативности в коми-пермяцком языке / А.С. Лобанова // Коми-пермяцкий этнолингвистический сборник: Материалы и исследования. – Пермь, 2008. – С. 3–8.
9. Лупинцы: история, культура, язык 2011 – Лупинцы: история, культура, язык. Этнолингвистический сборник. Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа / Т.Г. Голева, И.А. Подюков, Л.Г. Пономарёва, А.В. Черных; ред. кол. А.С. Лобанова, А.М. Белавин. – Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2011. – Вып. 8. – 244 с.
10. Первоначальный учебник 1896 – Первоначальный учебник русского языка (сѣверо-восточныхъ иньвенскихъ) пермяковъ. – Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1896. – 77 с.
11. Первоначальный учебник 1906 – Первоначальный учебник русского языка для чердынскихъ пермяковъ. – Казань: Типо-литографія Императорскаго Университета, 1906. – 77 с.
12. РКЯС 2012 – Русско-коми-язьвинский словарь / сост. А.С. Лобанова, К.С. Кичигина. – Пермь: Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т, 2012. – 244 с.
13. Рогов Н. А. Материалы для описания быта пермяков // Пермский сборник. – М., 1860. – Кн. 2, отд. 2. – С. 1–127.
14. Роговъ Н.А. Пермяцко-русскій и русско-пермяцкій словарь / Н.А. Роговъ. – СПб., 1869. – 416 с.
15. С.М.А. Пермяки Ошибского прихода, Соликамского уезда // Пермские епархиальные ведомости. – 1889. – № 13–14. – С. 209–219, 225–233.
16. Сий Э. Термины родства и свойства в удмуртском языке / Э. Сий. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1998. – 216 с.
17. Туркин А.И. О происхождении одной группы терминов родства в коми языке / А.И. Туркин // Пермистика III. – Сыктывкар, 1992. – С. 149–151.
18. Чагин Г. Н. Иньвенские коми-пермяки в этнографических этюдах В. П. Налимова // Чагин Г. Н. Этносы и культуры на стыке Европы и Азии. Избранные труды. – Пермь: ПГУ, Прикамский социол. институт, Прикамский совр. социально-гуманитарный колледж 2002. – 384 с.
19. Csúcs 2005 – Csúcs, S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache / S. Csúcs. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. – 410 S.
20. UEW – Rédei K. Uralisches Etymologisches Wörterbuch. I–III. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988 – 1991.

Гайдамашко Роман Валентинович,
научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
gaidamashko@gmail.com

**Лексика коми-пермяцкого языка рукописей протоиерея
 Антония Попова (1748–1788) с точки зрения ее происхождения**

Аннотация. Объект настоящего исследования – коми-пермяцкие рукописи протоиерея пермского Петропавловского собора Антония Попова (1748–1788), датированные 1785 годом и известные в настоящее время как первые специальные труды по коми-пермяцкому языкознанию. В основной части статьи рассматривается коми-пермяцкая лексика рукописей А. Попова с точки зрения её происхождения – последовательно от лексического наследия уральской, финно-угорской, финно-пермской, общепермской языковых эпох до общекومی лексикона, древнерусских и севернорусских заимствований.

Ключевые слова: сравнительно-историческое языкознание, сопоставительное языкознание, лексикология, этимология, диалектология, рукописные памятники XVIII в., протоиерей Антоний Попов (1748–1788), коми-пермяцкий язык, эловый диалект коми-пермяцкого языка.

Roman V. Gaidamashko,
Researcher of Institute of Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences
gaidamashko@gmail.com

**Vocabulary of the Komi-Permyak language in the manuscripts of
 Archpriest Anthony Popov (1748–1788) in terms of its origin**

Summary. The object of the present study is the Komi-Permian manuscripts of the archpriest of the Permian Peter and Paul Cathedral of Anthony Popov (1748–1788), dated 1785 and now known as the first special works on Komi-Permian linguistics. In the main part of the article, the Komi-Permian vocabulary of A. Popov's manuscripts is considered from the point of view of its origin - from the lexical heritage of the Uralic, Finno-

Ugric, Finno-Permian and Permian linguistic eras to the general lexicon, the Old Russian and Northern Russian borrowings.

Key words: comparative historical linguistics, comparative linguistics, lexicology, etymology, dialectology, handwritten monuments of the 18th century, archpriest Anthony Popov (1748–1788), Komi-Permyak language, aloe dialect of Komi-Permyak language.

Настоящая заметка является частью коллективного исследования памятников ранней коми-пермяцкой письменности. Объект исследования — коми-пермяцкие рукописи протоиерея пермского Петропавловского собора Антония Попова (1748–1788), датированные 1785 годом и известные в настоящее время как первые специальные труды по коми-пермяцкому языкознанию (Попов 1785а, 1785б, 1785в). Эти рукописи кроме всего прочего примечательны тем, что отражают один из зловых диалектов коми-пермяцкого языка.

В данном исследовании предпринимается попытка стратификации лексики коми-пермяцкого языка рукописей А. Попова с точки зрения её происхождения (последовательно от лексического наследия уральской языковой эпохи до общекоми лексикона, древнерусских и севернорусских заимствований). Продуктивным при анализе лексики с точки зрения её происхождения представляется первичное распределение лексики по временным слоям или стратам. Далее предполагается дифференциация на каждом из уровней исконной и заимствованной лексики. Таким образом возможно дифференцировать, например, ранние и поздние индоевропейские (или алтайские) заимствования (или лексические параллели) в пермских языках.

Так как рукописи А. Попова весьма богаты языковым материалом, рассматриваются далеко не все слова – на каждый страт отводится в среднем по 20 примеров. Примеры берутся преимущественно из алфавитного словаря (Попов 1785а), поэтому даются без ссылок, только с номерами листов. При цитировании в необходимых случаях материала из тематического словаря (Попов 1785б) даются соответствующие отсылки. Формы слов и толкования цитируются без изменений. Если толкования заключаются во французские кавычки («»), это указывает на сохранение орфографии и пунктуации источника (включая описки). Стратификация лексики производится с учетом богатых этимологических наработок отечественных и зарубежных исследователей (КЭСЯ;

КЭСКЯ-Доп.; Csúcs 2005; SKES; UEW и мн. др.).

1. Урал.

фъ «осень» (л. 3об.); *бадь* «ива» (л. 3об.); *ва* «вода» (л. 6) [урал. ~ индоевр.]; *вѣжъ* «корень» (л. 9об.); *јѡсъ* «спица» (л. 17об.); *коля* кольны «оставляю» (л. 20об.) [урал. ~ пратюрк.]; *ли* «сокъ» (л. 25об.); *ѡрешъ* «квас» (л. 52); *гъмь* «игла» (л. 52об.) [урал. ~ тунг.]; *эмь* «ротъ» (л. 53) [урал. ~ праалт.] и др.

2. Фин.-угор.

анъ «свекровь» (л. 3об.); *бадегъ* «куропатка» (л. 3об.); *би* «огонь» (л. 4об.); *бѣжъ* «рѣпица у лошади, самая задняя часть, задъ, хвостъ» (л. 5об.); *бѣрамъ бѣратъ бѣрынъ* «позади» (л. 5об.), *бѣрты* или *беръ* «попослѣ, позади» (л. 6) [фин.-угор. ~ индоевр.]; *вѣта* вѣтны «довожу» (л. 6), *вѣя* *вѣнны* «несу, приношу» (л. 6об.) [фин.-угор. ~ индоевр.]; *вѣчканъ* «дроздъ» (л. 6об.); *вѣшета* *вашетны* «вскачъ ѣду» (л. 6об.); *вѣлета* *велетны* «научаю учу» (л. 7); *вѣмъ* «мозгъ» (л. 10) [доперм. *wδδδ't 'мозг' ~ чув. *виме* 'мозг' (КЭСКЯ: 51)]; *вѣръ* «лѣсъ» (л. 7об.); *вѣсъ* «даромъ» (л. 7об.); *вѣ* «масло коровье» (л. 8), *вѣя* «масленный» (л. 8об.); *вѣдзя* *вѣдзны* «держу, издерживаю», *вѣдзя ѡланъ* «прошай, прости, оставайся здорово» (л. 8); *вѣлисъ* «вновь, снова» (л. 8), *вѣль* «новый» (л. 8об.); *вѣръ* «кровь» (л. 8об.); *вѣтъ* «пять» (л. 8об.); *вѣзала* *вѣзалны* «продаю» (л. 9об.); *вѣль* «конь, лошадь» (л. 10); *вѣлэ* «на надъ (что)» (л. 10); *вѣнь* «сила» (л. 10) [перм. > чув. *вай* 'сила' (КЭСКЯ: 72)]; *тѣрынъ* «трава, сѣно» (л. 45об.) [совр. *турун* 'трава || травяной', 'сено || сеной' [КПРС: 495] — объясняется тем, что во всех севернопермских диалектах «наблюдается варьирование гласных *ы* ~ *у* в первом слоге» в словах *пѡжым* ~ *пѡжум* 'сосна', *гѡжым* ~ *гѡжум* 'лето', *тѣрынъ* ~ *турун* 'трава, сено', *вѣрынъ* ~ *вѣрун* 'шерсть (овечья)' (Пономарева 2016: 25)]; *у* «годъ» (л. 46) [фин.-угор. ~ индоевр.] и др.

3. Фин.-перм.

адзя *адзини* «вижу такъ же нахожу» (л. 3); *ай* «отецъ» (л. 3); *аль* «разумъ» (л. 3); *баггъ* «плѣснь» (л. 3об.); *бѣдъ* «дубина трость» (л. 4); *бѣръ* «хорошій, добрый, благій» (л. 5); *бѣрдеа* *бѣрдетны* «заживляю» (л. 5); *бѣчель* «бодрый, искусный, хорошій, честный» (л. 5об.); *бѣчка* *бѣчкыны* «втыкаю» (л. 5об.); *вѣрта* *вѣртны* «бью, колочу» (л. 6); *вѣжа* *вѣжны* «перемѣнаю» (л. 6об.); *вѣрда* *вѣрдны* «кормлю, выкармливаю, желаю» (л. 7) [из др.-иран.?]; *вѣжъ* «зеленый такъ же желтый» (л. 8); *вѣжала* *вѣжалны* «завидую» (л. 8) [из др.-иран.]; *вѣшита* *вѣшитыны*

«выкупаю», *вѣшала вѣшталны* «двигаю» (л. 8); *вугырь* «уда» (л. 9об.) [из индо-иран.]; *жѣннѣннѣ* «колоколь ботало» (л. 15об.); *идъ* «ячмень» (л. 16об.) [из др.-иран.]; *кѣтъ* «желѣзо, желѣзный» (л. 18об.) [из иран.]; *кѣдъ* «коробъ, корзина, лукошко» (л. 21об.) [из др.-чув.]; *уцѣтика* «маленько», *уцѣтикъ* «маленькій», *уцѣтъ* «малый» (л. 47) и др.

4. Общеperm.

асыль «утро, востокъ» (л. 3об.); *а нѣкычъ* «горохъ» (л. 3об.); *бѣкса* *бѣксыны* «блею, мычу» (л. 3об.); *бѣргета бѣргетны* «переворачиваю, возвращаю, такъже мщу, отмщевая» (л. 4); *бѣрдъ* «крыло» (л. 4об.); *бѣста бѣстны* «беру, взимаю, получаю, принимаю, снимаю» (л. 4об.); *бѣрда бѣрдыны* «плачу», *бѣрдемъ* «плачь» (л. 4); *бѣдма бѣдмыны* «расту» (л. 5об.); *вѣрышь* «коршунъ» (л. 6); *вѣрземень муна мунны* «верхомъ ѣду» (л. 7); *вѣрма вѣрмыны* «побѣждаю» (л. 7); *вѣсета весетны* «чищу очищаю» (л. 7об.); *вѣскытъ* «правда, правый, прямой, справедливый, вѣрный, правдивый» (л. 7об.); *вѣсни или векни* «тонкіи, тонко» (л. 7об.); *вѣсь* «четверть въ Аршинѣ» (л. 7об.); *вѣтла вѣтлыны* «ѣзжу», *вѣтлета ветлетны* «хожу, иду» (л. 7об.); *вѣдзя вѣдзны* «держу, издерживаю», *вѣдзисемъ* «воздержаніе, умѣренность» (л. 8); *вѣся висны* «въ болѣзнь нахожусь болѣзную» (л. 8об.); *вѣда вѣдны* «лежуся» (л. 9); *вѣлкыта* «гладко» (л. 9); *вѣтъ* «дань» (л. 9) [из др.-рус.]; *вѣдъжъ* «лукъ лучокъ изъ коего стрѣляютъ» (л. 9об.); *вѣндаля вѣндальны* «зарѣзываю, рѣжу, разрѣзываю, подрѣзываю, обрѣзываю, вырѣзываю» (л. 9об.); *вѣрдъ* «выдра звѣрь» (л. 10) [из иран.]; *вѣрынь* «шерсть» (л. 10) [из иран.]; *вѣтъ* «сно-видѣніе» (л. 10об.); *гѣггъ* «червь» (л. 10об.); *гѣдъ* «мозоль, пузырь» (л. 10об.); *гѣжа* «радость, веселіе, веселый, весело» (л. 10об.); *дѣръ* «чумичка» (л. 13) [из индо-иран.]; *дѣкосъ* «кафтанъ сарафанъ» (л. 14) [из тюрк.]; *зѣрни* «золото» (л. 15об.) [из иран.]; *зѣнь* «сынъ» (л. 16) [из иран.]; *кѣдзюль* «пуговица» (л. 19), *кѣдзюль* «пуговица» (Попов 1785б: л. 23); *кѣльта* «снопъ вѣска» (л. 20об.) [из др.-чув., ср. чув. *кѣлте* ‘сноп’ (КЭС-СКЯ: 131)]; *кѣрегъ* «курица» (л. 22) [из иран.]; *кѣшманъ* «рѣдька» (л. 22об.) [из др.-чув., ср. чув. *кушман* ‘редька’ (КЭС-СКЯ: 148)]; *мѣегъ* «кол, тычина, свая» (л. 26об.) [из иран.] и др.

5. Общекоми

а кань «кукла» (л. 3); *вѣжень* «давно» (л. 6); *вѣнь* «братъ» (л. 9); *гѣтырь* «мужняя жена, супруга» (л. 13) [см. вопросы к этимологии — древнесканд. заимствование через приб.-фин. языки? (КЭС-СКЯ: 81)]; *истегъ* «горючая сѣра», *истегъ іось* «спичка сѣрная» (л. 17); *рѣбъ*

«дрожжи» (л. 38об.) [в коми полагается заимствованием из приб.-фин., ср. эст., карел., вепс. *raba* 'барда' (КЭСЛЯ: 239)]; *цѣѡцкемь* «бѣлокъ яичной такъже бѣлый» (л. 47об.) и др.

6. Др.-рус./сев.-рус.

анбарь «анбаръ» (л. 3); *бáрь* «вельможа» (л. 4); *бóлбань* «идоль, болванъ» (л. 4об.); *бѣкеръ* «ставецъ» (л. 5об.) [рус. слово полагается германским заимствованием (КЭСЛЯ: 38)]; *вѣрецъ* «россадникъ» (л. 8об.); *вѣстала висталны* «напоминаю, объявляю, сказываю» (л. 8об.) [вокализм основы отражает узкий характер др.-рус. ѣ]; *гѣрницъ* «горшокъ» (л. 12об.); *жолтышъ* «яичной желтокъ» (л. 15об.); *кѣшъ* «ковшъ» (л. 24об.); *лáбиць* «лавка» (л. 25); *лáгуны* «лагунъ» (л. 25); *óсподинъ* «господинъ» и *óспожá* «госпожа» (л. 33); *шѣлга* «лѣвый», *шѣлгакъ* «лѣвая рука», *шѣлга пэле* «на лѣво» (л. 50об.) и др.

Источники

1. КИРС – Коми-пермяцко-русский словарь / [Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман]. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
2. КЭСЛЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка / Под ред. В. И. Лыткина. М.: Наука, 1970. 386 с.
3. КЭСЛЯ-Доп. – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Дополнения к краткому этимологическому словарю коми языка // Вопросы коми филологии / Отв. ред. Г. Г. Бараксанов. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1975. С. 3–45. (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Вып. 18).
4. Пономарёва 2016 – Пономарева Л. Г. Речь северных коми-пермяков. Монография. М.: Языки Народов Мира, 2016. 514 с. + цв. илл.: 8 с.
5. Попов 1785а – Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный города Перми Петро-Павловского Собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ «1785» года // Российская национальная библиотека. Отдел рукописей (РНБ. ОР). Эрм. 206. 81 л.
6. Попов 1785б – Краткой пермской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по разнымъ матеріямъ расположенный города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ «1785» года // РНБ. ОР. Эрм. 207. 29 л.
7. Попов 1785в – Примѣчанія принадлежащія къ грамматикѣ Пермскаго языка сочиненныя города Перми Петро-Павловского собора Протоіереемъ Антоніемъ Поповымъ съ помощію нѣкоторыхъ пермяковъ знающихъ російскою языкъ «1785» года // РНБ. ОР. Эрм. 208. 33 л.
8. Csúcs 2005 – Csúcs S. Die Rekonstruktion der Permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 s. (Bibliotheca Uralica. 13).
9. SKES – Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen

etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

10. UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. [Bd. I–III]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Аксёнова Ольга Петровна,
к.филол.н., г. Кудымкар
aksenova_op@mail.ru

Диалектные особенности ономастикона в коми-пермяцком языке

Аннотация. Диалектные ономастические особенности коми-пермяцкого языка незначительны, наблюдаемые и в других разделах языка, и, в основном, можно обнаружить отличие между северным и южным наречиями. По этимологической характеристике (прауральский, уральский; финно-угорский, угорский, прибалтийско-финский; славянский, тюркский компоненты) также имеется своеобразие. Большую роль в языковом различии сыграло и то, что крестьяне подразделялись на крепостных (графа Строганова) и государственных. С точки зрения истории и языка диалектные особенности ономастикона представляют несомненный интерес.

Ключевые слова: история, финно-угры, диалектные особенности, этногенез, ономастикон.

Olga P. Aksenova,
Cand. of Science (Philology),
Kudymkar
aksenova_op@mail.ru

Dialect features of onomasticon in the komi-permian language

Summary. The dialectic onomastic features of the Komi-Permyak language are insignificant, observed in other sections of the language, and one can mainly find a difference between the northern and southern dialects. According to the etymological characteristics (pra-Ural, Ural; Finno-Ugric, Ugrian, Baltic-Finnish; Slavic, Turkic components) there is also an originality. An important role in the linguistic distinction was also played by the fact that the peasants were subdivided into serfs (Count Stroganov) and state ones. From the point of view of history and language, the dialectal features of the onomasticon are of undoubted interest.

Key words: history, Finno-Ugrians, dialect features, ethnogenesis, onomasticon.

Коми-пермяцкий язык, в частности, ономастика, слабо исследована, а ведь могла быть ориентиром в истории этногенеза коми-пермяцкого народа. Основателем коми ономастики являются Андрей Михайлович Шёгрэн (1794–1855), финский и русский учёный, русский учёный Иван Николаевич Смирнов (1856–1904), коми учёный Иван Яковлевич Кривощёков (1854–1916), русский учёный Александр Фёдорович Теплоухов (1880–1943), коми-пермяцкий учёный Антонина Семёновна Кривощёкова-Гантман (1921–1995) и автор данной статьи, Аксёнова Ольга Петровна (1961 г.р.)

Археологический фонд на территории КПО довольно богатый: ещё в издании окружного музея 1976 года (Конин 1976: 15-26) упоминается почти о 100 археологических памятниках. В своей курсовой работе «Нижеиньвенский диалект» 1983 года мы попытались отметить вместе со своим руководителем, А.С. Кривощёковой-Гантман, диалектные особенности и причины, в том числе в области ономастики. В частности, отметили большую частотность ономастических единиц русского и тюркского происхождения, нежели в других диалектах. Автор данной статьи останавливался на влиянии коми-зырянского языка на восточный нижеиньвенский диалект в 1999 году (Аксёнова 1999: 36–40), обращая внимание на нарицательную лексику в статье «Диалектные особенности крохалёвского говора южного наречия коми-пермяцкого языка». Как известно, коми-пермяцкий язык состоит из 2-х наречий: северного и южного, и восьми диалектов: кудымкарско-иньвенского (функционирует на территории Кудымкарского и Юсьвинского районов), нердвинского (на территории Кудымкарского района), нижеиньвенского и оньковского (на территории Юсьвинского района), кочёвского (на территории Кочёвского района), косинско-камского (на территории Косинского района), мысовского, верх-лупьинского (на территории Гайнского района).

Данную классификацию произвели Кривощёкова-Гантман А.С., Баталова Р.М. (Баталова 1975). Анализируемая тема была объектом внимания Аксёновой О.П. (Аксёнова 2009, 2010, 2015), Кирилловой Л.Е. (Кириллова 2002), Кривощёковой-Гантман А.С. (Кривощёкова-Гантман 1967, 1973), Туркина А.И. (Туркина 1972, 1977, 1981, 1985, 1989). Укажем наиболее типичные и характерные ономастические единицы разных районов.

Что касается особенностей ономастических единиц, надо учесть

следующее: известный мордовский ономаст И.К. Инжеватов замечает «Изучая географические названия, мы можем узнать много ценного и полезного о давно исчезнувших особенностях ландшафта той или иной местности, о её естественных богатствах, о том, какие народы и племена заселяли данную территорию в далёком прошлом» (Инжеватов: 1987:5). Известно, что финно-угры жили на большой территории. По данным советских и зарубежных археологов имеется несколько версий насчёт прародины и движения финно-угорской общности. Это и Волго-Камье, Алтай, Прибалтика и т. д. В настоящее время выдвигаются новые версии (Воронцова, Галкин 2002: 3).

Известный и уже упомянутый учёный Антонина Семёновна Кривощёкова-Гантман по языковому происхождению коми-пермяцкий ономастикон разделяет на 4 источника: финно-угорский с пермской группой (коми-зырянский, коми-пермяцкий, удмуртский языки), угорской группой (хантыйский, мансийский), с прибалтийско-финской группой (карельский, вепсский языки), русская ономастическая группа, тюркская ономастическая группа. Мы добавляем к данному разделению ещё два языковых источника: уральский и пруральский (Воробьёва 1973, Аксёнова 2015). По функционированию данных ономастических единиц можно выделить диалектные особенности. По словам Г.Н. Чагина, русские начали заселять верхнекамские земли после того, как Пермь Великая приняла православие в 1462 году и вошла в состав Русского государства в 1472 году (Чагин 2002: 8), а финский учёный Сеппо Лаллукка отмечает связи ещё более ранние – в IX веке (Лаллукка 1995:19).

Русские княжества – Новгородское, Владимиро-Суздальское, Московское, Ростовское влияли на северную территорию Пермского Прикамья, тюркские государства – Волжская Булгария, Золотая Орда, Тюркский каганат, Казанское Ханство – влияли на юг. «Большую роль» на данную территорию сыграл феодальный гнёт династии Строгановых. Финский и русский учёный А.М. Шёгрэн был первым, который обратил внимание на северно-русскую и коми топонимию (Матвеев 1969:105–110). Занимаясь проблемами финно-угорских народов в древности и исследуя для этой цели как историко-этнографические, так и языковые данные (фамилии, имена, заимствования в русских диалектах и т. д.) А.М. Шёгрэн привлекает богатый топонимический материал в ряде своих статей. Топонимический материал, рассматриваемый А.М. Шёгреном, довольно большой: проводится около 400 названий (Туркин

1967: 26–27; 1994: 130). Однако Андрей Михайлович пишет, что его работа предварительна и что древняя история Севера может получить детальное освещение только после того, как будет собран и сопоставлен весь необходимый историко-этнографический и языковой материал, в том числе и топонимический. Заслуживают внимания выводы Шёгрена о том, что на Севере до прихода русских жили различные племена: пермь, саами, карелы. Родиной пермян (предков коми-зырян и коми-пермяков) А.М.Шёгрэн считает верховья Камы, северную часть Пермской губернии и Уральский хребет. Отсюда, по его мнению, они двигались частично на восток, на запад и на северо-запад. На востоке пермские народы селились до Сибири и были вытеснены югрой или смешались с нею. Западной границей А.М. Шёгрэн считает Двину. Южную границу коми учёный доводит до Москвы, включая Вятскую, Костромскую и Владимирскую губернии. Его исследования продолжил этнограф Иван Николаевич Смирнов и привёл ряд интересных сопоставлений: Вильтма, Пожма, Пертма, Сикма, Сизьва, Урма в Вотском крае и Вильва, Пожва, Нертва, Сиковка, Сизьва, Урва в Пермском крае. Надо отметить, что на севере Коми края функционировал сибирский тракт, соединяющий Москву с Сибирью. Данные обстоятельства повлекли к активной связи с коми-зырянами, с карелами, с вепсами, с русскими, с представителями тюркского происхождения (с башкирами, с татарами). Современные пограничные районы КПО нашли отражение в ономастиконе. Отметим, на севере Коми округ граничит с Республикой Коми, на западе – с Кировской областью, на востоке и на юге – с Пермским краем.

Диалектное разнообразие в фонетике и в морфологии в коми-пермяцком ономастиконе незначительное, в основном можно отметить фонетические различия в наречиях между северным и южным из-за чередования л/в: ойконим д. Акилова (кочёвский диалект) (л//в), р. Булач (мысовский диалект). Отмечается фонетическое явление с//ск: раск, ср. раск<рас (кочёвский диалект). Под влиянием русского языка обнаруживаются чередования ы//и, о//а, о//у; о//ё н//нь, деаффрикатизация : Даниб, ср.иб<ыб, Ив, ср. ив<йив: Ронтісь керос, ср.керос<керёс, Ключ юринь, ср.юринь<юрин; Ужанью, ср.ужан<уджан.

Что касается морфологических особенностей, можно назвать следующие: ылт//увтын, связанную с эллипсисом. Например, Кёчко/ыб/ылт/мыс «небольшая гора» около бывшей д. Пурга Гайнского района: ылт «низ», ср.литературное увт «низ». Современные лексические па-

раллели мы можем продолжить на территории Республики Коми и Коми округа. Например, р. Весляна и д. Весляна, д. Ыджыт Пурга и бывшая д. Пурга; р. Асыв вож и р. Асыв вож; с. Корчомья и д. Корчёнъя; д. Войвыл (Косинский район), ср. кп.ой, кз.вой.

Среди коми-пермяцко-удмуртских параллелей назовём ойконимы: д.Можга и г.Можга. Русская топонимия распространена на всей территории КПО: п.Жемчужный, п.Серебрянка, Красные чулки (Гайнский район), Исада, Краснобай, Собачка (Косинский район), Калинка ректас, Кривоног, Октябрьский (Кочёвский район), Казарма крёж, Ключ юринь, Стрижева (Кудымкарский район), Грапича речка, Дальний бемус, Чёрна помка (Юсьвинский район). Из тюркских наименований А.С. Кривощёкова-Гантман отмечает д.Тасимовку, ср.тюркское имя Тасим, п.Солым, ср.тюркское имя Салим, Салым (Кривощёкова-Гантман 1983: 144, 148). На севере КПО выделяется вепсская топонимия: п.Кебраты, ср.карельское корби «болото, заросшее сосной» (Кривощёкова-Гантман 2006: 161). Угорская (хантыйская, мансийская) топонимия последовательно представлена на территории в основном Косинского и Кочёвского районов: р.Коса, мансийское хоса «длинный, далёкий», д.Ташка, ср.угорское ташка «подводный камень» (Кривощёкова-Гантман 1983: 105), р.Иньва, ср.хантыйское инк «вода» (Мурзаев 1983 :431).

Таким образом, через призму диалектов можно пронаблюдать своеобразную топонимическую картину. В дальнейшем необходимо про- извести статистический анализ ономастикона в коми-пермяком языке.

Литература

1. Аксёнова О. П. Топонимия Нижней Иньвы (рукопись) Пермь, 1983.
2. Аксёнова О. П. Диалектные особенности крохалёвского говора южного наречия коми-пермяцкого языка // Материалы VII зонального симпозиума по пермским языкам «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвящённого 70-летию со дня рождения Гуляева Е.С. Сыктывкар, 1999. С. 36–40.
3. Аксёнова О. П. Коми-пермяцкие географические термины и их функционирование в топонимии Верхнего Прикамья (монография) Кудымкар, 2009.
4. Аксёнова О. П., Дерябин В.С., Кривощёкова-Гантман А.С. Топонимический словарь-справочник КПО. Кудымкар, 2010.
5. Аксёнова О. П. Об этнонимах «коми», «пермяк», «коми-пермяк» // На пути к единению/Под ред. Аристовой С.М. (Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Национально-гражданская и этническая иден-

тичность в рамках гражданского единения российской нации» 19 декабря 2014 года, г. Кудымкар). – Кудымкар, 2015. С.184–196.

6. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. Москва, 1975.

7. Воробьёва И.А. Язык земли: о местных географических названиях Западной Сибири. Новосибирск, 1973.

8. Воронцова О.П., Галкин И.С. Топонимика Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2002.

9. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.

10. Конин Г.К. Памятники истории и культуры Коми-Пермяцкого национального округа. Кудымкар, 1976.

11. Кириллова Л.Е. Микротопонимия бассейна Кильмези. Ижевск, 2002.

12. Кривощёкова-Гантман А.С. Общепермская и общекоми лексика ландшафта в составе топонимии Прикамья // Учён. зап. Перм. пед. ин-та. Вып.3. Пермь, 1967.

13. Кривощёкова-Гантман А.С. К вопросу о западносибирском компоненте в топонимии Прикамья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Материалы Всесоюз.конф.14–16 июля 1973 г. Томск, 1973.С.129–132.

14. Кривощёкова-Гантман А.С. Географические названия Верхнего Прикамья. Пермь, 1983.

15. Лаллукка С. Komipermjakit-peramaan kansa (коми-пермяки – пермский народ) Хельсинки, 1995.

16. Матвеев А.К. А.М.Шёгрен как исследователь субстратной топонимии Русского Севера // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969 – (Учёные записки Уральского гос.ун-та; №80). – (Серия филологическая; №8). URL: <http://hdl.handle.net/10995/43790> (дата доступа: 12 февраля 2019 г.) С.105–110.

17. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов Москва, 1983.

18. Туркин А.И. Топонимика Севера России в трудах финно-угроведов XIX-нач. XXв. // История топонимии в СССР: Тезисы докладов. Москва, 1967. С.26–29.

19. Туркин А.И. Топонимия Нижней Вычегды. Автореф.дис.канд.филол.н. Москва, 1972.

20. Туркин А.И. Кӧні тэ олан? (Места нимъяс йылісь висьтьяс) Сыктывкар, 1977.

21. Туркин А.И. Краткий топонимический словарь. Сыктывкар, 1981.

22. Туркин А.И. Основы коми топонимии: Учеб. пособие по спецкурсу. Сыктывкар, 1985.

23. Туркин А.И. Топонимия Коми АССР (лингвистический анализ) Таллин, 1989.

24. Чагин Г.Н., Черных А.В. Народы Прикамья. Пермь, 2002.

Секция 2.

Вопросы диалектологии, истории пермских языков, проблемы типологии и контактирования языков

Гуляева Наталья Ивановна,
н.с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
guljaevan@rambler.ru

Несобственно-вопросительные предложения в коми-пермяцком языке

Аннотация. В данной статье анализируются несобственно-вопросительные предложения в коми-пермяцком языке, их семантика и особенности функционирования.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, несобственно-вопросительные предложения, семантика, функционирование.

Natalya I. Gulyaeva,
research scientist of Komi Science
Centre, Ural Branch of the RAS
guljaevan@rambler.ru

Non-proper-interrogative sentences in the Komi-Permyak language

Summary. In this article, non-proper-interrogative sentences in the Komi-Permyak language, their semantics and features of functioning are analyzed.

Key words: Komi-Permyak language, non-proper-interrogative sentences, semantics, functioning.

В коми-пермяцком языкознании в настоящее время выделяется три вида вопросительных предложений: собственно-вопросительные, вопросительно-побудительные и вопросительно-риторические (Лобанова 2017: 26–28). На наш взгляд, это не совсем справедливо, так как семантика вопросительных предложений в коми-пермяцком языке значительно шире. В данном исследовании рассматриваются виды не-

собственно-вопросительных предложений.

По характеру коммуникативной функции все вопросительные конструкции коми-пермяцкого языка можно разделить на собственно-вопросительные и несобственно-вопросительные.

Собственно-вопросительные – это конструкции, требующие обязательного ответа, в то время как несобственно-вопросительные, напротив, его не требуют. Необходимо отметить, что собственно-вопросительные предложения выполняют первичную функцию – запрос какой-либо информации, в то время как несобственно-вопросительные реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния и т.д.

Для несобственно-вопросительных предложений характерно несовпадение плана выражения с планом содержания, которое ведёт к нейтрализации вопросительного значения. Важным принципом отличия несобственно-вопросительных предложений от собственно-вопросительных является наличие эмоциональной окраски, для последних она менее характерна. Эмоционально-экспрессивные оттенки с различными значениями: радости, удивления, негодования и т.д., оказывают воздействие на собственно-вопросительное значение предложения, вследствие этого оно нейтрализуется, а дополнительные оттенки, напротив, начинают играть решающую роль в определении коммуникативной направленности высказывания (Гуляева 2013, 2010).

В коми-пермяцком языке к несобственно-вопросительным предложениям относятся императивные вопросительные предложения, контактоустанавливающие вопросительные предложения, риторические вопросительные предложения, рефлексивные вопросительные предложения, встречные вопросы и переспросы.

Императивные вопросительные предложения представляют собой особый вид предложений, в которых побуждение к действию или к прекращению действия, совершаемого адресатом в момент речи, выражается посредством вопроса. В коми-пермяцком языке есть два подвида данных предложений: общевопросительные и частновопросительные.

В императивных общевопросительных предложениях выражается побуждение к действию с чётко выраженным пригласительным характером. Выполнение действия зависит от воли адресата, поэтому

коммуникант допускает его возможную отрицательную реакцию.

– *Ми талун нывкаэскӧт театрӧ лӧсьӧтчим. Ветлан, баті, ӧт-лаын?* (Фадеев 1991: 273). «Мы сегодня с девушками собрались в театр. Может быть, пойдёшь с нами?».

– *Не съылышитны я миянлӧ мыйкӧ?* (Фадеев 1991: 81). ‘Не спеть ли нам что-нибудь?’.

Употребляются в коми-пермяцком языке императивные вопросительные предложения, которые также одновременно с побудительным имеют субъективно-модальные значения желательности, неуверенности, предположительности

– *Бура тэ орсан, ӧддӧён бура, – баитіс хозяйин. – Локтін бы миян колхозӧ овнытӧ, а?* (Минин 1974: 153). ‘Хорошо ты играешь, очень хорошо, – говорил хозяйин. – Переехал бы жить в наш колхоз, а?’.

Императивные частновопросительные предложения употребляются для выражения категорического побуждения к совершению или прекращению действия, наряду с которым четко проявляется эмоционально-оценочное значение, характеризующее отношение говорящего к поведению адресата и выражающие досаду и раздражение. В современном коми-пермяцком языке распространены императивные частновопросительные предложения с вопросительными словами *мый* ‘что’, *кытчӧ* ‘куда’. Необходимо отметить, что одновременно с выражением побуждения в таких предложениях, также проявляются и негативные оттенки в отношении говорящего к адресату, в частности, к его поведению:

– *Чеччы. Мый нӧ эшӧ пукалан? Доддясны эд колӧ, – горӧтчис Витя ёртыслӧ* (Фадеев 1991: 198). ‘Вставай. Всё ещё сидишь? Запрягать сани же надо, – крикнул Витя товарищу’.

Миша чӧлӧмӧн и былись вӧрзӧтчис местасис, петіс одзлань.

– *Тэ кытчӧ? Сулав!* (Фадеев 1991: 174). ‘Миша, молча, действительно сдвинулся с места, вышел дальше. – Ты куда? Стой!’.

Употребляемые в императивных частновопросительных предложениях вопросительные слова *мый* ‘что’, *кытчӧ* ‘куда’, частично теряя семантическую однозначность, приобретают сходство с модальными частицами.

Важнейшей функцией контактоустанавливающих вопросительных предложений является направленное воздействие на психоэмоциональное состояние адресата для привлечения его внимания и уста-

новления с ним контакта.

*Эта коста зоночкалӧн мамыс жагвыв оськӧвтіс западня дорыш
вылӧ, казяліс зоньсыліс осьта синнэссӧ:*

– *Он на узь?* (Фадеев 1991: 25). ‘Между тем мать мальчика медленно шагнула на крышку подпола, заметила открытые глаза парня: – Ещё не спишь?’.

В некоторых случаях контактоустанавливающие вопросительные предложения выражают спонтанную реакцию коммуниканта на внезапное появление адресата и являются перепроверкой информации о его появлении, которое следует из неготовности спрашивающего для контакта. Как правило, в структуру предложений данного вида включено имя собственное, называющее адресата:

Дыр мыйись ӧшыныс жагвыв оссис.

– *Васька, тэ?* – *юліс Мишалӧн мамыс* (Фадеев 1974: 315). ‘Спустя значительное время окно медленно открылось. – Васька, ты? – спросила Мишина мать’.

Контактоустанавливающие вопросительные предложения помимо контактной семантики проявляют и эмоционально-оценочные значения, характеризующие эмоциональное состояние адресанта, а также его отношение к адресату во время общения:

*Бӧрлансянь, татикасьӧмӧн, джӧмдалӧмӧн, кызд жука уй-
ышитіс, петіс одзас бедӧн старушка да уськӧтчис землемер вылӧ:*

– *Ах тэ, лешакпян, мый тэныт эстӧн колӧ, а? Мыйлӧ тэ мян
ыббез вылӧ локтін?* (Лихачёв 1974: 36). ‘Сзади, толкаясь, спотыкаясь, словно жука поплыла, вышла вперёд старушка с палкой и набросилась на землемера: – Ах, ты, леший, что тебе здесь надо, а? Зачем ты на наши поля пришёл?’.

Основной задачей контактоподдерживающих вопросительных предложений является привлечение внимания адресата к себе или к теме беседы. Данные конструкции семантически опустошены и предназначены для поддержания процесса общения:

– *А тӧдан мый?* – *висьталі ме сэж ёртӧлӧ.* – *Эмӧсь кӧ ния эшӧ
кытӧн, дак дзир ю саяс* (Фадеев 1991: 103). ‘А знаешь что? – сказал тогда я товарищу. – Если есть они ещё где-то, то только за рекой’.

Риторические вопросительные предложения представляют собой утверждения, высказанные в вопросительной форме, ответа на них не требуется, ибо он уже содержится в самом вопросе и очевиден. Данный

вид вопросительных предложений служит для выражения внутреннего состояния коммуниканта, концентрации внимания адресата, выделения какой-либо проблемы. Они всегда эмоционально окрашены.

Гажса кад, гыма кад – тулысса кад! Кин нӧ тӧнӧ оз радейт, кин нӧ тӧнӧ оз видзчись? (Лихачёв 1974: 28). ‘Веселое время, время весенних гроз! Кто же тебя не любит, кто же тебя не ждёт?’.

– *Но дак мый? Разь эта олӧм? Кыдз ми оламӧ? Нянь вылын да кушман вылын... Да эд и сия эшӧ мукӧдпырсяс абу* (Лихачёв 1974: 16). ‘Ну что? Разве это жизнь? Как мы живём? На хлебе и на редьке... Да и этого иногда не бывает’.

Как видно из примеров, риторические вопросительные предложения в коми-пермяцком языке выражаются как формой утвердительного, так и формой отрицательного предложения, при этом положительные по форме вопросы обозначают отрицательные по значению высказывание, а отрицательные по форме риторические вопросительные предложения выражают положительные по значению высказывания.

В рефлексивных вопросительных предложениях на первый план выдвигается коннотативный уровень вопросительного предложения – его дополнительные значения неуверенности, сомнения, непонимания и т.д. В современном коми-пермяцком языке преобладают рефлексивные вопросительные предложения с коннотациями тоски, безысходности, грусти, сомнения, неведения, неуверенности:

Саймис, думайтӧ: «Мый жӧ менӧ видзчисьӧ одзлань? Кытчӧ нӧ бӧра койыштас оланыс? Оз кӧ лӧсяв туй, сэк, тыдалӧ, ӧддӧн умӧль лоас олӧмыс. Ӧтік берегись мӧда орӧтчыны, а кин тӧдас, чожа я не я сюра мӧдӧрас» (Лихачёв 1974: 15). ‘Проснулся, думает: «Что меня ждёт впереди? Куда же ещё забросит жизнь? Если не та дорога, тогда, видимо, быстро испортится жизнь. От одного берега стану отрываться, а кто знает, быстро ли я попаду на другой’.

Дёма видзӧтӧ сӕян-юаныс вылӧ и думайтӧ: «Быдӧс этӧ ме кульк-мельк верма керны. Но озӧ я менӧ шуӧ аридӧн? А мыйлӧ блюдечковыс чайной чашка увтас?» (Шадрин 1974: 68). ‘Дёма смотрит на еду и думает: «Всё это я могу быстро съесть. Но не назовут ли меня жадным? А почему блюдец под чайной чашкой?’.

Встречные вопросительные предложения – это вопросы, задаваемые вместо ответа, выражающие имплицитно возражение или подтверждение тому, что содержится в вопросе собеседника. Не имея

сильной экспрессивности и обладая дискурсивностью, они чаще всего служат для передачи отрицательных оценок и суждений, направленных против адресата:

– *Тэ петассэсö сёйин? Ах, зырымось бедь! А вдруг председатель адззылас? Эз некин адззыв?*

– *Кин адззылас?* (Минин 1974: 90). ‘Ты ростки съел? Ах, сопляк! А вдруг председатель увидит? Никто не видел?’

– Кто увидит?’.
– *Настоящöй ма?*

– *А кыдз тэ думайтін?* (Минин 1974: 124). ‘Настоящий мёд?’

– А ты как думаешь?’.
Переспросы представляют собой повторения непосредственно

предшествующих вопросов, заданных собеседником, которые выполняют речерегулирующие функции: к ним прибегают для проверки правильности восприятия, используют в качестве средства, позволяющего адресату выиграть время для обдумывания того, что сказать дальше, и тем самым тормозят процесс коммуникации:

– *Мый тэ, Öрин, былись сідз баитісö? Айö нö мый сэтчö горöтчис?*

– *Мый горöтчис?* Пропадай, шуö, кöда кöдöс пö вермам (Лихачёв 1974: 19). ‘Ты что, Арина, действительно, так говорили? Отец что там сказал? – Что скажет? Пропадай, говорит, тот, которого, мол, переселим’.

Иногда переспрос не дублирует вопрос, заданный собеседником. В таких случаях, он различается от вопроса коммуниканта включением в свою структуру вопросительного слова, которым заменяются существительное или глагол, названные в вопросе адресанта, при этом в переспросах чётко прослеживается наличие эмоциональной окраски негодования:

– *Мый тэ керан, Василь дядь? – эз вермы терпитны да юалис Дёма.*

– *Кин, ме?* – дзар керис Василь (Шадрин 1974: 54). ‘Что ты делаешь, дядя Василь?– не смог сдержаться и спросил Дёма. – Кто, я? – взглянул Василь’.

Встречные вопросительные предложения и переспросы часто употребляются в коми-пермяцком литературном языке, в основном, в диалогической речи, придавая ей яркость и динамизм.

Таким образом, в коми-пермяцком языке широко распространены несобственно-вопросительные предложения. Структура конструкций данного класса идентична собственно-вопросительным предложениям, при этом они не способны актуализировать значения, связанные с реализацией первичной функции вопросительной формы, а именно запросом информации. Данные конструкции реализуют вторичную функцию, невопросительную: побуждение к совершению какого-либо действия, выражение эмоционального состояния и т.д.

Список литературы

1. Гуляева 2010 – Гуляева Н. И. Императивные вопросительные предложения в коми языке // Вестник Челябинского университета. – 2010. – №17 (198). – Филология. Искусствоведение. – Вып.44. – С.9–11.
2. Гуляева 2013 – Гуляева Н. И. Вопросительные предложения в коми литературном языке: семантика, функции и структура: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 02. Саранск, 2013. 25 с.
3. Лобанова 2017 – Лобанова А. С. Коми-пермяцкӧй кыв синтаксис. Кывтэчас да прӧстӧй сёрникузя. Велӧтчан пособие. – Пермь: ПГППУ, 2017. – 158 с.
4. Лихачёв 1974 – Лихачёв М. П. Виль туйӧт // Пармаын асыв. Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза.– Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӧй отделеннӧ, 1974. – С. 7–41.
5. Минин 1974 – Минин И. А. Паньт уйис тӧлӧсь // Пармаын асыв. Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза.– Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӧй отделеннӧ, 1974. – С. 87–166.
6. Фадеев 1991 – Фадеев Т. П. Олӧм лун. Рассказзэз да повесттез – Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во. Коми-Пермяцкӧй отеленнӧ, 1991. – 352 с.
7. Шадрин 1974 – Шадрин И. А. Дӧма // Пармаын асыв. Бӧрйӧм коми-пермяцкӧй проза. – Кудымкар: Пермскӧй кн. изд-во, Коми-Пермяцкӧй отделеннӧ, 1974. – С.45–84

Ившин Леонид Михайлович,
научный сотрудник Удмуртского
ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН
ivleo.75@mail.ru

**Об оформлении сложных слов в памятниках
 ранней удмуртской письменности
 (на примере первой грамматики удмуртского языка)**

Аннотация. В статье рассмотрены сложные слова в одном из памятников ранней удмуртской письменности – первой грамматике удмуртского языка. Исследование показывает, что рассматриваемые сложные образования не имеют унифицированного оформления, хотя многие зафиксированные в грамматике сложные слова сохранили свое написание в современной орфографии удмуртского языка.

Ключевые слова: удмуртский язык, письменный памятник, орфография, грамматика, сложное слово, слитное написание, дефис, раздельное оформление.

Leonid M. Ivshin,
Research scientist of Udmurt Institute
of History, Language and Literature,
Ural Branch of the RAS
ivleo.75@mail.ru

**On the design of complex words in the monuments
 of early Udmurt writing
 (on the example of the first grammar of the Udmurt language)**

Summary. The article deals with complex words in one of the monuments of the early Udmurt writing - the first grammar of the Udmurt language. The study shows that the complex formations in question do not have a unified design, although many complex words recorded in the grammar have retained their spelling in the modern orthography of the Udmurt language.

Key words: Udmurt language, written monument, spelling, grammar, compound word, fluent writing, hyphen, separate design.

Орфография (греч. orthographia, от orthos ‘правильный’, grapho ‘пишу’) – система общепринятых правил, регулирующих одинаковое, нормативное написание слов и морфем. Орфография включает правила передачи буквами фонемного состава слова, правила о слитном, раздельном и дефисном написаниях, об употреблении прописных и строчных букв, о переносе слов и графических сокращениях (Стариченок 2008: 398).

Некоторые вопросы правописания в ранних письменных памятниках удмуртского языка были фрагментарно освещены в работах языковедов: В. И. Алатырева (1956: 58–62), А. С. Бабинцева (1937: 3–4), В. М. Вахрушева и В. Н. Денисова (1992: 114–119), В. К. Кельмакова (1984: 18–24) Г. И. Лаврентьева (1971: 50–53) и др. Но надо сказать, что исследователи большее внимание обращали на графические и отчасти фонетические и лексические особенности того или иного памятника письменности, чем на орфографические. Некоторые нюансы правописания в ранних письменных памятниках удмуртского языка нашли отражение в монографии «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» (Ившин 2010). В ней были отмечены правила передачи фонемного состава удмуртских слов, единообразие в написании отдельных падежных морфем, принципы передачи мягких и твёрдых согласных, непоследовательность дефисного, раздельного или слитного начертания слов с притяжательными и падежными суффиксами, послелогоми и т. д. Однако вопрос о правописании сложных слов в первой грамматике (Сочинения 1775) ещё не получил достаточного освещения. В данной работе мы хотели бы уделить внимание оформлению некоторых сложных слов в грамматике под названием «Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка».

Орфография (а точнее, элементы удмуртской орфографии ¹), за-

¹ Некоторые исследователи сомневаются в наличии орфографии в ранних письменных памятниках. Например, Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева (1965: 26), исследуя древние немецкие памятники, отмечают: «Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого если не всеми, то многими авторами и писцами. Мы не найдём в древненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца». Это значит, что орфографии, в строгом понимании этого термина, в древненемецком языке не было. Правил для правописания не было и в раннеудмуртских памятниках, но была определённая система написания слов и некоторых морфем, а значит, имелись сформулированные элементы орфографии.

ложенная в первых стихотворениях, написанных кириллической графикой, была, можно сказать, «утверждена» в книге «Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» (Сочиненія 1775). В ней орфографические правила не были сформулированы, но были предложены образцы написания слов (в том числе сложных) и отдельных морфем. Это начертание сохраняется и в последующих изданиях или рукописных работах на удмуртском языке вплоть до середины (даже до конца 60-х гг.) XIX века. Из первой грамматики удмуртского языка нами было рассмотрено около 150 сложных слов, образованных путем механического сочетания двух основ. В их написании единообразия не просматривается.

1. В словах, обозначающих, названия деревьев или кустарников, компонент *пу* в одних случаях пишется слитно, например: *писпу* [*pispu*] ‘древцо’ (Сочиненія 1775: 24) (далее в статье номера страниц приводятся без указания источника), *сиппу* [*s'irpu*] ‘вязь’, *пашпу* [*paʃpu*] ‘орешник’, *батпу* [*bad'pu*] ‘ива’, *лемпу* [*l'ɛmpu ~ l'etpu*] ‘черемуховое дерево’, *палезпу* [*palez'pu*] ‘рябина’ (25) и т. д., в других – раздельно: *гуземь пу* [*guzet pu*] ‘жимолость’, *улмо пу* [*ulmo pu*] ‘яблоня’, *шу пу* [*ʃu pu*] ‘калиновое дерево’ (25).

На первый взгляд, вроде бы, слитно написаны сложные слова, первый компонент из которых не имеет прозрачного значения: *сиппу*, *пашпу*. Однако здесь же, *гуземь пу* оформлено раздельно, хотя значение первого слова неясно.

2. Неупорядоченное написание имеют сложные слова со вторым компонентом *пи*: *ширпи* [*ʃɪrpi*] ‘мышонок’ (26), *курекпи* [*kurekpi*] ‘цыплёнок’ (28), *куцяпи* [*kikapi*] ‘щенок’, но здесь же *ишпи* [*ɪʃ pi*] ‘ягнёнок’, *парспи* [*pars'pi*] ‘поросёнок’ (29).

3. Сложные слова, обозначающие названия грибов, растений (овощей), также одни пишутся слитно: *зюцьгуби* [*ʒukgubi*] ‘гриб’ (21), другие – раздельно: *гортъ кушманъ* [*gord kuʃman*] ‘свёкла’, *цюжъ кушманъ* [*kiz kuʃman*] ‘морковь’, *немыць кежи* [*n'em2k kuz2*] ‘боб’, *ягъ мули* [*jag tul'2*] ‘брусника’ (23), *пэсь турунь* [*puʃs' turun*] ‘перець’ (24).

4. Сложные слова, обозначающие части человеческого тела, также не имеют единого оформления. Некоторые из них пишутся:

а) слитно: *пельдынъ* [*pel'd2n*] ‘високъ’, *синдоръ* [*s'indor*] ‘бровь, ресница’, *синьнуны* [*s'innun2*] ‘озорочко’, *имдоръ* [*2mdor*] ‘губа’ (18), *пельпумъ* [*pel'pum*] ‘плечо’, *гырпумъ* [*g2rpmum*] ‘локоть’ (19), *пыдтышъ*

[*p2tt2s*] ‘пята’ (20);

б) через дефис: *йъръ-серъ* [*j2r-s'ɯr*] ‘затылокъ’, *синъ-кели* [*s'in-kl'2*] ‘яблочко’, *синъ-тоди* [*s'in-tɯd'2*] ‘бѣлокъ’, *йъръ-вимъ* [*j2r-vim*] ‘мозгъ’ (18);

в) раздельно: *ныръ нысы* [*n2r p2s2*] ‘ноздри’ (18), *кетъ урдесъ* [*kɯt urdes*] ‘бокъ’ (19), *пыдъ купыры* [*p2d kup2r2*] ‘подколѣнко’, *пыдъ кетъ* [*p2d kɯt*] ‘голень’, *кызь пуи* [*k2z' puɯ*] ‘пузырь (точнее: мочевой пузырь – Л. И.)’ (20).

5. Отсутствие единого орфографирования наблюдается в написании сложных слов, обозначающих названия птиц: лексемы *гуртъ дыдыкъ* [*gurt d2d2k*] ‘голубь’, *дзюць вордосъ* [*jɯk' vordos*] ‘щегленокъ’ имеют раздельное написание, и здесь же *ваіобыжъ* [*vajob2ž*] или *вожопоски* [*vožopos'k2*] ‘ласточка’, *вожджюзю* [*vož jɯz' u*] ‘чижъ’, *уртъкышъ* [*urɯk2š*] ‘неотопырь, мышь летучая’, *седькырь* [*s'ɯdk2r*] ‘дятель чёрный’ (27) написаны слитно.

6. Одинакового написания не прослеживается и в других сложных образованиях: *ужътунъ* [*užɯn*] ‘дѣло’, *лумиуръ* [*lumɯr*] ‘полдни’, *улонъдунъ* [*ulondun'n'e*] ‘вѣкъ’, *чукпаль* [*šɯkpaɮ*] ‘востокъ’, *уйпаль* [*ɯɯpaɮ*] ‘западъ (точнее: север – Л. И.)’ (14), *тыль кели* [*ɯɮ kɯl'2*] ‘кремень’, *уръ кыремъ* [*ur k2rem*] ‘ровъ’, *лызьдари* [*l2zdari*] ‘купоросъ’ (21), *седьсуръ* [*s'ɯdsur*] ‘сивуха, вино’, *мусуръ* [*musur*] ‘медъ’ (24), *чогокый* [*šogok2j*] ‘ужъ’ (26), *лудкець* [*ludkeɕ*] ‘заецъ’, *седьбыжъ* [*s'edb2ž*] ‘горностай’ (28), *ижгонъ* [*žgon*] ‘шерсть’, *кець така* [*keɕ taka*] ‘козель’, *аипарсъ* [*aj pars'ɯ*] ‘боровъ’ (29), *коргидъ* [*korgid*] ‘конюшня’, *мумыкоръ* [*ɯm2kor*] ‘матица’, *сараѣазъ* [*saraɕiaz'ɯ*] ‘крылецъ’ (30), *синъутень* [*s'inut'on*] ‘зеркало’, *нуныкэжы* [*nun2kɯk2*] ‘колыбель, зыбка’, *пыдъкутъ* [*p2dkut*] ‘пантуфли’, *серегъ пунъ* [*sereg puɯ*] ‘головня’, *сюсь тыль* [*s'us' t2ɮ*] ‘свѣча восковая’, *гуръомырь* [*gur om2r*] ‘чело’ (31) и др.

Как видно из перечисленных примеров, сложные слова в книге «Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка» не имеют единообразного оформления. Это, как нам кажется, можно объяснить тем, что в то время русская графическая и орфографическая системы, которые были приспособлены к нуждам удмуртского языка стихийно, для орфографирования сложных слов, скорее всего, также не имели унифицированных правил.

В последующих письменных памятниках удмуртского языка, как рукописных, так и печатных (до середины XIX века), орфография слож-

ных слов несколько изменялась, но единого упорядоченного написания в них также не наблюдается. Более того, одно и то же слово в одном и том же памятнике письменности может иметь два (или три) варианта написания, например, в переводах Евангелия 1847 года встречаются следующие примеры: *нълъ-пиосъ* и *нълпиосъ* [n2lpios] ‘дѣти’ (Еванг. Глаз. 1847: 28, 38), *ятъ- муртъюосъ* и *ятъ муртъюосъ* [jatmurtjos] ‘язычники’ (Там же: 47, 49); *Инь- дунье* и *инъ дунье* ‘царствіе небесное’ (Еванг. Сар. 1847: 75, 100). Отсутствие единой системы орфографических правил побуждало, по-видимому, автора/авторов (составителя/составителей) принимать свои «индивидуальные» системы правописания.

Резюмируя вышесказанное, заметим, что вопросы правописания сложных слов как для удмуртского языка (Соколов 1997: 52–53; Тараканов 1997: 108–117; Герасимова 2002: 177–182), так и других финно-угорских (Зимин 1981: 24–35; Иванов 1994: 170; Андуганов 1986: 66–75), и на сегодняшний день остаются открытыми и весьма актуальными, требующими системного подхода. Даже в настоящее время в удмуртском языке из-за отсутствия единых принципов написания сложных слов возникают всевозможные разногласия. Одни и те же слова на страницах газет и журналов могут иметь или слитное, или раздельное оформление.

Список литературы и источников

1. Алатырев В. И. Когда возникла удмуртская письменность? // Молот. – 1956, № 6. – С. 58–62.
2. Андуганов Ю. В. Синтаксические критерии разграничения сложного слова и словосочетания в марийском языке // Марийская филология: Межвуз. сб. науч. тр. / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 1986. – С. 66–75.
3. Бабинцев А. С. Удмуртская орфография: Тезисы (в порядке обсуждения) // К первой удмуртской языковой конференции. – Ижевск, 1937. – 11 с.
4. Вахрушев В. М., Денисов В. Н. Современный удмуртский язык: Фонетика. Графика и орфография. Орфоэпия. – Ижевск: Удмуртия, 1992. – 144с.
5. Герасимова С. В. К проблеме разграничения сложного слова и словосочетания в удмуртском языке // Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Межвуз. сб. науч. тр. / Удм. ун-т. – Ижевск, 2002. – С. 177–182.
6. Зимин В. С. К вопросу о соотношении сложных слов и словосочетаний в коми языке // Историко-культурные связи пермских народов (по данным фольклора и языка): Межвуз. сб. науч. статей / Удм. гос. ун-т. – Ижевск, 1981. – С. 24–35.
7. Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Историческая фонетика немецкого языка: Пособие для студ. пед. ин-тов. – М., Л.: «Просвещение», 1965. – 192 с.

8. Еванг. Глаз. 1847 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Глазовское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Л. Карпова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003. (Памятники культуры: Лингвистическое наследие 3). – 560 с.

9. Еванг. Сар. 1847 – Первые печатные книги на удмуртском языке: Сарапульское наречие / Сост. Л. М. Ившин, отв. за вып. Л. Е. Кириллова. Предисл. – Л. М. Ившин. Репр. воспр. текстов изд. 1847 г. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2003б. (Памятники культуры: Лингвист. наследие 4). – 441с.

10. Иванов И. Г. Проблема обогащения марийского литературного языка на современном этапе // *Volgalaiskieliet muutoksessa. Volgalaiskielten symposiumi Turussa I.* – Turku, 1994. – С. 164–180.

11. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. – Екатеринбург-Ижевск, УрО РАН. – 2010. 236 с.: вкл.

12. Кельмаков В. К. О сложных числительных в современном удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка: сб. ст. / НИИ при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1984. – С. 18–24.

13. Лаврентьев Г. И. Удмурт кылын гождяськонын куд-ог ужпумъёс // *Молот.* – 1971. – № 9. – 50–53-тн б.

14. Соколов С. В. Удмурт нимкыльтёс: будон сюресъёссы но амальёссы // *Вордскем кыл* – 1997. – № 4. – 63–68-тн б.

15. Сочинения 1775 – Сочинения, принадлежащая къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербурге при Императорской Академіи наукъ 1775 года. – 113 с. [В кн. Первая научная грамматика удмуртского языка / Удмуртский НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. Удм. АССР. – Ижевск: Удмуртия, 1975].

16. Стариченок В. Д. Большой лингвистический словарь. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. – 811[1] с.

17. Тараканов И. В. Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // *Бюллетень № 1 / Республ. терм.-орфогр. комиссия по удм. языку при Председ. Гос. Сов. Удм. Респ.* – Ижевск, 1998. – С. 108–117.

Некрасова Ольга Ивановна,
*научный сотрудник ФГБУН
 ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
 lesik3108@yandex.ru*

**Об одной особенности *k*-ового деепричастия
 в коми-зырянском и коми-пермяцком языках**

Аннотация. Статья посвящена отглагольным *-к*-овым образованиям коми-зырянского и коми-пермяцкого языков с формами *-иг*, *-ик*, имеющим в этих пермских языках статус деепричастия. Рассмотрены конструкции, в которых проявляются атрибутивные свойства этих *-к*-овых образований и синтаксические функции определения, вторичного предиката в объектной конструкции.

Ключевые слова: коми-зырянский язык, коми-пермяцкий язык, деепричастие, синкретизм, определение.

Olga I. Nekrasova,
*research scientist of Komi Science Centre,
 Ural Branch of the RAS
 lesik3108@yandex.ru*

**About one peculiarity of *k*-form adverbial participles
 in the Komi-Zyrian and Komi-Permyak languages**

Summary. The article is devoted to the *k*-verbal forms (the *-ig*, *-ik* forms) of the Komi-Zyryan and Komi-Permyak languages respectively, which have the verbal adverbial status in these Permian languages. Constructions with attributive properties of this *k*-verbal forms are considered.

Key words: Komi-permyak language, komi-zyrian language, adverbial participle, attributive.

Пермские языки отличаются развитой системой деепричастий, особенно коми-зырянский язык. Несмотря на то что в каждом из пермских языков деепричастия получили собственное развитие, например, только в удмуртском языке есть деепричастия с формой на *-са* (исследователи выделяют также формы на *-мтээн*, *-мтэысь*, *-мен*, *-эмысь*,

-мысь), только в коми-пермяцком – деепричастия с формой на *-тӧн*, во всех трёх языках имеется ряд общих деепричастных форм, например, на *-тӧдз* (удм. *-тозь*), *-тӧг* (удм. *-тэк*), *-к*-овые деепричастия (кз. *-иг*, *-игӧн* и др., кп. *-икӧ*, удм. *-кӱ*).

На современном этапе развития пермских языков система именных глагольных форм, дифференцируемая исследователями на причастия, инфинитивы, деепричастия, в целом уже сформирована, как и их функциональная сфера. Ближе к ним находятся отглагольные имена действия. Генетическая связь именных глагольных форм и отглагольных имён уже давно установлена, «под деепричастиями в пермских языках понимается большая группа адвербиализованных имён» (Суханова 1963: 87). В работах, касающихся изучения причастия, деепричастия, инфинитива в пермских языках регулярно отмечаются некоторые свойства этих глагольных форм, трактуемые как архаические, пережиточные черты, наследие прошлого (например, П. Н. Перевощиков у деепричастий на *-ку* отмечает такие проявления именного источника происхождения, как употребление с показателями дательного падежа *-лы* и разделительного *-лэсь*, сочетание с послелогом *сярысь*, приемённым отрицательным показателем *ӧвӧл* «не, нет» (Перевощиков 1959: 66). Обычно они отличаются редкостью употребления, диалектным характером. В коми языках (коми-зырянском и коми-пермяцком) очень своеобразны *-к*-овые деепричастия. В настоящей статье внимание обращено на одно из «недеепричастных» свойств отглагольных образований коми-зырянского языка с формой *-иг* / коми-пермяцкого *-ик*, имеющих статус деепричастия, связанное с их атрибутивными свойствами, определительной функцией.

Как отмечалось выше, *-к*-овые деепричастия сохранили ряд номинативных черт, особенно много – деепричастия с формой *-иг* в коми-зырянском языке. Тем не менее основная функциональная нагрузка в современном коми-зырянском и коми-пермяцком языках у форм на кз. *-иг*, кп. *-ик* носит адвербиальный, обстоятельственный характер. Следует отметить, что в отличие от деепричастий на *-иг* коми-зырянского языка, в коми-пермяцком языке употребительна деепричастная форма *-икӧ*, а форма *-ик* используется либо в сопровождении послелога, либо с лично-притяжательным суффиксом (PX), но не самостоятельно.

В некоторых работах мы встречаем сведения об особенностях функционирования отглагольных форм на *-иг* в непривычном для дее-

причастий качестве определения, об атрибутивных сочетаниях с данной формой. Можно отметить заметки Д. В. Бубриха и В. С. Сухановой об адъективных качествах образований на *-иг* в сочетаниях вроде *ас тõриг розь* «отверстие, человека вмещающее», а также в предложениях с глаголами говорения, чувствования, мнения (Бубрих 1949: 111-112; Суханова 1951: 8) типа *Рыныштõ чайтõ сотчиг* «Ригу считает горячей»; Г. Стипа конструкции с такими образованиями включает в группу конструкций «*accusativus cum prædicativo*» (Stipa 1960: 185-186); статьи Д. Р. Фокоша-Фукса (Fokos-Fuchs 1958) «Глагольные наречия в пермских языках», Е. А. Цыпанова «Диалектные особенности в трудах Ю. Вихмана» (Цыпанов 1990), диалектные примеры, зафиксированные в Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов (1961), монографию Р. М. Баталовой «Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам» (1982).

Обнаружив в текстах и грамматических обзорах по коми-зырянским диалектам Ю. Вихмана примеры употребления современных *-иг*-овых деепричастий в качестве определения к имени, такие как *ас тõриг розь* «отверстие, в которое можно пролезть самому» из присыктывкарского диалекта коми-зырянского языка, которые «проблематично было бы считать как собственно деепричастные», Е. А. Цыпанов относительно статуса *-иг*-овых форм делает вывод, что «возможно, в современном коми языкознании толкование многочисленных *-иг*-овых отглагольных форм только лишь как деепричастий не является абсолютно верным» (Цыпанов 1990: 87). К этому его подталкивают и анализ материала по *-иг*-овым формам и вывод об омонимичных *-иг*-овых отглагольных именах и деепричастиях, сделанный Д. Р. Фокош-Фуксом в его работе (Fokos-Fuchs 1958: 310), а также определение статуса *-иг*-овых форм зарубежными исследователями (Ф. Видеманом, Ю. Вихманом и другими) как *Verbalnomina*, а не *Verbaladverb*.

Кроме примеров с формами на *-иг* в функции определения, зафиксированных Ю. Вихманом и Д. Р. Фокошем-Фуксом, Д. В. Бубрихом (как *ас тõриг розь*), адноминимальное употребление *-иг*-овой формы находим в Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов (ССКЗД 1961: 486), продублированное впоследствии Р. М. Баталовой (Баталова 1982: 152). В словаре зафиксированы сочетания с *-иг*-овой формой в функции определения и с признаками причастий в летском диалекте коми-зырянского языка со словом *пõра* «время, пора», где форма на *-иг*

использована вместо причастной формы на *-ан* других диалектов: *уд-жаліг пѳра* «рабочее время», *зэриг пѳра* «дождливое время», ср. скр. *уджалан пѳра*, *зэран пѳра*. Примеры атрибутивного употребления *-иг*-овой формы, трактуемой в современном коми языке как деепричастие, отражены таким образом в диалектном материале коми-зырянского языка (присыктывкарский, летский диалекты), оставляя зону коми-пермяцкого языка и диалектов в стороне. Однако в источниках на коми-пермяцком языке также находим примеры аналогичного употребления деепричастной формы *-ик*. Кроме редких примеров из летского диалекта, зафиксировавших атрибутивное употребление *-иг*-овой формы в сочетании с существительным *пѳра* «время» и относящихся к середине прошлого столетия, удалось обнаружить аналогичный, тоже редкий, пример из коми-пермяцкого языка, в тексте, отражающем южный, взовый диалект. Этот источник – перевод книги с русского языка *Лилина, Злата Ионовна. Наш учитель Ленин: Книжка для детей. Ленинград: Гос. изд-во, 1924. 24 с. – 3. Лилина Миян вевѳтись Ленин. М.: Центриздат, 1925.* с переводом на коми-пермяцкий язык Д. С. Шипицина, напечатанный молодцовским шрифтом. В нём мы встречаем аналогичные с летскими примерами сочетания с формой на *-ик* и существительным *пора* «пора, время, сезон» во временном значении, где деепричастная форма на *-ик* составляет конкуренцию форме на *-ан*, для сравнения: *кѳдзан пора* «время сева» (КПРС 1985: 358):

(1) <...> *сія кѳр пукавѳ шковаын вевѳтчик пора, сэж кывзѳ и оз ыжмав* (Лилина 1925: 4) «<...> когда он сидит в школе во время учёбы (букв. в учебное время; во время учёбы), то слушает и не балуется»;

(2) *Володя кужвис миянѳс ѳтваавны, кѳр байитік ли пораѳ собраннѳын ли, орсік пораѳ и быдваын кытѳн бы ми эг вѳвѳ* (Лилина 1925: 16-17) «Володя умел нас объединять, хоть за разговорами (букв. во время общения), хоть во время игр, и везде, где бы мы ни были».

Примеры показывают, что явление атрибутивного употребления *-к*-овых образований (*-иг*, *-ик*) имело не узкодиалектный собственно коми-зырянский (в территориальном отношении лузский диалект и коми-пермяцкие диалекты не граничат), а общекоми характер, и отражает прежнюю полифункциональность *-к*-овых образований. Следует отметить, что в коми-пермяцких примерах используется, подобно коми-зырянскому, «чистая» (или краткая) форма *-ик*, без послелогов и лично-притяжательных суффиксов.

С большой долей уверенности можно утверждать, что атрибутивное употребление *-иг*-овой формы в лузском диалекте коми-зырянского языка и в южных диалектах коми-пермяцкого языка в настоящее время уже утрачено, и авторам диалектного словаря Т. И. Жилиной, М. А. Сахаровой, В. А. Сорвачёвой удалось зафиксировать, действительно, редкие примеры, так как в монографии по лузско-летскому диалекту коми-зырянского языка, изданной в 1985 году (ЛЛД 1985) подобные случаи не упоминаются. Коми-пермяцкие исследователи также нигде не приводят сочетания с *-ик* и существительным *пора* «время, пора», которые во время фронтальных исследований коми-пермяцких диалектов, видимо, уже не функционировали, исчезли из употребления раньше, чем началось системное исследование коми-пермяцких диалектов, и диалектологи их уже не застали.

Ещё один пример атрибутивного (адноминального) употребления современной коми-зырянской деепричастной формы *-иг* и современной коми-пермяцкой формы *-ик* следует отметить в сочетаниях с отглагольной лексемой кз. *тöриг*, кп. *тöрик* «вмещающий, букв. вмещающая», представляющих дименсивную конструкцию (т.е. конструкцию размера, физических объектов, где даётся количественная характеристика предмета, выражаемая через уподобление его по размеру другому предмету, а также объёма – количественной характеристики пространства, занимаемого телом или веществом). Ранее Ю. Вихманом, Д. Фокошем-Фуксом зафиксированы примеры в диалектном материале коми-зырянского языка, как деепричастие лексема *тöрик* отмечена в Коми-русском словаре 1961 г. вместе с формой на *-мён*: *ведра тöриг* (деепр.) или *ведра тöрмён* (деепр.) ёмкостью в ведро, ведёрный: *дас мёс тöрмён карта* хлев на десять коров; *морт тöриг* (деепр.) *розь* или *морт тöрмён* (деепр.) *розь* отверстие, в которое может пролезть человек (КРС 1961: 689), в коми-зырянских диалектах: *тöриг* вв. скр.сс., *тöрöг* нв., *тöрöд* лл. – ёмкостью, вместимостью с; *ведра тöриг* скр., *ведра тöрöг* нв., *ведра тöрöд* лл. – вместимостью с ведро (ССКЗД 1961: 376); в коми-пермяцком она зафиксирована в 1985 году в коми-пермяцко-русском словаре: *тöрик* вместимостью в..., ёмкостью в...; *ведра* ~ ёмкостью в ведро, ведёрный; *мешöкыс куим пуд* ~ мешок вместимостью в три пуда (КПРС 1985: 485), примеры:

кп. *Инда океаныслён шöрöт пыдынасö лыддьöны 3711 м, медны-дыніныс — 7209 м. Ваыс 282,65 млн. км³ тöрик* (<https://koi.wikipedia>).

org/wiki /Инда океан) «Средняя глубина Индийского океана насчитывает 3711 метров, самая глубокая часть – 7209 м. Вода объёмом 282, 65 млн. кубометров»;

кп. *Семьяным вöлі ыджыт – капустасё солавлім быдса бочка. Идсис тусьсё керам-масьтам **ведра тöрик** кадуляё тыр* (Мальцева Н. Кёклөн тоин // http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/) «Семья у нас была большая – капусту квасили в бочках. Ячмень толчём полную в кадку, ёмкостью в ведро»;

кп. Рыгъявылас, <...>, *õt киас **куим литр тöрик** тыра бидонён, мöдас – сумкаын тишакён, Таисья котöрён чулаліс бöрья ыб, <...>* (Фадеев 1989: 226) «Вечером, с полным трёхлитровым (букв. вместимостью три литра) бидоном в одной руке, в другой – с сумкой с грибами, Таисья бегом преодолела последнее поле».

Материал коми-зырянского языка демонстрирует синонимию в атрибутивных сочетаниях со значением размера, величины, объёма. Дименсивная конструкция, кроме *-иг*-овой лексемы *тöриг* «вместимостью», в современном коми-зырянском языке может строиться с помощью лексем, образованных суффиксом герундиума (причастно-деепричастной формы) *-мён*: *тöрмён*, суффиксом причастия *-ан*, *-ана*: *тöрана* со значением «способный вмещать, способный вместить; ёмкостью, вместимостью с; способный пропустить» (КРК 2000: 654–655), образуя синонимический ряд: *тöриг – тöрмён – тöрмёна – тöрана*. В коми-пермяцком языке можно отметить синонимию сочетаний *тöрик – тöран*, примеры:

кз. *Со тай, **чунь тöриг** бутылкаын купоросной вый <...>* (Безносиков // komisorpora.ru) «Вон там, в маленькой (досл. вместимостью в палец) бутылке, купоросное масло»;

кз. *Арся ывлаыс удитöма нин куньны синъяссё, **юр тöрмён** öшинь быттё кажитчис юланё пемыд розьён* (Васютов // komisorpora.ru) «Осенняя природа уже успела впасть в сон, окно размером с голову казалось тёмной дырой, глядящей в сторону реки»;

кз. ***чунь тöрмёна жыр*** очень маленькая комната; комната площадью с палец (КРК 2000: 720);

кз. *Ротнöйлөн **чунь тöрмёна** землянкаын öйис гильзаысь вöчöм неыджыд лампа* (Льюров // komisorpora.ru) «У ротного в маленькой (досл. размером в один палец) землянке горела небольшая лампа, сделанная из гильзы»;

кз. *А здукӧн ӧд и позьӧ пев тӧрана розьтӧ вурьшитныйтӧ* (Ульянов 2007: 8–23) «А ведь за минуту можно зашить дырку, в которую пролезает палец»;

кз. *Часовня сруб пытикас тэчисны кык мортлы водӧмӧн тӧрана ванна сям бассей* (Липин // komisogro.ru) «В срубе часовни соорудили похожий на ванну бассейн, вмещающий двух человек в положении лёжа»;

кп. *Жадной инькайс: тиаксӧ солалӧ ведра тӧран туйссэзӧ* (Федосеев С. А. Виль гортын// <https://studfiles.net/preview/3562384/page:3/>) «Жадная женщина: грибы засолила в теса, ёмкостью в ведро»;

кп. *Ашынас яйсӧ пӧжис горын ведра тӧран чугунӧн <...>* (Федосеев С. А. Кусӧм бизз // <https://studfiles.net/preview/3562384/page:6/>) «Назавтра мясо потушила в печи в ведром чугуне».

Если в коми-зырянском языке деепричастие на -мӧн в качестве обстоятельства меры и степени конкурирует с деепричастием на -тӧдз: *пӧтмӧн – пӧттӧдз* «досыта» (Цыпанов 1985: 186), то причастие на -мӧн в функции определения в дименсивных конструкциях с лексемой тӧр-мӧн конкурирует с лексемой на -иг: *тӧрмӧн – тӧриг*, которую в данном окружении и при данной функциональной нагрузке трудно отнести к деепричастию или наречию.

Материал коми-зырянского и коми-пермяцкого языков, отражающий атрибутивное функционирование -к-овых отглагольных образований, демонстрирует синкретичный характер форм на кз. -иг, кп. -ик. В современном коми-зырянском и коми-пермяцком языке основная синтаксическая функция образований, имеющих статус деепричастий – обстоятельственная, у коми-пермяцкого деепричастия распространены формы -икӧ, -ик в определённо-притяжательных формах (-икРХ): -икам, -икат, -икас и т.д, либо «только сочетания -ик с временными послелогами послелогоми (*коста* «между», *кежӧ* «к»), на что указывала А. С. Кривощёкова-Гантман (Кривощёкова-Гантман 1985: 614). В качестве атрибута (с синтаксической функцией определения) в дименсивных конструкциях с количественным значением (меры, размера, объема) в современном коми-пермяцком и коми-зырянском используется «чистая» форма -ик, -иг: *юр (кулак, чунь, морт и т.д.) тӧриг розь* «отверстие, размером с (букв. вмещающее) голову (кулак, палец, человека и т.д.)». Развита синонимия конструкций, кроме тӧриг: с причастиями *тӧрана* (в кз.), *тӧрмӧн, тӧрмӧна* (только в кз.), *тӧран*.

Атрибутивные сочетания с образованиями на *-иг*, *-ик* со словом *пѳра*, *пора* в коми-зырянском и коми-пермяцком языках – явление редкое и скорее всего уже вышедшее из употребления.

Конструкции «*accusativus cum prädicativo*» с *-иг* (а также *-игѳн*) в коми-зырянском языке в предложениях с глаголами говорения, чувствования, мнения функционируют в современном коми языке, особенно в его разговорной сфере: *Сэсся таво коль бура артмѳма, чайтѳны бур прѳмыс лоиг – ур кыйны кутасны* (Савин 1962: 517) «В этом году шишка хорошая уродилась, считают, что хорошая добыча будет (букв. считают хорошую добычу становящейся) – будут белку промышлять»; *Медся интереснѳй пьесаыд сэки, кор видзѳдысь (либѳ лыддьысь) бѳрья-вылѳдысь оз гѳѳрво веськыд помсѳ (развязкасѳ), кор найѳ чайтѳны ѳти ног лоиг, а бергѳдчас дзик мѳдарѳ* (Савин 1962: 608) «Пьеса интереснее всего тогда, когда зритель (или читатель) до конца не понимает развязки, когда они считают, что будет так (букв. считают становящимся таким образом), а получится совсем по-другому».

Атрибутивное употребление *-ик/-иг*-овой формы (в качестве причастия) в коми-пермяцком и коми-зырянском языках демонстрирует современное состояние отглагольных образований, отражающее полифункциональность форм (адвербиальное и адъективное качество), а следовательно, требует уточнения статуса, как уже отмечали ранее исследователи.

Литература

1. Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки). – М., 1982. – 168 с.
2. Безносиков В. И. Ок, и мортлѳн олѳм! // Безносиков В.И. Ок, и мортлѳн олѳм. Режим доступа URL: <http://komicorpora.ru> . (дата обращения: 6.11.2018).
3. Бубрих Д. В. Грамматика литературного коми языка. – Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1949. – 207 с.
4. Васютов Ю. К. Шыр кывтѳ-катѳ // Васютов Ю. Шондѳ вой. Сыктывкар: Коми небѳг лѳдзанѳн, 2002. 320 лб. Режим доступа URL: <http://komicorpora.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
5. Инда океан. – Режим доступа URL: http://https://koi.wikipedia.org/wiki/Инда_океан (дата обращения: 6.11.2018).
6. КППС 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошѳкова-Гантман. – М.: Рус. яз., 1985. – 624 с.
7. Кривошѳкова-Гантман А. С. Краткий грамматический очерк коми-пер-

- мяцкого языка // Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривошёкова-Гантман – М.: Рус. яз., 1985. С. 595–621.
8. КРК 2000 – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31000 кымын кыв. – Сыктывкар, 2000. – 816 л. б.
9. КРС 1961 – Коми-роча словарь / Проф. В. И. Лыткин редакция улын. – М., 1961. – 923 л. б.
10. Лилина З. Миян вевотісь Ленин / Перевод на коми-пермяцкий язык Д. С. Шипицина. – М.: Центриздат, 1925.
11. Лилина З. И. Наш учитель Ленин: Книжка для детей. – Л., 1924. – 24 с.
12. Липин Бөрб кольомайс оз вун: повесть-казытылм. Сыктывкар: КРИОиПК «Полиграф-сервис», 2002. 100 лб. Режим доступа URL: <http://komisogroga.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
13. ЛЛД 1985 – Жилина Т.И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985. – 274 с.
14. Лыжоров А. А. Кодлы война, а кодлы и...// Лыжоров А.А. Атгё тиянлы: повесть, висьтъяс. – Сыктывкар, 1991. –Л.6.3–109. Режим доступа URL: <http://komisogroga.ru>. (дата обращения: 6.11.2018).
15. Мальцева Н. Кёклөн тоин (Кукушкин пест). Режим доступа URL: http://www.finnougoria.ru/logos/child_lit/2504/34399/ (дата обращения: 10.11.2018).
16. Перевошиков П. Н. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. – Ижевск: Удмурт. кн. изд-во, 1959. – 328 с.
17. Савин В. А. Кывбурьяс. Поэмаяс. Пьесаяс. Висьтъяс. Очеркьяс. – Сыктывкар, 1962. – 655 с.
18. ССКЗД 1961 – Жилина, Т. И., Сахарова, М. А., Сорвачева, В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25 000 слов. – Сыктывкар: Коми книгоиздат, 1961. – 490 с.
19. Суханова В. С. Деепричастные наречия в коми языке: автореф. дис... канд. филол. наук. – Петрозаводск, 1951. – 26 с.
20. Суханова В. С. О семантике притяжательного суффикса 3 лица единственного числа в пермских языках // Лингвистический сборник. Вып.1. – Петрозаводск, 1962. – С. 80–89.
21. Суханова В. С. Употребление притяжательных суффиксов с различными частями речи в пермских языках // Труды Карельского филиала Академии наук СССР. – 1963. – Вып. XXXIX. – С.80–89.
22. Ульянов А. Кытш бёрся кытш....// Войвыв кодзув. – 2007. – №1. – С.8–23.
23. Фадеев Т. Ыбшар: Роман. – Кудымкар, 1989. – 352 л.б.
24. Федосеев С. А. Виль гортын // Федосеев С.А. Öктöm проза. Парма, 2006. Режим доступа URL: <https://studfiles.net/preview/3562384/page:3/> (дата обращения: 11.11.2018).
25. Федосеев С. А. Кусом бизз // Федосеев С.А. Öктöm проза. Парма, 2006. Режим доступа URL: <https://studfiles.net/preview/3562384/page:6/> (дата обращения: 11.11.2018).

26. Цыпанов Е. А. К истории суффикса -мен в коми языке // Советское финно-угроведение. – 1985. – № 3 (XXI). – С. 182–189.

27. Цыпанова Е. А. Диалектные особенности в трудах Ю.Вихмана // Пермистика 2. Вихман и пермская филология. – Ижевск, 1991. – С. 83–88.

28. Fokos-Fuchs D. R. Die Verbaladverbien in der permischen Sprachen // Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1958. – K. 8. – Old. 273-342.

29. Stipa G. Funktionen der Nominalformen des Verbs in den permischen Sprachen. – Helsinki, 1960. – 290 s.

Немет Золтан,
аспирант Сегедского университета,
Венгрия
nzolee@gmail.com

Взаимосвязь форм вежливого обращения и неочевидного прошедшего времени в современном удмуртском языке

Аннотация. Цель доклада – установить, использует ли современная удмуртская молодёжь формы неочевидного прошедшего времени глагола в ситуациях, требующих учтивости (в данном случае при извинениях), и если да, то встречаются ли какие-либо отличия в дискурсе носителей северного и южного диалектов удмуртского языка. Исследование проведено на основе фактологического материала, собранного в результате опроса студентов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики в 2017 году.

Ключевые слова: удмурт, вежливость, социо-прагматика.

Zoltán Németh,
graduate student of Szeged University
nzolee@gmail.com

**The connections of politeness and the unwitnessed past
in the contemporary udmurt language**

Summary. The aim of this paper is to find out, whether young Udmurts use the unwitnessed past in situations of politeness (in this given case, in apologizing), and if they do, then is it possible to observe any kind of difference between the speakers of the Northern and the Southern dialects. The results of this research are based on fieldwork done in October 2017 among the students of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugristics and Journalism of the Udmurt State University.

Key words: Udmurt, politeness, sociolinguistics.

Цель исследования – определить, существует ли какая-либо разница в использовании эвиденциальной системы удмуртского языка среди студентов университета, которые говорят на южном и северном

диалектах удмуртского языка в ситуациях вежливости. Исследование построено на опросах, проведённых мной с носителями языка, какие формы они используют при ситуациях, требующих учтивости (точнее – при извинениях). Гипотеза исследования заключается в том, что использование этих грамматических элементов в этих ситуациях станет присуще в большей степени для носителей южного диалекта, в котором проявляется сильное влияние татарского языка (Edygarova-Mantel 2014: 4), (и где присутствует грамматическая эвиденциальность), чем представителям северного диалекта где гораздо сильнее влияние русского языка (Edygarova-Mantel 2014: 4) (в котором отсутствует грамматическая эвиденциальность).

Грамматическая эвиденциальность является языковым маркером для источника и типа информации (Aikhenvald 2004: 3). В некотором смысле, каждый язык может ссылаться на источник информации (например, используя лексемы), но не все языки содержат грамматизированный элемент, основная функция которого – кодировать источник информации. В языках, в которых такие грамматизированные элементы могут присутствовать, эвиденциальность обычно представлена в главной парадигме.

Потенциальные источники информации, выраженные посредством эвиденциальности, в научной литературе классифицируются по различным критериям (см. Willett 1988, Aikhenvald 2004, 2014, Plungian 2010). Наиболее распространенная классификация различает прямые и косвенные источники информации (Willett 1988: 57). В этом исследовании я использую типологию Айхенвальд (2004, 2014), чтобы описать источники информации (иначе – семантические параметры эвиденциальности). Согласно данной теории самым прямым источником информации является визуальное восприятие, во многих языках при этом прямым источником информации признают и невизуальное восприятие (слух, обоняние, касание). Косвенным источником информации является вывод, основанный на результате действия (иначе инференциальный), презумпция, которая может быть связана с предшествующим знанием, логическим завершением и информацией (слух, прямой вызов, иначе: отчетный и факторный). (Aikhenvald 2004: 9)

Маркеры эвиденциальности (в особенности кодирующие косвенный источник информации) в ряде систем могут включать в себя и другие значения, помимо ссылки на источник информации. Эти допол-

нительные значения часто проявляются только в определенном грамматическом окружении, например, при некоторых наклонениях глагола, типе предложения, в числе или лице. Из других возможных значений эвиденциальности кратко описаны только наиболее типичные: эпистематичность, миративность, неконтролируемость и вежливость.

Согласно классификации Айхенвальд, удмуртский язык имеет двухуровневую систему эвиденциальности (Aikhenvald 2004: 28). Эвиденциальность удмуртского языка связана воедино с категорией времени и проявляется только в прошедшем времени. В его системе информация, полученная из первых рук и опосредованно, помечена самостоятельным грамматическим элементом (Skribnik & Kehayov 2018: 539). Таким образом, как правило, в случае небольших систем эвиденциальности один маркер охватывает несколько семантических параметров (Aikhenvald 2004: 65). В удмуртском языке формирование системы эвиденциальности произошло под непосредственным влиянием окружающих его тюркских (чувашского, татарского, башкирского) языков (Kozmács 2008: 172).

В научной литературе, как правило, отмечается, что эвиденциальность, отражающая полученную из первых рук информацию, соотносится с первым прошедшим временем, в то время как информация, полученная не из первых рук, выражается формой второго прошедшего времени. Первое прошедшее время используется, когда информация получена визуально или когда речь заходит об аутентичных знаниях (например, исторических фактах). Второе прошедшее охватывает семантические параметры вывода, предположения и информации. В случае непосредственных обращений обычно используется не второе прошедшее время, а кватативная/модальная частица *пе* (Leinonen 2000, p. 400). Выражающая не из первых рук полученную информацию форма второго прошедшего времени имеет много других значений, которые не связаны главным образом с источником информации. В повествовательных текстах она может присутствовать как особенность жанра, может выражать, неконтролируемость, а также и вежливость (Winkler 2001; Siegl 2004; Kubitsch 2018; Skribnik-Kehayov 2018).

Сбор данных проводился в октябре 2017 года благодаря стипендии Campus Mundis в Удмуртском государственном университете. Основная цель исследовательской стажировки состояла в сборе данных для написания докторской диссертации (PhD, тема которой – исследование

вежливости) с использованием анкет CCSARP, которые впервые были использованы Блум Кулкой (1982). Хотя исследование вежливости в настоящее время является актуальной темой, такие исследования на самом деле не проводились на материале финно-угорских языков России. Я использовал перевод вопросника на удмуртский язык, использованного для аналогичных исследований Сили (2013) для студентов венгерского университета, который был проверен лектором удмуртского языка кафедры финно-угроведения Сегедского университета, который является носителем удмуртского языка и превосходно владеет венгерским языком. Однако вопросник, использованный Сили, претерпел некоторые изменения. Для некоторых из них это было необходимо по простой причине – изменение локализации, но было также изменение, которое было необходимо, потому что в исходном вопроснике содержались инструкции, которые могли бы повлиять на полученный ответ (например, Дайте отрицательный ответ!). Таким образом, они были удалены. В настоящем исследовании предметом изучения являются полученные от студентов бакалавриата ответы, выражения, которые используются в ситуациях, когда нужно попросить прощения.

Однако как перед информантами, так и перед самим исследованием необходимо уточнить, что именно подразумевается под вежливостью и извинениями. Что касается вежливости, то известны две основные теории. Теория Лича (1983), основанная на максимах Грайса (1975), и Брауна и Левинсона (1987), используемая также и мной, основана на теории образа Гоффмана (1967). Согласно этой теории, каждый человек имеет позитивный и негативный образ. Отрицательный олицетворяет его желание действовать автономно, выражая свою свободную волю, и позитивный, чтобы другие позитивно оценивали его действия. О вежливости речь идёт в том случае, если говорящий пытается поступить таким образом, чтобы в результате его действий лицо, образ собеседника изменился в наименьшей степени, в том числе и за счёт собственных изменений. Поскольку мы говорим об извинительных ситуациях, мы должны упомянуть имя Foley (1997); он отмечает, что вежливость – это акт, который нацелен на то, чтобы обе стороны должным образом чувствовали себя знакомым, признанным. Эта идея имеет первостепенное значение, поскольку согласно Блум-Кулке и Хаусу (1989: 20) извинения – это речевой акт, в котором цель говорящего заключается в восстановлении гармонии, которую он нарушил.

Моими информантами являлись студенты Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, обучающиеся по специальности «Филология» и «Педагогическое образование». В настоящем исследовании были проанализированы ответы 74-х информантов. Большинство респондентов были девушками, поскольку и в институте в целом большинство студентов – девушки. 26 респондентов – представители северного диалекта, 48 человек – южного диалекта.

Определение диалектной принадлежности респондентов было произведено согласно классификации Кельмакова (2006: 42–43). Он выделяет 4 диалекта: северный, южный, срединный и бесермянский, но для нас сейчас актуальны первые два. Южный диалект распространён в районах Удмуртии, обозначенных кружочками, а также в соседних территориях Татарстана, Башкортостана, Марий-Эл, Кировской области, Пермского края, Свердловской области, северный же – в районах, обозначенных квадратиком, а также в некоторых районах Кировской области. Расхождения с классификацией Кельмакова проявляются только в том, что в некоторых случаях к диалекту принадлежит северная или южная часть района, но точная граница не обозначена, поэтому были учтены в таких случаях районы полностью, как принадлежащие этому диалекту. По моему мнению, это не составляет проблему, поскольку нет ни одного случая, когда северная часть района относилась бы к северному диалекту, а южная часть района – к южному диалекту.

Рис. 1. Карта районов Удмуртии

Извинительные ситуации были исследованы следующим образом. Надо было искать ответы, в которых глагол представлен в прошедшем времени, и затем анализировали, содержит ли глагол какое-либо семантическое свойство, имеющее значение эвиденциальности. Если да, то предложение помечалось как потенциальное пространство для использования второго прошедшего времени. После этого надо было смотреть, действительно ли второе прошедшее было использовано респондентом, если да, то тогда ставили еще одну пометку. Затем, используя возможности программы Excel, было подсчитано, в какой пропорции находится фактическое использование с потенциальными возможностями. Проанализировав всю полученную от респондентов информацию, было постулировано следующее:

- В скольких случаях использование эвиденциальных форм достигло 100% результата?
- Сколько случаев, когда информант ни разу не использовал формы эвиденциальности?
- Исходя из всех потенциальных возможностей и учитывая все фактические применения, надо было найти процентное соотношение использования респондентами форм эвиденциальности.
- Количество потенциальных возможностей, делённое на количество респондентов данного диалекта, может указывать, как часто говорящие формируют свои предложения таким образом, чтобы позволить использовать формы эвиденциальности.

На основе полученных ответов респондентов, носителей южного диалекта, можно сделать следующие выводы: 5 респондентов использовали эвиденциальность во всех возможных местах; 11 не использовали ни разу, в среднем в 42% потенциальных мест использовали эвиденциальность для проявления вежливости и значение потенциальной возможности на человека равно 3,64. Для сравнения, среди представителей северного диалекта был всего лишь 1 человек, который во всех возможных местах использовал второе прошедшее время, 11 – вообще не использовали, в целом данную форму глагола использовали в 20,5% случаев, в среднем 4,16 было значение потенциальной возможности. Таким образом, хотя носители северного диалекта создали немного больше ситуаций, в которых использование второго прошедшего времени могло бы быть возможным, тем не менее, тех, кто использовал эту возможность, было в два раза меньше, чем представителей южного диалекта.

Гипотеза подтвердилась, результаты исследования соответствуют ожиданиям. В основном студенты, представители южного диалекта, использовали второе прошедшее время в качестве стратегии вежливости. Это объясняется тем, что в отношении говорящих на южном диалекте проявляется большее влияние татарского языка, которому присуща грамматическая эвиденциальность, в то время как на северный диалект повлиял русский язык, который, в свою очередь, не имеет этого атрибута. На основании результатов вправе предположить, что, хотя они и используют данную форму глагола для выражения вежливости, его нельзя считать методом конвенционализации.

Список литературы

1. Aikhenvald, A Y 2004, *Evidentiality*, Oxford University Press, Oxford.
2. Aikhenvald, A Y 2014, 'Evidentials: their links with other grammatical categories', *Linguistic Typology*, vol. 19, no. 2, pp. 239–77.
3. Blum-Kulka, S 1982, 'Learning to Say What You Mean in a Second Language: A Study of the Speech Act Performance of Learners of Hebrew as a Second Language', *Applied Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 29–59.
4. Blum-Kulka, S & House, J 1989, *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*, Ablex Publishing Corporation, Norwood, New Jersey.
5. Brown, P & Levinson, S C 1987, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge.
6. Edygarova-Mantel, S 2014, 'The varieties of the modern Udmurt language', *Finnisch-Ugrische Forschungen*, vol. 62, pp. 376–398.
7. Foley, W 1997, *Anthropological Linguistics: An introduction*, Blackwell.
8. Goffman, E 1967, *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, Doubleday, New York.
9. Grice, P 1975, 'Logic and conversation', in: Cole, P & Morgan, J L (szerk.) *Syntax and semantics 3: Speech acts*, Academic Press, New York, pp. 41–58.
11. Karta rayonov udmurtii: https://hu.wikipedia.org/wiki/Udmurtföld#/media/File:Regions_of_Udmurtia.png
12. Kel'makov, V K 2006, *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii*. Izdatel'skij dom «Udmurtskij Universitet, Iževsk.
13. Kozmács, I 2008, *Az -šk- képző az udmurt (votják) igeképzés rendszerében*, Nyitra.
14. Kubitsch, R 2018, 'Evidencialitás a mai udmurt nyelvben' in Schiebl Gy (szerk.) *Lingdok 20. konferenciakötet*, Szegedi Tudományegyetem, Nyelvtudományi Doktori Iskola, Szeged, pp. 251–70.

Сажина Светлана Александровна,
к. филол. н., с.н.с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
sazinas@rambler.ru

Особенности словесной акцентуации в языке кировских пермяков

Аннотация. В статье рассмотрено своеобразие словесного ударения в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка: раскрыты основные акцентуационные правила исследуемого идиома, исследованные методом слухового анализа. Проанализированы случаи морфологизации и вокализации ударения, постановки ударения на первый слог.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык, верхнекамское наречие, фонетика, словесная акцентуация.

Svetlana A. Sazhina,
*Cand. of Science (Philology), Senior
research scientist of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS*
sazinas@rambler.ru

Peculiarities of word accentuation in the language of the Kirov Permians

Summary. The issues of peculiarity of the word stress in the Upper Kama dialect of the Komi-Permyak language. The main accentuation rules of the studied dialect, which are studied by the method of auditory analysis, are disclosed. The cases of morphologization and vocalization of stress, the stress on the first syllable are analyzed.

Key words: the Komi-Permian language, the Upper-Kama dialect, phonetics, word accentuation.

Язык кировских пермяков – говор небольшой этнической группы коми народа, проживающей в верховьях Камы на территории Афанасьевского района Кировской области. Формирование говора происходило в условиях изолированности от основного ареала коми диалектов и

сильного воздействия окружающих русских говоров. С конца XIX века число носителей верхнекамского наречия начинает неуклонно снижаться. Сегодня полноценными носителями идиома являются немногочисленные представители старшего и пожилого возраста ¹. Все носители коми языка являются билингвами, свободно владеющими русским языком. Анализ возрастного состава представителей исследуемого наречия свидетельствует о том, что передача коми языка в семье была прервана примерно во второй половине XX в. (60–70-х гг.).

До настоящего времени язык кировских пермяков не был объектом специального синхронного научного исследования; основные его особенности отражены в статье Г.А. Нечаева (Нечаев, 1930: 1–21) и обобщающем труде по коми-пермяцкой диалектологии Р.М. Баталовой (Баталова, 1975: 221–223]. Лексика верхнекамского наречия в некоторой мере представлена в рукописном труде «Материалы для сравнительного словаря зюздинского пермяцкого и глазовского вотского наречий и бесерменского говора», хранящемся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО. Ф. 170. Оп. 1. Ед. хр. 140. Л. 32). Автор и время создания словаря неизвестны.

Сегодня в условиях языкового сдвига, интенсивно протекающего в среде кировских пермяков, документирование и синхронное описание языка верхнекамских коми является важнейшей задачей современной коми диалектологии. В последнее десятилетие системное изучение языка кировских пермяков осуществляется Е.Н. Федосеевой и автором настоящей статьи на основе лингвистических материалов, собранных в экспедициях с 2002 по 2012 гг. Результаты исследования отражены в ряде их научных статей (Федосеева, 2008; 2008а; 2015; Сажина, 2014; 2016; 2016а; 2018; 2018а).

Предмет рассмотрения в настоящей статье – словесное ударение в языке кировских пермяков. В работе кратко раскрыты основные акцентуационные правила изучаемого идиома, исследованные методом слухового анализа. Эмпирическую базу составили полевые материалы диалектологических экспедиций в район проживания кировских пермяков.

Вопросы словесной акцентуации коми языка нашли отражение в ряде известных работ В. И. Лыткина (Лыткин 1952; Лыткин 1957: 105–

¹ В 2007 г. по данным социального опроса о владении коми-пермяцким языком, проведенного Афанасьевским отделом культуры во всех населённых пунктах района, численность носителей верхнекамского наречия составляла около одной тысячи человек.

109), Р. М. Баталовой (Баталова 1975: 81–123; Баталова 1982: 39–49). Однако многообразие акцентуационных особенностей диалектов ещё не получило должного исследования.

Общеизвестно, что коми диалекты в отношении словесной акцентуации не представляют единства. В большинстве коми-зырянских диалектов ударение свободное, с тенденцией постановки на первый слог (Попова, Сажина 2014: 45). В коми-пермяцких диалектах оно является основоразностным: в пределах основы слова может падать на разные слоги, но в каждом случае на определённую морфему, т. е. ударение морфологизировано (в одних говорах в большей степени, в других – в меньшей). По замечанию Р. М. Баталовой, чем севернее диалект, тем менее выражен процесс морфологизации словесного ударения (Баталова 1975:103). Случаи морфологизации ударения наблюдаются и в некоторых коми-зырянских диалектах (Попова, Сажина 2014: 45–48). Особая словесная акцентуация не только среди коми диалектов, но и в целом среди финно-угорских языков, присуща коми-язьвинскому наречию. Для языка язьвинских пермяков характерно качественно-вокальное ударение: одни корневые гласные при словоизменении и словообразовании удерживают ударение, другие – нет (Лыткин 1961: 33).

Акцентуационная система языка Кировских пермяков также обладает специфическими чертами: зафиксированы черты морфологизации и вокализации ударения, постановка ударения на первый слог.

Морфологизация ударения

В языке Кировских пермяков развиты процессы морфологизации ударения. Ударение падает на:

1) непродуктивные суффиксы существительных: *-ӧр*, *-ӧм*, *-ан*, *-ӧг*, *-ыс* и др.: *дӧрӧм*, *кымӧр*, *кычан*, *майдӧг*, *т'этыс*. В некоторых случаях наблюдаются случаи постановки ударения на первый слог: *кы'мӧр*, *го'жӧм*, *ту'лус* и др.;

2) деминутивные суффиксы существительных *-ок* и *-ушк*: *кан'о'к* 'котик', *йӧло'к* 'молочко', *т'эркао'к* 'домик', *кӧзлу'шка* 'козочка', *т'эрку'шка* 'домишко';

3) суффикс *-йан* в слове *пийан* 'детеныши';

4) модеративные суффиксы прилагательных *-сор/ -сора* и *-гӧм*: *ул'со'р* 'сыроватый', *гӧрдыдсо'р* 'красноватый', *курыдгӧм* 'слишком горький', *солагӧм* 'пересолённый';

5) слог, предшествующий деминутивным суффиксам прилагатель-

ных *-ик*, *-ичэк* / *-н'ичэк*: *ичэ·тик* (но *и·чөт*) 'маленький', *мичэ·н'ичэк* (но *ми·ча*) 'красивенький', *йоны·н'ичэк* 'крепенький', *чөскы·д'ичэк* (но *чө·скыд*) 'вкусенький', *вөсны·д'ик* (но *вө·сныд*) 'тоненький';

6) слог, предшествующий компаративному суффиксу прилагательных *-жык* / *-джык*: *мича·джык* 'красивее', *гыры·с'жык* 'крупнее';

7) суффикс собирательных числительных *-нан*: *кыкна·н* 'оба, обе', *н'ол'на·н* 'четверо';

8) суффикс порядковых числительных *-өд*: *коймө·д* 'третий';

9) глагольные суффиксы *-ал*, *-ыс*', *-ыш*, *-өлт*, *-өд*, *-ас*', *-уйт* и др. в инфинитивных формах: *кучка·лны* 'бить', *виччы·с'ны* 'ждать', *чэччы·шны* 'подпрыгнуть', *чэччө·лтны* 'запрыгнуть', *көз'ө·дны* 'остудить', *ко·рас'ны* 'свататься', *пируй·тны* 'пировать' и др. В личных и императивных формах глагола ударение ставится на первый слог: *ку·чкала* 'я бью', *ви·ччыс'ө* 'он ждет', *ко·рас'и* 'я сватался' и т.д.;

10) деепричастный суффикс *-иг*: *зэри·гйа* 'во время дождя', *шонди пукс'и·гйа* 'во время захода солнца';

Ударение падает на первый слог

1) личных и императивных форм глагола: *ку·чкала* 'я бью', *ви·ччыс'ө* 'он ждет', *ко·рас'и* 'я сватался', *чэ·ччөлт* 'запрыгнуть', *кө·з'өд* 'остуди';

2) качественных прилагательных в основной форме: *ы·жыд* 'большой', *ми·с'төм* 'некрасивый', *вө·сныд* 'тонкий', *кө·з'ыд* 'холодный', *ду·быд* 'пресный', *чө·скыд* 'сладкий' и др.

3) относительных прилагательных в основной форме: *са·д'төм* 'бестолковый', *а·рс'а* 'осенний', *у·лйа* 'сучковатый'.

Вокализация ударения

В исследуемом идиоме встречаются случаи переноса ударения на конечную гласную а открытого слога, как на более сильный звук: *дөра·* 'холст', *рожа·* 'лицо', *туй куз'а·* 'по дороге', *ме дырн'а·* 'при мне, в моё присутствие', *этика·* 'по этому месту', *татыс'ка·* 'отсюда', *мыл'а·* 'почему'. Данное явление относится к вокализации ударения, которое характерно также для большинства коми-пермяцких (Баталова 1982: 40, 44) и южных зырянских: верхнесысольского и лузско-летского диалектов (Жилина 1975: 57; Жилина 1985: 34). По замечанию Р. М. Баталовой, в коми-пермяцких диалектах перенос на конечную гласную а наблюдается, в основном, в двусложных словах (Баталова 1982: 40). В верхнесы-

сольском, лузско-летском диалектах и верхнекамском наречии данное явление встречается также в трёх- и более сложных словах, как исконных, так и заимствованных: лл. *йагōда* ‘ягода’, вс. *кōрōма* ‘рубашка’, *пōрōшн’ича* ‘пороховница’; вкам. *татыс’ка* ‘отсюда’.

Кроме этого, в верхнекамском наречии в исконных и заимствованных словах наблюдаются случаи переноса ударения на конечную гласную и открытого слога: *сэти* ‘там, по тому месту’, *кан’ни* ‘котенок’, *л’ин’ийа куз’и* ‘по линии’, *кōти* ‘коты’, санки. Аналогичное явление характерно для верхнесыольского, лузско-летского диалектов: вс. *бал’и* ‘ягенок’, санки (Жилина 1975: 57); лл. *шаби* ‘лен’, *набэвки* ‘набилки’ (Жилина 1985: 34).

Рассмотренный нами языковой материал и его анализ позволяют заключить, что специфика словесного ударения верхнекамского наречия в значительной степени совпадает с акцентуационными правилами южнозырянских диалектов – верхнесыольского и лузско-летского.

Сокращения

вкам – верхнекамское наречие;
вс. – верхнесыольский диалект;
лл. – лузско-летский диалект.

Список литературы

1. Баталова Р. М. Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (коми языки). – М., 1982.
2. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. – М.: Наука, 1975.
3. Жилина Т. И. Верхнесыольский диалект коми языка. – М.: Наука, 1975.
4. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. – М.: Наука, 1985.
5. Лыткин В. И. Историческая грамматика коми языка. Ч. I. Введение. Фонетика. – Сыктывкар, 1957.
6. Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. – Москва: Изд-во АН СССР, 1961.
7. Лыткин В. И. Об ударении в коми-пермяцком языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 1. С. 107–119. – М., 1952.
8. Нечаев Г. Характеристика зюдинского диалекта коми языка // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. – Сыктывкар, 1930. Вып. 1. С. 7–27.
9. Попова Р. П., Сажина С. А. Фонетические и морфологические особенности коми диалектов (сравнительный аспект исследования). – Сыктывкар, 2014.

10. Сажина С. А. Консонантизм языка кировских пермяков // Сибирский филологический журнал. 2016. №1. С. 240–249.
11. Сажина С. А. Реализация грамматических категорий глагола в языке кировских пермяков // *Linguistica Uralica*. 2018. № 1. С. 40–52.
12. Сажина С. А. Указательные местоимения в языке кировских пермяков // Финно-угорский мир. 2018. № 2. С. 68–76.
13. Сажина С. А. Фонетические и морфологические маркеры языка кировских пермяков // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. №2. С. 40–48.
14. Сажина С. А. Функционирование языка кировских пермяков в условиях межъязыкового взаимодействия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3. Ч. 2. С. 172–174.
15. Федосеева Е. Н. Лексические заимствования в словарном составе языка верхнекамских коми // Ашмаринские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Чебоксары, 2008. С. 188–192.
16. Федосеева Е. Н. Лексические особенности языка кировских пермяков // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2008. С. 338–342
17. Федосеева Е. Н. Общее и частное в лексике верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Современное удмуртоведение в контексте компаративистики, контактологии и типологии языков. – Ижевск–Будапешт. 2015. С. 505–511.

Федосеева Елена Николаевна,
к.фиол.н., с.н.с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН,
lenafed@rambler.ru

О некоторых диалектизмах коми-пермяцкого языка

Аннотация: В словарном составе коми-пермяцкого языка зафиксирован ряд узкодиалектных лексем. В сообщении будет рассмотрен ареал их функционирования и проанализировано происхождение.

Ключевые слова: диалектизм, лексика, коми-пермяцкий, слово.

Yelena N. Fedoseyeva,
Cand. of Science (Philology), Senior
research scientist of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS
lenafed@rambler.ru

On some dialectisms of the Komi-Permyak language

Annotation: In the vocabulary of the Komi-Permyak language, a number of narrow dialect lexemes are recorded. The report will consider the range of their functioning and analyze the origin.

Key words: dialectism, vocabulary, Komi-Permian, word

Лексикология является наименее исследованной областью коми-пермяцкого языкознания. Словарный состав коми-пермяцкого языка, в особенности его диалектов, подробно не описан, не изучен и, более того, не собран в достаточной мере. Среди наиболее крупных исследований, посвященных лексике, можно назвать диссертационное исследование А. С. Кривощёковой-Гантман «Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка» (1951), а также раздел в учебнике для высших учебных заведений «Коми-пермяцкий язык» (1962 г.), в котором лексика коми-пермяцкого языка рассматривается с точки зрения значения, анализируется ее происхождение и функционирование (КПЯ: 110-130). Исследованию лексики коми-пермяцкого языка были посвящены две диссертационные работы: Е. Н. Федосеевой «Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка», на основе кото-

рой опубликована монография (Федосеева 2015), и Т. Н. Меркушевой «Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка», в которой рассмотрены наиболее архаичные пласты в лексической системе любого языка и диалекта, входящие в активный словарный запас диалектоносителей (Меркушева 2003). Кроме того, имеется ряд статей, раскрывающих разные аспекты лексики (в том числе диалектной).

Настоящее исследование посвящено анализу отдельных диалектных лексем коми-пермяцкого языка. Для выяснения возможного происхождения слов проанализируем ареалы функционирования, этимологические связи, фонетические, морфологические и семантические особенности рассматриваемых языковых единиц.

ОТНЫ

В оньковском диалекте коми-пермяцкого языка зафиксировано слово *отны* ‘хоронить’ (Баталова 1990: 188). На остальной территории в данном значении употребляется лексема *дзэбны* ‘прятать, спрятать; скрывать; хоронить, похоронить’ (КПРС: 118), распространённая также в коми-зырянском языке: *дзэбны* вс. вым. иж. лл. нв. печ. скр. сс. уд., *дзэбні* вв. ‘прятать, спрятать, скрывать, скрыть, укрывать, укрыть, утаивать, утаить; хоронить, похоронить, погребать, погresti (ССКЗД: 102). Соответствия исследуемому слову выявлены в коми-язьвинском наречии: *утнѳ* ‘закопать; захоронить’ (КЯД: 192) и в удмуртском языке: *ватыны* ‘спрятать, прятать, укрыть, укрывать; скрыть, скрывать, утаить, утаивать; схоронить, хоронить, похоронить, захоронить; замаскировать, маскировать, замаскировывать (УРС: 110). Таким образом, изоглосса охватывает пространство удмуртского языка, язьвинского наречия и оньковского диалекта коми-пермяцкого языка.

Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» приводят общепермский корень **wôl-* ‘прятать, хоронить’ (КЭСК: 298). Исходя из ареальной характеристики анализируемой лексемы можно сделать вывод о том, что центр инновации находится на территории распространения удмуртских диалектов, откуда слово иррадирировало в язьвинское наречие и оньковский диалект.

Н'УРМОЛ'

В коми-пермяцком языке зафиксирована лексема *н'урмол'* ‘клюква’ (КПРС: 283). В результате опросов выяснилось, что ареал её функционирования охватывает ряд говоров северного наречия (мысовский, большекочинский, кочёвский, чазёвский, юкеевский, пелымский, ха-

зовский, иванчинский) (Федосеева 2015: 147), на остальной территории распространения коми-пермяцкого языка употребляется слово *туримол* 'клюква' (КПСР: 495). Из коми-зырянских диалектов исследуемая лексема зафиксирована в лузско-летском (ССКЗД: 382). Соответствующее слово имеется и в удмуртском языке: *нюрмульы* 'клюква' (УРС: 480).

Изоглосса *н'урмол* / *н'урмульы* охватывает удмуртский язык, часть коми-пермяцкого языкового пространства и лузско-летский диалект коми-зырянского языка. Узко ограниченный ареал функционирования анализируемого слова в зырянских диалектах может свидетельствовать о заимствовании его из коми-пермяцких говоров в результате контактов на приграничной территории.

Исследуемая лексема является сложной, образованной из двух частей: *н'ур* 'болото' и *мол* / *мульы* 'ягода' (КЭСР: 173). А. Н. Ракин реконструировал общепермский корень в форме **n'Ēr-mōl'i* 'клюква' (букв. болотная ягода) (Ракин 1979: 145).

Исходя из ареальной характеристики и этимологического анализа данной лексемы, можно считать её инновацией общепермского периода, распространившейся не на всей территории функционирования пермских языков, а только в диалектах определённого ареала, т.е. изоглосса является ареально-генетической.

Н'АП

Лексема *н'ап* в значении 'шиповник', 'ягоды шиповника' распространена повсеместно в северном наречии коми-пермяцкого языка. В больше-кочинском говоре *н'ап* 'ягоды шиповника' имеет синоним *н'а-пйагöд*: *н'апйагöдла арнас вэтлöтi* 'за шиповником (ягодами) осенью ходила'. В южном наречии коми-пермяцкого языка семантику 'шиповник', 'ягоды шиповника' имеет слово *жэл'нөг*. Для обозначения понятия 'ягоды шиповника' используется слово *жэл'нөгйагöд*. Исключения составляют некоторые говоры нижнеиньвенского диалекта, где наряду с *жэл'нөгйагöд* зафиксирована также лексема *н'ап* 'тж'.

Следует отметить, что *жэл'нөг* в значении 'куст шиповника' употребляется и в северном наречии как синоним слова *н'ап*: *жэл'нөгыс сэччин уна быдмö* 'там растёт много шиповника (кустов)'; *н'апыс бöра пэтälöма* 'шиповник (ростки) опять взошёл' (пукс.).

Лексема *н'ап* 'шиповник', 'ягоды шиповника' не зафиксирована в родственных языках: ср. кз. *жельнөг* л. сс., *лежнөг* л. (Об), лет. нв. скр., *лежнэг* вым. уд., *жельнэг* вв. 'шиповник' (ССКЗД: 195); удм. *легезьпу*

‘шиповник’ (РУС: 1234).

Изоглосса исследуемого слова образует островной ареал на территории распространения коми-пермяцкого языка. Употребление *н’ап* в нижнеиньвенском диалекте, несколько оторванном от основного ареала, более вероятно считать следствием иррадиации.

Этимологизация лексемы *н’ап* вызывает трудности. Возможно, её можно связать с *н’апкыны* ‘сосать’. В этом случае изоглоссу можно расценивать как севернокоми-пермяцкую инновацию. Однако более вероятным нам кажется рассматривание *н’ап* как какого-либо заимствования.

КЫПТЫНЫ

В говорах косинско-камского диалекта была зафиксирована лексема *кыптыны*: *стѳббѳс кыптѳмас* ‘столбы приподнялись’, *остожѳаыс кыптѳма* ‘остожье (плетень вокруг стога) поднялось’. Однако данное слово употребляется с очень узким значением: его используют в том случае, когда речь идёт о столбах, которые приподнялись в зимний период под воздействием низких температур (обычно на сырых местах).

Абсолютные соответствия этого слова в южном наречии и других северных коми-пермяцких диалектах не выявлены. В указанном значении в них функционирует лексема *лѳбтыс’ны* ‘подняться’, которая известна и широко употребляется и в косинско-камском диалекте, в том числе и в анализируемом значении ‘подняться, приподняться под воздействием низких температур в зимний период’.

Слова с корнем *кып-* широко употребляются в коми-зырянском языке: *кыпѳдны* ‘поднять, поднимать’, *кыпѳдѳм* ‘поднятие, подъём; возрождение, восстановление’, *кыптыны* ‘подниматься, подняться’ и т.д. (КРК: 334–335; ССКЗД: 187–188), наряду с *лѳптыны* ‘поднимать, поднять’, также повсеместно употребляющемся в коми-пермяцком языке (кп. *лѳбтыны*). Авторы «Краткого этимологического словаря коми языка» лексемы *кыпавны* ‘подниматься, повышаться’, *кыптыны* ‘тж’, *кыпѳдны* ‘поднять, поднимать’ возводят к корню *кып-* ‘подъём’. Они отмечают, что Утила сопоставлял это слово с удмуртским *капчи* ‘лёгкий, невесомый’, ‘нетрудный’, но считают, что с точки зрения вокализма (к. *ы* – удм. *а*) сопоставление неубедительно, сопоставление его с эрз. *кепѳдемс* ‘поднять, восстановить’, мокш. *кепѳдемс* является более удачным (КЭСК: 153).

Таким образом, корень анализируемого слова, несомненно, имеет

древнее происхождение. Однако на общекоми языковом пространстве ареал его ограничен коми-зырянскими говорами. В коми-пермяцком континууме изоглосса *кыптыны*, как и изосема 'подняться, приподняться под воздействием низких температур в зимний период' охватывает косинско-камские говоры. Вероятно, изосему можно считать косинско-камской инновацией. Возможно, данное слово проникло в указанные говоры из коми-зырянского языка (имеется информация о миграции с IX века в северные районы Прикамья коми-зырянского населения вымской культуры (Оборин 1969: 163–165), но закрепилось в указанном узком значении из-за наличествующего в говорах слова *лэбтыны* 'поднять, приподнять', *лэбтис'ны* 'подняться, приподняться'.

КУӨЛТНЫ

В говорах северного наречия (чазёвском, пуксибском, больше-кочинском) была зафиксирована лексема *куөлтны* 'затянуть, покрыться тучами, стать пасмурным' в безличной форме: *өтöрас куөлтис* 'на улице стало пасмурно', *рыт т'эжас куөлтис и сэс'с'а зэрмис* 'к вечеру стало пасмурно, и потом начался дождь'. Абсолютные соответствия в других коми-пермяцких говорах и близкородственных языках не выявлены.

Анализируемая лексема, вероятно, связана с другим зафиксированным нами диалектным словом *куалны*, ареал которого неуточнён. Например, *куалны вөр* 'укрыть снегом лес'.

Лексема *куалны* имеет соответствия в коми-зырянском языке: *куавны* нв. скр. 'покрыться пленкой, коркой', *куассины* нв., *куассыны* вым. уд. 'подернуться пенкой, образоваться пенке (о молоке), лл. 'обрасти; зарости; затянуть', *куассыны* иж. 'покрыться пенкой', лл. 'затянуть плёнкой', *куа вым.* 'подернутый плёнкой, льдом' (КСК 1: 755), которые, в свою очередь, связаны с повсеместно употребительным словом *ку* 'кожа, кожаный; в вымском, ижемском, нижневыхегодском и удорском диалектах имеющем также значение 'пенка': *кага йöв ку* 'пенка на топлёном молоке', *шыд ку* 'накипь на супе' (КСК 1: 755).

Слово *ку* в «Коми-пермяцко-русском словаре» зафиксировано с пометой «северное» в значении 'шкурка, мех (зайца, ягнёнка); овчина' (КПРС: 198). Здесь же приведены *куа* 'кожаный' из словаря Попова и *куа* 'шалаш' с указанием «устаревшее» (КПРС: 198). В современных коми-пермяцких говорах в значении 'кожа, шкура' употребляется слово *кучик*, также распространенное и в ряде коми-зырянских диалектов (вв. вс. лл. печ. скр. сс. 'кожа, выделанная шкура; кожаный' (ССКЗД: 183).

Авторы «Краткого этимологического словаря» считают, что слова *ку* и *кучик* имеют древнее происхождение и приводят их допермские формы, отмечают, что «коми и удмуртское *ку*, употребляемое во многих диалектах в том же значении, что и *кучик*, по-видимому, одного происхождения» (КЭСК: 148).

Вернемся к анализируемым словам *куёлтны* и *куалны*, которые, по всей видимости, связаны с лексемой *ку* семой покрытия, укрытия, затягивания, закрытия: *куалны вёр* ‘укрыть снегом’, *куёлтис* ‘затянуло тучами’.

Изоглосса *куёлтны* охватывает только отдельные говоры северного наречия, можно считать ее севернокоми-пермяцкой инновацией. *Куалны* имеет продолжение в говорах коми-зырянского языка, однако изосема ‘укрыть снегом’, вероятно, также является инновационной.

Ввиду отсутствия анализируемых лексем в южном наречии и остальных севернокоми-пермяцких говорах, а также наличия их соответствий в коми-зырянском языке, можно считать изоглоссы ареальными или ареально-генетическими.

Таким образом, мы рассмотрели несколько диалектных слов, функционирующих в разных говорах коми-пермяцкого языка. Возможно, что в дальнейшем при сборе диалектного материала, при уточнении и расширении ареалов функционирования рассмотренных лексических единиц, при последующем анализе данные выводы будут дополнены и пересмотрены.

Список литературы

1. Баталова Р. М. Унифицированное описание диалектов уральских языков. Онковский диалект коми-пермяцкого языка. – Москва, 1990. 205 с.
2. «Коми-пермяцкий язык» (1962)
3. КППС – Коми-пермяцко-русский словарь. – М.: Русский язык, 1985.
4. Кривощёкова-Гантман А. С. Словарный состав и словоизменение иньвенского диалекта коми-пермяцкого языка. Дис. канд. филол. наук, Москва, 1951.
5. КСК 1 – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН; под редакцией Л. М. Безносикиной. – Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2012. Т. 1.: А – О.
6. КСК 2 – Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах / Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Ураль-

ского отделения РАН; под редакцией Л. М. Безносовой. Сыктывкар: ООО «Изд-во «Кола», 2014. Т. II.: Ö – Я.

7. КЭСК – Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка / переиздание с дополнением. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1999.

8. КЯД – Лыткин В. И. Коми-язьвинский диалект. – М., 1961.

9. Меркушева Т. Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка. Дис...канд. филол. наук. – Ижевск. 2003.

10. Оборин В. А. Культурные связи племён Верхнего Прикамья с племенами северо-востока Европы в эпоху железа // Древности Восточной Европы. – М., 1969. С. 163–165.

11. Ракин А. Н. Флористическая терминология коми языка (этимологический анализ) / Вопросы лексикологии коми языка. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, 1979, вып. 22. С. 129–164.

12. ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 489 с.

13. УРС – Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 2008. 825 с.

14. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. – Сыктывкар. 2015.

15. Федосеева Е. Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Дисс... канд. филол. наук. – Сыктывкар, 2002. 280 с.

Цыпанов Евгений Александрович,
доктор филол.н.,
с.н.с. ИЯЛИ КНЦ УрО РАН

Семантика загадочного этнонима *чудь* в словарях коми языка

Аннотация. Статья раскрывает степень фиксации этнонима *чудь* в различных словарях коми языка, особое внимание уделяя представлению значения слова, который в современном коми языке имеет исключительную многозначность.

Ключевые слова: финно-угорские языки, пермские языки, коми язык, лексикология, лексикография, этнонимы

Yevgeniy A. Tsypanov,
*Dr. of Science (Philology), Senior
Research Scientist of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS*

Semantics of the mysterious ethnonym «*чудь*» in the dictionaries of the komi language

Summary. The paper reveals the degree of fixation of the ethnonym «*чудь*» in various dictionaries of the Komi language, paying special attention to the representation of the meaning of the word, which in the modern Komi language has an exceptional ambiguity.

Key words: Finno-Ugric languages, the Permian languages, the Komi language, lexicology, lexicography, ethnonyms

Этнонимы, составляющие важную часть ономастической лексики, в любом языке несут большой смысл: эта лексика справедливо считается исторической, т.к. в названиях различных этнических образований заключаются знания об окружающих, соседних и далёких народах, народностях, племенах и т.д. В ходе нашего исследования пейоративной лексики и пейоративных созначений нами было обращено внимание на одну особенность: в коми диалектах возникло довольно много отрицательно оценочных переносных значений на основе различных слов-этнонимов, о чём я уже докладывал на одном из прошлых симпозиумов по

пермскому языкознанию в Ижевске в 2014 г. (Цыпанов 2015: 334–342). В ходе дальнейшего сбора материала также выяснилось, что в нормативных, наиболее полных словарях коми языка различные значения слов переданы неполно или же не переданы вовсе. Всё это прямо относится к слову *чудь*, значение которых в большинстве лексикографических источников передано неполно. Представлению слова в словарях коми языка и посвящена данная статья.

В удмуртских словарях это слово не фиксируется, также как и в коми-пермяцких, хотя в действительности в диалектах оно так же широко бытует, как и в зырянских говорах. Так, практически во всех коми-пермяцких сёлах можно услышать предания про *чудь* или *чудские ямы*. В коми-пермяцких диалектах, по сообщению кандидата филологических наук Е. Н. Федосеевой, словом *чуд*, не зафиксированном в словарях, обозначают всяческую нечистую силу, чертей, злых духов. В зырянских диалектах от основы *чудь* образован также глагол *чудявны* со значением «совершать странные поступки, иметь ненормальное поведение». Глагол этот в словарях также не зафиксирован. Из множества нормативных коми-русских словарей слово *чудь* фиксируется лишь в словаре 2000 года издания.

Во время анализа материала словарей автор данной статьи с некоторым удивлением обратил внимание на два фактора, не находящего (на данный момент) какого-то удовлетворительного объяснения.

Во-первых, это слово в нормативных коми-русских двуязычных словарях до издания последнего наиболее полного словаря 2000 года издания практически не фиксировалось. Так, составители словаря лексему представляют крайне лаконично: **чуд, чудь** чудь || чудской : ~ **гу** чудские ямы, могилы; ~ **кодь полысь** нелюдимый, дикий (КРК 714). Таким же образом слово представлено в последнем наиболее полном двухтомном словаре коми-зырянских диалектов: **ЧУД** [č'ud] лл. (Пор.) скр. сс. уд. — чудь чудской; **гу** скр. — чудские ямы (КСК II 732). Ясно, что здесь словари раскрывают не действительную семантику слова в речи носителей языка или различных диалектов, а лишь его бытование в разных диалектах и источник заимствования, слово *чудь* русского языка. Во-вторых, примечательно, что словари коми языка, составленные исследователями, в том числе иностранцами, не владеющими коми языком как родным, дают намного более полную семантическую картину значений рассматриваемого слова. Между тем в коми языке это слово

интересно тем, что имеет гораздо более широкую семантику. Это настоящий полисемант, причём в диалектах лексема вообще не употребляется в исконном прямом этническом значении, как в русском языке. Вряд ли кто из ныне говорящих по коми знает, что русское слово обозначает древние эстонские племена или вообще прибалтийско-финские народы. Далее подробнее рассмотрим материалы словарей с акцентуацией на семантическое раскрытие лексемы *чудь*, в диалектах также *чуд*.

1. Слово *чудь* в словарях, составленных коми и русским авторами, фиксируется очень поздно и явно неадекватно с точки зрения подачи его значений. Так, слово не отмечено в наиболее объёмном рукописном русско-зырянском словаре XIX в., составленном под руководством Н.П. Попова, оно не представлено и в опубликованном в 1850 г. словаре коми языка П. И. Савваитова. Г. С. Лыткин в своём объёмном словаре слово *чудь* приводит в словарной статье к русскому слову *Чудо*... шензян тор, аддзыллытём, кыллытём (Лыткин 1931: 352), причём в соединении со словом *чудак*: Чудакъ, **чудь** (странный, чужой) шензяна, мёд муысь воан jöz (там же). Очевидно, что в факте отнесения слова к русским словам *чудо*, *чудеса* имеет место явление вторичной языковой ассоциативности у составителя словаря, возникшее уже на основе знания русского языка. В «Коми-русском словаре» 1961 года издания слово *чудь* не было включено в словник. Как уже было отмечено выше, в коми-русском словаре 2000 года издания значение слова определяется таким же образом, каким даётся и в словарях русского языка (как название некоторых прибалтийско-финских народов). Слово в таком значении в коми языке употребляется очень редко лишь в научных и научно-популярных работах по истории и краеведению. Пример: *Но и сэтчӧдз нин, ёна важысянь, вӧвлі тайӧ ва туйыс, кодыр Двина кузя и море пӧлӧн овлісны **чудь** йӧз племянас* (Чисталев 2007: 51) «Но и до этого, издревле, был этот водный путь, когда по Двине и вдоль моря проживали чудские племена». Выделено было в этом словаре и пейоративное значение «нелюдимый, дикий, сторонящийся людей», являющееся узуальным у коми-зырян.

2. Иная картина наблюдается в отношении диалектных словарей коми языка, где выявлению значения слова *чудь* уделено гораздо больше места. Так, в «Сравнительном словаре коми-зырянских диалектов» (Сыктывкар, 1961) представлено наиболее общее значение, встречающееся в фольклорных преданиях коми, а также и пейоративное: **чуд** 1. скр. сс. *чудь*. вв. — *чудь*, народ, живший, по преданию, на территории Коми края

до прихода туда зырян; *чудь кодь* нелюдимый, дикий, боязливый, *чуд гу* чудские ямы (ССКЗД 418). Такая подача семантики слова восходит ещё к коми-немецкому словарю коми языка, составленному Ф. Й. Видеманом, для сравнения:

tš'ud' (Name für die alten Bewohner des Landes)

tš'ud' kod' schüchtern, sheu, furchtsam, menschenseher t.k. lony = tš'ud'myny (Wiedemann 1880: 367)

Представление значения соответствующего слова в двухтомном коми-немецком словаре Давида Фокоша-Фукса немного иное: автор выделяет два сознания: 1 какой-то народ, 2 древний народ чудь, например:

tš'ud' V (ein Volk; das alte Volk der Tscuden). (- Russ)

tš'ud: ts'-.kod' V menschenscheu, wild, scheu werden (Fokos-Fuchs II 1959: 1111). Примечательно, что пейоративное значение слова представлено в составе самостоятельной словарной статьи.

Однако наиболее полная характеристика значений слова с указанием распространения сознаний в диалектах дана в словаре, составленном Юлиусом Вихманом и переработанном и дополненном затем Томасом Утилой, изданном в Хельсинки в 1942 г.:

tš'ud' V I, *tš'ud* S L U P ein Volk (es war wild, dumm; es verschwand so, dass es sich lebendig in der Erde begrub) (V), id. (es begrub sich in seinen Städten - wovon es noch Spuren gibt -, damit die Feinde seine Reichtümer nicht bekommen sollten) (S), ein altes Volk betr. Gegend (L P), ein Volk, das vormalig auf dem Syrjänengebiete wohnte (es sprach Syrjänisch, es war heidnisch) (I), ein unbekanntes Volk, das vormalig auf dem Syrjänengebiete wohnte (die einen begruben sich in der Erde, die anderen flohen nach Norden; sie haben Grabhügel od. Kurgan mit Schätzen und Geld hinterlassen) (U). *te tš. kod'* V du bist wie ein tš. (dumm, feig, wild). *tšud kod'* S Possenmacher. *tšud kod'* s'ud L Schwarz wie ein *tšud*. [russ. *чудь*.] (Wichmann 1942: 304–305)

Всего авторами выделено шесть ЛСВ или сознаний, в том числе пейоративное; они дают наиболее полную картину семантического объёма слов ко времени издания работы или ко времени сбора полевого материала финскими исследователями (Wichmann 1942: 304–305). Можно смело утверждать, что тема чуди была для составителей словаря близка и интересна. Напомним здесь, что Юрьё Вихман первым из учёных-лингвистов написал и опубликовал в 1920 г. статью о карельских

заимствованиях в коми диалектах (Wichmann 2001: 144–153). Сознания в словаре Ю. Вихмана, сосуществующие в речи носителей различных диалектов, для наглядности можно представить в виде таблицы.

№	Толкование	Распространение
1	Дикий неумный исчезнувший народ, закопавшийся в землю	Вычегда, местности возле г. Сыктывкара
2	Захоронившийся в своих городищах народ, от которых остались следы, закопали себя, чтобы врагам не достались их богатства	Сысола, местности возле с. Визинга
3	Древний народ определённой местности, села	Луза, с. Ношуль, коми-пермяцкое село Трунова
4	Древний народ, живший на территории коми-зырян, говоривший по коми, это зыряне-язычники	Нижняя Ижма, местность возле с. Краснобор
5	Неизвестный народ, живший на территории коми-зырян, одни из которых захоронили себя в земле, другие бежали на Север, оставив после себя курганы с богатством и деньгами	Удора, с. Важгорт
6	Пейоративное значение нелюдимый, дикий	Вымь, Сысола

Определённое соотношение наблюдается у выделенных созначений и особенностей легенд о чуди, зафиксированных среди носителей различных коми-зырянских диалектов. Так, Ю. Г. Рочев все записанные легенды о чуди по географическому принципу подразделяет на три группы: в центре расселения древних коми (на Выми, нижней Вычегде и средней Сыsole) преобладают легенды о самопогребенной чуди, на окраинах расселения коми (Вашка, Вишера, верхняя Вычегда) преобладают сюжеты о чуди, убегавшей от проповедников православия, а на территориях позднейшего расселения коми преобладают легенды о чуди со сверхъестественными свойствами или характеризующимися как ушкуйники или враги (Рочев 1985: 7).

Таким образом, словари коми языка представляют значения многозначного этнонима *чудь* с разной степенью полноты, но наиболее подробное описание семантики слова дано в словаре Ю. Вихмана и Т. Уотилы. Однако завершённую семантическую картину семантики слова может дать лишь анализ текстовых употреблений этнонима в фольклорных произведениях, устной речи, художественных произведениях и научно-популярной литературе. Для выполнения этой задачи необходимо провести специальное исследование.

Литература

1. КРК – Безносилова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчукор: 31 000 кымын кыв. – Сыктывкар, 2000.
2. КСК – Безносилова Л. Н., Айбабина Е. А., Забоева Н. К., Коснырева Р. И. Коми сёрнисикас кывчукор. Словарь диалектов коми языка: в 2-х томах. – Сыктывкар, 2012. Т. I. 2014. Т. II.
3. Лыткин Г. С. Русско-зырянский словарь / Сост. по рукоп. словарю Н. П. Попова. Л., 1931.
4. Рочев Ю. Г. Национальная специфика коми преданий о чуди. АН СССР. Коми филиал. Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 134. – Сыктывкар, 1985.
5. ССКЗД – Жилина Т. И., Сахарова М. А., Сорвачева В. А. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961.
6. Цыпанов Е. А. Незафиксированные отэтнонимические слова-пейоративы в коми языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сборник статей. – Ижевск, 2015. С. 334–342.
7. Чисталев В. Кардор // Войвыв кодзув. 2007. 4 №. 51 лб.
8. Fokos-Fuchs D. R. Syrjänisches Wörterbuch. T I, II. – Budapest, 1959.
9. Wichmann Y. Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila. Helsinki, 1942.
10. Wichmann Y. Syrjäanit ja karjalaiset // Castrénin perilliset. Helsingin yliopiston suomen ja sen sukukielten professorit 1851-2001. – Helsinki, 2001. s. 144–153.
11. Wiedemann F. J. Syrjänisch-deutsches Wörterbuch nebst einem wotjakisch-deutschen im Anhang und einem deutschen Register. – St. Petersburg, 1880.

Секция 3. Этнокультурный аспект в пермистике

Зиявадинова Ольга Сайфидиновна,
к. филол. н., научный сотрудник
ФИЦ КНЦ Уро РАН, Сыктывкар
olgazijav@mail.ru

Язык и образы пролетарской эпохи в поэзии В. А. Савина

Аннотация. Статья посвящена раскрытию истоков поэтического выражения революции в творчестве В. А. Савина, как направления в литературе, культуре в целом для выяснения сущности этнической культуры. В качестве объекта исследования выбраны поэтические жанры автора, с наибольшей очевидностью демонстрирующие основные закономерности воплощения образов пролетарской эпохи в эволюционном движении. Предложена новая интерпретация литературных произведений В. Савина.

Ключевые слова: В. А. Савин, коми литература, пролетарская эпоха, исторический процесс.

Olga S. Ziyavadinova,
Cand. of Science (Philology)
Research Scientist of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS, Syktyvkar
olgazijav@mail.ru

Language and images of the proletar epoch in poetry of V. Savin

Summary. The article is devoted to the disclosure of the origins of the poetic expression of the revolution in the work of V. A. Savin, as a trend in literature and culture in general, to clarify the essence of ethnic culture. As an object of study, the poetic genres of the author were chosen, most clearly demonstrating the basic laws of the embodiment of the images of the proletarian era in the evolutionary movement. A new interpretation of the literary works of V. Savin is proposed.

Key words: V. A. Savin, Komi literature, historical process.

В.А. Савин (1888–1943) был и остаётся знаковой фигурой, обозначившей лицо эпохи: глубокий символизм его образов во многом определил дальнейшее развитие коми литературы. Как художник поэт формировался и творил в сложную эпоху, наполненную драматическими событиями. Контекст тем в художественном мире коми автора отличается широким охватом действительности, постижением сложности, внутренней конфликтности исторического процесса: революция, становление в стране новой социальной системы, оценка народа, власти, литературы.

В 20–30-е годы XX века перед российской литературой, в том числе и коми, государством была поставлена задача создания образа человека-творца, строителя новой действительности. На первый план выдвигались проблемы революционного содержания, активности рабочего класса, социалистического строительства, научных экспедиций, борьбы с разрухой и т.д. Пафос преобразования земли затронул творчество крестьянских писателей С. Есенина и Н. Клюева; последовательными сторонниками антропоцентристских идей являются два крупных художника XX века – М. Горький и А. Платонов; М. Пришвин писал о Севере и Уссурийской тайге, К. Паустовский – о Каспии, Колхиде и средней России, М. Шолохов – о Донских местах, Ф. Гладков – о Новороссийске, Вс. Иванов – о территориях от Кавказа до Владивостока и т.д. (Гурленова 1998: 44). В художественную литературу входило ощущение природной силы страны, неучтённых возможностей, неизученных истоков – всё это соответствовало пафосу трудовой темы. Коми литература в этом смысле не оставалась в стороне. В. Савин, В. Чисталев, В. Юхнин, Я. Рочев разделяли общий настрой: восторженный гимн вселенскому труду, гигантской стройке, осуществляемой коллективным дерзанием, мощью машин, громко раздавался в их творчестве. На фоне такого переломного момента истории становится возможным показать внутренние инстинкты и порывы человека, проявляющиеся именно в таких ситуациях и являющиеся настоящими их двигателями.

В стихотворении «Варыш поз» (Соколиное гнездо, 1923) В. Савин даёт такое истолкование образов природы, которое было характерно в целом для революционно ориентированных российских писателей. Тайга символизирует тьму, захолустность, неустроенность жизни; основной сюжетный мотив – стремление героев к свету (солнцу, загораживаемому тайгой); композиция стихотворения призвана реализовать

противостояние «вчера» – «завтра», в котором «вчера» – негативный, а «завтра» – позитивный нарратив:

Ылын-ылын, войвылын	Далеко-далеко на севере
Джуджыд парма сулалё.	Стоит тайга дремучая.
Парма пасьта шувгё вёр.	Шумят леса.
Кодзыд вой төв шутьяллё.	Свистят холодные ветры.
Парма пөвстын пемыд йёз –	В той тайге неграмотные люди,
Коми войтыр олёны;	Прозываемые коми, живут;
Югыдинё петан туй	К свету дорогу
Нэм чөж найё корсьоны.	Веками ищут.
Парма пөвстын олёмьсь	От таёжной жизни
Жугыльтчёма сёлёмьяс:	Сердца их опечалились:
Жугыль коми войтырлөн	Тоскливо коми людям
Эз вөв гажа сьёлёмьяс...	Не веселы были их песни...

«Варыш поз»

(здесь и далее кроме особо
оговоренных случаев перевод
подстрочный наш – О.З)

В 1930-е годы стихотворения В. Савина становятся социально окрашенными, принцип практического осмысления естественных условий приводит к так называемому социальному пейзажу, связанному с человеком в физических проявлениях: река для промысла рыбы, пашни для жатвы, лес для охоты. Сюжеты из народной жизни сопровождаются развёрнутыми «портретами» окружающего мира: север, тайга, моховые болота, перелески, снег, поля под тучами и дождями, солнцем, из которых возникает общий образ родного края («Өтчыд овлө», «Вундём», «Аддзысян тай» и др). Вековой, исконный уклад, воплощённый в его поэзии, это стержень, цементирующая идея мира. Крестьяне, близкие своим существом естественному порядку и циклическому ходу природы, исполняли необходимую работу. Стихотворения «Вундём», «Мельница» (Мельница, 1930), «Медводза бөрөзда» (Первая борозда, 1931) содержат описание естественной основы жизни человека, автор воссоздает жизнь людей в окружении естественного мира, ведёт повествование о полевых, сельскохозяйственных работах, речь идёт, следовательно, об описаниях природы, которые функционально связаны с социальной проблематикой произведения и формируют соответствующий эмоциональный фон повествования:

Сьылö долыд шыясöн
Гажа тувсов лун.
Ворсö кумач гыясöн
Гöран-кöдзан му.
Трактор гора орöстлö
Стальной вöв ретив.
Талун первой бөрöзда
Гөрö коллектив.

«Медводдза бөрöзда»

Радостными звуками
Полон день – светла,
Кумачовой радостью
Пашня расцвела.
Вышел в поле чистое
Конь стальной – ретив, –
Бороздами первыми
Дали прочертив...

Пер. Г. Гончарова

Труд оживляет землю, трактор, словно плуг крестьянина, «тревожа» грунт, обращает его в источник жизни хлебной нивы, круг замкнулся: человек-труд-природа. Язык В.Савина метафоричный, призывной, в нём преобладают моторные и слуховые образы, глаголы.

Образы машины, железа являются персонажами произведения, определяют динамичность изображения всего «вещного» мира.

Художественная концепция природы В. Савина, сохраняя устойчивость своих мировоззренческих позиций, ищет всё новые художественные возможности для её воплощения, его философские взгляды подвергаются в 1930-х годах радикальным переменам. Взгляд на природу, которую следует преодолеть, во многом был продиктован эпохой. В официальной советской идеологии крестьянин должен стать одной из опор нового мира, он носитель справедливости, обновления, живое воплощение народа, получившего свободу, землю и готового устраивать рай на земле. В поэме «Сыктывкар» В. Савина звучит тема «технического» покорения природы, идея преобразования земли, преображения жизни. В ней отчетливо вычитывается ощущение того, что на арену истории выходит какой-то совершенно новый мир, который по-новому наполняет прежний цивилизационный ландшафт. Неизбежность вторгающейся всеприродной «социализации» проявляется во всей своей масштабности, в природно-социальном контексте. В поэме противопоставляется «первая» и «вторая» (изменённая природа человеком на его благо) природа. Лирический герой с восторгом рассказывает, как изменился Коми край к лучшему в результате его освоения человеком:

... Пырис нин комиö

Уже вошла в коми

грымалан пöра,

громкая пора,

Зумыда тувчöмсьыс

От твёрдых шагов

парма шöр вөрö –

сердце пармы дрожит –

Швачкӧдӧ-ызгӧ	Грохочут-клокочут
промышленной гы:	промышленные волны
Горалӧ некор на	Гремят небывалые звуки,
вӧвлытӧм шы,	Натягиваются, напрягаясь,
Зэлӧдчӧ некор на	нетронутые еще звуки,
вӧрзывӧтӧм шы,	Над лесом поднимается
Вӧр весьтӧ кыпӧдчӧ	заводской дым,
заводской тшын,	Грудь пармы нагревается горячо,
Пармалӧн шоналӧ	Тает вековой слой льда в тундре...
морӧсыс – пым,	
Сылӧ вой тундралӧн	
нэмӧвӧй кын...	

В. Савин отводит человеку роль преобразователя земли, преодолевающего сопротивление, косность природы, уверенного в своих силах и полномочиях, как средоточие разума, полновластного хозяина окружающего мира. При этом автор не осуждает лирического героя, жестоко относящегося к природе, более того, он считает, что такие изменения в природе необходимы, поскольку они облегчат жизнь человека.

Образы пролетарской поэзии В. А. Савина охватывают этническое, историко-культурное пространство, включая в себя комплекс идей, относящихся к прошлому, будущему, истории и культуре, самосознанию коми человека. Они создают конкретно-исторический фон, уточняя ландшафтные приметы места событий, природно-климатические особенности, отражают жизненный уклад местного населения, наполняют живой конкретной жизнью ткань произведений и событий.

Литература

1. Гурленова Л. В. Чувство природы в русской прозе 1920–1930-х годов. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1998. – 179 с.

Лисовская Галина Константиновна,
*научный сотрудник Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар*
lisovskaya1330@dmil.com

Особенности языка просветительской поэзии В.А. Савина

Аннотация. Статья посвящена творчеству одного из основоположников коми литературы В.А. Савину (1888–1943). Рассматривается его просветительская поэзия 20-х – 30-х годов – эпохи интенсивных изменений в языке, соответствующих социально-политическим процессам в обществе. Показано формирование в его поэзии нового языкового стандарта одновременно с освоением богатств народной языковой традиции.

Ключевые слова: В. Савин, просветительская поэзия, традиционная лексика, новая лексика, мениппея, новый языковой стандарт.

Galina K. Lisovskaya,
*Senior Researcher of Komi Science Centre,
Ural Branch of the RAS, Syktyvkar*
lisovskaya1330@dmil.com

Features of the language of educational poetry of V. Savin

Summary. The article is devoted to the work of one of the founders of Komi literature, V. A. Savin (1888-1943). We consider his enlightenment poetry of the 20s - 30s - an era of intensive changes in the language, corresponding to the socio-political processes in society. The formation of a new language standard in his poetry is shown simultaneously with the mastering of the riches of the national language tradition.

Key words: V. Savin, educational poetry, traditional vocabulary, new vocabulary, menippea, new language standard.

После революции 1917 года создавалась небывалая в России культура народных масс, вовлечённых в бурную социальную деятельность. Коми писатель (поэт, прозаик, драматург), создатель коми театра, композитор, журналист, общественный деятель В. Савин (1888–1943) явил-

ся мощным воплощением самоутверждения и самовыражения народа. Свой талант он направил на использование богатств родного языка для создания новой литературы, которая обладала бы непосредственным общественным просветительским действием для строительства новой жизни на Коми земле. Он стал глашатаем этой жизни. М. Цветаева о великом «певце революции» В. Маяковском писала: «Брак поэта с временем – насильственный брак. Брак, которого, как всякого претерпеваемого насилия, он стыдится и из которого рвётся – прошлые поэты – в прошлое, настоящие – в будущее. ... Только один Маяковский, этот подвижник нынешнего дня, этот нынешний день возлюбил: то есть поэта в себе превозмог» (Из статьи «Поэт и время») [7, с. 307]. Поэта в себе превозмог и певец революции В. Савин, наступая, как и Маяковский, «на горло собственной песне». И то, что в перестроечные годы стало считаться давлением господствующей идеологии, для него было решением комплекса прикладных, просветительских задач, связанных с искренним желанием переустройства любимой им Коми земли, а значит, борьбы против всего, что мешает этому.

Отсюда и военная лексика в публицистике В. Савина – «писатель – культурный боец» [5, с.209], а в стихотворном «Рапорте-отчёте» (1933) – обещание выйти на более широкий фронт [6, с. 211].

В поэзии В. Савина все признаки революционной поэзии: противопоставление старого новому, старых – молодым:

Кор ланьтыштö важ пöрысь йöз,	Когда умолкают прежние
Кор кыпöдчö вына том йöз,	старые люди,
Кор ёнсялö выль оланног,	Когда поднимаются
Кор весасьö важ курыд шог, –	сильные молодые,
Радлö сэк съöлöм,	Когда укрепляется новая жизнь,
Локтö выль олöм!	Когда убирается
[6, с. 39]	старая горькая печаль, –
	Радуется тогда сердце,
	Грядёт новая жизнь*.

Стремясь к политическому просвещению народа, В. Савин использует для врагов новой жизни шаблонные прозвища с отрицательной оценкой, словесные ярлыки: «лэк йöз», «поньяс», «омöль чукöрьяс»; «зверь-капитал»: См., например, стих. «Гöрд звөн»:

* Здесь и далее перевод подстрочный. - Г. Л.

Сэки, кор вётлам асланым муысь	Тогда, когда прогоним со своей земли
<u>Врагъясёс-понъясёс,</u> став <u>омоль чукёрёс,</u>	<u>Врагов-собак, всю</u> <u>нечистую силу,</u>
Сэки, майбыр, югыд кыа петас выльысь...	Тогда, о счастье, вновь взойдёт светлая заря ...
[6, с. 23]	

По мнению исследователей, «ярлык – проявление языковой идеологизации, отражение идеологической борьбы» [4, с. 415], это один из способов насаждения массовых стереотипов» [8, с. 87].

Ораторский пафос, характерный для поэзии революционной эпохи, в поэзии В. Савина смягчается искренней, тёплой интонацией. Стихотворные послания В. Савина – не безликие агитки, в них обращение к друзьям, близким, родным людям:

Чойяс дай вокьяс, Вунёдй шогьяс, Пальёдй ойёдджык ойбыр!	Сёстры и братья, Забудьте печали, Очнитесь от дремоты!
[6, с. 39]	

Современная действительность для него не фон, а объект раздумий. Он мыслит масштабами всей страны и мира:

Водзё, водзё став рабочой класскёд отув!	Вперёд, вперёд вместе со всем рабочим классом!
Мед бырё став муывса капитал!	Чтоб исчез всемирный капитал!
Сөвет властьёс видзны быд здук гётёв,	Советскую власть беречь каждое мгновение готов,
Мирё вермас гёрд Интернационал!	В мире победит красный Интернационал!
[6, с. 102]	

В поэзию В. Савина входят слова «капитал», «Интернационал», «пионер», «лига наций», «Коминтерн», «социализм», «провокация», «СССР», «ВКП(б)», «партячейка».

Действительность переходной эпохи диктовала поэту тексты, в которых новая лексика, которая выглядела еще непривычно, сочеталась с традиционной. Особенно интересно в этом плане использование В. Савиным жанра частушки, в котором живой разговорный язык, в

мажорном тоне народной припевки отклик на злобу дня. Так, в произведении «Уджйёз» (Частушкаяс) 1922 года появляются слова «спекуляция», «облигация» и «продналог» – актуальная лексика периода НЭП-а:

Регыд бырё, регыд бырё	Скоро исчезнет, скоро исчезнет
Миян <u>спекуляция</u> .	У нас <u>спекуляция</u> .
Став съём вылё пырьсь-пырь жё	На все деньги быстренько
Ньёба <u>облигация</u> .	Куплю <u>облигацию</u> .
Мусук менсьым съёлём косьтё,	Милый моё сердце сушит,
Мыйкё ме вылё зэв лёг.	Что-то на меня сердит.
<u>Облигация</u> кё босьта,	<u>Облигацию</u> возьму,
Мынта сйён <u>продналог</u> .	Заплачу им <u>продналог</u> .

[6, с. 55]

Эпоха грандиозных социально-экономических реформ нашла отражение в поэзии В. Савина. Новая эстетика поэта конца 20-х – 30-х годов – эстетика коллективного труда – в едином порыве, в стремительном ритме.

Появляются новые реалии жизни, – появляется новая лексика: «пятилетка», «стахановской удж», «коллектив», «колхоз», «ударной удж», «бригада», «трактор» и др. Так, его стихотворения передают искренний энтузиазм от появления техники в селе тех лет и других проявлений нового времени. В стихотворении «Медводдза бөрёзда» (Первая борозда):

<u>Трактор</u> гора орёстлө –	Трактор громко зарычал –
Стальной вёв ретив,	Стальной конь ретив,
Талун первой бөрёзда	Сегодня первую борозду
Гөрё <u>коллектив</u> .	Пропахал коллектив.

[6, с. 101]

А в стихотворении «Коллектив» (1929), «трактор» выделяется и ритмически:

Регыд сиктьяслён	Скоро у села
чужёмыс вежсяс, –	изменится лицо, –
Трактор! ...	Трактор! ...

[6, с. 84]

Чётко лексически подчёркнута оппозиция старого и нового в стихотворении «Сиктын» (1932). Дискредитация старой, тёмной жизни села сопровождается грубой, сниженной стилистикой первой части стихотворения – просторечная, пейоративная лексика [См. об этом: 2, с. 141–146], повторы – созвучия, «опрошенная» церковно-славянская лек-

сика – живая, озорная, насмешливая интонация народной сатиры:

Швытя-швятя,	Швытя-швятя,
Кося, матя.	С криком, матом.
Няйта, лёма,	В грязи, в коросте,
Киссьом кёма.	В рваной обуви.
Беса-дьявола,	Беса-дьявола,
Петыр-Павела,	Петыр-Павела.

Макуття:	С кутьей:
«Пресвятая!	«Пресвятая!
Святы, съвяты, съвяты!	Свят, свят, свят!
Аминьёй, мат!».	Аминь, мат!»

Лексика второй части стихотворения отражает новые реалии жизни: «читальня», «клуб», «пятилетка», «комсомолка», «пионер», «трактор», «партачейка», «колхоз». См. например:

«Со – <u>читальня</u> , тонё <u>клуб</u> ...	Вот <u>читальня</u> , там – <u>клуб</u> ...
Воклён нылыс – <u>комсомолка</u> ,	Дочка брата – <u>комсомолка</u> ,
Чойлён пиыс – <u>пионер</u> ...	У сестры сын – <u>пионер</u> ...

[6, с. 104]

Стилистические установки произведений поэта работают в разных направлениях. В одних, публицистических стихах – установка на повышение регистра, в ней возвышенно-романтический голос революции. Используются ораторские приёмы: обращения, восклицания; лексика с абстрактными значениями, символы, в частности, цветовая символика – «гёрд звён», «гёрд саридз» и т.д. В других произведениях, направленных против врагов и на борьбу с тем, что мешает новому, с тем прошлым, которое не хочет уходить – установка на понижение регистра – сниженная просторечная лексика, архаизмы, церковнославянизмы и иноязычная лексика с ироническим значением или в искажённом виде, макароническая лексика.

Часто слова разных стилистических пластов сочетаются в одном тексте и связано это с появлением в творчестве В. Савина карнавального мироощущения, которое материализовалось в особом серьёзно-смеховом жанре, соотносимом с древней традицией мениппеи [1, с. 121]. Необходимость решения прикладных этико-политических, социально-педагогических задач в культурно-исторической ситуации перехода от старой жизни к новой вызвано появление комических текстов злобо-

дневного содержания, в которых всё переплетено – «увенчание» нового мира, и «развенчание» старого [См. об этом: 3, с. 67–75]. Так, стихотворение «Вен» (Спор) является откликом на Международную конференцию, которая проходила в Генуе 10–19 апреля 1922 года, и где советская делегация оказалась в окружении политических деятелей «вражеских» стран. Оно появилось в газете «Югид туй» уже 4 мая этого же года. В стихотворении моделируется ситуация присутствия коми делегата на этом международном форуме и его спора с «большими» людьми международной политики. «Развенчание» старого, буржуазного мира в лице таких деятелей, как Барту и Пуанкаре, достигается контрастом между их важностью и грубой, просторечной лексикой обоих. Смеховой эффект создаётся также макароническим сплетением коми и русского языков:

«Ак пö, што пö, ме пö Барта,	«Ах, мол, что мол, я, мол, Барта,
Ныр-вомад пö дзик пыр варта.	По лицу, мол, сейчас же заеду.
Чёрт возьми пö сідз нин мат –	Чёрт возьми, мол,
Гашкö, тэ тшöтш делегат?!	Может, и ты делегат?!

Сэсса нинöм тойтны тан,	Больше нечего здесь топтаться,
Кöні менам чемодан? (Пуанкаре)	Где мой чемодан? (Пуанкаре)
Рочöн шуа: «Где нö я?»	По-русски спрашиваю:
Кодкö шуис: «Генуя!»...	«Где же я?»
[6, с. 52–53]	Кто-то сказал: «Генуя!»...

Несмотря на сюжетный вымысел, стихотворение наполнено приметами 20-х годов, начиная от конкретного исторического события до упоминания некоего К.И. Михайлова, возглавлявшего в эти годы агитпропотдел Коми Обкома партии, и газеты «Югид туй». «Увенчание» нового мира происходит через образ коми делегата, который ведет себя здорово, рассудительно, в его словах – пафос принадлежности к своему народу («Тэ пö русской öд сеньёр?», А ме шуа: «Коми морт!» – «Ты русский ведь сеньёр?») А я отвечаю: «Я коми морт!») [6, с. 52] и стране Советов.

Карнавальное сочетание несочетаемого – революционная лексика смешалась с озорной сниженной разговорной лексикой: «Ставыс ошкö, – сё мокасьт, – Роч муыввса Сöвет власть!» (Все хвалят, ёлки-палки, Русской земли Советскую власть) [6, с. 52]. В стихотворении эмоционально выраженная лексика нового времени: «Сöвет власть», «Первой Май!», «делегат», «мандат», «конференция», «фашистьяс!», «буржуй»;

иноязычная лексика и имена политических деятелей в ироническом контексте – «Эн зэв ышнясь, мистер Барту» (Не сильно воображай, Мистер Барту) [6, с. 53].

Искромётный народный юмор и острая злободневность – характерные черты этого направления в поэзии В. Савина 20-х – начала 30-х годов, отразившиеся в его лексике.

Как поэт В. Савин черпал вдохновение в богатстве живого народного языка, одновременно «чувство своего времени» позволило ему в революционных преобразованиях найти сильнейший импульс для творчества. В его поэзии формировался новый языковой стандарт, отражающий политику и идеологию эпохи, экономические обстоятельства, социальный энтузиазм – становление новой модели общества – советской цивилизации и внушающий новую систему ценностей.

Литература

1. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. 4-е изд. М.: Сов. Россия, 1979.
2. Лисовская Г. К., Цыпанов Е.А. Нёбдінса Витторлөн серамбана гижаног йылысь // Пермистика – 16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017.
3. Лисовская Г. К. Традиции менипповой сатиры в творчестве В. Савина // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Уралистика. 16–21 марта 2009 г. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 67–75.
4. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. 2003.
5. Нёбдінса Виттор (Савин В. А.). Мусюр сайын: Проза гижодъяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1985.
6. Нёбдінса Виттор (Савин В. А.). Югд кодзув. Кывбурьяс, поэмаяс, ораторияяс, роч вылысь, роча-коми да роч кывбурьяс. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1980.
7. Цветаева М. Собрание сочинений в 7 т. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994.
8. Цуланде А. М. Политические манипуляции или покорение толпы. М. 1999.

Обрезкова Нина Александровна,
 магистр филологии,
 член Союза писателей РФ,
 консультант «Национального
 музыкально-драматического
 театра Республики Коми»,
 г. Сыктывкар
 ninao11@mail.ru

Инфинитив в стихотворении поэтессы Е. Макаровой
«Мыным кельше синмаськыны...» / «А меным муса тэнад мич...»
/ «Мне нравится влюбляться...» (на удмуртском и коми языках)

Аннотация. В статье представлен сравнительно-сопоставительный анализ одного стихотворения из осеннего цикла удмуртской поэтессы Екатерины Макаровой на удмуртском и коми языках. Данное стихотворение в оригинале построено на повторе слова «нравится» и глаголами в инфинитивной форме, что придаёт произведению неповторимый ритм колдовской музыки, заговора, тайны. Стихотворение наделено лирическим сюжетом зарождения и развития любви от «нравится влюбляться» до «нравится любить». В переводе структура стиха меняется, и исчезает тайна любви. Словосочетание оригинала – инфинитив со словом «нравится» – не встречается ни разу. Произошла тотальная замена инфинитива близкими по значению словами – прилагательными, существительными, финитными глаголами.

Ключевые слова: Е. Макарова, удмуртский, коми, перевод.

Nina A. Obrezkova,
 Master of Philology,
 a member of the Writers' Union
 of the Russian Federation,
 consultant of Music and Drama
 Theater of Komi Republic,
 Syktyvkar
 ninao11@mail.ru

**The infinitive in the poem of the poetess E. Makarova
 “Myn Kelshe Sinmaskyna ...” / “Amenym Musa Tenad Mitch ...”
 / “I like to fall in love ...” (in Udmurt and Komi languages)**

Summary. The article presents a comparative analysis of one poem from the autumn cycle of the Udmurt poetess Ekaterina Makarova in the Udmurt and Komi languages. This poem in the original is built on the repetition of the word «like» and the verbs in infinitive form, which gives the work a unique rhythm of witching music, conspiracy, mystery. The poem is endowed with a lyrical plot of the birth and development of love from «like to fall in love» to «like to love.» In translation, the structure of the verse changes, and the mystery of love disappears. The original combination of words - the infinitive with the word «like» - is not found even once. There was a total replacement of the infinitive with similar words - adjectives, nouns, finite verbs.

Key words: E. Makarova, Udmurt, Komi, translation.

Екатерина Макарова – современная удмуртская поэтесса, автор нескольких поэтических сборников, одна из немногих современных удмуртских поэтов, живущих в селе. Может, потому, что поэтесса живёт рядом с природой, в её поэзии природа особенно образна и ощущаема. Прежде всего, это касается произведений, посвящённых осени. Анализируемое нами стихотворение Екатерины Макаровой отличается особым настроением – это своего рода признание в любви к осени. Даже можно говорить о зарождении и развитии этого чувства – от «*нравится влюбляться*» до «*нравится любить*» (Макарова 2006).

По мнению учёных, «одной из единиц измерения художественного текста и его перевода является слово» [Остапова 2016: 60]. Предметом нашего анализа являются глаголы в инфинитивной форме, поскольку, как нам видится, они являются эмоциональным стержнем развития лирического сюжета данного произведения.

Итак, стихотворение построено на шести глаголах в инфинитивной форме:

Мыным кельше синмаськыны (нравится влюбляться)

Тынад востэм чебередлы.

Кельше, кельше шумпотыны (нравится, нравится радоваться)

Мозмись, пурьсь синъёсдылы.

*Пальпотондэ но сюлэмам
Выжыкылэз кадь **возыны (хранить)**
Мыным **кельше, кельше** тынад
Синвуосад **пыласькыны (купаться.)***

*Зарнивуам йырсиостэ
Тымет вылын **лэйкатыны (качать),**
Сйзъыл куазе, мыным **кельше,**
Кельше тонэ яратыны (нравится любить).*

Мы выделили и слово «кельше» – «нравится», которое определяет отношение лирической героини к действию, выраженному инфинитивом. Рассмотрим, как представлены зарождение и развитие любви к осени в переводе, выполненном нами (Макарова 2007). Глаголу *кельше синмаськыны/ нравится влюбляться* точного аналога нет. В переводе с первой строки заявлено, что лирической героине любима красота осени:

А менам муса тэнад мич / Мне любима твоя красота.

В обоих текстах красота осени скромная:

Удмуртский:

Тынад востэм чебередлы / твоей скромной красоте

Коми:

Мед сійӧ абу вывті басӧк / пусть она не слишком приукрашена.

Вместо инфинитива «синмаськыны» – прилагательное «муса». Но уже в следующей строке мы видим коми слово «син» – «глаз», которое перекликается с удмуртским словом «**син**маськыны». Такие примеры доказывают родство двух языков, и, видимо, позволяют проследить этимологию слова «влюбляться» – «син (глаз)» – *синмасьны (перемиваться)*.

На удмуртском первые две строки первой строфы

*Мыным кельше **син**маськыны*

Тынад востэм чебередлы.

Мне нравится влюбляться

В твою скромную красоту.

Перевод этих двух строк на коми язык:

А меным муса тэнад мич,

Кӧть сійӧ абу вывті басӧк

А мне любима твоя красота,

Пусть она не слишком яркая.

Слово «красива» в данном случае переведено коми-пермяцким словом «басӧк».

Но удмуртская строка в данном тексте перекликается с третьей и четвёртой строкой первой строфы коми текста:

И тэнсьыд рудов синма видз

Ме синмӧн корся дзик быд асыв.

И твой сероглазый луг

Я глазами выискиваю каждое утро.

В данном случае действует приём компенсации, при котором потеря при переводе компенсируется другими средствами.

Второй инфинитив оригинала – «шумпотыны / радоваться».

Кельше, кельше шумпотыны

Мозмись, пурьсь синъёсыдлы.

Нравится, нравится радоваться

Печальным серым твоим глазам.

И в этом случае здесь текст оригинала близок к приведённой выше строке. Выражение «*Радоваться печальным серым глазам*» удмуртского текста в коми тексте выражено «*Я глазами выискиваю каждое утро*». И в том, и другом тексте глаза серые. Но если в удмуртском тексте «*синъёс / глаза*» никак не конкретизированы, и остаётся только догадываться, символ чего – «*Мозмись, пурьсь синъёс / печальные, серые глаза*», то в коми тексте сероглазым назван луг.

И тэнсьыд рудов синма видз

Ме синмӧн корся дзик быд асыв.

И твой сероглазый луг

Я глазами выискиваю каждое утро.

Глагол оригинала «шумпотыны / радоваться» переведён двумя строками. Расширение образа с привлечением близких по значению слов удмуртского и коми языков дает возможность более детально охарактеризовать ощущение радости, хотя и меняет структуру строфы. Но

еще раз подчеркнём, что конкретизация образа глаз никак не связана с их образом в оригинале.

Во второй строфе оригинала снова два инфинитива: *возьыны / хранить* и *пыласькыны / купаться*.

*Пальпотондэ но сюлэмам
Выжыкылэз кадь возьыны*

*И улыбку твою в сердце своём
Как волшебство хранить.*

В переводе это звучит так:
*И съёлём кудйё тэнсьыд нюм
Ме медся донатор моз дзеба.*

*И в сердце твою улыбку
Я прячу (спрячу) как самое дорогое.*

Глаголу удмуртского языка «*возьыны / хранить*» есть коми аналог – глагол «*видзны / хранить*», однако в переводе использован глагол «*дзеба / прячу (спрячу)*», причём не в форме инфинитива. Этот глагол близок по значению к глаголу «*возьыны / видзны*». Возможно, здесь сыграло свою роль требование рифмы к слову «*лэбув / навес*».

Второй глагол в инфинитивной форме – «*пыласькыны / купаться*»:
*Мыным кельше, кельше тынад
Синвуосад **пыласькыны**.*

*Мне нравится, нравится в твоих
Слезах купаться.*

В коми варианте представлен такой текст:

*Ме тэнад синвайсь ог ум –
Да ог кут корсьны косджык лэбув.*

*Я не пресыщусь твоими слезами –
И не буду искать более сухой навес.*

В том и другом варианте есть слово «*синва / синву / слёзы*». Вероятно, слёзы – это дождь. Только в удмуртском варианте лирической героине нравится купаться в слезах осени, а в коми тексте героиня говорит о том, что она не пресытится слезами осени, и не будет искать навес,

чтоб спрятаться от них. В принципе, в обоих вариантах говорится об одном и том же, но как краток оригинал, и как «расширен» перевод. В переводе тоже присутствует инфинитив в его отрицательной форме: «*ог кут корсьны / не буду искать*», но он никак не встраивается в структуру оригинала в его развитии любви. Это просто замена действия. До этого времени мы видим осень нерасцвеченную, как раз такую, какую мы привыкли видеть в стихотворениях Екатерины Макаровой. Следующая строфа меняет этот образ.

*Зарнивуам йырсиостэ
Тымет вылын лэйкатыны.*

*Золотые волосы твои
На пруду качать.*

Появляется цвет «зарни / золотой». Это цвет осенней листвы. Инфинитив «лэйкатыны / качать». Слово так же близко по звучанию и значению коми слову «лайкӧдны / качать», но переводчик ушёл от темы воды и нашёл другой глагол, характеризующий осень – «эз чусмы / не потускнел (цвет золота)». В данном случае мы наблюдаем прием **конкретизации**. Если в оригинале просто «*зарнивуам йырсиостэ / твои золотые волосы*», и можно лишь благодаря фоновым знаниям догадываться, что это листва, то в коми тексте есть прямое указание на это:

*И тэнад юрси – зарни кор,
Мед эськӧ некор эз и чусмы.*

*И твои волосы – золотая листва,
Чтоб никогда не потускнели.*

И последние две строки оригинала являются завершением, высшей точкой развития чувства, признания осени в любви.

*Сйзьыл куазе, мыным кельше,
Кельше тонэ яратыны.*

*Осенняя погода, мне нравится,
Нравится тебя любить.*

В коми тексте последние две строки повторяют первые две строки.

В начале:

*А меным муса тэнад мич,
Кӧть сйӧ абу вывті басӧк.*

*А мне любима твоя красота,
Пусть она не слишком яркая.*

И в конце:

*Тэ, арёй, **медся муса** морт,
И меным дона тайё муслун.*

*Ты, осень моя, самый любимый человек.
И мне дорога эта любовь.*

Конечно, в переводе тоже есть своё развитие – от «муса / любимый» до «медся муса / самый любимый», но это немного другое развитие. В оригинале стихотворение заканчивается:

*Сйзбыл куазе, мыным кельше,
Кельше тонэ яратыны.*

*Осенняя погода, мне нравится,
Нравится тебя любить.*

Выражение «кельше синмаськыны / нравится влюбляться» начала стихотворения «превратился» в выражение «кельше яратыны / нравится любить». Любовь достигла высшей точки.

В переводном тексте нет того колдовства, навеваемого повторением слова «кельше» с его инфинитивами. *Кельше синмаськыны, кельше, кельше шумпотыны, кельше, кельше пыласькыны, кельше, кельше яратыны*, да и финитные глаголы в переводе не могут иметь силы «вечно-го» времени инфинитива оригинала. Хотя в тексте оригинала настоящее время – «кельше / нравится (сейчас)», и в переводе тоже есть глаголы настоящее время – «корся», но в переводе время разное, поскольку глаголы в разном времени. Глагол «дзеба» по форме вроде может быть тоже настоящего времени

*И сьёлём кудйё тэнсьыд нюм
Ме медся донатор моз **дзеба**.*

*И в сердце твою улыбку
Как самое дорогое **прячу**.*

«Прячу в сердце» – в русском языке вполне может быть и в настоящем времени, и в будущем, а вот в коми тексте в сочетании с объектом в иллативе «сьёлём кудйё / в сердце» глагол «дзебны / прятать» может

быть только будущего времени. В настоящем времени глагол «*дзёбны / прятать*» в данном контексте может быть только в сочетании с дополнением в инессиве – «*сьбёлм кудйын / в сердце*».

В будущем же времени и три других глагола этого стихотворения в переводе:

*Ме тэнад синваысь ог ум –
Да ог кут корсьны косджык лэбув.*

*Я слезами твоими не пресыщусь,
И не буду искать посуше навес.*

И следующий глагол: эз и чусмы

*И тэнад юрси – зарни кор
Мед эськё некор эз и чусмы.*

*И твои волосы – золотая листва
Чтоб никогда не потускнела.*

Итак, данное стихотворение в оригинале построено на повторе слова «нравится» и глаголами в инфинитивной форме, что придаёт произведению неповторимый ритм колдовской музыки, заговора, тайны. Стихотворение наделено лирическим сюжетом зарождения и развития любви от «*нравится влюбляться*» до «*нравится любить*».

В переводе структура стиха меняется, и исчезает тайна любви. Словосочетание оригинала – инфинитив со словом «*нравится*» – не встречается ни разу. Произошла тотальная замена инфинитива близкими по значению словами – прилагательными, существительными, финитными глаголами.

Литература

1. Макарова Е.В. Шёдон : кылбуръёс. – Ижевск : Удмуртия, 2006. – 80 с.
2. Макарова Е.В. Стихотворения (переводы на коми язык Н. Обрезковой), Арт. 2007, № 2.
3. Остасова Е. В. Коми литература в зеркале перевода [Электронный ресурс]: монография: текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Е.В. Остасова; Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина». Электрон. текстовые дан. (1,0 Мб). Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2016. – 86 с.

Остапова Елена Васильевна,
доцент кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения
СГУ им. Питириима Сорочкина,
г. Сыктывкар
ost-1966@yandex.ru

**Языковые особенности перевода на русский язык дилогии
В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтӧм лов» /
«Неприкаянная душа»**

Аннотация. В статье рассматривается перевод на русский язык дилогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтӧм лов» / «Неприкаянная душа». Анализ экспрессивной лексики оригинала и перевода позволил предположить, что переводной текст, осуществлённый в начале 80-х гг. XX века И. Рыжиковым, больше предназначен для индивидуального чтения, ознакомления с творчеством талантливого коми поэта и драматурга, в то время как произведение Нёбдинса Виттора, созданное в начале 20-х гг. XX века, предназначено для совместного действия зрителей и актёров, объединяющего народ коми.

Ключевые слова: В. Савин, пьеса, перевод, коми язык, русский язык.

Elena V. Ostapova,
Associate Professor of the Department
of Komi Philology,
Finno-Ugric and Regional Studies
of Syktyvkar State University
ost-1966@yandex.ru

**Language peculiarities of Russian translation of dilogy by V. Savin
“Rayin” / “In Paradise” and “Inastum Lov” / “Restless Soul”**

Summary. The article deals with the Russian translation of the dilogy of V. Savin “Rayin” / “In Paradise” and “Inastum Lov” / “Restless Soul”. An analysis of the expressive vocabulary of the original and the translation suggested that the translated text was carried out in the early 80s. XX century

I. Ryzhikov, more intended for individual reading, acquaintance with the work of a talented Komi poet and playwright, while the work of Nebdins Vittor, created in the early 20s. XX century, intended for the joint action of the audience and actors, uniting the Komi people.

Key words: V. Savin, play, translation, Komi language, Russian.

В российской науке начиная с 1990-х гг. проводится работа по переосмыслению классического наследия отечественной литературы. В Республике Коми по творчеству талантливого поэта и писателя начала XX века, основоположника коми драматургии и театра В.А. Савина проводятся конференции, издаются сборники трудов. В фокусе внимания исследователей – лирика, драматургия, проза автора, его общественно-политическая деятельность. В то же время на сегодняшний день крайне мало внимания уделено переводным драматургическим произведениям В. Савина. Между тем, насущная необходимость разработки данной темы продиктована языковой, культурно-образовательной ситуацией, сложившейся в российском обществе.

На сегодняшний день в книге «Звени, моя парма» (1983) опубликованы четыре драматических произведения Нёбдинса Виттора, В.А. Савина, переведённые на русский язык И. Рыжиковым: «Кулёмдинса бунт» / «Бунт в Усть-Куломе», «Райын» / «В раю», «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа», «Шонді петігён дзоридз космис» / «При восходе солнца цветок увял». Для перевода выбраны самые лучшие пьесы автора, давно вошедшие в школьные программы по коми литературе (в том числе переводной), в течение десятилетий время от времени появляющиеся в репертуаре коми театра.

В настоящее время ключевым понятием в исследовании разножанровых произведений Нёбдинса Виттора является понятие карнавальности. Об этом пишут В.А. Лимерова, Г.К. Лисовская. Наиболее подробно данная тема в отношении драматургии автора разработана в статье Н.В. Гориновой «К вопросу о карнавальном начале в диалогии В. Савина «Инасьтём лов» (неприкаянная душа)»: «Произведение В. Савина проникнуто пафосом смен и обновлений, пронизывающий его карнавальный дух стремится разрушить сложившиеся стереотипы, взорвать существующий мёртвый порядок, внести обновляющую стихию в старый, казалось бы, незыблемый и незавершённый мир. Главное действующее лицо диалогии – недавно умерший и разгуливающий

по раю и аду коми крестьянин Сюзь Матвей, – носитель карнавального начала, шут, ему присущи искромётный юмор, ирония. Его поведение носит разрушительный характер, он нарушает все возможные законы и правила внеземной жизни» (Горинова 2014: 35). По нашему мнению, принцип карнавальности наиболее полно воплощается в языке произведения, речи персонажей. На особую роль эмотивной лексики в создании языковой экспрессии в пьесах В. Савина указывается в работе В.М. Лудыковой «Нёбдінса Виттор пьесаясын экспрессия» / «Экспрессия в пьесах Нёбдінса Виттора» (Лудыкова 2014: 55–62). Ярким примером этому являются монологи Сюзь Матвея и его диалоги с персонажами рая и ада в диалогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа». С данной точки зрения можно рассмотреть монолог Сюзь Матвея, Матвея Сова, стоящего перед воротами рая. «Исключая русизмы, большинство из которых укоренено в языке коми, герой В. Савина произносит монолог, полный эмоций, удивления, недовольства, восхищения, сомнения, сожаления, надежды, жалоб, обиды, стеснения, великодушия, удовлетворения, робости, уверенности, гордости, недоумения, осуждения, прощения, радости <...> – и всё это – в одном абзаце с самого начала второго действия комедии <...> Уже с самых первых фраз самого первого появления героя комедии мы оказались в гуще человеческих чувств, владеющих им почти во всём многообразии, возможном в этих обстоятельствах. Это неожиданно и покоряет. Это говорит об авторском (и героя) полнокровном восприятии жизни, о готовности и умении выразить бушевающие их чувства точно и тонко, образно, интонационно богато. А значит, сразу раскрывает главные качества характера героя. Более того, в первом монологе Матвея – не только благодатная для артиста, исполняющего его роль, комедийная стихия, но и серьёзная драма разлученного с родиной и семьёй человека, осознающего утрату, но ещё надеющегося, что это не навсегда» (Латышева 2005: 5–6). В данном монологе значимыми, выполняющими роль эмоционального заряда во взаимодействии со зрителем, являются вводные слова, маркированные взрывными звуками «т», «тр» и «р»: «Аттö, зонмö», «ерöмаканьд», «трусъд», «трасича» означающие сетование, оплошность, досаду и т.д. Заметим, что они встречаются на протяжении всего текста. Приведём несколько примеров из монолога Сюзь Матвея.

«Раяд нинöмысь нин повны... **Аттö, зонмö!**.. Кыдзкö тай воан жö со райöдз, **ерöмаканьд!**.. (*Гöлöс кöнкö кылö: «Эн ёрчы, Матвей!»*)

Но?! Кодкӧ нӧ шыасис, кылӧ, али мый?.. Кодкӧ тай вӧлӧм кывзысьӧ, **трустыд!**.. (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!»). Матвей зэв сюся гӧгӧр вид-зӧдлӧ)» (Савин 1982: 72).

«А в раю... чего бояться?.. Ну и **диво!** Попал всё-таки в рай... (Слышится голос: «Не ругайся, Матвей!»)» (Савин 1983: 163).

«Му вылад велалӧ ёрчыны да танӧ телепит... Дыр-ӧ нӧ мянлы прӧступитчыныд? Он и тӧдлы ёртчыштчысяс... Кулігӧн тай сідз жӧ: Марпа видзӧдӧ менсьым лов петӧм да лёк ногӧн мыйкӧ лӧвтӧ, а ме думсь сӧтка да матька сы вылӧ. Кӧсья эськӧ шуны сылы: **«Тупкы, мися, Марпа, вомтӧ, трасича, да...»** (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!»)» (Савин 1983: 73)

«На земле ругался и здесь нестерпёж. Не мудрено и оступиться, не заметишь, как выскочит нехорошее слово. Вот и перед смертушкой приключилось: сидит Марфа рядышком и ждёт. Когда отдам богу душу; плачет, стонет, а я про себя ругаюсь и сил нету, а хочется сказать ей: **«Да перестань ныть, Марфа, надоело...»** (Голос: «Не ругайся, Матвей!»)» (Савин 1983: 1630).

«Сигудӧк кындзи, нинӧм, **трасичаыд**, абу пуктӧма! (Гӧлӧс: «Эн ёрчы, Матвей!») Со! (Гораджыка пыр) Лои жӧ тӧян танӧ ёрчӧмысь ӧлӧдӧм!.. Траскӧмыд ӧд абу на **сӧткӧм** либӧ **маткӧм**. Вывтӧ жӧ тай тӧ **ерепенитчаннӧм**» (Савин 1982: 73) .

«Кроме сигудка ничего не положила, будь она неладна! (Голос: «Матвей. Не ругайся!»). Ну и ну! (Громко) Не успел в рай попасть, а у дверей уже одёргивают – не ругайся, мол! Да я не **чертыхаюсь** и не **матюгаюсь**. Слишком здесь **щепетильные**» (Савин 1983: 164).

Остались непереведёнными выражения «аттӧ, зонмӧ», «трустыд», «трасича», «ерӧмакань». Опускание вышеназванной экспрессивно-оценочной лексики в переводе привело к достаточно ощутимой эмоциональной нейтрализации всего текста на русском языке. Кроме этого, настоятельная просьба ангела «Не ругайся!» выглядит надуманной, так как именно вышеназванные слова воспринимаются им не только как несоответствующие «правилам проживания» в раю, но и «ругательными». Данная же лексика, будучи узнаваемой зрителем, словно устанавливает связь между происходящим на сцене и жизнью, между персонажем и зрителем. Для перевода на русский язык необходимо найти эквиваленты приведённым выше коми выражениям, при этом необязательно дать соответствие словарное, а скорее – соответствие эмоциональное, такие

устойчивые русские выражения, которые вызывали бы у зрителя соответствующий живой отклик. Есть и другой путь решения – оставить выражения непереверждёнными, но не опускать их в речи героя. Словесный текст в данном случае целенаправленно ориентируется на слушателя, устная речь рассчитана на ясное понимание, «мгновенное» восприятие, на живые действенные интонации.

Для многих произведений Нёбдинса Виттора характерно явление собственно интертекстуальности, образующей конструкции «текст в тексте», при которой, как пишет Н. А. Фатеева, «цитата активно нацелена на «выпуклую радость узнавания» (Фатеева 2000: 122). В тексте рассматриваемой диалогии встречаются цитаты с точной атрибуцией и тождественным воспроизведением образца, например, чтение «Псалтири» на русском языке, религиозная риторика попа и дьяка. Данные вкрапления в тексте и персонажами, и зрителем (читателем) воспринимаются, с одной стороны, привычно, с другой стороны, здесь возникает стилистическая и языковая оппозиция «своё – чужое». В переводе на русский язык стилистическая оппозиция сохранена, а языковая стёрта. В то же время, как справедливо отмечают многие исследователи, проявление самосознания, в том числе языкового, наиболее обостряется в ситуации «своё – чужое». На протяжении всего действия первой части диалогии «Райын» главным героем исполняются коми народные песни «Шондібанёй олёмой», «Рытъя шу кадё матушка», «Ме кё петі рытйысьны да», а также импровизации по мотивам данных песен. Как известно, «Шондібанёй олёмой» / «Солнцеликая жизнь» обратила на себя внимание собирателей еще в начале 1900-х годов. Как пишут исследователи, «пожалуй, ни одной песне не «повезло» так, как «Солнцеликой жизни». В период с 1901 по 1916 гг. Вихман, Фукс, Цембер, Лях записали около двадцати ее вариантов, то есть почти столько же, сколько всех остальных песен этого типа. «Солнцеликая жизнь» и сегодня является самой популярной песней коми. Пели и поют ее по любому поводу под гармошку, сигудок, чипсан, брунган» (Микушев 1979: 153). Без преувеличения можно сказать, что песня «Шондібанёй олёмой» является хранителем коллективной памяти народа коми, её мелодия и слова затрагивают самые глубинные душевные струны и в наше время. Такое же воздействие на души зрителей должна иметь песня в переводном русском тексте пьесы. По всей видимости, это должна быть либо русская народная песня, либо оригинал коми песни с отличным переводом.

«У каждого текста есть своя структура и контекст, которые во многом определяют масштаб его воздействия в «собрании сочинений» культуры. Значение некоторых из них столь велико и достигает таких глубин и далей, что их можно назвать ствольными текстами культуры <...> Стволовой текст – это своеобразная опора, ствольные тексты расположены в центре, в средоточии некоего культурологического идентитета» (Вейдеманн 2007:119–120). Время показало, что, как и коми народная песня «Шондїбаной оломой», так и диалогия Нёбдинса Виттора «Райын» и «Инасьтём лов» стали ключевыми, ствольными текстами коми культуры. И это обязательно нужно учитывать при переводе.

В нашей работе мы заострили внимание на двух существенных, пороговых, с точки зрения перевода, моментах воссоздания текста В. А. Савина на русском языке: передача эмоционально-экспрессивной лексики и конструкций «текст в тексте». Переводческая проблематика, конечно же, данными факторами, не ограничивается. Так, для осуществления адекватного перевода необходим скрупулёзный предпереводческий анализ языка произведений В. Савина, включая ритмико-интонационную структуру речи персонажей и диалоговый ритм текста; поиск лирического начала его драматургии; определение зрительской (читательской) рецепции в оппозиции «своё-чужое» в интертекстуальных связях произведения.

На сегодняшний день можно предположить, что переводной текст, осуществлённый в начале 80-х гг. XX века И. Рыжиковым, больше предназначен для индивидуального чтения, ознакомления с творчеством талантливого коми поэта и драматурга. В то время как произведение Нёбдинса Виттора, созданное в начале 20-х гг. XX века, предназначено для совместного действия зрителей и актёров, объединяющего народ коми.

Литература

1. Вейдеманн Р. Коллоквиум по эстонской литературе / Пер. с эст. М. Тервонен. Таллинн: Изд-во «КПД», 2007. – 168 с.
2. Горинова Н. В. К вопросу о карнавальном начале диалогии В. Савина «Инасьтём лов» (Неприкаянная душа) // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. – С.34–39.
3. Латышева В. А. Драма героя в комедии В. Савина // III Савинские чте-

ния: Материалы республиканской научно-практической конференции (Сыктывкар, 20–21 ноября 2003 г.). Сыктывкар, 2005. – С. 5–12.

4. Лудыкова В. М. Нёбді́нса Виттор пьеса́сын экспрессия // Художественный опыт литератур финно-угорских народов: общее и особенное. Сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (с международным участием) (Сыктывкар, 21–22 ноября 2013 г.). Сыктывкар, 2014. – С.55–62.

5. Микушев А. К., Рочев Ю. Г. Лирические песни // История коми литературы. Том 1. Фольклор / Отв. ред. А. К. Микушев. Коми кн. изд-во, 1979. С. – 134–155.

6. Савин В. А. Нёбді́нса Виттор. Вабергач. Пьеса́я. Лёсьо́діс да примечания́сё гижис Г. И. Торлопов. Водзкывсё гижис А. Е. Ванеев. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1982. – 368 л.б.

7. Савин В. А. Звени, моя парма. Стихотворения, поэмы, пьесы, рассказы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. – 256 с.

8. Фатеева Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. – 280 с.

Попова Римма Павловна,
зав. кафедрой коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения
СГУ, г. Сыктывкар
rimmapp@mail.ru

**Функции цветообозначений в коми-пермяцких
поэтических текстах**

Аннотация. Цвет имеет большое значение в жизни человека. Цветообозначающая лексика, как описательный элемент, может выступать в прямом значении и иметь дополнительное образное значение. Это находит свое отражение в художественной литературе. Колоризмы могут использоваться писателем с разными целями: для точного определения цвета предмета, как средство эмоциональной характеристики и как образное средство. Слова-цветообозначения становятся символами, сравнениями, метафорами, они демонстрируют отношение автора к описываемому предмету или явлению. Данная лексика в художественном произведении является выражением мысли автора; она указывает не только на смысловые значения, но и позволяет проникнуть во внутреннее эмоциональное состояние писателя.

Ключевые слова: Цветообозначающая лексика, эпитет, метафора, метонимия, коми-пермяцкие поэтические тексты, эмоционально-экспрессивная лексика, семантика.

Rimma P. Popova,
Head Department of Komi Philology,
Finno-Ugric and Regional Studies
of Syktyvkar State University,
rimmapp@mail.ru

Functions of color terms in the Komi-Permian poetic texts

Summary. Color is of great importance in human life. Color-marking vocabulary, as a descriptive element, can appear in a direct sense and have an additional figurative meaning. This is reflected in fiction. Colorisms can be used by a writer for different purposes: to accurately determine the color of

an object, as a means of emotional characteristics, and as figurative means. Color terms become symbols, comparisons, metaphors, they demonstrate the author's attitude to the object or phenomenon being described. This vocabulary in an artwork is an expression of the author's thoughts; it indicates not only semantic meanings, but also allows penetrating into the inner emotional state of the writer.

Key words: Color designating vocabulary, epithet, metaphor, metonymy, Komi-Perm poetic texts, emotional and expressive vocabulary, semantics.

Цвет всегда имел и имеет большое значение в жизни человека. Известно, что лексика со значением цвета является важнейшим средством создания словесного художественного образа в прозаических и, в особенности, поэтических текстах. Рассматриваемая лексика позволяет художнику слова представить изображаемое в непосредственной наглядности, «зримости». Слова со значением цвета реализуют в тексте, прежде всего, свои эстетические возможности, которые на лексическом уровне проявляются в многообразии семантических связей между словами. Слова – цветообозначения могут использоваться писателем с разными целями: как для точного определения цвета предмета, так и как средство эмоционально-экспрессивной характеристики, как образное средство. Слова-цветообозначения становятся эпитетами, сравнениями, метафорами, они демонстрируют отношение автора к описываемому предмету или явлению. В большинстве своём колоративная лексика в художественном произведении является выражением творческой индивидуальности автора; она указывает не только на смысловые значения, но и позволяет проникнуть во внутреннее состояние писателя, понять его эмоциональное состояние в момент написания произведения. Выбирая те или иные цветообозначения, автор в первую очередь основывается на тематику произведения, его проблематику, с тем, чтобы помочь читателю представить картину описываемого.

В научной литературе принята следующая классификация цветообозначений:

1. Основные (абсолютные);
2. Неосновные (оттеночные).

Основные цветоименования, в свою очередь, делятся на:

а) хроматические, которые называют семь цветов радужного спектра;

б) ахроматические, куда входят белый, серый, черный.

Все остальные цветообозначения называют оттеночными или основными (Брагина 1997: 84).

В данной статье хотелось бы остановиться на роли и функциях цветообозначающей лексики в поэтических текстах коми-пермяцких авторов Василия Климова, Людмилы Гуляевой и Анны Истоминой. Материалом исследования послужили поэтические произведения, собранные из различных сборников, а именно, «Тён и талун/ Сегодня и завтра» (1997), «Аркёт оча ки/ С осенью под руку» (2003) Василия Климова; «Годдэз да каддэз/ Времена и годы» (2001) Людмилы Гуляевой; «Нія локтасб... / Они придут...» (2003) Анны Истоминой. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью вопроса использования лексики цветообозначений в качестве выразительно-изобразительных средств и необходимостью осмысления роли цветообозначений в поэтическом тексте. Основными задачами исследования являются выявление семантической характеристики цветоименований в поэтическом тексте и установление сходства и различия в использовании слов со значением цвета авторами-мужчинами и авторами-женщинами. Всего проанализировано порядка 400 стихотворений. В рассмотренных поэтических текстах колоративная лексика встретилась более 150 раз.

Рассмотрение функционирования в текстах разных цветообозначений даёт возможность утверждать, что большую часть составляют основные хроматические цветоименования, а именно, *гёрд* «красный», *лöz* «синий», *зелёной* «зелёный» и *веж* «жёлтый». Встречается частое использование ахроматических цветов *чочком* «белый» и *сьöd* «чёрный». Из неосновных (оттеночных) цветов встречается лексема *зарни* «золотой».

Цветообозначающая лексика	Л.Гуляева	А.Истомина	В.Климов
Основная:			
Красный (гёрд)	6	10	9
Синий (лöz)	4	4	9
Зелёный (зелёной)	3	0	8
Жёлтый (веж)	1	7	8
Белый (чочком)	10	12	5
Чёрный (сьöd)	11	6	4

Серый (руд)	2	0	0
Неосновная: Золотой (зарни)	14	0	10
Серебряный (эзысь)	1	0	0
Седой (дзор)	3	2	1
Розовый (розовёй)	0	0	1

Остановимся подробнее на цветах и использовании их авторами в своих произведениях.

Следует отметить, что художественные произведения содержат в себе не только обозначения определённых жизненных фактов. Большое количество цветонаименований используются авторами для описания впечатлений, восприятий, оценки описываемого. Таким образом, кроме прямых номинаций, цветообозначения включаются в систему стилистических приёмов. Эпитеты и сравнения, метафорические выражения, сюжетные символы, в составе которых используются цветообозначающие компоненты, нашли широкое применение в коми-пермяцких поэтических текстах.

Одним из наиболее часто встречаемых цветообозначений в рассматриваемых поэтических текстах является лексема *görd* «красный». Люди с давних пор проявляли особый интерес к красному цвету. Во многих языках это слово обозначает красный цвет и вообще всё красивое, прекрасное как, например, в русском языке. Его символические значения очень многообразны и, порой, противоречивы. Красный цвет может, с одной стороны, символизировать радость, красоту, любовь, а с другой стороны – противостояние, вражду, войну. Красный цвет, прежде всего, ассоциируется с кровью. В пермских языках, как указывают В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев, данное слово восходит к общеперм. * *gord* «красный», в удмуртском языке *gorđ* «красный, рыжий», коми *görd*, ср. к. *gyrd* «кровь» (КЭСК 1999: 81). В поэтических произведениях рассматриваемых нами авторов красный цвет используется часто и может иметь разные значения. Чаще всего авторы используют данный цвет при описании природных явлений, солнца, предметов быта или окружающей среды. В этом случае лексема *görd* «красный» встречается в прямом значении, например: *Гöрд видзö воёма рябина* (Климов 2003:46) «Краснеется поспевшая рябина», *Рытокыс лёнь, и кöс, и мича, Кымöрыс веж*

да гӧрд дзоридза (Климов 2003: 74) «Вечер тихий, сухой и красивый, Небо жёлтое в красных цветах», *Арся веж листтэз, арся гӧрд листтэз, Тi кыдзи кулӧм чужӧмлӧн серӧммез* (Истомина 2003: 132) «Осенние жёлтые листья, осенние красные листья, Вы как улыбка на мёртвом лице», *Муніс котӧрӧн расӧ гӧрд гриббесӧ ӧктыны, Гӧрд чышьян сыліс рас пытикас, бытӧтӧ эз вӧв* (Истомина 2003: 216) «Побежала в лес собирать красные грибы, Красный платок растворился с цветами леса, как будто его и не было», *Рябина вылын ӧзйӧ эндӧм роз, Топ пу пасьталӧм гӧрд тусёка платье* (Гуляева 2001: 68) «На рябине горят оставшиеся грозди, будто дерево надело в красный горошек платье». Используемая в прямом значении цветовая лексика тесно связана с содержанием текста и с его динамикой. Данный способ прямой номинации используется, в основном, для воспроизведения бытовых деталей реального мира или деталей, связанных с какими-либо мыслями, воспоминаниями.

Однако встречается использование данного цвета не в прямом значении, когда лексема *гӧрд* не указывает на цвет. Из трёх авторов это более всего проявилось у В.Климова. В стихотворении «Олам да вылам» есть такие строчки: *Но гӧрд олансӧ ог видзчись – Сетас кин?* (Климов 1997:18) «Но красивой (букв. красной) жизни не жду – Кто же даст?» Сочетание *гӧрд олан* в значении «красивая, хорошая жизнь» не свойственно для коми-пермяцкого языка. Не встречается оно в этом значении и в паремиях и фразеологизмах. В данном случае мы не можем говорить о прямом калькировании, так как в русском языке так же нет сочетания *красная жизнь*, хотя в русском устном поэтическом творчестве лексема *красный* в значении хороший встречается довольно часто, например, «Хочешь красного потомства, с красной девицей сходишь». По нашему мнению, в данном примере имеет место ассоциативная метафора. Следует отметить, что сочетание «гӧрд олан» является, на наш взгляд, окказионализмом. Следующий пример с использованием непрямого значения лексемы *гӧрд* встретился в стихотворении «Тӧн и талун» В. Климова. Автор, описывая исторические события, в частности, Октябрьскую революцию 1917 года и гражданскую войну, использует цветообозначающую лексику при передаче политического состояния страны: *Тійӧ кылат гӧрд Октябрьсылісь гымсӧ? Одӧ? А ме кыла* (Климов 1997:13) «Вы слышите гром красного Октября? Нет? А я слышу», *Гора зыккезсянь горалӧни Империя, Гӧрд Петербургсянь рӧмтӧм Перемӧдз* (Климов 1997:140) «Громкие возгласы звучат уже в Империи, от

красного Петербурга до бесцветной Перми», *Гёрд дёрапасыс быдлаын вермалё, То и Урал гёрд ураён горалё* (Климов 1997:140) «Красный флаг всюду реет, Вот и Урал гремит красным ура», *Да лоас крепьтсья-крепьт, дзик кёрт, Советской республикаэзлён гёрд йитёт* (Климов 1997:143) «Да будет крепкой как сталь, Советских республик красный союз». В данном случае мы видим, что предмет имеет цвет своим символом и автором использована каузальная метонимия.

Синий цвет ассоциируется прежде всего с небом и символизирует вечность, бесконечность, доброту, верность. В рассматриваемых произведениях всех трёх авторов лексема *лёз* «синий», в основном, используется в прямом значении. Данное цветообозначение встречается с существительными *кымёр, ру, син, ва, би, море, цветтэз, бабыв*: *А лёз ваыт сё небыт да сёдз. Иньва, Иньва!* (Климов 2003: 69) «А синяя вода всё ещё мягкая и чистая, Иньва, Иньва», *Миссьётё небо ва пытикын лёз синнэз* (Гуляева 2001:107) «Умывает небо в воде синие глаза», *Море нем вылё оз вачкись, Мыйкё чочком да лёз* (Истомина 2003:246) «А море ни на что не похоже, Что-то белое и синее». В нескольких примерах встретилось использование лексемы *лёз* «синий» в качестве метафоры: *А додяс мича нывка, И киас кузь пöлян. О, нывка – лёз бабывка, о, зарни шондöбан* (Климов 2003:78) «А в санях красивая девушка, И в руке дудочка. О, девушка – синяя бабочка, о, золотое солнышко», *Дзормöм ни юрсиыт, Öтмöдöрö резсьöм-киссьöм, Уна лёзкодь биён* (Истомина 2003:104) «Поседели уже волосы, В разные стороны легли синими огоньками». Лексема *лёз* чаще, чем другие цветонаименования в поэтических произведениях, встречается с различными суффиксами, а именно суффиксом неполноты качества *-кодь* и уменьшительным суффиксом *-ыник*: *Видзыс и лёзкодь и невна вежöв* (Климов 1997: 30), «Луг синеватый и немного желтоватый», *Лёзыник синоккеза-быз-баз, синкыммез – быгалёмось шептез* (Климов 1997:109) «Голубоглазая, брови – выцветшие колосья». Следует отметить, что данное цветонаименование довольно редко используют в своих произведениях А. Истомина и Л. Гуляева.

В коми-пермяцком языке для передачи зелёного цвета используют лексемы *веж/виж* и заимствованное из русского языка *зелёной*. Заимствованная лексема *зелёной* в коми-пермяцком языке преобладает, поскольку лексемы *веж/виж* чаще используются для обозначения жёлтого цвета. *Зелёной* «зелёный» – цвет травы и листьев. Он сим-

волизирует юность, надежду, нежность. Зелёный цвет – это один из любимых и наиболее часто употребляемых цветов В. Климова. В небольшом стихотворении «Олангажа рём» автор шесть раз использует данное цветоименование: *Кинкё веж рёмён шогалё, Кинкё лёз цвет-тэз околё, Менам жё пым радейтём – Тулыслён зелена рём... Нельки зелёнй боби Меись кусотё лёк би... Сьылё зелёнй кёбывка... Зелена ыббез да видз...* (Климов 1997: 27) «Кому-то нравится жёлтый цвет, Кто-то целует синие цветы, Моя же любовь – Зелёный цвет весны... Даже зелёные бобы гасят во мне злость... Поёт зелёный кузнечик... Зелёные поля и луга...». Более того, автор задаётся вопросом: *Может, зелёнй и эм, Пым радейтёмыслён рём?* (Климов 1997: 27) «Может быть, зелёный – цвет крепкой любви». В данных примерах обращает на себя внимание форма *зелена* (*зелена ыббез, тулыслён зелена рём*), образованная по аналогии с формами *зарниа, шондиа*. Данный цвет не ассоциируется у авторов с завистью, злостью (так, в русском языке может быть зелёная зависть и позеленеть от злости). Все образы, связанные с данным цветом, несут в себе значение свежести, чистоты, например: *Зелёнй рёмын пизьё и видз, и рас, и вөр* (Гуляева 2001:19) «Зелёным цветом кипит и луг, и роща, и лес», *Берегё вартчё зелёнй саридз* (Гуляева 2001:111) «Об берег бьётся зелёное море». Необходимо отметить, что лексема *зелёнй* не была зафиксирована в рассмотренных нами произведениях А. Истоминой.

Веж «жёлтый» с древности воспринимался как застывший солнечный цвет. В поэтических произведениях это цвет осени, цвет зрелых колосьев и увядающих листьев. Поскольку авторы часто используют неосновное цветоименование *зарни* «золотой», который в какой-то степени заменяет жёлтый цвет, то они не так часто прибегают к данному цветообозначению. *Веж* «жёлтый» фигурирует чаще при описании природы. Однако даже при незначительном использовании лексема *веж* встречается в метафорических сочетаниях, в значениях, не указывающих на цвет. Данная лексема может нести значения «свежий, новый, светлый»: *Горадуллезянь видзыс вежётём, И руалё-навьялё веж тёв. Ме веж сказкаён гажёс ыждёта, И кажитчё, что гажё вежёв* (Климов 2003: 66) «Луг желтеет от купальниц, И веет свежим (букв. жёлтым) ветром. Я новой (букв. жёлтой) сказкой радость умножаю, И кажется, что радость моя светлая (букв. жёлтая)».

Белый цвет символизирует чистоту, незапятнанность, невин-

ность, радость. Он ассоциируется с дневным светом. *Чочком* «белый» цвет чаще всего встречается в произведениях А. Истоминой. Сочетания с прилагательным *чочком*, как правило, используются в качестве эпитетов и имеют положительную семантику: *Чочком кай лэбышті му весътот...Чочком бордыс – чочком свет пасьта* (Истомина 2003:68) «Белая птица летит над землёй, Белое крыло над всем белым светом», *Чочком вөввез чож табунён, Лэбзисё оланёттям* (Истомина 2003:174) «Белые лошади быстрым табуном, Пролетели через всю мою жизнь», *Слепöйсялёмась öшиннэзö морозсянь, Чочком синнэзён шуч ме пыр-йөт дзарьялöны* (Истомина 2003:226) «Ослепли окна от мороза, Светлыми (букв. белыми) глазами смотрят сквозь меня», *Менам подружкаэз чочком кыззоккез* (Гуляева 2001:119) «Мои подружки белые берёзы».

Золотой цвет, в основном, трактуется как символ вечной жизни, силы и всего могущественного. Цветонаименование *зарни* «золотой» активно встречается в произведениях Л. Гуляевой и В. Климова. Он сочетается как с конкретными, так и абстрактными существительными, как то: *зарни тулыс* «золотая весна», *зарни лун* «золотой день», *зарни рас* «золотая роща», *зарни крыша* «золотая крыша», *зарни козин* «золотой подарок», *зарни ю* «золотая река», *зарни шы* «золотой звук», *зарни юра* «златовласый», *зарни югөр* «золотой луч», *зарни лöнь* «золотая тишина». Данный цвет авторы используют в составе эпитетов, ассоциативной и оценочной метафоры. Лексема *зарни* включается в сравнительные обороты: *Кöда и шондiтöг зарни югөрөн моз орсö* (Климов 1997:145) «Который и без солнца играет золотым лучём», *То сьылö, сывьалём ма дукөн, дзик зарни пелькытишеза ныв* (Климов 1997:168) «То поёт, наполнившись запахом мёда, Точно как девушка с золотыми серёжками», *Югьялö бипурён, оз куслы, горалö, дзик зарни силькан, дзор финно-угорскöй искусство, Виль Пармалөн югмём олан* (Климов 1997:32) «Горит костром, не угасая, звенит, словно золотой колокольчик, седое финно-угорское искусство, светлая жизнь новой Пармы».

Таким образом, цвет занимает особое место в поэзии, символично отражая мысли и чувства автора и лирического героя, создавая эмоциональный фон стихотворения. Более того, цвет может быть использован при создании неповторимых авторских образов. Семантика цвета, как правило, близка к его национальной символике, однако каждый автор интерпретирует и детализирует значение цвета по-своему, что придаёт лирике особый колорит и уникальность.

Анализ коми-пермяцких поэтических текстов показал, что цвето-обозначающая лексика может быть использована как в номинативной функции, так и в качестве стилистических приёмов с целью создания художественной образности и выразительности.

Литература

1. Брагина А. А. Цветовые определения и формирование новых значений слов и словосочетаний // Лексикология и лексикография. – М., 1997. – С.73–105.
2. Гуляева Л. П. Годдэз да каддэз. Времена и годы: Сборник стихов на коми-пермяцком и русском языках. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2001. – 224 с.
3. Истомина А. Ю. Нія локтасё. Они придут: стихи на коми-пермяцком и русском языках. – Кудымкар: Коми-Перм.кн. изд-во, 2003.– 304 с.
4. Климов В. В. Тён и талун. Вчера и сегодня: стихи на коми-пермяцком языке. – Кудымкар: Коми-Перм.кн. изд-во, 1997. – 272 с.
5. Климов В. В. Аркёт оча ки. С осенью под руку: стихи на коми-пермяцком и русском языках. – Кудымкар: Коми-Перм. кн. изд-во, 2003. – 200 с.
6. КЭСЯ – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка – М.:Наука,1970. – 430 с.

Пунегова Галина Васильевна,
старший научный сотрудник
ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН
galina.syktsu@mail.ru

Средства отражения и обозначения интонации в коми художественных произведениях

Аннотация. Работа посвящена рассмотрению средств выражения и обозначения интонации в коми языке. Выразительные возможности и функции интонации описаны на примере авторских обозначений просодических характеристик речи в художественном тексте коми прозаиков.

Ключевые слова: коми язык, просодика речи, интонация, тон, тембр, ритм, мелодика, авторские ремарки.

Galina V. Punegova,
Senior researcher of Komi Science Centre,
Ural Branch of RAS, Syktyvkar
galina.syktsu@mail.ru

Means of expression and designation of intonation in komi works of art

Summary. The paper is devoted to the means of expression and designation of intonation in the Komi language. Expressive possibilities and functions of intonation are described on the example of author's designations of prosodic characteristics of speech in the literary text of Komi prose writers.

Key words: the Komi language, prosodic speech, intonation, tone, timbre, rhythm, melody, author's remarks.

Интонация является объектом исследования не только в языкознании (фонетике, фоностилистике, синтаксисе, лингвистике текста), но и в литературоведении (анализ текста), физике (акустика), а также в других отраслях науки. В зависимости от исследовательских задач конкретной науки варьируется представление о сущности интонации, а также её функциях. Например, в акустике и в близкой ей экспериментальной фонетике анализируется физическая сторона интонации, определяют

ся параметры компонентов интонации: тон, тембр, ритм, длительность, мелодика, сила и др. Говорящими и читающими она осознаётся и воспринимается как явление звучащее, представленное в речи комплексом акустических компонентов. Анализ отражения интонации в текстах художественных произведений коми прозаиков показал, что одни авторы интонацию практически «не замечают», другие – наоборот, постоянно и максимально используют её выразительные возможности. В последнем случае за интонацией (прежде всего за голосом или тоном) в речи действующих лиц закрепляется функция выражения и детализации множества эмоционально-стилистических различий содержания. Ввиду невозможности передачи голоса на письме, интонационные особенности, характеризующие речь персонажа в прозаической литературе, специально отмечаются в словах автора. Нередко информация о тональности высказывания, а также некоторые особенности голоса собеседников могут содержаться и в речи самих героев художественной литературы. Данное исследование посвящено описанию языковых функций интонации в тексте прозаических произведений, в частности, особое внимание сосредоточено на средствах передачи коммуникативного типа высказывания и речевых актов.

Следует отметить, что интонация понимается здесь в самом широком значении этого слова. Обращаются во внимание важнейшие черты интонации как системы: набор её функций, средств и единиц. Образно характеризуя речь своих героев, прозаики передают те особенности, которые относятся к сфере фразовой интонации, поэтому нами выявлялись возможности передачи интонационных оттенков (тональность высказывания) в контексте реплики и сопровождающих их авторских ремарках, а также некоторые особенности голоса в коммуникативном высказывании.

Интонацию коммуникативного высказывания на письме можно передать лишь лексически, иногда также и графическими средствами. Писателями широко используются в произведениях возможности таких средств отражения интонации, как шрифтовые выделения отдельных фраз, особые приёмы написания слов, авторские знаки препинания. Всё это позволяет выделить особенность авторского стиля. Но наиболее тонко и выразительно интонация персонажа на письме передаётся словами автора, с помощью которых раскрывается тон или голос тех или иных произнесённых слов и фраз, например:

Йёз костысь водзё петіс Вась Наста да, Иван вылё дзоргёмён, гораа, лэчыд гёлёсён шуис: – Ме ... медводз пыра бригадаё... (Пыстин 1987: 178) «Из толпы людей вперёд вышла Вась Наста и, уставившись на Ивана, громко, резким (букв. острым) голосом произнесла: – Я ... первая вступлю в бригаду...».

Видзёдліс гёгёрбок. Нора, повзёйм гёлёсён сёсся шуис: – Ладно. Пескёс доддысь ректа да воа (Титов 1987: 190). «Оглянулся вокруг. Жалобным, испуганным голосом затем произнёс: – Ладно. Из саней выгрузу дрова и приду».

– Здорово, – лённика да акцентён сійё шуис миянлы (Игнатов 1998: 45) «– Здорово, – негромко и с акцентом сказал он нам».

Словесная характеристика интонации в тексте художественного произведения способна передавать самую разную информацию о говорящем, его характере и поведении. Так, достаточно часто отмечается и сам факт смены интонации в речи персонажа, который также раскрывается посредством слов автора, например:

– Позьё? – Владик небыда торс-торскерис сценабокса комната өдзёсё. Ышмылана шыасис гёлёсё везёмён (Безносовых 1985: 56) «– Можно? – Владик осторожно постучался в дверь, расположенную возле сцены. Шаловливо обратился, изменив голос».

Достаточно часто прозаиками ясно, точно и недвусмысленно передаётся смысл интонации, указывающий на характерный для героев произведений тон или голос, например:

– Тиша, тайё тэ? – кутишмкё чирём гёлёсён шыасис Зинаида Филаретовна пыді жырсяньыс (Безносовых 1985: 33) «– Тиша, это ты? – каким-то хриплым осипшим голосом отозвалась Зинаида Филаретовна из внутренней комнаты».

– Виттор Прокёс либё Семён Иванёс өд сэтчё, буракё, он пукты, – пискыля кывйён мургыльтіс Чикыш Степан Миш чай юигтырйи (Пыстин 1987: 182) «– Виттор Прокофия или Семён Ивана ведь туда, наверно, не поставишь – писклявым языком проямлил Чикыш Степан Миш, распивая чай».

Для более ясного толкования фразы героя, описываемые автором значения интонации, могут передаваться целым высказыванием. В них характеризуются разные особенности просодики речи, эмоции и эмоциональные состояния героя произведения, например:

– Кутишмджык тёдсаяс нё? – зільё юасьны сідз, быттьё оз гё-

гөрво, мый йылысь мунё сёрниыс (Торопов 2003: 423) «– Какие знакомые-то? – старается спросить так, будто не понимает, о чём идёт речь».

Довольно часто автор подчёркивает особенность интонации, её маркированность, характеризуя высказывание собеседника ярко и индивидуально, например:

– Да-да! – *Шуи ме, а ачым мыджси гырдызаясён пызан вылө.*

Шуи лышкыд, юралысьлөн кодь гөллөсён: весиг ачым чуйми, кысь-мый сэтшиёмыс друг петис (Торопов 2003: 126) «– Да-да! – сказал я, а сам упёрся локтями об стол. **Сказал роскошным, как у главы, голосом:** даже сам удивился, откуда и как вдруг так получилось».

– Боевой! – *ырөстис-бөрддзис* восьса морёса проходчик. **Лов дой-ыс и синва петмён вежалёмыс кылс сылөн бөрдёмас:** тыдалө, ачыс вөвлёма военнойён, и кутшиёма эськө көсийс лоны ёні фронт вылын жё, да он тай, буракө (Юшков 1981: 81) «– Боевой! – навзрыд заплакал с распахнутой грудью проходчик. Боль души и горькая (букв. до слёз) зависть чувствовались в его плаче: видимо, сам был военным, и как бы он хотел сейчас быть тоже на фронте, да не тут то было, видимо».

Иллюстрации из прозаических произведений показывают, что интонационные особенности настолько многогранны и разнообразны, что позволяют рассматривать особенности речи персонажей в художественных произведениях по группам. Так, целесообразно выделить характеристики тона и голоса персонажа, всевозможных сравнений, жеста, мимики и физиологических реакций, а также фонические глаголы (или глаголы говорения), при помощи которых авторами успешно иллюстрируются особенности интонации героев произведений.

Особенно детально в авторских ремарках произведений описывается уровень громкости персонажей, интенсивность звучащей речи. Благодаря использованию глаголов и наречий, характеризующих степень громкости, писателями мастерски, с особой чуткостью к звуковой стороне речи их героев описана интонация произношения – от шёпота до оглушительных звуков:

– тихий голос, который при просьбе может доходить до шёпота, описывается словосочетаниями: *аслысмосз ропкыны* «ворчать себе под нос», *мурөстны вомгорулас* «произнести негромко (букв. себе под нос)», *повзёймён вашнитны, повзёймён шөпнитны* «испуганно шептаться», *гусьён шөпкөдчыны* «втихомолку шептаться», *намышитны*

«бормотать» и др., например:

– *Некод абу, – мурѳтїс вомгорулас да котѳртїс туйлань, мурт-са рудѳбыс тѳдчѳ* (Сажин 1987: 80). «– Никого нет, – произнёс негром-ко (букв. простонал) и побежал к дороге, едва виден его силуэт».

– *Гриша, миянѳс... лыйласны?! – повзьѳмѳн ваинитїс* Михайлѳ дядь (Попов 1987: 71). «– Гриша, нас... расстреляют?! – с испугу прошептал дядя Михаил».

– *Тїанлы бурджык на кодкѳ югдас, – намышитїс* Ревекка. – *А ме нѳ мый вая, куш ачымѳс?* (Юшков 1981: 217). «– Вам кто-то получше ещѳ найдѳтся, – пробормотала Ревекка. – А я-то что принесу, только саму себя?»

– *Тѳ нѳ мый, Сашок? – повзьѳмѳн шѳпнитїс* батьыс (Торопов 1995: 66). «– Что с тобой, Сашок? – испуганно прошептал отец».

– *Кывзы, – копыртчывліс* Проньѳлань сїѳ да *пондїс гусьѳн шѳп-кѳдчыны*: – *Лѳччам... Ѵнї жѳ и лѳччам* (Федоров 1987: 202) «– Слушай, – склонился он к Прокофию и начал украдкой шептаться: – Спустим-ся... Сейчас же и спустимся» и др.;

– спокойный, уравновешенный голос описывается глаголами, которые передают членораздельные звуки человека: *висьтавны*, *варовитны* «говорить, рассказывать», *шуны* «сказать», *сѳрнитны* «говорить, разговаривать», *moidны* «рассказывать», *юѳртны* «извещать, уведомлять», *удтыны* «сказать, рассказать, сообщить (о чём-либо проступке), наговорить на кого-либо», *гаравны* «упоминать», *кай-тышитны* «вымолвить, произнести», *кывберитны* «болтать, пустословить; балагурить», *ошкыны* «хвалить», *тиѳкѳлдывайтны* «болтать» и др. Например: – *Босьт, ю, – небыдик шыѳн шуис* сылы Ѵксинь (Федоров 1987: 229) «– Возьми, выпей! – мягким голосом сказала ей Аксинья». – *Тѳныд вот шедѳ комыс, – гарышитїс* сѳсся (Юшков 1981: 342). «–Тебе вот попадается хариус – упомянула потом» и др.

Поскольку речевые глаголы используются в коммуникации, внутри семантического поля большая их часть представлена в группе лексической группировки глаголов межличностного взаимодействия, характеризующих обмен информацией людьми, познания, понимания, интерпретации мира окружающих его людей: *вочавидзны*, *кыввидзны* «отвечать», *юавны* «спросить, осведомиться», *тѳдмаvны* «узнавать», *норасьны* «жаловаться», *ошйысьны* «хвастаться», *чолѳмаvны* «приветствовать, поздравлять», *сѳрнитчыны* «договориться», *велѳдны*

«советовать, учить», *гѡгѡрвоѡдны* «объяснять», *вѡйпѡдны*, *кѡкѡдны* «уговорить», *ѡткывѡявны* «согласиться», *шыѡдчыны* «обратиться» и др. Речевой акт глаголами говорения проявляется как во владении речью, так и в выражении мыслей и эмоций, а также в обмене мнениями: – *Кытчѡ тѡнѡ чеччѡдны?* – *сикт кывтыд помѡ воѡм бѡрын юалис* Алик (Напалков, 2018: 119). «– *Куда тѡбя высадить?* – *подъезжая к нижнему концу селения, спросил Алик*». – *Серафим Андреевич, менам тѡ дѡнѡ ѡти корѡм*, – *шыѡдчис* Кузнецов (Напалков 2018: 124). «– *Серафим Андреевич, у меня к тебе есть одна просьба*, – *обратился Кузнецов*»;

– высокий (громкий) голос и резкий, отрывистый тон характерны для приказа или команды. В авторских ремарках используется большое количество наречий (*гора «громко», ярскѡба «отчетливо, чѡтко», лѡкысь «злобно, грубо», скѡрысь «сердито, со злостью», прилагательных (лѡчыд «резкий», ѡсь «резкий», гора «громкий», ыджыд «громкий, большой», чорыд «строгий, суровый») и других сочетаний для характеристики голоса и уровня громкости, например:*

– *Ме абу рак, медым бѡрлань кысыыны!* – *зѡв скѡрысь равѡстѡс Егор*, да *Пашка сѡсся кыв ѡз лысьт шуны, ышловзис сѡмын* (Куратова 1995: 15). «– *Я не рак, чтобы назад ползти!* – *очень злобно гаркнул Егор, после чего Пашка не посмел сказать и слова, вздохнул только*».

Пельк вѡраса, гора гѡлѡса, сѡйѡ примитѡс грузсѡ да сѡтѡс быттьѡ ставыслы приказ: – *Мунѡй сѡсся, мунѡй, лѡчѡй!* (Куратова 1995: 18). «... *громкоголосый, он принял груз и как будто дал всем приказ: – Идите потом, идите, езжайте!*».

Чѡткость (или раздельность) речевой фразы характерна для приказа, военной команды. Такой тип высказывания, в зависимости от разных факторов (ситуативных или эмоциональных), может сохраняться даже при отсутствии высокой степени интенсивности, характеризующейся в словах автора произведения, например:

– *Чеччыны!*

Горѡдѡс злыд дзуртан шыѡн, быттьѡ сѡмѡм дзир йылын нѡмнас вѡстывтѡм ѡдѡс (Изьюров 1987: 280).

«– *Встать!*

Крикнул натянутым скрипучим голосом, будто давно не открывавшейся двери на заржавленных петлях».

Значение приказа, наряду с восклицательными предложениями, нередко несут и вопросительные предложения, следующие за пове-

ствовательными. Звучащая речь в таких предложениях не отличается ни уровнем громкости, ни эмоциональным состоянием. Командный тон в таких высказываниях отмечается словами автора художественного произведения, например:

– *А тiянылы, Захарыч, да главнѡй механиклы дасѣтыны став оборудование, мед шахта стрѡитiскежлѡ ставыс вѡлі дасѣ, – компрессор, лебѣдкаяс, кабель и сiдз водзѡ. Гѡгѡрвоана?..*

Тайѡ кывсѡ Олег Александровичыс бытѣѡ эз юав, а крепыд точка пуктiс (Куратова 1995: 30).

«– *А вам, Захарыч, и главному механику подготовить всё оборудование, чтоб к строительству шахты всё было готово, – компрессор, лебѣдки, кабель и так далее. Понятно?..*

Этим словом Олег Александрович будто бы не спросил, а поставил твѣрдую точку».

В зависимости от ситуации нередко резкий порывистый тон может меняться на спокойный темп произнесения, который объясняется в словах автора. Причиной изменения тона может послужить изменение ситуации, общей атмосферы или обращение героя к другому собеседнику, например:

– *Ланѣтѡй, – чорыдакодѣ заводитiс Кѡсьта Ким, а сѣсся Ѳнѡпрей Гриш вылѡ видзѡдлѡм бѡрын нюмыс пѣтiс. – Мый нѡ шемѡс усин? Тайѡяс, видзѡда да, шемѡсмѡдiсны* (Попов 1994: 8). «– *Замолчите, – грубовато начал Кѡсьта Ким, а затем, взглянув на Ѳнѡпрей Гриша, улыбнулся. – Что удивился? Эти, смотрю, смутили тебя*».

Определѣнная плавность, напевность, мелодичность, мягкость голоса персонажей, описываемая авторами произведений в ремарках к высказываниям героев, типична для обращения с просьбой. Нередко в таких случаях голос героя характеризуется автором в сравнении с кем или чем-либо, как в следующем примере:

Сiйѡс пальѡдiс курѡг моз мелiа чуксалан гѡлѡсыс Игнат Анналѡн:

– *Сѣйѡй, сѣйѡй, радейтанныд кѡ... Ещѡ на эм дай, сѣйѡй...* (Осипов 1987: 279).

«Его разбудил нежно вхохчущий (букв. зовущий), как у курицы, голос Игнат Анны:

– Кушайте, кушайте, если нравится... Ещѣ ведь есть, кушайте...».

По признаку интенсивности речи просьба и мольба характеризуются авторами произведений тихим, иногда дрожащим голосом, а также шёпотом, при этом эмоции и речевые акты характеризуются замедленным темпом. В текстах художественной литературы авторами широко используются лексемы и сочетания лексем (*нора «жалобно», ньёжмыда «медленно», надзёник «тихонько, потихоньку», тэрмась-тог «неторопливо, не спеша», небыда «мягко», гусьён «тихо, шёпотом», лёня «спокойно», вомгорулын «про себя, негромко», шёпкёдёмён «шёпотом, бормоча», ваикёдны «шептать, нашёптывать», шёпкёдны «шептать, бормотать», гусьён сёрнитны «тихо, шёпотом, украдкой говорить», нурбылявны «мямлить, бормотать», кыскыны «тянуть», нюжёдны «тянуть» и др.*), которые детально передают как уровень громкости, так и темп речи персонажей. Кроме того, на интенсивность речи могут указывать и графические средства во фразе, например, многоточие внутри компонентов высказывания:

– *Митрей... сувтышитлы... – надзёник корис Ёстап* (Изъюров 1987: 263).

«– *Дмитрий... постой... – тихонько попросил Остап*».

– *Тэ эськё нетав, муцайтчан сёмын тані! – ярскёба жё вочааліс Вириная, сэсся небыдджыка нин водзёстіс:* – *Лэччыв да лёсьёд пыжсё* (Юшков 1981: 216).

«– *Ты бы вышел, мешаешься только здесь! – также резко ответила Вириная, затем уже помягче ответила: – Спустишь и подготовь лодку*».

Признаками военной команды могут служить высокая громкость, усиленная выделенность согласных и растяжки гласных. Средством их отражения во фразе является графическое изображение в виде повтора гласных и согласных, деления слова на слоги, а также изменение фонемного состава словоформы, достаточно близко характеризующей живую речь человека, например:

– *Смир-р-рно-о-о-о!* – *Кыліс команда* (Федоров 1987: 250). «– *Смир-р-рно-о-о-о!* – *Послышалась команда*».

При передаче большой громкости на письме прозаики мастерски используют также знаки слогораздела. Так читателями концентрируется внимание на звуковую сторону слова. Поскольку оно фонетически выделено, маркировано, поэтому и получает особую значимость во фразе, например:

Мыйкӧ горзис сійӧ (Туркин), но Павел эз вела в дизельяслӧн эргӧм понда.

– **На-со-снӧ-йы-нӧсь!** – **мый вынсьыс нин, буракӧ, горӧдӧс** Туркин (Юшков 1981: 256).

«Что-то кричал он (Туркин), но Павел не привык к рёву дизелей.

– В насосной! – со всей силы, видимо, крикнул Туркин».

Для зова, звательной интонации в прозаических произведениях большинства писателей без исключения типична растяжка гласных, например:

Дӧлӧдӧ-нуӧ, тӧвзӧ борда моз, пуркӧй сьӧд тиынӧн, горзӧ зверь моз (поезд):

– **Э-э-эй!** Код сэнӧ – ке-е-еж!.. (Чисталев 1980: 139).

«Несётся, мчится как на крыльях, валит чёрным дымом, воеет как зверь (поезд):

– **Э-э-эй! Кто там – посторонись!»**

Растяжка гласных также характерна и для обращения на большом расстоянии. Достаточно часто в этом случае удлинение гласного сосредотачивается в абсолютном конце слова или на последнем слоге, реже в начале слова, например:

– **Пиыйӧ-ӧ-ӧ-ӧй!** – горӧдӧс кодӧкӧ (Чисталев 1987: 40). «– **Бегите!** – крикнул кто-то».

– **Паика-а!** – аэропорт мыльк вылӧ нуӧдысь трӧпатӧ чой паны-дыс котӧртӧгтыр горзис Угор да шенасис кияснас. – **Паика-а!**

Валерия эз кольччы сысы, тиӧтши шенасис еджыд шляпанас, горзис батъыслы:

– **Пап-ка-а!** (Куратова 1995: 29).

«– Паика! – кричал Угор, поднимаясь по тропинке горы, ведущей к аэропорту, и махал руками. – Паика!

Валерия не отставала от него, тоже махала белой шляпой, кричала отцу:

– **Папка!»**

Нередко в интонационном оформлении встречаются разные виды коммуникативных типов высказывания, переход от одного типа к другому чаще всего сопровождается авторскими ремарками, которые детализируют их разновидность, например:

Зинаида Павловна сюся видзӧдӧс Устиныч вылӧ, ставнас ӧз-йыштӧс.

– *Он ылддчй? – и сэк жё горддс: – Збыль тай! Менам Лёша!* (Юхнин 1984: 59).

«– Зинаида Павловна внимательно посмотрела на Устиныча, её бросило в жар.

– Не обманываете? – и тут же воскликнула: – Точно ведь! Мой Лёша!»

Изменение интенсивности голоса может как «убывать», так и «нарастать». Следовательно, встречаются особые варианты фраз с так называемым набором просодических признаков. Так, например, коммуникативный акт просьбы-мольбы может «нарастать» от нормальной для этого типа громкости (не отмечаемой специально) до вопля, таким образом, изменяется интенсивность голоса героя, нередко сопровождающаяся ярко выраженной эмоциональной лексикой:

– *Викень дядь, едрона сила, бур кё колё, вешйы нянь дінсьыс, ми асьным пондам петкддлыны! – горддс Комбед Ёльк.*

– *Ачыд быдты да вёлись петкддлы!* – *воча горддс Викень да, ош лапаяс кодь сойяссё-кияссё паськддмён, шлапкысис-пуксис топыда суйём туся ыджыд мешккяс вылё.*

Сэки Комбед Ёльк шаркнитс-восьтс боксьыс кабурсё да помтём лдгунён сдзёддс пинь пырыс:

– *Тэд шудма, чеччы сэтись, кулацкёй морда!* (Торопов 1995: 38).

«– *Дядя Викень, едрёна сила, если по хорошему хочешь, отступись от хлеба, мы сами будем выносить!* – крикнул Комбед Ёльк.

– *Сам вырасти вначале, затем и выноси!* – в ответ крикнул Викень и, распахнув, как медвежьи лапы, свои руки, расселся (букв. плюхнулся-сел) на плотно набитые зерном большие мешки.

Тогда Комбед Ёльк с шумом открыл кабуру и с безграничным гневом процедил сквозь зубы:

– *Тебе сказано, встань оттуда, кулацкая морда!»*

В прозаических произведениях нередко встречаются достаточно интересные примеры, в которых отмечаются переходные коммуникативные типы, например, «полувопрос». Такой переходный тип может быть выражен сочетанием знаков вопроса с восклицательным знаком (!) во фразе в совокупности с авторской ремаркой, например:

– *Кызди?! – горддмкодь и артмис юалёмыс* (Куратова 1995: 46).

«– *Как?! – как крик получился вопрос.*

Указание на коммуникативный тип или его разновидность приоб-

ретаёт особое значение при недостаточности вербальных средств, например:

– *А-а-а?* – *мыкталыштіс* Самарин (Юшков 1981: 160). «– *А-а-а?* – *проямлил Самарин*».

– *М-м-м,* – *нюмуніс* Опонь (Шестаков 1987: 147) «– *М-м-м,* – *улыбнулся Опонь*».

В художественных произведениях свойственно использование разных звуковых средств в пределах одного речевого акта. К примеру, для убеждения, утешения или просьбы типичны, с одной стороны, низкий, мягкий тон, а с другой – быстрый темп произнесения, с использованием синтаксического повтора, например:

– *Гашкё, тшук, бурён кызкё ладмёдчам, – бёрдан гёлёсён нин корис мамыс.* – *Бурён вай кызкё-мыйкё...* (Попов 1994: 46).

«– *Может, сынок, по-хорошему как-то помиримся, – плачущим голосом просила уже мать. – Давай как-нибудь по-хорошему...*».

Нередко синтаксический повтор во фразах, в репликах героев меняет интонационные характеристики их речи. Звуковая организованность при повторе реплики стремится к более чёткому ритму, переходя к скандированию, например:

– *Всё. Меным тані нем вёчнысё. Ті кольчэй да больгёй, а ме муна (...).*

– *Всё! Всё! – деревня кузя мунігён горзіс Василий Александрович.* – *Эн веськёдчы воча, Филиппова Ираида Филиппьевна! Мыйён казяла – паньд локтан, кежа! Всё!..* (Шахов 1977: 102).

«– *Всё. Мне здесь нечего делать. Вы оставайтесь и болтайте, а я пойду (...).*

– *Всё! Всё! – кричал Василий Александрович, шагая по деревне. – Чтоб не встретилаь мне навстречу, Филиппова Ираида Филиппьевна! Как увижу, что идёшь навстречу, сразу сверну в другую сторону! Всё!...*»

Представляют особый интерес для исследования просодических характеристик также некоторые типы речевых актов, содержащие в себе двусторонний процесс – говорение и восприятие услышанного. При отражении в текстах коми художественной литературы речевой акт охватывает написание речи героев произведения и зрительное восприятие и понимание написанного. Достаточно часто интонацию в речевом акте можно распознать как с помощью отдельных графических обозначений,

так и с помощью авторских ремарок.

Основными компонентами интонации, используемые при передаче извинения, считаются небольшая интенсивность, медленный темп, тихий голос, пониженная чёткость дикции, минорное настроение собеседника, например:

– *Бабук, таво мыйкӧ кын эн?*

– *Эг, Аннуш, эг, некор, да и татишӧм уджыс кий мыйкӧ оз нин пыр. Тайӧ кывъяссӧ бабук шуис зэв нор, мудзӧм гӧлӧсӧн* (Нефедова 2014: 56).

«– Бабуля, в этом году что-то связала или нет?

– Нет, Аннушка, нет, некогда, да и такая работа что-то уже не под силу (букв. не идёт).

Эти слова бабуля сказала очень грустным, уставшим голосом».

– *Ачыд жӧ шулін, кыпыд лолӧн пӧ колӧ овны, а олан кокни руйн.*

– *Вӧв и сійӧ джӧмдылӧ, кӧть нӗль кока. Прӧстит, дед.*

Дед... Некор на тадзи Митин эз шулы сійӧс. Тайӧ кывъяс тӧдчис и шогсьӧм и каитчӧм (Рочев 1980: 41).

«– Сам же говорил, надо жить в приподнятом настроении, а живёшь легкомысленно.

– Лошадь и та спотыкается, хотя на четырёх ногах. Прости, дед.

Дед... Никогда ещё так не называл его Митин. В его словах ощущалось беспокойство и раскаяние (сожаление)».

Для обещания чего-либо больше подходит быстрый темп, иначе оно может приобрести оттенок неуверенности. В письменных текстах чаще всего встречаются речевые акты героев, сопровождающиеся вопробительнo-ответными реакциями, короткими предложениями, что и придаёт речи быстрый темп произношения. Так же при обещании в речи собеседника может присутствовать нагромождение согласных. В этом случае двойные согласные несут оттенок большей убедительности в обещании, как, например, в следующем диалоге:

– *Мамук, эн петкӧд, ой, эн петкӧд, ме сэсся ог кут.*

– *Кыв сетан – некор он кут?*

– **Кыв сета – некор ог кут** (Шахов 1985: 16).

«– Мамочка, не выноси, ой, не выноси, я больше не буду.

– Дашь слово – никогда не будешь?

– Даю слово – никогда не буду».

Интонацию осуждения, напротив, могут передавать растяжки гласных, в этом случае подходит медленный темп речи собеседника, например:

– *Да-а, – **нюжжкѣтис** комбинатса начальник. – Государство со карточкаяс бырѣдис, сѣй вѣляысь, а ті дзонь комбинат норма вылын пукѣданныд* (Юшков 1981: 183). «– *Да-а, – **протянул** начальник комбината. – Государство вот карточки ликвидировало, ешь сколько хочешь, а вы целый комбинат вынуждаете сидеть по норме*».

При плаче, нытье или вое замедляется темп речи, однако интенсивность голоса может изменяться от высокого до отрывистого и низкого. Характерным признаком для таких выражений является растягивание гласных звуков, например:

– ***На-ачки-ис!!!** – ловтѣ кырыштанаа омльишѣтис* Анук да уськѣдчис нянь мешѣкъяс вылѣ лизгымунѣм верѣсыс дѣнѣ (Торопов 1995: 39). «– *Убил!!! – разбередив душу провыла Анна и бросилась к упавшему от слабости на мешки хлеба мужу*».

– ***Кула. Ку-ула ме, – тіраліс батьлѣн гѣлѣсыс*** (Рочев 1980: 44). «– *Умру. Умру я, – дрожал голос отца*».

Также для таких выражений характерны повторы лексем, например:

– ***Эг, эг... Эг, дитяяс,** – повзѣѣмысла пиньясыс таркакылісны лым пиын пукалысь тѣѣткѣлѣн* (Попов 1987:68). «– *Нет, нет... Нет, дети, – стучали от страха зубы у сидящей в снегу тѣтки*».

Возражают собеседники, как правило, твёрдо, резко, для такой интонации характерна высокая степень интенсивности и быстрый ритм речи, например:

– *А нылыс кѣтъ бур? Гашкѣ, «кадра» кутѣшѣмкѣ?*

– ***Абу-у! – ыркмунлі** Павел* (Юшков 1981: 138).

«– *А девушка хоть хорошая? Может, «кадр» какой-нибудь?*

– *Нет! – рявкнул Павел*».

– *Разрешитѣй отсавны тіянлы.*

– ***Оз ков отсавны, – бытѣѣ вундышѣтис** Ахмировлысь кывѣяссѣ* Рита. – *Ми кыдзкѣ-мыйкѣ асьным нин* (Юхнин 1984: 202).

«– *Разрешите вам помочь*».

– *Не надо помогать, – будто отрезала слова Ахмирова Рита. – Мы как-нибудь сами*».

Типичны для этого речевого акта также наречия *гораа* «громко»,

ёся «резко», ёдйё «быстро» и др. Однако привлекает внимание читателя и речевой акт, в котором возражение собеседника передано в низкой степени интенсивности и в медленном темпе (на что указывают растяжки согласных). В этом случае указывается боязнь кого или чего-либо, а также замешательство или растерянность, например:

– *Ветлы тодмав, мый вёчсьё, – кутіс ыстыны вестёвёйёс.*

– *М-ме ог-г лысьт-т, – бёбьяліс (диал. заикался) вестёвёй, пель-помъясас юрсё скойис* (Федоров 1987: 243).

«– *Сходи узнай, что там делается, – стал отправлять вестового.*

– *Я не осмелюсь, – заикался вестовой, прижимая голову к плечам (досл. в плечи голову засунул)».*

Значение убеждения характеризуется обычно низкой интенсивностью, тихой, негромкой и спокойной, не слишком быстрой речью, например:

– *Босьт, ю, – небыдик шыён шуис* слыы Ёксинь (Федоров 1987: 229). «– *Возьми, выпей!* – мягким голоском сказала ей Аксинья».

Ярким признаком ругани, оскорбления являются затяжки начальных согласных в просторечной лексике как «сука», относящейся к ряду так называемых зоосемантических метафор. Бранная лексема передаёт ненависть, раздражение, гнев к кому-либо и формирует особый вид речевого поведения персонажа, например:

Зонмыд ырс чеччис пызан сайысь, кватитіс скамья вывсьыс съёд беретсё, пуктіс шырём юрас, сёдзёдышитіс:

– *С-с-сука!* – *и тэрыба мёдіс петанінлань* (Куратова 1995: 26).

«– *Парень быстро встал из-за стола, схватил со скамьи чёрный берет, надел на постриженную голову, процедил:*

– *С-с-сука!* – *и быстро направился к выходу».*

Упрёк-выговор, представляющий собой тип конфликтного общения, также может быть выражен различными языковыми средствами. Интонация такого общения может быть связана с повышенной чёткостью и раздельностью речи героев произведений, характеризуется особой ритмической структурой, например:

– *Анныс нё ко́ні? Ме чайті, сійё стада дорын. (...)*

– *Меным эз висьтав, – Митин жугыля видзёдіс муё, поліс стари-клён синъясысь. (...)*

– *Отлаын локтінный да ... мыйла немтор эз висьтав? – быд кыв зэв лабутнёя да нёджёй шуалис Вань дядь, быттьё ёсь көрт тувьяс*

сатийӧдліс морӧсас Митинлы (Рочев 1980: 29).

«— Где же Анна? Я думал, она возле стада. (...)

— Мне не сказала, — Митин грустно смотрел в землю, боялся глаз старика. (...)

— Вместе же пришли ... почему ничего не сказала? — каждое слово дядя Ваня выговаривал серьёзно и неторопливо, будто острыми гвоздями втыкал Митину в грудь».

Нередко при другой разновидности упрека может изменяться качество голоса, так называемый просодический тембр, а также нарушаться плавность речи собеседника, например: — *Кывзы, Ёльӧксан, мый тӧ баба моз гудрасян?! — гӧлӧс кыӧдӧс ӧні нин Кӧсьта Ким* (Попов 1994: 44). «— Слушай, Александр, что ты как баба сплетничаешь?! — на этот раз приподнял уже голос Кӧсьта Ким».

Интонация, как звуковое средство языка, является универсальным инструментом передачи информации, множества смысловых и эмоционально-стилистических оттенков содержания как в устной речи, её «первичном» проявлении, так и в письменной разновидности речи, её «вторичном» проявлении — в художественном тексте. Как правило, функциональные возможности интонации в письменной речи ограничены рядом условий её реализации. Однако в произведениях ряда авторов интонация выступает как особое средство изобразительности и своеобразной семантики. Это обусловлено целеустановкой прозаиков произведений передать выразительные интонационные возможности в тексте. Выразительные возможности человеческого голоса, его интонационных оттенков практически безграничны. Они широко представлены как в повседневном устном речевом общении, так и в письменном тексте, передающем речь героев художественных произведений. На письме большинство писателей выразительно передают интонацию своих героев: приводят разные шрифтовые выделения, используют особый порядок слов и авторскую пунктуацию, диалог сопровождается ремарками автора произведения. Помимо традиционно выделяемых голосовых характеристик в речи персонажа, в прозаических произведениях встречаются и специфическое интонационное оформление, которое находит отражение в некоем так называемом наборе просодических признаков, сознательно включенных автором произведения в коммуникативный акт, что позволяет говорить о ярком и индивидуальном подходе к звуковой стороне речи своих героев.

Литература

1. Васильев Л. М. Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения. – Уфа, 1981. – 72 с.
2. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – Изд. 2-е, доп. – М., 2009. – 192 с.
3. Винокур Т. Г. К характеристике говорящего: Интонация и реакция // Язык и личность. – М., 1989. – С. 11–23.
4. Земская Е. А. Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. – М., 1979.
5. Изъюров И. В. Ёстаплён туй // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 255–263 л.б.
6. Ковалев В. П. Звучащая речь в произведениях А.И. Куприна // Вопросы стилистики. – Вып. 13. – Саратов, 1977. – С. 100–114.
7. Кочеткова Т. В. Глаголы говорения в русской разговорной речи: Автореф. канд. дис. – Саратов, 1978.
8. Куратова Н. Н. Аддзыслам на тшук: Повесьтяс да висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 240 л.б.
9. Напалков В. Е. Ёёг каллян: Роман, повесьтяс, кывбуръяс. – Сыктывкар, 2018. – 416 л.б.
10. Нефедова Ю. Кад пыр сёрни // Войвыв кодзув. – 2014. – 6 №. – 55–64 л.б.
11. Осипов И. А. Игнатъевна // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 275–280 л.б.
12. Попов А. В. Мыйсяма йёз: Повесьтяс, висьтъяс, пьесаяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1994. – 272 л.б.
13. Попов Н. П. Сём съöd кымöр моз // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – С. 66–74.
14. Пыстин И. И. Зурган // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 160–179 л.б.
15. Рочев Е. Лёз тундра: Повесть да висьтъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 208 л.б.
16. Сажин И. И. Ён тыш // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 80–110 л.б.
17. Светозарова Н. Д. Интонация в художественном тексте. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – 178 с.
18. Солощук Л. В. Структурно-семантические характеристики ремарок в драматических произведениях: (На материале английского языка): Автореф. канд. дис. – Киев, 1990.
19. Титов И. П. Кык час мысти // Ытва дырйи: Коми висьт 20–30-ёд воясö. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 189–195 л.б.
20. Торопов И. Г. Оштö эн лый кыкысь: Повесьтяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. – 352 л.б.

21. Федоров Г. А. Шуштõм кад // Ытва дырйи: Коми висът 20–30-õд воясõ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 229–254 л.б.
22. Фонетика спонтанной речи / Под ред. Н.Д. Светозаровой. – Л., 1988.
23. Чисталев В. Т. Менам гора тулыс: Кывбура да проза гижõдъяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – 256 л.б.
24. Шахов Б. Ф. Тшõтшгъяс: Роман. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. – 256 л.б.
25. Шахов П. Ф. Повестьяс. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1977. – 280 л.б.
26. Шестаков М. И. Пõжар // Ытва дырйи: Коми висът 20-30-õд воясõ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – 144–151 л.б.
27. Ширяев В. А. Виль посёлокын: Повесть. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1976. – 164 л.б.
28. Юшков Г. А. Чугра: Роман. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. – 415 л.б.
29. Юхнин В. В. Тундраса бияс. Куим юкõна роман. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1984. – 472 л.б.

Ракин Николай Анатольевич,
научный сотрудник
 ИЯЛИ КНЦ УрО РАН
 e-mail: nikrakin@yahoo.com

Коми-пермяцкая литература на венгерском, финском и эстонском языках

Аннотация. В Венгрии, Эстонии и Финляндии проводится работа по изданию на своих языках произведений из литератур родственных финно-угорских народов. Переводятся и произведения коми-пермяцких авторов. Данное исследование является обзором имеющихся венгерских, эстонских и финских переводов из коми-пермяцкой литературы.

Ключевые слова: коми-пермяцкая литература, венгерские переводы, финские переводы, эстонские переводы.

Nikolay A. Rakin,
PhD, Researcher of Komi Science
 Centre of the Ural Branch of RAS
 e-mail: nikrakin@yahoo.com

Komi-Permyak literature in the Hungarian, Finnish and Estonian languages

Summary. In Hungary, Estonia and Finland, work is being carried out to translate into their languages works from the literatures of related Finno-Ugric peoples. The Komi-Permyak authors are also translated. This study is an overview of available Hungarian, Estonian and Finnish translations from Komi-Permyak literature.

Key words: Komi-Permyak literature, Hungarian translations, Finnish translations, Estonian translations.

Переводы на венгерский язык

Первыми переводами с коми языка (как зырянского, так и пермяцкого) на венгерский были дословные переводы фольклорных произведений – сказок, песен, пословиц, поговорок, загадок. Наиболее ранние из таких публикаций относятся к 1879–1883 гг. В это время в журнале

«Вестник языкознания» („Nyelvtudományi Közlemények“) Йожеф Буденц (Budenz József) и Игнац Халас (Halász Ignác) публикуют «Образцы языка зырян. I–IV.» („Zürjén nyelvmutatóványok. I–IV“). В ч. III этих «Образцов» вошли коми-пермяцкие тексты (сказки, песни, пословицы, загадки) из «Опыта грамматики пермяцкого языка. Составленного Николаем Роговым» (Санкт-Петербург, 1860) (Halász 1883: 380–411). В 1883 г. все части «Образцов языка зырян» издаются в виде отдельной книги (Budenz, Halász 1883). Данные публикации носили языковедческий характер, с помощью включенных в них коми текстов и их точных подстрочных переводов авторы стремились представить различные зырянские и пермяцкие диалекты.

Для широкого круга читателей коми литература становится доступной после II Мировой войны. Начиная с 1960–1970-х гг. – когда в Венгрии появляются специалисты, владеющие коми языком, такие, как Эрик Васойи (Vászolyi Erik), Карой Редей (Rédei Károly), Эникё Сий (Szi Enikő) и др. (Ракин 2017a, Ракин 2017б) – и по сегодняшний день вышло большое количество сборников и антологий, включающих фольклор, прозу и поэзию коми-зырянских и пермяцких писателей. Так, в 1975 г. в Будапеште издаётся объёмная антология финно-угорских литератур «Медвежья песнь» («Medveének»). Данное издание наряду с литературами других финно-угорских народов знакомит и с коми-пермяцкой литературой. В антологию вошли стихи А.Н. Зубова: «Кёкё горттём» / „Kakukkol az otthontalan“ и С.И. Караваева: «Пера-богатырь» / „A hős Pera“, «Свадьба» / „Menyegző“ (перевод – Дежё Тандори / Tandori Desző); рассказы В.Я. Баталова: «Лэбзьёны туризз» / „Darvak“, «Ойся радуга» / „Éjjeli szivárvány“, «Төвся цветтэз» / „Télen“ (перевод – Эндрэ Гомбар / Gombár Endre), «Ошкөт пантасьём» / „Találkozás a medvével“ (Перевод – Карой Редей) (Medveének 1975).

В 2015 г. в преддверии Конгресса финно-угорских писателей в Венгрии Яношем Пустаи (Pusztaly János) было выпущено несколько серий изданий на финно-угорских языках: «50 самых красивых венгерских стихов», «12 самых красивых венгерских новелл», «12 самых красивых стихов финно-угорских литератур». Каждая из них включает тома на венгерском, коми-зырянском, коми-пермяцком, удмуртском, марийском и др. финно-угорских языках. «12 самых красивых стихов финно-угорских литератур» содержит и коми-пермяцкую поэзию, в том на венгерском языке вошли следующие переводы: В.В. Климов: «Кин

висьталас?» / „Ki mondja meg?“; «Kör быдӧс бур» / „Amikor jó minden“, «Ов мейн, горт» / „Élj házamban!“, Л.П. Гуляева: «Ӧтік юас кыкись...» \ „Kétszer nem léphetsz egy folyóba...“, «Чочком ойез» / „Fehér éjszakák“, В.В. Рычков: «Кад» / „Az idő“, «Векся» / „Örök“, Л.А. Старцева: «Лӧз мушар весътӧт кылаліс...» / „Kék planétánk fölött...“, В.В. Козлов: «И горт менам – Пармалӧн от» / „Hazám – a végtelen Parma“, В.П. Мелехина: «Кочёвскӧй му» / „Kocsjov föld“, Е.И. Коньшина: «Иньва юлӧ» / „Az Inyva folyóhoz“, «Пармалӧ» / „Parmához“ (перевод – Фабиан Ласло / Fábíán László) (A finnugor irodalmak legszebb 12 verse 2015).

В 2011 г. вышла двуязычная книга лирики Л.П. Гуляевой и Л.А. Старцевой «Jön a tavasz esve-keelve. Válogatott versek komi-permják és magyar nyelven. Усялӧ-локтӧ тулыс. Бӧрйӧм кывбуррӧз коми-пермяцкӧй да венгерскӧй кыввез вылын» («Идет-падает весна. Избранные стихи на коми-пермяцком и венгерском языках»; перевод – Каталин Надь / Nagy Katalin) (Guljajeva, Sztarceva 2011).

В 1960–1980 гг. на венгерский язык активно переводилась и коми народная поэзия. Художественные переложения фольклорных произведений различного жанра включаются в различные сборники и антологии. Упомянутая выше антология «Медвежья песнь» содержит предания о Пере-богатыре: „Hogyan vívott meg Pera vitéz sárkánnyal?“ 'Как Пера-богатырь боролся с драконом', „Pera vitéz és a vízi szellem“ 'Пера-богатырь и водяной' (перевод – Карой Редей). Изданный в 1984 г. сборник «Финно-угорско-самодийские (уральские) предания и легенды» („Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák“) включает в себя большое количество преданий о Кудым-Оше и Пера-богатыре, а также другие пермяцкие легенды: „A Pokol-tó“ 'Адово озеро', „A csudókról“ 'О чуде', „Kudimkar ostroma“ 'Осада Кудымкара', „Kudim-Os“ 'Кудым-Ош', „Kudim-Os és a medvék“ 'Кудым-Ош и медведи', „Kudim-Os története" 'История Кудым-Оша', „Hogyan élt Pera és Mizja a Lupja folyó partján?“ 'Как Пера и Мизья жили на берегу реки Лупья', „Pera és a Víziszellem" 'Пера и Водяной', „Pera az orosz cárnál" 'Пера у русского царя', „Pera és a negyvenpados pénzeshordó" 'Пера и сорокапудовый мешок денег', „Pera és a kígyó" 'Пера и змей', „Pera és a Föld" 'Пера и Земля' (перевод – Сий Эникӧ) (Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák 1984). Помимо этого коми-пермяцкие сказки можно встретить и в других сборниках и антологиях.

В это же время (1960–1980 гг.) в Венгрии начинают выходить

научные и научно-популярные публикации по коми литературе и фольклору. Так, венгерским литературоведом Петером Домокошем (Domokos Péter) опубликован ряд работ, посвящённых коми-пермяцкой литературе: «Фольклор родственных народов в советской науке. Коми-пермяцкие фольклорные издания» (Domokos 1959), «Пермяцкая литература» (Domokos 1978), «Коми-пермяцкая литература и литературные формы» (Domokos 1979) и др. П. Домокош также является автором статей о коми-пермяцких писателях и поэтах в венгерской «Энциклопедии мировой литературы» („Világirodalmi lexikon“, 1970–1996). В этом 19-ти томном, самом большом в мире, литературном справочнике представлены следующие коми-пермяцкие авторы: С.И. Караваев, М.П. Лихачев, И.А. Минини, А.Н. Зубов (Domokos 1979b, Domokos 1982a, Domokos 1982b, Domokos 1995).

Всего же, по нашим подсчётам, на венгерском языке издано 137 произведений (133 стихотворения и 4 рассказа) 18-ти коми-пермяцких авторов (Ракин 2017 в.: 94–124, Ракин 2017 г.: 80–81). Большая часть переводов осуществлена напрямую с коми-пермяцкого языка.

Переводы на финский язык

В 1922 г. в первом выпуске «Ежегодника общества Калевалы» („Kalevalanseuran vuosikirja“) публикуется пересказанное на финском языке Игнатием Мошеговым предание о Пера-богатыре (Moseg 1922). Он же в 1939 г. издаёт это произведение отдельной книгой «Пера-богатырь. Коми легенда» („Sankari Pera: syrjäniläinen tarina“) (J. O. M. 1939). Мошегов И.Н. – коми-пермяцкий учёный и писатель, до I Мировой войны – сельский учитель, вследствие войны и революции попавший в Финляндию. Здесь он читает публичные лекции, работает в разных издательствах, открывает свой собственный книжный магазин в Хельсинки, пишет и издаёт на финском языке статьи и книги об истории коми и других народов России, например: «В восточном аду: воспоминания одного коми» („Idän hiidenkattilassa: erään syrjäniläisen muistelmat“), «Прошлое и настоящее коми народа» („Komikansan menneisyys sekä nykyiset olot“) и др. (Mösseg 1924; Mösseg 1931).

Следующие финские переводы из коми-пермяцкой литературы появляются только в 2000-х годах. В 2004 г. в «Журнале Финно-угорского общества» („Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja“) выходит статья Раи Бартенс «Взгляд на коми лирику рубежа тысячелетий» („Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan“), посвя-

щённая современной коми литературе (Bartens 2004). В ней рассматривается как коми-зырянская, так и пермяцкая литературы. Большая часть публикации – собственные переводы Р. Бартенс. Из коми-пермяцкой литературы подробно рассматривается творчество Анны Истоминой и даются переводы её 41-го стихотворения.

В 2011 г. Р. Бартнес издаёт уже целую книгу (в электронном формате) переводов из коми-пермяцкой поэзии «Земля Поэзии коми-пермяков» („Permin komien Runouden Maa”) (Bartens 2004). В издание вошло 131 стихотворение 11-ти поэтов. Для каждого автора даётся описание жизненного пути, характеризуются особенности творчества. Финские переводы сопровождаются исходными текстами на коми-пермяцком языке (Ракин 2018д: 29).

Всего, по нашим данным, на финском языке представлено 11 авторов со 165-ю произведениями. Все переводы выполнены напрямую с языка оригинала.

Переводы на эстонский язык

В 1990-х гг. с развитием финно-угорского движения, а в его рамках и сотрудничества в литературной сфере (Ассоциация финно-угорских литератур, регулярные писательские конгрессы), в Эстонии активизируется деятельность по изданию произведений из литератур родственных народов. С этого времени начинают регулярно выходить различные антологии, серии изданий, отдельные книги, включающие переводы с финно-угорских языков, в том числе и с коми-пермяцкого. Так, в серии «Классики финно-угорской поэзии» („Soome-ugri luuleklassikat“) в 1996–2006 гг. было издано четыре антологии, знакомящие с различными периодами в истории литератур финно-угров: «Перед рассветом» („Enne koitu“, 1996), «Весеннее утро» („Kevadhommik“, 2002), «Летний день» („Suveräev“, 2004), «Жаркая ночь» („Kuum öö“, 2006). Три книги из этой серии включают в себя и переводы из коми-пермяцкой поэзии:

– «Весеннее утро» включает поэзию авторов, репрессированных в 1930-е гг., в том числе и стихи А.Н. Зубова и М.П. Лихачева (Kevadhommik 2002);

– «Летний день» состоит из переводов произведений послевоенного поколения финно-угорских поэтов. Коми-пермяцкую литературу здесь представляют Ф.С. Истомин, В.В. Климов, И.А. Минин (Suveräev 2004);

– «Жаркая ночь» знакомит с современной лирикой и включает творчество таких поэтов, как Г.М. Бачева, Л.П. Гуляева, Н.В. Исаева, А.С. Истомин, А.Ю. Истомина, В. Калинин, Л.Е. Никитин, В.И. Петров, В.В. Рычков, Л.А. Старцева (Косова), Н. Хозяшев, П.Н. Чугайнов (Kuim öö 2006).

Антология «Весеннее утро» содержит введение, целиком посвящённое коми-пермяцкой литературе (Vingiano de Pina Martins 2002).

Переведено на эстонский язык и несколько коми-пермяцких сказок (Sugulaste muinasjutud 2002).

Всего же на эстонский язык переведено 58 произведений 17-ти коми-пермяцких авторов. За исключением сказок, все остальные переводы – переложения поэзии. Все переводы осуществлены не напрямую с коми-пермяцкого языка, а посредством русских подстрочников. Автор переводов – Арво Валтон.

Общее количество переведённых на венгерский, финский и эстонский языки коми-пермяцких авторов и их произведений приведено в следующей таблице:

Таблица

**Коми-пермяцкие авторы и их произведения
на венгерском, финском и эстонском языках**

Автор	Венгерский	Финский	Эстонский
Баталов В. Я.	4		
Бачева Г. М.		9	2
Гуляева Л. П.	53	9	3
Зубов А. Н.	1	4	6
Исаев К. И.	1		
Исаева Н. В.		4	2
Истомин А. С.	4	21	6
Истомин Ф. С.	1	15	7
Истомина А. Ю.	4	70	3
Калин В.			1
Караваев С. И.	2		
Климов В. В.	4	7	7
Козлов В. В.	4		
Коньшина Е. И.	2		

Лихачёв М. П.	1	4	1
Мелехина В. П.	1		
Минин И. А.			7
Минина Т. В.	1		
Никитин Л. Е.		8	2
Петров В. И.			1
Радостева О. Н.	1		
Рычков В. В.	3		4
Старцева (Косова) Л. А.	49	16	4
Хозяшев Н.			1
Чугайнов П. Н.			1
Федосеев А.	1		
Количество переведённых авторов	18	11	17
Количество переведённых произведений	137	165	58

Литература

1. Ракин Н. А. Васойи Эрик // Исследователи коми языка. Библиографический указатель. Ред. Е. А. Цыпанов. Сыктывкар: Анбур, 2017. – С. 48–52.
2. Ракин Н. А. Реден (Раданович) Карой // Исследователи коми языка. Библиографический указатель. Ред. Е. А. Цыпанов. Сыктывкар: Анбур, 2017. – С. 244–246.
3. Ракин Н. А. Коми литература и фольклор на венгерском языке. Библиография. 1879–2016. Budapest–Badacsonytomaj, 2017.
4. Ракин Н. А. Коми (зырянская и пермяцкая) литература на венгерском языке // Вестник угроведения. 2017. №2(29). С. 76–84.
5. Ракин Н. А. Бартенс Райя Раакел // Исследователи коми языка. Библиографический указатель. Ред. Е. А. Цыпанов. Сыктывкар: Анбур, 2017. – С. 28–30.
6. A finnugor irodalmak legszebb 12 verse. LiteratUral. Redigit János Pusztay. Badacsonytördemic: Nemzetek Háza – Collegium Fenno-Ugricum, 2015.
7. Bartens Raija. Näkökulma kominkieliseen vuosituhannen vaihteen lyriikkaan // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. 2004. №90.
8. Bartens Raija. Permin komien Runouden Maa. 2011. Электронный ресурс. http://www.macastrén.fi/suomennettua/bartens_runouden_maa.pdf. Дата доступа 21.11.2018.
9. Budenz József, Halász Ignác. Zürjén nyelvmutatványok. (Ugor Füzetek.

- Adalékok az ugor nyelvek ismeretéhez és összehasonlításához. II.) Budapest, 1883.
10. Domokos Pál Péter. Rokonnépeink népköltészete a szovjet tudományos kutatásban. 1. Komi-permják népköltészeti kiadványok // Világirdalmi Figyelő. V. 1959. №1. 85–87.
11. Domokos Péter. Permjak irodalom // Hajdú Péter, Domokos Péter. Uráli Nyelvrokonaink. Budapest: Tankönyvkiadó, 1978. 208–209.
12. Domokos Péter. Komi-permják irodalom és irodalmi formák // Világirodalmi Lexikon. VI. Kamc–Lane. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 473–474.
13. Domokos Péter. Karavajev Sztjepan Ivanovics // Világirodalmi Lexikon. VI. Kamc–Lane. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1979. 60.
14. Domokos Péter. Lihacsov Mihail Pavlovics // Világirodalmi Lexikon. VII. Lanf–Marg. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 290–291.
15. Domokos Péter. Minyin Ivan Alekszejevics // Világirodalmi Lexikon. VIII. Mari–My. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 432.
16. Domokos Péter. Zubov Andrej Nyikoforovics // Világirodalmi Lexikon. XVIII. Z–INDEX. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1995. 287.
17. Finnugor-szamojéd (uráli) regék és mondák 1984. I. köt. Szerk. Domokos Péter. Budapest: Móra Ferenc Könyvkiadó, 1984.
18. Guljajeva L., Sztarceva L. Jön a tavasz esve-kelve. Válogatott versek komi-permják és magyar nyelven. Усял-локто тулыс. Бөрйом кывбуррээ коми-пермяцкӧй да венгерскӧй кыввез вылын. Ford. Nagy Katalin. Budapest: Méry Ratio Kiadó – Finnugor Népek Világkongresszusa Magyar Nemzeti Szervezete, 2011.
19. Halász Ignác. Zürjén nyelvmutatványok III–V // Nyelvtudományi Közlemények. XVII. № 3. 1883. 380–411.
20. J. O. M. Sankari Pera: syrjäniläinen tarina. Helsinki, Tekijä, 1939.
21. Kevadhommik. Soome-ugri luuleklassikat II. Koost. ja tõlg. A. Valton. Tallinn: Angestel, 2002.
22. Kuum öö. Soome-ugri rahvaste tänapäeva luulet. Koost. ja tõlk. A. Valton, J. Öospuu. Tallinn: Kirjastuskeskus, 2006.
23. Medveének. A keleti finnugor népek irodalmának kistükre. Szerk. Domokos Péter. Budapest: Európa Könyvkiadó, 1975.
24. Moseg I. Syrjäänien sankari Perä. Kansantarina. Kalevalanseuran vuosikirja №1, 1922, 236–242.).
25. Moššeg I. Hätähüuto kansojen vankilasta II: Komikansan menneisyys ja sen nykyiset olot. Helsinki, 1931.
26. Mössheg I. Idän hiidenkattilassa: erään syrjäniläisen muistelmät. Jyväskylä, 1924.
27. Sugulaste muinasjutud: valimik soome-ugri rahvaste jutte. Koost. ja tõlk. Pille Kippar. Tallinn: Angestel, 2002.
28. Suvepäev. Soome-ugri luuleklassikat III. Koost. ja tõlg. A. Valton. Tallinn: SUKÜ, 2004.
29. Vingiano de Pina Martins Eva. Permikomi kirjandusest // Kevadhommik. Soome-ugri luuleklassikat II. Koost. ja tõlk. A. Valton. Tallinn: Angestel, 2002. 9–13.

Салминен Эса-Юсси

МФ, лектор финского языка

в УдГУ, переводчик

Нынешнее положение переводческой деятельности с удмуртского языка на финский

Ключевые слова: переводческая деятельность, удмуртский язык, удмуртская литература в Финляндии, удмуртские рассказы.

Esa-Jussi Salminen

MA, Lecturer of Finnish language

in the Udmurt State University,

translator

Current status of translation from Udmurt to Finnish

Key words: translation, Udmurt language, Udmurt literature in Finland, Udmurt short stories

Как можно начинать интересоваться удмуртской литературой в Финляндии?

Я начал изучать удмуртский язык в 1992-м году. Летом 1994-го года, будучи практикантом в Туркуском университете, началось моё знакомство с удмуртским фольклором, потому что моей основной работой была подготовка к печати удмуртских диалектных текстов для сборника «Удмурт вераськетъёс – Udmurtin murteet» («Удмуртские диалекты»). Финно-угроведение – это традиционно лингвистическая наука: принципы историко-сравнительного языкознания и его роль в формировании научного понятия финно-угорской языковой семьи. Кроме этого, изучаются некоторые финно-угорские языки по отдельности, особенно финский, эстонский, венгерский, саамский и реже некоторые другие языки.

До конца 80-ых годов прошлого века в Финляндии ещё не было преподавания финно-угорских языков России. Тогда начали приглашать преподавателей финно-угорских языков из России. Таким образом, у меня на первом курсе был преподаватель марийского языка

из Марий-Эл и в 1992–1993 и 1993–1994 учебных годах преподаватель удмуртского языка из Удмуртии Валентин Кельмаков. Лекторы из России работали и в Хельсинки, и в Турку, поэтому часов было довольно мало: начальный курс удмуртского языка – только один раз в неделю. Это, конечно, мало, но и целью этого курса не было научить разговаривать на данном языке, а узнать больше о грамматике и лексике языка. Если сравнивать с другими языками, которые преподавались и с практической целью, у них было хотя бы три пары в неделю.

В таких условиях даже у самого дикого утописта не возникает идеи о литературе малых финно-угорских народов. У меня были курсы по эстонской и венгерской литературе в университетах Финляндии, но об удмуртской литературе нигде не было ни слова. Уже в 1994 году, как сказано, я всё-таки начал интересоваться и содержанием текстов, а не только лингвистическими особенностями. Постепенно, таким образом, кое-что узнал об удмуртской литературе. Я приехал на стажировку в Ижевск в 1997-м году с целью выучить удмуртский язык как первый финский стажёр из Финляндии по договору между Хельсинкским университетом и УдГУ. Тогда я начал самостоятельно читать удмуртскую литературу, что попадалось под руку, например, в литературных журналах.

Начало переводческой деятельности с удмуртского языка на финский

В 1997 году у меня сразу же появилось желание переводить на финский язык то, что читал, но осуществить подобные планы я смог впервые только в 2009 году, когда был опубликован мой перевод удмуртского эпоса «Дорвыжы» на финском языке. Но и тогда, и до сих пор подобные проекты приходится, в основном, осуществлять без финансовой поддержки, то есть наряду с основной работой.

В 2010-м году вышли мои переводы четырёх удмуртских рассказов на финском в антологии «Волга». Авторы рассказов – Вероника Дор (Вера Пантелеева) и Вячеслав Ар-Серги (Вячеслав Сергеев). Уже в 2003-м году вышла в переводе на финский автобиографическая книга Михаила Атаманова «Мынам сюресэ Библие» – «*Tieni Raamattuun*» («Мой путь в Библию»); перевод с русского языка Анитой Лааксо. Кроме этих пяти произведений, удмуртская проза еще не переведена (точнее: не опубликована) на финский язык.

Кроме прозы изданы уже вышеупомянутый эпос и стихи в трёх

сборниках: «Joutsenet Jumalan kasvoilla» «Лебеди на лице Бога» (1994), «Suuren guslin kaiku» «Эхо больших гусель» (1995) «Bjarmia-antologia» «Антология Бярмиа» (2015). В первом из них опубликованы, в основном, фольклорные стихи. Переводчиком первых двух книг является Рая Бартенс, в «Антологии Бярмиа» переводчики с удмуртского на финский – Эса-Юсси Салминен и Ханна Самола.

Как дальше развивать переводческую деятельность с удмуртского языка на финский?

Если провести сравнение с Эстонией и Венгрией, можно заметить, что Финляндия оказалась в отстающих в этом отношении: на эстонский и венгерский языки удмуртская литература переведена уже намного больше, особенно проза; например, в 2012 году вышел большой сборник удмуртской прозы на эстонском языке «Varsti on jälle kevad» («Скоро опять весна»). Это совместная работа эстонских и удмуртских переводчиков, как Арво Валтон, Муш Нади, Виктор Шибанов и т.д. Особо следует отметить роман М. Петрова «Вуж Мултан» («Старый Мултан»), который был издан в переводе на венгерском и эстонском языках в 2017 году.

Сейчас я работаю над сборником 37 удмуртских рассказов на финском языке, чтобы и финские читатели могли порядочно познакомиться с удмуртской прозой. Все рассказы на данный момент (конец 2018 г.) уже переведены на финский язык и находятся в процессе редактирования в руках самых хороших финских специалистов по стилистике и нормам литературного художественного финского языка. Публикация может выйти уже в 2019 году.

Шкляев Александр Григорьевич,
*доцент Института удмуртской филологии,
финноугроведения и журналистики.
Удмуртский государственный университет,
e-mail: skl-44@yandex.ru*

**Сила родного слова
(из опыта перевода с коми-пермяцкого на удмуртский язык)***

Аннотация. Автор статьи на основе собственного опыта перевода стихотворения коми-пермяцкого поэта В. Климова «Пушкинлө» (Пушкину) на удмуртский язык утверждает, что при передаче содержания и формы стихотворения на родственный язык в большей степени удаётся сохранить индивидуальное и национальное (этническое) своеобразие произведения. Практика перевода произведений коми-пермяцкой литературы на удмуртский язык и наоборот существенно обогатила бы культурный фонд обоих народов.

Ключевые слова: Посвящённые А.С. Пушкину стихотворения на языках народов России; стратегии перевода; оригиналы и подстрочки.

Alexander G. Shklyayev,
*Associate Professor at the Institute
of Udmurt Philology,
Finno-Ugric and journalism.
Udmurt State University,
e-mail: skl-44@yandex.ru*

**Power of the native word
(from the experience of translation from Komi-Permyak into the
Udmurt language) ***

Summary. The author of the article, based on his own experience of translating the poem by Komi-Permyak poet V. Klimov “Pushkinlө” (Pushkin) into the Udmurt language, states that when transmitting the content

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 18-412-180006 p_a

and form of the poem into a related language, it is more possible to save individual and national (ethnic) identity works. The practice of translating works of Komi-Permyak literature into the Udmurt language and vice versa would greatly enrich the cultural foundation of both peoples.

Key words: Dedicated to AS Pushkin poems in the languages of the peoples of Russia; translation strategies; originals and pony.

Для литератора нет более удачной «входной двери» в другой язык, чем работа по переводу какого-либо художественного произведения. В поэтическом сборнике Василия Климова «Шесть вестей» (Кудымкар, 1989) я встретил стихотворение «Пушкину». Интересно: наверное, у всех народов есть такие стихи-признания, стихи-посвящения, особенно у тех, кого А. С. Пушкин перечислил в стихотворении «Памятник»: «И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой тунгус, и друг степей калмык». О чём пишут Пушкину народы России, есть ли что-то общее между ними и есть ли что-то такое, что их отличает друг от друга, хотя написаны в разное время? Так вот стихотворение Василия Климова в переводе Михаила Смородинова (1943 – 2006) – «Пушкину».

Опять твоя божественная лира
Волнует сердце музыкой своей,
И слышен в ней невнятный ропот мира,
И ветра шум над пармою моей.
Родник неиссякаемый – вот чудо!
И к роднику мы припадаем вновь.
И неизменно черпаем оттуда
Надежду, веру, силу и любовь.
Одним глотком я душу успокою,
Прочту стихи, сбегав от нудных дел,
Как будто ты поговорил со мною.
Как песню изначальную мне спел...

Можно перевести эти стихи прямо с русского на удмуртский. Между прочим, так и делаются многие-многие переводы. Как будто и не обязательно знать язык оригинала. Тем более, в данном случае этот приведённый перевод звучный, поэтический, и перевёл его замечательный, профессиональный местный, пермский поэт, наверняка знавший и самого В. Климова, и его малую родину. Но если заранее не знать, что это

стихотворение – перевод, трудно догадаться, что это не оригинал: в нём, кроме слова парма, нет ни единого намёка на то, что оно принадлежит коми-пермяцкому поэту. Поэтому его можно было бы лучше определить «по В. Климову», или «из В. Климова» подобно тому, как М. Лермонтов обозначил свои «Горные вершины» – «из Гёте». В таком случае, следует посмотреть оригинал, сравнить его с переводом: не потеряло ли стихотворение при передаче на другой язык чего-нибудь характерного и национально своеобразного. Читаем.

Пушкинлӧ

Бӧра тай тэнат повтӧм лира
Ворзётіс комилісь съӧлӧм,
Бӧра ӧграла, уджнам дзирьт.
И мирыс син одзам быдсӧн.

Тэ – дзик колодец ловья ваа:
Век небырсяна,

зэв пыдын.

Ме сэтісь уна год гумала
И ӧд,

и кӧр,

и рӧм,

и вын.

Бытшӧмжык басни да молитва
Ме тэнат стихся эг адззыв –
Дзик мекӧт комиӧн бантін
И сьылін коми сьыланкыв.

Кое-что понятно по-удмуртски и без перевода. «Ворзётіс комилісь съӧлӧм» – наверное, это «вырзётіз коми сюлэмез»; «колодец ловья ваа» – не сразу догадаешься, но стоит посмотреть в словарь: «ловья» – лул, и сразу узнаёшь – «колодча лулву»; «век небырсяна» – тоже что-то близкое, но не совсем, заглянешь в словарь – и да – «даурёсын неноку быронтэм»; а в конце «коми сьыланкыв» – «коми кырзан» (этих слов в переводе нет, хотя это не главный, но всё же маркер того, что речь идёт о коми). Оказывается, по словарю, «сьыланкыв» – это песня. Так вот в этом прекрасном переводном варианте нет и слова «коми», нет и

Хорошо, если на русском трудно передать реалии оригинала, то, может быть, на удмуртском легче: языки родственные. И вот подстрочник на русском:

(Подстрочный перевод Е. М. Матвеевой)

Теперь сделаем подстрочный перевод на удмуртский.

Нош ик тынад кышкасьтэм крезед

*Вырзытэм вылэм мынэсьтым, комилэсь, сюлэмзэ.
Нош эгыр жёу кадь зырда пёсь уже
Но, дунне усьтйське син азям.
Тон пыдэстэм колдэчысь неноку быронтэм ловья ву кадь,
Кытысь ке трос аръёс ни чоже басьтйсько мон
Кужым,*

кылбур шём но

юзмыт омыр.

*Тынад кылбуред кадь чеберзэ
Мон уг тодйськы молитва но, крезь но,
Тон вераськиськод кадь коми кылын монэн асэным
Но коми кылын кырзаськод кадь кырзан монэным.*

И теперь тому, что удмуртский язык в силе передать как подстрочник, следует найти поэтическую форму.

Жин! вазись кылбуред-кырезед
Коми мурт сюлэмез вырзытэм.
Дуннеез югдытйсь тылскемед
Гадь пушкам кылбур жёу аратэм.

Пыдэстэм колдэчысь омыръям
Кылбуред – уз лазегомы неноку.
Раньзытэм сюлмылы луылэ со эмъюм.
Кös сюэз юзматйсь ловья ву.

Молитва но, кылбур но, мукет но,
Нокинлэн но тынад кадь овёл.
Тынадэз чузъяське коми крезь кадь кужмо,
Будто коми кылын гожъяд вал.

Теперь проверим удмуртский вариант подстрочным его переводом на русский язык и узнаем, что «в сухом остатке»?

Оказывается, твоя звучная лира
Сердца коми пробудила.
А от разожжённого тобой костра
В моё сердце упал горящий уголь.

В бездонном колодце живая вода –
Твоя поэзия – неизбывная сила.
И мне отрада она, и мера,
И лекарство для ран сердца.

И молитва, и всё другое, не близки мне
По сравнению со стихами твоими.
А ты будто был в друзьях с нами
И как будто ты знал коми язык.

В трансформации оригинала на удмуртский язык удаётся сохранить очень важную для удмуртского и коми-пермяцкого читателя мысль о том, что Пушкин – поэт созвучный всем народам, какой бы численности он ни был; что его поэзия подобна воде из колодца, который неисчерпаем (в русском переводе М. Смородинова «колодец» заменён на «родник»). На удмуртском удаётся выразить и ту цепь образов, согласно которой энергия поэзии Пушкина передаётся народу и от него – самому коми поэту. (На такой же примерно образной линии построено одноимённое стихотворение удмуртского поэта Михаила Петрова «Пушкину» (Пушкинлы), написанное к 100-летию смерти поэта: солнце Пушкина озарило тёмные леса, в которых жил народ, а «золотая лира» Пушкина достигла сердец удмуртов). Некоторые словосочетания стихотворения В. Климова почти буквально переводятся на удмуртский язык, что помогает легко передать строй образной мысли коми-пермяцкого народа: «ловья ваа» – «лулву», «вӧрзӧтіс комилісь сьӧлом» – «вырзӧтӧз комилэсь сӧлэмзэ» и т. д. Судя по технике перевода стихотворения с коми-пермяцкого на удмуртский, можно сделать вывод, что более широкая практика переводов коми-пермяцкой литературы на удмуртский язык существенно обогатила бы культурный фонд удмуртского народа.

*Лудыкова Валентина Матвеевна,
профессор кафедры коми филологии,
финно-угроведения и регионоведения СГУ
vludykova@mail.ru*

Синтаксис коми пословиц и поговорок: простое предложение

Аннотация. Доклад посвящён исследованию синтаксиса коми пословиц и поговорок, имеющих замкнутую структуру законченного предложения, представляющих собой небольшой по объёму, но законченный по семантике и структуре текст. Подробно анализируются типы предложений, их предикативная основа. Особое внимание уделяется семантике и типам сказуемого, семантически и структурно обязательным компонентам простых предложений. Подчеркивается, что знание пословиц и поговорок способствует лучшему знанию языка народа, а также лучшему пониманию образа мыслей, характера народа.

Ключевые слова: коми язык, синтаксис, простое предложение, пословицы и поговорки.

*Valentina M. Ludykova,
Professor, Department of Komi Philology
of Syktyvkar State University
vludykova@mail.ru*

Komi proverbs and sayings syntax: simple sentence

Summary. The report is devoted to the study of the syntax of Komi proverbs and sayings that have a closed structure of a complete sentence, which is a text that is small in size but complete in semantics and structure. The types of sentences, their predicative basis are analyzed in detail. Particular attention is paid to the semantics and types of predicate, semantically and structurally required components of simple sentences. It is emphasized that the knowledge of proverbs and sayings contributes to a better knowledge of the language of the people, as well as a better understanding of the way of thinking and the character of the people.

Key words: Komi language, syntax, simple sentence, proverbs and sayings.

Фольклор любого народа является одним из самых важных показателей национальной самобытности языкового и культурного сообщества, этнической специфики. В фольклорных текстах, в том числе пословицах и поговорках, отражаются особенности мировоззрения народа, его психология, образ мыслей, философия.

Пословицы и поговорки – это краткие, устойчивые, воспроизводимые изречения, которые имеют свою замкнутую предикативную структуру, выражают целое суждение. В них содержится огромный опыт народа, большой объём информации о событиях, фактах реальной действительности, истории народа. Такие изречения отражают разные стороны жизни народа: домашней, семейной, общественной, а также характеризуют человека, природу, социальные отношения, взаимоотношения между человеком и природой, оценивают людей, их поступки. Пословицы и поговорки являются зеркалом мировоззрения народа, хозяйственного быта, этических и эстетических ценностей, культурных традиций, условий жизни, видов деятельности народа. Через них каждый народ, в том числе и коми, по-своему выражает действительность, передаёт в течение многих лет накопленный богатый опыт следующим поколениям.

Пословицы и поговорки выражают суждение, в грамматическом отношении представляют собой законченное предложение, самостоятельную коммуникативную единицу. Для них характерна структурная и смысловая завершённость, обобщенное значение.

Небольшие по объёму тексты коми пословиц и поговорок состоят, прежде всего, из **двусоставных и односоставных простых предложений**. В роли **подлежащего**, как правило, выступают имена существительные: *Дзодзӧг бӧж сайын лым тыдалӧ* «За хвостом гуся снег виднеется» (2, с.17); *Кос кыддзысь зарава оз вияв* «Из сухой берёзы сок не потечёт» (2, с.78). Этот главный член в большинстве случаев оформляется лично-притяжательным суффиксом -ыд, имеющим обобщённое значение, что является важным для создания обобщённого значения всего высказывания: *Лымйыд зэрсъыд на пыськӧс* «Снег проникает даже туда, куда не попадает дождь» (2, с.18); *Виччысигад кадыд дыр кысьӧ* «При ожидании время идёт медленно» (2, с.19); *Кадыд и сирӧд мырйӧс сисьтӧ* «Время и смолистый пень сгноит» (2, с.19); *Кадыд, майбыр, и изйӧс дзимбырӧ пӧртӧ* «Время и камень в дресву обращает» (2, с.19); *Асья зэрыд гӧсьт* «Утренний дождь – гость» (2, с.20); *Гыма зэрыд дыр оз*

зэр «Дождь с громом не бывает долгим» (2,с.20); Тувсов ваыд писькӧс «Вешняя вода пробойчива» (2, с.15); Тувсов войыд кӧч бӧж кузя «Весенние ночи с заячий хвост» (2, с.15).

В функции подлежащего могут быть использованы и некоторые местоимения, прежде всего – обобщенно-личные: Быдтор локтӧ ас кадӧ «Все приходит в своё время» (2,с.18); Быдӧн аслыс кынӧмпӧт корсьӧ «Каждый ищет своё пропитание» (2, с.27). Редкими в этой роли являются отрицательные местоимения: Юрсӧ ваӧ некод абу скойлӧма «Никто себе погибели не ищет» (2,с.32); Гӧн паныд шыльӧдӧмтӧ некод оз радейт «Никому не нравится, когда его глядят против шерсти» (2,с.36).

Синтаксическую позицию подлежащего может занимать и инфинитив на -ны/-ыны, причём предикативную функцию при нём выполняет также инфинитивная форма глагола: Увлань лӧччыны – не вылань кайны «Вниз спускаться – не вверх подниматься» («2,с.33); Сӧйнытӧ ӧд абу рыныш вартны «Есть – не овин хлеба обмолотить» (2,с.74); Горт гӧ-гӧр уджавны – не лым уявны «Работать по дому – не по снегу бродить» (2, с.64).

В двусоставных предложениях наиболее часто используются простые глагольные сказуемые, выраженные спрягаемым глаголом в форме изъявительного наклонения: Вомас ва кынмӧма «Во рту вода замерзла» (2,с.32); Винеф пуыд дзуртӧ да олӧ «Свилеватое дерево скрипит, но стоит» (2,с.39); Ӧти лу вылысь кисьтӧмаӧсь «В одной форме отлиты, по одной формесделаны» (2,с.27); Ӧти бала вылын эвтӧмаӧсь «По одной колодке сделаны» (2,с.27). Типичными в этой роли являются глаголы в форме повелительного наклонения, выражающие совет, назидание, просьбу: Сӧлӧдтӧм додяд эн сӧв «Не садись в сани, в которые не сажают» (2,с.114); Ассьыд первой пӧла шапкатӧ лӧсьӧд да вӧлись йӧзтӧ велӧд «Сначала свою криво надетую шапку поправь , а потом и других учи» (2,с.114); Йӧз питшӧгӧ из эн сӧвт «За чужую пазуху камни не накладывай. Камни в чужой огород не кидай» (2,с.116).

Предикативную функцию в таких мини текстах способны выполнять и имена существительные: Олӧмыд тай абу мойд «Жизнь – это не сказка» (2,с.54); Мортлӧн меддонатор – дзоньвидзалун «Самое ценное у человека – здоровье» (2,с.50).

Однако особо следует отметить, что одно из важных мест в роли организующего центра предложения двусоставного предложения рассматриваемых изречений занимают имена прилагательные, выражаю-

щие предикативный признак, приписываемый субъекту, обозначающие то, что утверждается или отрицается о субъекте, являющегося непосредственной составляющей семантической структуры любого предложения. В этой функции могут выступать качественные и относительные прилагательные, сообщающие о характерных признаках предмета, лица: Гыжйыс лэчыд, пиньыс ёсь «Ногти острые, зубы острые» (2,с.28); Мича яг вылын и пожъмъясыс мичаёсь «В красивом бору и сосны красивые» (2,с.23); Зіль мортлөн кок пыдöсыс век пым «У работающего человека ступня всегда горячая» (2,65); Быд ремеслö бур «Каждое ремесло хорошо» (2, с.79); Тшыг синмыд лэчыд «Глаза голодного острые» (2,с.83). Информативно ёмкими являются отсубстантивные прилагательные, маркированные формантами -а, -тöм. Такие адъективные предикаты указывают на наличие, существование или отсутствие признака предмета, лица, названного в подлежащем: Луныс синма, войыс пеля (2,с. 21) «День глазаст, ночь ушаста», Керка стенъясыс овлöны пеляёсь (2,с. 141) «Бывает, что и стены имеют уши», Сöвествыд пиньтöм, а йирö (2,с. 29) «Совесь без зубов, а грызёт».

Именные категории слов сказуемое образуют и в сочетании со связочным глаголом, хотя такие конструкции не являются характерными для пословиц и поговорок: Смел йöз дiнын кö быдман и ачыд смел лоан «Среди смелых вырастешь и сам смелым будешь» (2,с.48); Велöд-чытöгыд мортö он во «Без учения в люди не выйдешь» (2,с.113); Кадыд, майбыр, и изйöс дзимбырö пöртö «Время и камень в дресву обращает» (2,с.19). Связочную функцию способно выполнять местоимение сiйö «он, она, оно»: Бур кыв – сiйö меддонатор «Доброе слово – это самое ценное» (2,с.134).

В двусоставных предложениях составные глагольные сказуемые представлены лишь в единичных случаях: Бур ним-славатö куж видзы «Доброе имя сумей сберечь» (2,33); Ассьыс пöрт увсö пестыны кужö «Под своим котлом умеет огонь разводиться. Свою выгоду понимает» (2,с.59), они встречаются в основном в безличных конструкциях: Кыйтöм тар куштыны оз ков «Ощипывать не пойманного тетерева не следует» (2,31).

Для пословиц и поговорок типичными являются односоставные обобщённо-личные предложения, что является не случайным: их обобщённая форма сочетается с назидательным смыслом. Субъект действия словесно не обозначается, но грамматически представлен как обобщен-

ный. На отнесенность обобщённому субъекту указывает (а) форма второго лица ед. числа изъявительного наклонения глагола-сказуемого, (б) повелительное наклонение: (а) Кольём кадтё бёр он бергёд «Прошлого назад не вернёшь» (2,с.19); Ойдысь ютё он потш «Разливающуюся реку не запрудишь» (2,с.22); Пыста кокысь вый он пычки «Из ног синички масла не выжмешь» (2,с.77); Пожнад ватё он гумлав «Решетом воду не вычерпаешь» (2,с.78); Правдатё он дзеб «Правды не скроешь» (2, 98); (б) Бур ним-саватё куж видзны «Доброе имя сумей сберечь» (2,с.33).

В рассматриваемых изречениях употребляются и неопределённо-личные предложения, в которых деятель также не называется, но грамматически представлен как неопределенный. Важным является то, что в пословицах и поговорках он приобретает обобщённое значение: Вёрё пескён оз ветлыны «В лес с дровами не ездят» (2,с.102); Пельтём поплы куимысь оз звёнитны «Глухому попу трижды не звонят» (2,с.30); Водз чеччёмысь да водз гётрасьёмысь оз каитчыны «За раннее вставание и раннюю женитьбу не раскаиваются» (2, с.69).

Широко представлены и односоставные безличные конструкции, в которых в функции главного члена выступают безличные глаголы, безлично-предикативные слова, их сочетания с зависимым инфинитивом: Деятель в форме номинатива словесно не только не выражен, но и глагольные формы не указывают на него. Они выражают различные модальные оттенки, имеют назидательное, обобщённое значение: Гымалём бёрад ёд пыр зэрлё «После дождя всегда бывает дождь» (2,с.20); Кыйтём тар куштыны оз ков «Ощипывать не пойманного тетерева не следует» (2,с. 31); Выйнад и сись пу сёйсяс «С маслом и гнилое дерево съешь» (2,с.85); Тыра йёртёд дорад лёсьыд овнытё «У полного закрома хорошо живётся» (2,с. 87); Тшыг висьёмён съёкыд висьны «Голодной болезнью болеть тяжело» (2,с. 87); Нэм чёж лои пельстём пыжён ветлыны «Всю жизнь пришлось плавать на лодке без весел» (2,с.130).

Для выражения различных модальных значений используются инфинитивные предложения, выражающие независимое потенциальное действие, не соотнесенное с деятелем. Их общим модальным значением является ирреальность (потенциальность). В пословицах и поговорках сообщают о необходимом, желательном, неизбежном действии, являются важными для выражения совета, побуждения, предупреждении от нежелательных, бесполезных действий, поступков: Ва вылын би пестыны «Разводить огонь на воде» (2,с.78); Шёрттём дёра панны «Сно-

вать холст без пряжи» (2,с.78); «С плота воду отливать» (2,с.78); Ас висьёмён висьны «Болезнь своей болезнью, заботиться о себе» (2,с.60); Ёёз висьёмён висьны «Болезнь чужой болезнью. Переживать чужие неприятности» (2,с.51); Би пыр и ва пыр мунны «Пройти огонь и воду» (2,с.125); Ва пёртйысь йи пёртйё веськавны «Из котла с водой попасть в котел со смолой» (2,с.125); Тшын пиысь би пиё веськавны «Из дыма в огонь попасть» (2,с.125).

Сжатость текста пословиц и поговорок допускают использование лишь структурно и семантически необходимых распространителей главных членов. Глагольные сказуемые, выраженные переходным глаголом, требуют обязательного прямого дополнения: Понмыд бедялёмтё помнитё «Собака палку помнит» (2,с.122); Чериёс ваын он пёдты «Рыбу в воде не утопишь» (2,с.122); Кужысьёс оз ков велёдны «Мастера учить не надо» (2,с.113); Праваыд ёрё синтё «Правда колет глаза» (2,с.98); Ывлатё он ломты «Улицу не натопишь» (2,с.95); Косвенные дополнения обозначают различные отношения к действию: Ёёз трудён эн ов «Чужим трудом не живи» (2,с.119); Куш кинад лежнётгё он босёт «Голыми руками шиповник не возьмёшь» (2,с.104); Ёёла мёскыд выйён лысьтё «Удойливая корова маслом доится» (2,с.92); Нянь-солён съёлёмтё он верд «Хлебом-солью сердце не насытишь» (2,с.90); Дополнения являются обязательными для создания смысловой стороны таких изречений.

обстоятельственные распространители также являются облигаторными, важными для создания содержания пословиц и поговорок, всегда несут на себе большую информационную нагрузку. Они характеризуют действие или признак в отношении его качества, интенсивности, указывают на способ совершения действия, время, место, причину, условие выполнения действия: Усявтёг иславны он велав «Без падения кататься не научишься» (2,с.113); Сиктын быд потшёс и майёг пеляёсь и синмаёсь «В деревне каждая изгородь и кол с ушами и глазами» (2,с.108); Тшын пиысь би пиё веськавны «Из дыма в огонь попасть» (2,с.125); Весь олігад мортыд портитчё «От безделья человек портится» (2,с.73); Гуляйтігад коскад оз ётшкы «На гулянке поясицу не надорвёшь» (2,с.152); Кывйыд му помёдзыс нуодас «Язык до края земли доведёт» (2,с.135)

Особенно важным в таких изречениях является определение, обозначающее свойственный предмету непредикативный признак, выделяющий предмет из ряда других однородных предметов. Оно представля-

ет собой облигаторный член. Субстантивные слова нередко являются информативно недостаточными для формирования смысла конкретной пословицы или поговорки, поэтому требуют зависимого определения. При опущении или замене атрибутивного члена нарушается их смысл, теряется истинность. Определительную функцию выполняют (а) имена существительные, (б) причастия и причастные обороты: (а) Гулюлы варыш гыж оз пет «Голуби ястребиные когти не вырастут» (2,с.44); Йёз шог вылө эн радлы «Не радуйся чужой беде» (2, с.120); Йёзлөн ныйт оз кутчысь «Чужая грязь (невинному) не пристанет» (2,с.120); Йёз козинён эн козынась «Чужие подарки не дари (Дарёного не дарят)» (2,с.120); Йёз кийд – сёмын шом куравны «Чужими руками только угли собирать» (2,с.116); Събла лэчкё ошкыд оз шед «В сенок на рябчика медведь не попадется» (2, 96); Йёзыдлысь бёрдөмтё он тёдлы «Чужое горе легко переносится» (2,с.117); (б) Радейтан уджысь он мудз «От любимой работы не устанешь» (2,с.64); Вундём шөрөмтё бёр он йит «Обрезанный ломоть обратно не приставишь» (2,с.152); Шуём кывтё тöv нуö «Сказанное слово ветер уносит» (2,с.135); Ыръянитысь морттё олöмыс велöдас «Упрямого человека жизнь образумит» (2,с.112); Бёрд-тём кагатё оз качайтны «Не плачущего ребенка не качают». Следует отметить, что особое место в выражении атрибутивных отношений занимают имена прилагательные. Для формирования смысловой и структурной завершенности многих таких устойчивых сочетаний большое значение имеют адъективные слова, обозначающие признаки, качества предметов. Они помогают раскрыть отличительные свойства предмета, охарактеризовать предмет, лицо, придать яркость, образность, передать оценку, отношение к лицу, предмету, который является стержнем сообщений в форме пословиц и поговорок.

Атрибутивное прилагательное несет на себе смысловую нагрузку всего высказывания, способного к выражению «вечных истин», оно фактически формирует устойчивое сочетание. Адъективное определение является имплицативным основанием для вывода, который является обязательным в таких высказываниях. Оно является облигаторным для построения высказывания при существительных с широкой семантикой, при неполнозначных субстантивных словах, которые в пословицах и поговорках полностью или частично утрачивают свое лексическое значение, требуют конкретизации, уточнения своего содержания. К таким субстантивным именам относятся лексемы, называющие лицо

(морт «человек», мужик «муж», баба «жена» и т.п.), имена речи (кыв «слово», сёрни «разговор»), имена психических действий (мөвп, дум «мысль»), некоторые абстрактные существительные (олём «жизнь»), которые требуют обязательных распространителей. Без прилагательных имена существительные называют очень широкий класс предметов, поэтому не способны иметь полноценное значение, не могут быть использованы в пословице или поговорке. Семантическим центром пословицы, поговорки с такими субстантивными словами являются прилагательные, именно они выражают основную информацию, называют признаки предметов, отличающих их от других предметов этого же класса. Для формирования смысла пословиц и поговорок важными являются лица или предметы именно с этими признаками, оценками, с другой же качественной оценкой, другим признаком их смысл будет неистинным: Скуп мортлысь весиг ёшинь увсысь ёгсё он босът (2,с. 179) «У скупого и мусора со двора не выпросишь»; Сюсь мортлён водзас и мышкас синъясыс (2,с. 40) «У смышлёного человека глаза спереди и сзади»; Сюсь мортыд му пыдössьыс и ва пыдössьыс тёдö (2,с. 40) «Умный человек знает всё, что есть под водой и под землёй»; Горш мортыд и корысьлысь коран мешöксö гусялас (2,с.180) «Жадный человек и у нищего суму украдет»; Бöб мортлысь кык син костсьыс нырсö гусяласны (2,с. 42) «У мямли нос между глаз украдут».

В пословицах и поговорках атрибутивное прилагательное является обязательным и при лексически однозначных существительных, называющие конкретные предметы. Вся смысловая нагрузка также держится на нём, раскрываются сложные причинно-следственные связи без использования специальных грамматических средств: Гудыр ваад чери абу (2,с. 22) «В мутной воде рыба не водится»; Пыдöстём пельсаö ватö кöть век катлы (2, с.78) «Бездонную кадку водой не заполнить (букв. в бездонную кадку воду хоть всегда носи)». В этих изречениях прилагательные гудыр «мутный», пыдöстём «бездонный» нельзя устранить, т.к. при этом нарушается смысл сообщения: Ваад чери абу «В воде рыбы нет», пельсаö ватö кöть век катлы. Такие выражения будут неистинными, т.к. в кадку воду всегда нельзя таскать: она наполнится; рыба водится именно в воде (в реке). Признаки предметов, названные в адъективном слове, являются причиной отсутствия предмета (чери абу «рыбы нет»), совершения действия (катлы «носи»). В высказываниях с прилагательным могут строиться причинные отношения. Признаки, обозна-

ченные адъективным словом, могут являться причиной, основанием для определенных действий, состояний, отношений. Возникают глубинные связи между прилагательным и событием, названным в сообщении. В этом случае проявляется взаимодействие определения с предикатом: Зіль мортыдлӧн кок пыдӧсыс век пым (2,с.65) «У работающего человека ступня всегда горячая»; Гӧль олӧмыд кӧдзыд зэр улын олӧм кодъ (2,с. 198) «Жизнь бедняка – всё равно что жизнь под холодным дождем»; Омӧль вурсьысьдлӧн прӧстынясьыс чышъян оз артмы (2,с.78) «У плохого портного из простыни носового платка не получится».

Часто суждения, содержащиеся в пословицах и поговорках, строятся на противопоставлении самых существенных признаков предметов, относящихся к разным классам, реже – подклассам одного класса предметов, поэтому для них характерно широкое использование антонимов. Антонимические пары состоят из позитивного и негативно-го членов. Слова с противоположным значением используются для создания контраста проявления признака, свойства, для выражения несовместимых понятий, оценки. Семантический уровень всего высказывания создаётся именно прилагательными, без них невозможно передать смысл сообщения. Нравоучительный, назидательный характер изречений вытекает из этих признаков. Антонимы используются в пословицах и поговорках, имеющих форму (а) простого предложения, (б) сложного предложения. В простом предложении они являются обязательными распространителями субстантивных слов, в сложном предложении выполняют предикативную функцию: (а) И кӧдзыд го-жӧм шоныд тӧлысь шоныдджык овлӧ (2,с. 15) «И холодное лето теплее тёплой зимы»; Том йӧз дӧнад пӧрысь морт томмӧ (2,с. 39) «Среди молодых и старик молодеет»; Гудыр тысьсӧ сӧстӧм ва оз визувт (2,с. 193) «Из мутного озера чистая вода не потечёт»; Лӧк мужик дорад бур шыд он паньышт (2,с. 155) «При плохом муже хороших щей не хлебнёшь»; (б) Куница сьӧд, да дона, кӧч еджыд, да донтӧм (2,с.47) «Куница чёрная, но дорогая, а заяц белый, но дешёвый»; Вылысьыс мича, да пытшкӧсьыс мисьтӧм (2,с. 46) «Сверху красиво, внутри гнило»; Бур кылыд лытӧсьӧмтӧ бурдӧдас, а лӧк кывтӧ и нэмтӧ он вунӧд (2,с. 135) «Доброе слово все раны заживит, а плохое, недоброе слово и ввек не забудешь». В сложных предложениях антонимы могут быть в роли определения при подлежащем или дополнении и в составе сказуемого: Бур мужикыс лӧк бабасӧ бурӧ вайӧдас, а лӧк баба бур мужиксӧ лӧкӧ вайӧдас (2,с.154)

«Хороший муж плохую жену превратит в порядочную, а плохая жена и хорошего мужа сделает плохим».

Суждения строятся на обозначении одинаковых признаков разных предметов, атрибутивные прилагательные, называющие признак, повторяются. Наличие признака у одного предмета предполагает наличие такого же признака и у другого предмета, признаки должны соответствовать. Вся смысловая нагрузка изречений падает на прилагательные, называющие одни те же признаки предметов разных классов или подклассов, они составляют семантическую основу изречений. В них, как правило, даётся оценка, которая выражается общеоценочными прилагательными. Давая общую оценку, коммуникант и адресат речи должны хорошо знать различные свойства, качества предмета/лица, говорящий субъект должен имплицитно мотивировать свою оценку. Общая оценка даётся по совокупности признаков. Во всех случаях при общей оценке важен прагматический аспект, оценка определяется высказыванием, ситуацией речи, знаниями объективной действительности, картины мира. При общей оценке объект оценивается как «хороший» или «плохой». Оценка «хороший» означает соответствие определённой норме, стандарту. Оценка «плохой» – отклонение от нормы, стандарта; «...хорошее значит соответствующее идеализированной модели микро- или макромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности; плохое значит не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров» [1, с.181]. В конкретном высказывании из общего объёма оценки выделяются те качества, свойства, черты лица или предмета, которые важны для данной ситуации, для данного отрезка времени, для данных коммуникативных условий: Бур невесталы бур и жёник колё (2, с. 150) «Хорошей невесте хороший жених полагается»; Бур нывлы бур и дон (2, с.150) «Хорошей девушке хорошая цена»; Омоль кайыдлөн омоль и сыланкывйыс (2, с. 192) «У худой птицы худые и песни»; Омоль кёйдыссьыд – омоль и быдтас (2, с. 94) «От плохого семени не жди и хорошего племени». В сложных предложениях один и тот же признак является важным для обеих частей, без прилагательного теряется истинность, разрушается смысловая структура: Бур нывлы слава, а бур вёвлы дон (2, с. 153) «Хорошей девушке слава, а хорошей лошади цена». В пословицах и поговорках, имеющих форму сложных предложений, признак, названный в сказуемом главной части, возможен лишь при

наличии этого же признака в придаточной части: Смел йӧз дӧнын кӧ быдман, и ачӧд смел лоан (2, с. 48) «Среди смелых (людей) вырастешь, и сам смелым будешь».

Таким образом, в коми пословицах и поговорках широко представлены двусоставные и односоставные простые предложения. Из односоставных предложений наиболее часто используются обобщенно-личные предложения. Предикативная основа может быть выражена спрягаемым глаголом и именами, а в роли распространителей возможны лишь структурно и семантически облигаторные компоненты. Распространяются чаще всего одним или двумя второстепенными членами. В выражении главных членов и обязательных распространителей особое место занимают имена прилагательные.

Источники и литература

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М: «Языки русской культуры», 1998. 895 с.
2. Коми пословицы и поговорки/составитель Ф. Ф. Плесовский. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 208 с.

Федосеева Валентина Васильевна,
преподаватель ГБПОУ
«Кудымкарский
педагогический колледж»

Фразеологические единицы в романе В. Климова «Гублян»

Аннотация. В исследовании рассмотрен вопрос об использовании фразеологических оборотов в романе коми-пермяцкого писателя В. В. Климова «Гублян». Представлены примеры коми-пермяцких синтаксических единиц с точки зрения воспроизводимости.

Ключевые слова: фразеологические обороты и единицы, синтаксические единицы, воспроизводимость, лексическая структура.

Valentina V. Fedoseyeva,
Teacher of Kudymkarsky
Pedagogical College

Phraseological units in the novel «Gublian» by V. Klimov

Summary. The study examined the use of phraseological phrases in the novel “Gublian” by Komi-Permyak writer V. V. Klimov. Examples of Komi-Permian syntactic units in terms of reproducibility are presented.

Key words: phraseological turns and units, syntactic units, reproducibility, lexical structure.

Фразеология каждого языка оригинальна, т.к. в языке находят своё отражение и одновременно формируются ценности, идеалы и установки людей, языковые единицы представляют собой «бесценные ключи» к пониманию этих аспектов культуры. Фразеология коми-пермяцкого языка, как и всякого другого языка, глубоко своеобразна и носит ярко выраженный национальный характер.

Коми-пермяцкую фразеологию исследовала кандидат филологических наук А. С. Кривощёкова-Гантман (17.08.1921 – 31.05.1995), которая впервые рассмотрела коми-пермяцкие фразеологические обороты с различных сторон:

- 1) с точки зрения выяснения причин воспроизводимости;

- 2) с точки зрения лексического состава;
- 3) с лексико-семантической стороны;
- 4) со стороны грамматической структуры.

«Главной особенностью фразеологических оборотов является воспроизводимость. Анализ состава коми-пермяцкой фразеологии показывает, что воспроизводимыми в процессе исторического развития языка стали следующие синтаксические единицы:

- 1) устойчивые метафорические сочетания;
- 2) сочетания с изобразительными словами;
- 3) народные изречения и выражения с ценным жизненным общением;
- 4) устойчивые сравнения;
- 5) составные термины;
- 6) постоянные эпитеты;
- 7) эллиптические устойчивые сочетания слов;
- 8) эмоционально-экспрессивные выражения;
- 9) устойчивые гиперболы и литоты;
- 10) архаические обороты речи;
- 11) обороты с наличием эквивалентного заимствованного слова» (Гантман 1962: 145).

«Поскольку фразеологические обороты обладают воспроизводимостью (в готовом виде всплывают в сознании говорящих целиком при первой необходимости), они представляют собой неоценимое богатство языка, дополняют и разнообразят его лексический фонд. Лучшие писатели умело используют их в своих произведениях» (Гантман 1962: 132). Воспроизводимость фразеологического оборота способствует закреплению за ним вполне определённого целостного значения. В этом значении фразеологический оборот живёт в продолжение веков и унаследуется каждым новым поколением как готовое выражение. Значительная часть фразеологических оборотов имеет постоянную и неизменную лексическую структуру.

«Роман В. Климова «Гублян» представляет собою определённый итог в создании индивидуального стиля В. Климова» (Пахорукова 196: 111).

Анализ романа В. В. Климова «Гублян» выявил, что писатель широко использует фразеологизмы в речи героев, в описании их душевного состояния, в описании природы.

Таблица 1.

Состав фразеологических оборотов в романе «Гублян»

Синтаксические единицы	Примеры
1) Устойчивые метафорические сочетания	<i>Куш кидн</i> он кут (с. 25). ... <i>Ны, тувдѳм шег!</i> (с. 43). <i>Китѳм ракаэз!</i> (с. 48). <i>Сьѳлѳмыс кыкис ѳгѳрас</i> (с. 53). <i>Сьѳкыт дума муссѳ нималѳ</i> (с. 54). ... <i>Сьѳлѳмыс вѳрзис</i> местасис (с. 55). ... <i>Мѳртчѳтис синнэсѳ</i> (с. 56). <i>Оныс пыишис</i> (с. 66). <i>Артѳм торта</i>, уськѳтас кок йывсис (с. 71). <i>Видзѳт, кытчѳ кульыс пыртис</i> (с. 73). ... <i>Сэтшѳм лѳг кутис сийѳ</i> (с. 74). <i>Тальччѳма чѳрс кокнас</i> ... (с. 75). <i>Лов пуктам, юр пуктам</i> (с. 75). <i>Юрас пырис</i> Паладькаыс ... (с. 75). <i>И стыд кутис</i> пѳрись мортѳѳ ... (с. 75). ... <i>Чужѳм вылас ѳзѳѳны вир</i> (с. 80). ... <i>И кывджын эз горѳтчы</i> (с. 83). ... <i>Сьѳлѳмыс кыкис ѳгѳрѳ</i> (с. 83). ... <i>Дыр чушкас этасянь сьѳлѳмыс</i> (с. 90). <i>Старуха пондѳс</i> ... <i>Олявкасѳ вѳтъны нятъѳ</i> (с. 93).
2) Сочетания с изобразительными словами	<i>Шай-най лоис</i> (с. 207). <i>Рез-паз жугѳдѳмѳсѳ</i> (с. 113). <i>Гогыш-гогыш керасѳ</i> (с. 124). <i>Шувка-шовка горалис</i> мороз (с. 31). <i>Судьба додѳкыс шыллис-ыскѳвтис</i> (с. 181).
3) Народные изречения и выражения с ценным жизненным общением	<i>Нинкѳммеэз туйнысѳ тѳдѳны</i> (с. 213). <i>Он вежѳрт томмесѳ ѳни</i> – не кушман, не сѳртни, не роч, не коми (с. 153). <i>Чужыля пусѳ он веськѳт, ылѳстѳм мортѳс он велѳт</i> (с. 10). ... <i>Оланыс вились пуксис аслас ѳрѳ</i> (с. 26). <i>Корасьны</i> – не гусясьны (с. 57). <i>Важын ни вунѳтѳмыс</i> – талуння виль (с. 79). ... <i>Гѳнаыс кушыслѳ не ѳрт</i> ... (с. 125). <i>Иньякэс юрсинысѳ летѳны, а нывкаэс жѳѳник сайѳ петѳны</i> (с. 155).

4) Устойчивые сравнения	... Андрей Никитич – <i>осьтаём кодъ</i> (с. 35). Юрыс нач пустой, бытёт <i>вевта пестер</i> (с. 236). Оланис ёні, кыз бытшёма <i>пёжём сур</i> , больгис-вияліс (с. 81). ... дзик <i>виа бордён</i> кулигтез мавтё (с. 149).
5) Составные термины	Меным эзё висьталё, мыля эта <i>собранныёс чрезвычайной</i> ... (с. 104). <i>Али советской торговлялісь</i> уджсё ог тёд? (с. 105). Тэ босьтін <i>государственной обязательство</i> (с. 111). <i>Больничной лабораторияын</i> Котёрок лекарствоис нем умблсё абу адзёмась (с. 122). Посёдз дынас сулаліс <i>легковой машина</i> ... (с. 125).
6) Постоянные эпитеты	<i>Сьёлём шог</i> тэ менам (с. 156). Кытшём нё пё тэ <i>зарни ки</i> ... (с. 148).
7) Эллиптические устойчивые сочетания слов	<i>Сія не сія</i> мунё ... (с. 83). <i>Веськыта висьтавыны</i> колё ... (с. 169).
8) Эмоционально-экспрессивные выражения	<i>Тыр доз</i> тіянлё ... (с. 254).
9) Устойчивые гиперболы и литоты	<i>Воть абу...</i> (с. 175). <i>Ныр вылё усьтёдз</i> уджалісё (с. 271).
10) Архаические обороты речи	<i>Оляквалён дышыс петіс</i> киськасьны (с. 203). Татён докладчиккезлісь <i>ёмнысё тупкалёны</i> (с. 107).
11) Обороты с наличием эквивалентного заимствованного слова	<i>Охота тэнат</i> шоньт <i>борд</i> увтын овны (с. 232). <i>Оляквас</i> неважын <i>пуктісё председателяс</i> , <i>ёні сія бергётлё сельпонас</i> (с. 102).

Анализ фразеологизмов в романе В. Климова «Гублян» выявил, что автор использовал все 11 видов воспроизводимых синтаксических единиц (по классификации А. С. Гантман), что делает язык романа ярким, образным, своеобразным.

Литература

1. Гантман А. С. Фразеология // Коми-пермяцкий язык. Введение, Фонети-

ка, Лексика и морфология: Учебник для высших учебных заведений / Под. ред. и при соавторстве проф. В.И. Лыткина. – Кудымкар, 1962.

2. Климов В. В. Гублян // В. В. Климов. Лёньыс оз ло. – Кудымкар, 1987. – 387 с.

3. Пахорукова В. В. Современная коми-пермяцкая литература. – Сыктывкар, 1996. – 191 с.

*Дудина Анастасия Сергеевна,
м.н.с., КГАОУ ДПО
«Коми-Пермяцкий институт
повышения квалификации
работников образования»
dudina.nas2012@yandex.ru*

Концепт пути в повести И. А. Минина «Сто вёрст до города»

*Anastasia S. Dudina,
junior researcher of
Komi-Permyatskiy Institute of
advanced training of educators
dudina.nas2012@yandex.ru*

**The concept of the way in the story “One hundred versts to the city”
by I. A. Minin**

Термин «концепт» относится к эпохе средневекового концептуализма, основоположниками которого считаются Т. Гобс, П. Абеляр и др. По словам С. С. Неретиной, «концептуализм рассматривал концепты как универсалии, которые обобщают признаки вещей и созданы разумом для его внутреннего употребления, фокусируя в себе важную и актуальную информацию. П. Абеляр считал концептом совокупность понятий, связывание высказываний в единую точку зрения на тот или другой предмет при условии определяющей силы разума» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Неретина 1994: 119].

В современном научном знании термин концепт получил широкое распространение. Литературоведение не является исключением. В «Кратком словаре когнитивных терминов» даётся следующее определение концепта: «Концепт – термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике. Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и ко-

которые отражают содержание опыта и знания» [Кубрякова 1996: 90].

Ю. С. Степанов термин «концепт» определяет так: «Концепт – явление того же порядка, что и понятие. По своей внутренней форме в русском языке слова концепт и понятие одинаковы. <...> Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на неё» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Степанов 2001: 430].

Данное определение берётся нами за основу в анализе литературного материала – повести Минина «Сто вёрст до города» (1968). Своё внимание мы сосредоточим на концепте пути. Как известно, слово путь имеет прямое и переносное значение. В прямом значении путь – это полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения; в переносном значении – это образ действий, направление деятельности, жизненное движение, жизненная дорога. В повести «Сто вёрст до города», являющейся самым значительным произведением писателя, концепт пути приобретает смыслообразующее значение и поэтому заслуживает специального рассмотрения.

Воспроизведём фабулу рассматриваемого произведения. Двух молодых людей, Степанко и Митюбарана, отправляют из Лобаново в Кудымкар для того, чтобы отвезти горох для солдат, сражающихся на фронте (идёт Великая Отечественная война). Преодолев огромные трудности, встретившиеся на пути, Степанко довозит свой груз до цели назначения, а Митюбаран получает по заслугам за съеденный им и испорченный горох.

С первых строк повести видно, что все географические объекты, оказавшиеся в поле зрения автора и героев, являются реальными. Они и по сей день существуют на территории Коми-Пермяцкого округа. Первым населённым пунктом, упоминаемым Минниным, является родное село героев – Лобаново. Оно – начало их длинного пути. Кудымкар – это конечный пункт, это далёкий город, дорога к которому тяжела и опасна для подростков.

Первым местом, где остановились Степанко и Митюбаран, стал крутой берег реки Косы. Оставив пастись лошадей, ребята легли спать. Проснувшись утром, Степанко понял, что на реке он остался один: «Глянул туда, глянул сюда, а Митюбарана и след простыл. На том месте,

где вчера стояла его телега, была только измусоленная трава, да чернел свежий конский навоз, сплошь покрытый мухами» [Минин 1979: 29]. Свой путь до Кудымкара герой продолжил один.

Следующим местом остановки Степанко был торговый посад Юм. В этом селе Степанко встретил Ивана Першина, который помог ему с едой и дал некоторые наставления. «<...> «Меня-то ты можешь и позабыть. А вот это лихое время помни до смерти. Никогда не забывай, какое горе пришлось нам пережить через людоеда Гитлера. Детям своим расскажи, внукам передай...» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Минин 1979: 53].

Памятной была остановка Степанко в Юрле, потом в деревне Косогор. В Косогоре Степанко взял в руки гармошку, так как никто из деревенских жителей не владел инструментом. В благодарность обитатели Косогора помогли его коню Сырчику взобраться на высокую гору. Когда Степанко и Сырчик были уже на вершине холма, герой заметил выглядывавшую из-под брезента незнакомую котомочку: «<...> а в ней печёные картошки, яйца, полковриги хлеба. Но вот со дна мешочка выпал небольшой носовой платочек, и всё стало ясно. На одном уголке платка значилось вышитое гладью единственное слово: «Маруся» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Минин 1979: 81].

Преодолев трудности, Степанко прибыл в село Белоево. Здесь он встретил бабу Марпиду, работавшую бригадиром. Она дала герою лошадей, велела оставить Сырчика отдохнуть, набраться сил, чтобы, возвращаясь, Степанко мог забрать своего друга и вместе с ним вернуться домой.

Наконец длинная и тяжёлая дорога была позади. Степанко справился с задачей: он довёз горох до Кудымкара. В этом заслуга не только его, но и тех людей, которых он встретил в пути. Без их помощи герой не смог бы достичь цели, проделать трудный путь, пролежавший через известные и неизвестные населённые пункты, леса и поля. Злые и добрые, готовые помочь и отказывающие в помощи люди демонстрируют герою жизнь во всей её сложности. На их примерах Степанко учится помогать другим, любить, не черстветь душой, в любой (даже в самой трудной ситуации) оставаться человеком.

Наряду с прямым значением концепт пути используется Мининым в метафорическом значении. Путь в повести имеет символический план, он связан со становлением личности главного героя. Символика пути основывается на сказочной подоплёке. Современные исследователи уже

не раз обращали внимание на взаимодействие мининской повести со сказкой. Вслед за ними выделим некоторые сказочные элементы и мы.

Сказочным в повести «Сто вёрст до города» является сюжет, поступки героев также ориентированы на сказочные прототипы. В частности, определённые параллели можно обнаружить в повести с коми-пермяцкой сказкой «Ваня – глупый сын». В основе фольклорного и литературного произведений лежит мотив дороги. Герой сказки отправляется в путь торговать дёгтем, Степанко едет в Кудымкар, чтобы отвезти горох для солдат.

Как сказочного героя, так и героя литературного произведения на пути ожидают серьёзные препятствия. Например, в сказке герою приходится охранять золото, где живёт чёрт. В повести трудности героя связаны, в том числе, с преодолением крутых гор и холмов. «Вот впереди опять виднеется деревня. Рядом с ней большой холм, круглый, точно каравай. Сумеют ли подняться? Если не хватит силёнок у лошади – беда» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Минин 1979: 30].

В волшебной сказке обязательными атрибутами являются чудесные предметы. Но в сказке «Ваня – глупый сын» отец, кроме лодки с дёгтем, сыну ничего не дал. В повести Минина, предметов, обладающих волшебными свойствами, тоже нет. «Помощниками» оказываются окружающие героев люди. Например, деревенский мальчишка, раненный солдат, Сергей Платонович, оказывавшие Степанко и Сырчику помощь в подъёме на вершину холмов и крутых гор. Такими помощниками показаны Першин Иван, Маруська, Васей Петрович. Они не только накормили Степанко, но и вселили в него уверенность, не позволили упасть духом. «Помощницей» стала Марпида Петровна, которая предложила Степанко лошадей. К числу «помощников» можно отнести также почтальона, давшего понять Степанко, что не у него одного в это лихолетье такая сложная задача.

И в сказке, и в повести герои решают поставленную перед ними задачу. В сказке Ваня за дёготь получает золото и невесту, у Минина Степанко довозит горох до Кудымкара: «Степанко радовался. Вот и дело сделано! Боевое задание выполнено. Сейчас можно отправляться домой, к своим» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Минин 1979: 92].

По В. Я. Проппу, волшебная сказка должна заканчиваться счастливо. В рассмотренной коми-пермяцкой повести, как и в сказке, финал вполне благополучный. В волшебных сказках «мудрым» является са-

мый молодой герой. В мининской повести Степанко моложе Митюбарана «<...> четырнадцатый год на свете живёт. Мужик» [Минин 1979: 9]. «Митюбаран вчера обратно из армии вернулся, не взяли его, мало-го, в армию» [Минин 1979: 13]. Но, несмотря на свой юный возраст, Степанко оказался мудрее Митюбарана, он понял, что для солдат горох будет нужнее, чем им: «Конечно, много. Получится, брат, ровным счётом тысяча пятьсот обедов. Это значит, можно будет накормить целый полк солдат!» [КОНЕЦ ЦИТАТЫ Минин 1979: 33]. Разумный Степанко, более юный, чем его напарник, противопоставлен безответственному Митюбарану. Не случайно Степанко, у которого отец на войне, единственный кормилец в семье, он в ответе за свою семью. Он чувствует себя ответственным и за тыл, когда везёт горох в Кудымкар.

По сказочной модели, Митюбаран выступает героем-антагонистом, совершающим вредительство. Он не мог смириться с тем, что Степанко отказался съесть горох, поэтому и оставил своего друга одного с измождённой лошастью. Фольклорным прототипом Степанко является Ваня из коми-пермяцкой сказки. И фольклорный, и литературный герои честно шли к достижению своей цели и добились того, чего хотели.

Наши наблюдения показали, что в повести «Сто вёрст до города» главную роль играет концепт пути. Путь является не только реальной дорогой, но и метафорой нравственного роста главного героя. На протяжении своего пути в Кудымкар Степанко самосовершенствовался. Нельзя сказать, что герой отправлялся в путь отрицательным персонажем, а к концу пути стал совершенно другим человеком. И в начале, и в конце путешествия Степанко, безусловно, положительный герой. Но в финале он, пройдя испытания, преодолев тяготы, нравственно окреп, морально вырос. Выпавшие на его долю несчастья закалили его характер. Путь в символическом плане – это рост человека, вносящего свой посильный вклад в разгром врага. «Солдаты будут сыты», – сказал про себя Степанко и прыгнул в телегу» [Минин 1979: 95]. Это главный итог пути героя и смысл метафоры «сто вёрст до города».

Литература

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под общей редакцией д-ра филол. наук проф. В. П. Нерознак. М.: Academia, 1997. С. 274–275.
2. Климов В. В. Жили-были. Кудымкар: Пермское книжное издательство,

Коми-Пермяцкое отделение, 1990. 366 с.

3. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.

4. Минин И. А. Кайские повести. Пермь: Пермское книжное издательство, 1979. 183 с.

5. Неретина С. С. Слово и текст в средневековой культуре. Концептуализм П. Абеляра. М., 1994. 216 с.

6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов. М., 1989. 921 с.

7. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. М.: Академический проект, 2001. 982 с.

*Дерябина Нина Николаевна,
преподаватель Кудымкарского
педагогического колледжа
kpk-dnn@yandex.ru*

Развитие национального образования в Коми-Пермяцком округе

Аннотация. В статье освещаются основные этапы развития школы в Коми-Пермяцком округе и статуса в ней коми-пермяцкого языка.

Ключевые слова: пермяцкая школа, учительский институт, политика оптимизации, ценность коми-пермяцкой культуры, национализм.

*Nina N. Deryabina,
Teacher of Pedagogical
Colledge of Kudymkar,
kpk-dnn@yandex.ru*

Development of national education in the Komi-Permian district

Summary. The article highlights the main stages of the school development in the Komi-Permian district and the status of the Komi-Permian language in it.

Key words: Permian school, teachers ' Institute, optimization policy, the value of the Komi-Permian culture, nationalism.

В конце XIX – начале XX вв. миссионерским центром и поставщиком материальных и духовных ресурсов для инородческого населения был г. Казань. Видную роль в подготовке первого поколения интеллигенции нерусских народов сыграли учительские семинарии Ильминского. С 1872 г. и до закрытия этих семинарий в 1919 г. их закончили не менее 20 коми-пермяков, которые дали новый импульс в развитии пермяцкой школы. В начале 1890-х гг. Ермолай Попов в Перми издал первый букварь для иньвенских детей. В 1897 г. в Казани Кондратий Мошегов издал букварь на северном наречии [1.с.86]. В дальнейшем до 1910 г. выпускниками семинарий были изданы до десятка школьных учебников, которые позволили обучать детей на пермяцком языке. В 1910-х гг. использование в школах языков национальных меньшинств

было затруднено, это же отразилось на издательском деле, но уже с 1920 г. начался новый подъём развития пермяцкой школы и обучения детей на родном языке.

В конце 1924–1925 учебного года школьная сеть округа состояла из 90 школ, из них 85 школ I ступени (начальных) со сроком обучения 5 лет, 69 из которых обучение вели только на пермяцком языке, 3 семилетки и 2 школы II ступени в Кудымкаре и Юсьве. Ими было охвачено 5842 человека, из которых 3,5 тыс. (60%) пермяки. В 1927–1928 учебном году первые классы всех школ были переведены на родной язык обучения. В 1930–1931 учебном году было уже 240 школ, в т. ч. 7 ШКМ (вместе с переростками) и 3 школы II ступени (средних) с общим числом учащихся 20100 человек. С этого года все школы первой ступени (кроме русских с/советов) обучали детей на коми-пермяцком языке [2.с.81].

В СССР готовился переход на повышение уровня образования. В связи с этим с 1933–1934 учебного года стали открываться учительские институты с двухлетним сроком обучения, по типу педвузов. К 1940 году их было уже 130. В январе 1940 г. создан Кудымкарский учительский институт для подготовки учителей 5–7-х классов на базе педтехникума. В этом году из выпускников педтехникума был осуществлен первый набор на филологическое и естественно-математическое отделения. Позже открылись историческое и естественно-географическое отделения.

С 1949–1950 учебного года было введено всеобщее обязательное семилетнее образование. К этому времени было построено 20 новых школьных зданий, а дополнительно открыто 67 новых школ на 3900 ученических мест.

К началу 1954–1955 учебного года в округе функционировали уже 334 школы, из них 234 начальных, 85 семилетних и 15 средних. Кроме того, для обучения взрослых – 6 вечерних школ: в Гайнах, Усть-Косе, Юрле, Кудымкаре (с 1946 г.), Пешнигорте и Юсьве с общим охватом 300 человек. В 1955 году средние школы округа окончили более 600 человек [3.с.79]. В 1956 г. учительский институт был закрыт, подготовив 2150 учителей с незаконченным высшим образованием. Кроме того в институте были разработаны учебные программы по родному языку для 5–7 классов национальных школ округа [2.с.83].

К этому времени в школах округа обнаружилась диспропорция в изучении коми-пермяцкого и русского языков. До 1951–1952 учебного года изучение русского языка начиналось только с третьего класса. Все

другие дисциплины изучались на коми-пермяцком языке. Поэтому учащиеся, окончившие четвёртый класс, почти не знали русского языка, а окончившие семилетку, среднюю школу – владели им слабо. В 1951 году был разработан и введён учебный план, согласно которому изучение русского языка в национальных школах начиналось с первого класса [3.с.81]. Началось время массового перевода национальных школ на русский язык обучения. Так национальная школа стала утрачивать свои черты и превратилась по существу в русскую школу. Снижился престиж коми-пермяцкого языка, и к нему стали относиться как языку второго сорта. Такое отношение к родному языку стало проникать и в сознание самих коми-пермяков [4.с.154]. Число предметов, преподававшихся в школе на родном языке, всё время сокращалось, пока не остались только родной язык и родная литература.

За последние десятилетия советского периода коми-пермяцкий язык был доведён до уровня бытового. Все остальные сферы – общественно-политическая жизнь, делопроизводство, преподавание в учебных заведениях, наука, культура, средства массовой коммуникации, межнациональные и международные отношения – развивались только на русском языке [5.с.627]. Выросли поколения, слабо владеющие родным языком. Такая языковая политика вызывала усиленную ассимиляцию, особенно в послевоенные годы.

Так за 30 лет, с 1959 по 1989 гг., коми-пермяки из-за ассимиляции потеряли в численности более 30 тыс. человек. По демографическим расчётам, при отсутствии ассимиляции перепись 1989 г. вместо 152 тыс. показала бы 180–200 тыс. общего количества коми-пермяков [1. с.121].

За последние годы, в связи с изменением государственной политики России к национальным меньшинствам, языковое положение коми-пермяков улучшилось. Ныне люди уже осмеливаются разговаривать на родном языке вне домашних стен – на работе и на улице. Однако отход от родного языка продолжается по всем направлениям, особенно в школе. Хотя принимаются меры по сохранению родного языка в школе.

В 1991 г. 87 школ, 505 классов (из 1605) работали по национальной программе. Началось изучение родного языка в детских садах. 93 детсада из 280 работали по национальной программе [6. с.166]. Но политика оптимизации школьной сети привела к сокращению числа изучающих коми-пермяцкий язык.

С 1995 по 2015 гг. число школ уменьшилось на 41%: закрылись, в основном, малокомплектные школы, в которых велось преподавание родного языка. И количество изучающих коми-пермяцкий язык уменьшилось на 49%. Теперь из 13500 учащихся школ изучают его только 3375, или 25%. Главная причина кроется в отсутствии требований единой государственной национальной политики на территории округа: руководители школ решают её самостоятельно – идут по пути наименьшего сопротивления. Другая причина кроется в позиции родителей. Коми-пермяцкий язык теряет свои позиции не столько из-за того, что «злая власть» не даёт преподавать его в полной мере в школе, а из-за нежелания родителей учить ему детей. Идентичность исчезает не столько из-за насильственной ассимиляции (хотя и это имеет место), а потому, что молодёжь в 2,5 миллионной русскоязычной среде края старается скорее забыть коми-пермяцкое прошлое. То есть, не воспитываются в них патриотические чувства, чувства гордости за свой язык, за свою тысячелетнюю неповторимую культуру, а все рычаги воздействия находятся теперь в администрации Пермского края.

Наша задача теперь – это убеждать всех коми-пермяков оставаться верными своему языку и непреходящей ценности коми-пермяцкой культуры. Личность не может формироваться вне нации, а язык – это главный атрибут нации. Нация даёт личности феноменальные богатства, которые имеет только она одна, и только она может дать их личности. Язык – это элемент коллективного разума народа и с его помощью личность впитывает богатства, созданные многими поколениями людей. Литература, поэзия, культура, традиции, опыт, религия, менталитет, система воспитания – всё это богатства нации и они формируют личность.

Таким образом, только совместными усилиями родительской общественности и школы при правильной постановке национальной политики властью можно воспитывать в подрастающих личностях настоящих националистов в хорошем смысле этого слова, любящих свой язык, культуру, традиции, свою историю, свою родину и умеющих защищать интересы своего народа.

Источники и литература

1. Лаллукка С. Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. – СПб: Европейский Дом, 2010. – 334с.
2. Бачев Г. Т. История развития родного языка, письменности и просвеще-

ния коми-пермяцкого народа // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 77–81.

3. Кривощёкова А. Ф. Очерки истории коми-пермяцкой школы. – Молотов: Кн.изд.; 1956. – 88с.

4. Галкина М. Е. О некоторых проблемах развития коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 153–155.

5. Smirnov, S., Dulitšenko, A. Tegelikukeelepoliitikapõhijooni Nõukogude Liidus // KeeljaKirjandus. – Tallinn, 1982 – С. 623-632.

6. Моисеевских Ю. А. Исторический путь и основные направления развития коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 164–173.

Курс Отт,

*доктор философии, к.геогр.н., профессор
профессор-эмеритус*

Тартусского университета

ott.kurs@ut.ee

О путях развития и укрепления позиций национального языка

Аннотация. В статье рассматриваются развитие и современный статус коми-пермяцкого литературного языка, показываются основы языкового планирования на примере эстонского языка, затем анализируется языковое строительство в современных условиях.

Ключевые слова: языковое планирование, языковое строительство, финно-угорские языки, старые и новые литературные языки, коми-пермяцкий язык, эстонский язык.

Ott Kurs,

*PhD, Professor-emeritus
of University of Tartu*

ott.kurs@ut.ee

About the ways of development and strengthening of the national language

Summary. The article discusses the development and current status of the Komi-Permian literary language, shows the basics of language planning on the example of the Estonian language, and then analyzes the language construction in modern conditions.

Key words: language planning, language construction, Finno-Ugric languages, old and new literary languages, Komi-Permian language, Estonian language.

1. О развитии и современном статусе коми-пермяцкого литературного языка

Коми-пермяцкий – один из младописьменных языков России. Разработка коми-пермяцкой письменности проходила несколько этапов.

До Революции 1917 года литература (отдельные издания) печатались на разных диалектах коми – на вычегодском, сысольском, удорском, ижемском, иньвенском и косинско-камском диалектах. В вопросах графики и орфографии не было чётких правил, отсутствовало единообразие в письме, лексика письменного языка и терминология не были упорядочены.

В послереволюционный период стали развивать литературный общекоми язык на основе присыктивкарского говора сысольского диалекта. Для этого был принят алфавит, предложенный коми учёным В. А. Молодцовым (*Сандро Вась*, 1886–1940). Был принят курс на обогащение литературного языка на основе всех остальных коми диалектов [1, с.22]. В 1921 г. в Сыктывкаре (Усть-Сысольске) издаётся букварь коми, а в Кудымкаре открываются двухгодичные курсы педагогов [2]. В марте 1923 г. в Кудымкаре состоялся первый съезд культурных сил Иньвенского края. Там же был и дополнен молодцовский алфавит отсутствующими в коми (и вообще в пермских языках) буквами *ф*, *х*, *ц*, *ш* [3]. Так началось создание коми-пермяцкого литературного языка. Цель такого мероприятия – развитие культуры той части коми, которая не была включена в состав автономной области Коми в 1921 г. В августе 1923 г. на конференции литературных работников в Сыктывкаре попытались еще раз создать единый литературный язык коми. Но этому не суждено было сбыться [2].

Образование Коми-Пермяцкого округа в феврале 1925 г. дало окончательный толчок для развития коми-пермяцкого как самостоятельного литературного языка. В округе началась комизация школы – в 60 % школ первой ступени обучение шло на родном языке, удельный вес учителей коми поднялся до 54 % [2].

Таким образом, коми-пермяцкий оказался одним из новых литературных языков страны. Ввиду политической концепции того времени, что центром мировой революции станет Западная Европа, считали целесообразным перевести литературные языки невесточнославянских народов на основу латинизированного алфавита. Так, к 1933 г. из 72 новых литературных языков 64 пользовались латинской графикой [4]. Среди них был и коми-пермяцкий язык. К концу 1930-х гг., в связи с изменением политической концепции, латинизация письменности была отменена. В Коми-Пермяцком округе этот алфавит просуществовал до августа 1938 г. [2]. С принятием в 1938 г. Закона «Об обяза-

тельном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» началось время массового перевода национальных школ на русский язык обучения. Так, национальная школа стала утрачивать свои черты и превратилась по существу в русскую школу. Снижился престиж языка коми и к нему стали относиться как к языку второго сорта. Такое отношение к родному языку стало проникать и в сознание самих коми-пермяков [5]. Число предметов, преподававшихся в школе на родном языке, всё время сокращалось, пока остались только родной язык и родная литература.¹

За последние десятилетия советского периода коми-пермяцкий язык был доведён до уровня бытового. Все остальные сферы – общественно-политическая жизнь, делопроизводство, преподавание в учебных заведениях, наука, культура, средства массовой коммуникации, межнациональные и международные отношения – развивались только на русском языке [6]. Выросли поколения, слабо владеющие родным языком. Такая языковая политика вызывала усиленную ассимиляцию, особенно в послевоенные годы. Так, за 30 лет, с 1959 по 1989 гг., коми-пермяки из-за ассимиляции потерпели утраты в размере 30 тыс. чел. По демографическим расчётам, при отсутствии ассимиляции перепись 1989 г. вместо 152 тыс. могла быть 180–200 тыс. общего количества коми-пермяков [7].

За последние годы, в связи с изменением государственной политики России к национальным меньшинствам, языковое положение коми-пермяков улучшилось. Ныне люди уже осмеливаются разговаривать на родном языке вне домашних стен – на работе и на улице. В целях дальнейшего развития национального языка следует провести языковое планирование и языковое строительство.

2. Основы языкового планирования (на примере эстонского языка)

В прошлом поддерживалось мнение, что преднамеренные направления и изменения в языке невозможны. Этот взгляд был связан с общим положением, что индивидуальные инициативы и влияние ру-

¹ Автор настоящей статьи объездил летом 1961 г. все районы (кроме Юсьвинского) Коми-Пермяцкою округа и беседовал с работниками районо. В то время в семилетних школах ещё все предметы преподавали на родном языке. Для этого были выпущены оригинальные и переводные учебники на коми-пермяцком языке.

ководящих лиц не могут изменить ход социальных явлений. Однако в действительности имеются многие силы, способные изменить обычаи и развитие общества, в т. ч. и языка. Такими силами являются – подражающий инстинкт (*imitative instinct*), авторитет, престиж, пропаганда и, наконец, сила [8, с.22].

Основные функции языка в обществе – информационное, интеллектуальное, эстетическое, научное и религиозное обслуживание. В течение первой половины XX века развивались определённые принципы и методы языкового планирования (ЯП) [8, с.29–44]. Идеальным языком считается тот, который при минимуме значений слов (*by the minimum of means*) достигает максимальные результаты (*attains the maximum of means*). Так выделены принципы ясности, экономичности и эстетичности, которые применяются в целях прикладного ЯП.

В рамках ЯП решаются также проблемы морфологии, синтаксиса и, в частности, лексикологии, поскольку последняя является основой как общей коммуникации, так и языка разных специальностей и стиля. В рациональном ЯП происхождение слов не имеет значения и национальный пуризм является уже пройденным этапом. Чтобы способствовать коммуникации между соседними народами, рекомендуется пользоваться заимствованными из родственных языков словами. Так поступали многие европейские народы, в т. ч. Скандинавского и Балтийского регионов. В эстонском языке много слов и терминов, заимствованных из финского языка.

Если слова неродного происхождения трудно произносить, то следует их адаптировать или заменить неологизмами. Наиболее часто используемые слова должны быть короткими и меткими. Таким образом, принцип интернациональности часто противоположен принципу экономичности. Основные источники неологизмов – диалектные слова. Из них можно конструировать и абстрактные слова. Что касается конкретных терминов, то их можно получить также из диалектизмов, после их частичной переработки. В эстонских диалектах было распространено слово *raskejalgne* (с тяжёлой ногой, т. е. беременная), от которого образовалось слово *rased*. Ныне это слово используется и в медицине, и в ежедневной речи.

Для образования новых слов пользуются методами комбинации, трансформации и конструкции. Наиболее известный комбинатор новых слов – эстонский языковед И. Аавик. Метод комбинации довольно

трудоёмкий. Например, для получения слова *veenma* (убеждать) он выписывал 297 вариантов, из которых выбирал наиболее звучное и экономичное слово. Для получения коротких и звучных слов принимается метод трансформации. При этом новые слова образуются из слов неродного происхождения. В эстонском языке такими словами являются *embama* (< фр. *embrasser* ‘обнимать’), *evima* (< англ. *have* ‘иметь, обладать’), *ese* (< фин. *esine* ‘вещь, предмет’), *jallis* (< фр. *jaloux* ‘ревнивый’), *laip* (< нем. *Leib, Leiche* ‘труп’), *laup* (< русс. к. *лоб*), *huutma* (< англ. *to exclude* ‘исключить’), *lünk* (< нем. *Lücke*, греч. *lacuna* ‘пробел’), *peirima* (< греч. *empeiria* ‘испытывать’), *siiras* (< фр. *sincère* ‘искренный’), *sulnis* (< фин. *suloinen* ‘прелестный, увлекательный’), *taunima* (< фр. *condamner*, фин. *tuomita* ‘осуждать’), *uје* (< фин. *ujo* ‘застенчивый’), и др. Все эти слова образованы Й. Аавиком. Метод конструкции известен во многих языках. При этом новое слово образуется из некоторых уже существующих слов. В русском языке такими словами являются комсомол, профсоюз, колхоз) и др., в английском – *hit* (< *binary digit*), *smog* (< *smoke + fog*), *smust* (< *smoke + dust*), *sneet* (< *snow + sleet*), *squarson* (< *squire + parson*), *weth* (< *with + breath*) и т. д.

Потребность в ЯП разная в разных языках. Как правило, старые литературные языки не нуждаются в ЯП. Началом ЯП считают языковые реформы XVIII и XIX вв. в Венгрии. Прекрасным примером ЯП является создание нового литературного языка в Норвегии. С конца XIV века в Норвегии распространялся датский литературный язык. В первой половине XIX в. началась борьба против засилия датского языка, а с середины XIX в. – борьба между двумя формами литературных норвежских языков – *риксмол* (или *букмол*), который образовался в XIX в. на основе датской лексики и грамматики, по норвежской фонетике, и *лансмол* (*нюнорск* или *новонорвежский язык*), который возник в середине XIX века в результате искусственного синтеза норвежских диалектов. Автором лансмолы был лингвист Ивар Осен (*Ivar Aasen*, 1813–1896).

До 1870-х гг. не было общего эстонского литературного языка, так как с XVI в. существовали северо- и южноэстонский литературные языки. Первый возник на основе таллинских, второй – тартуских диалектов. Во второй половине XIX в. начинается образование и унификация общеэстонского национального языка. Большие заслуги в развитии и обогащении литературного языка имели Йоханнес Аавик

(*Johannes Aavik*, 1880–1973) и Йоханнес Вольдемар Вески (*Johannes Voldemar Veski*, 1873–1968).²

Й. Аавик начал свою радикальную деятельность в 1912 г. Он поделил принципы целесообразности, красоты и самобытности языка. В дальнейшем в его деятельности в области ЯП преобладал принцип красоты (эстетики). В 1912–1924 гг. он также внедрил в эстонском языке около тысячи слов финского происхождения, в т. ч. такие, как *aare* ‘сокровище’, *hetk* ‘мгновение’, *julm* ‘жестокий’, *levima* ‘распространяться’, *siirduma* ‘направляться’ [9]. По Й. Аавику язык – это средство, или орудие, требующее непрерывного совершенствования. Владея, кроме эстонского, немецким, русским, французским, латинским, финским, английским и шведским языками, он пришел к выводу, что эстонский язык несовершенен. По историческим причинам эстонский язык в течение многих столетий остался языком простых людей, проживающих в условиях нищеты и угнетения, и поэтому в языке много беззвучных и даже грубых слов. В условиях, когда народ стал бороться за свое место среди культурных народов, по Й. Аавику, красивые формы должны заменить уродливые [10]. Следует напомнить, что Й. Аавик начал свою активную деятельность в области ЯП еще в то время, когда эстонские земли были разделены между несколькими губерниями и у эстонского народа не было никакой автономии. Его научное наследство подробно изучено и представлено в мировых лингвистических изданиях эстонским языковедом Валтером Таули (*Valter Tauli*, 1907–1986).

Другой крупный языковед – Й. В. Вески – разрабатывал, вместе с другими учеными и специалистами, тысячи терминов. Он опирался при этом на эстонские диалекты [11]. В своих трудах, написанных в 1900–1914 гг., Й. В. Вески рекомендовал сохранить в эстонской фонетической системе хорошо приспособленные заимствованные слова. Он подчеркнул важность диалектных слов в образовании новых терминов [11, с.5–40]. Но ему не были чужды и методы деривации и создания искусственных слов. Кстати, в эстонском языке не было специального слова для пихты, так как это дерево в лесах Эстонии не растёт. По инициативе Й. В. Вески нужное слово заимствовали из марийского языка (*нулго*). Так, в эстонском языке нашло своё место новое слово *nulg*.

Совершенствованием эстонского языка и созданием новых слов

² Более подробно о них см. 15 и 16.

стали снова заниматься в 1960-е гг. В конце советского периода вышли из печати словари забытых и новых слов [12, 13, 14].

Таким образом, ЯП – это научное и целенаправленное влияние развития языка не только государством и общественными организациями, но и частными лицами.

3. Языковое строительство в современных условиях

Языковое строительство (ЯС) – это практическое осуществление языковой политики. В первой части нашей статьи отмечено, что после неудачной попытки унификации литературных языков национальных меньшинств России на основе латинской графики, письменности были переведены на русской графике. Но в основу нормирования языков были положены разные орфографические, фонологические и морфологические принципы. Даже генетически близкородственные языки различались по собственным вариантам. Такое положение затрудняет сравнение языковых данных [17].

Другой особенностью ЯС национальных меньшинств России является то обстоятельство, что не учитывалась в достаточной мере диалектная база языков. Так и для финно-угорских народов литературные языки были созданы обычно на одном диалекте. Поскольку языковая политика является составной частью общегосударственной политики, нетрудно видеть в этом попытку ослабления малых народов и создания условий для включения их в общесоветскую народность. Язык – самый важный признак этноса. Поэтому нужен соединяющий всех членов этноса сильный литературный язык. Чтобы он мог быть сильным, в нём должны быть охвачены в какой-то мере все диалекты. Национальному языку надо быть гибким и терпеть диалектную вариацию на всех уровнях. Вся лексика диалектов должна быть усвоена литературным языком. Важнейшей предпосылкой такого литературного языка является активное обучение родного языка в школе и распространение сферы употребления родного языка в общественной и культурной жизни. Литературный язык должен стать повседневным для всех членов языкового общества [18].

После более чем полувекового периода нажима, для финно-угорских и других коренных народов России наступила опять возможность ЯС. В отличие от 1920-х и 1930-х гг., сейчас народы могут сами, без строгих указаний сверху, проводить ЯС. Но это не значит, что каждый

народ должен решать свои языковые проблемы изолированно. Особое внимание следовало бы обратить на опыт родственных народов. Как известно, коми и удмуртский языки входят в пермскую ветвь финно-угорских языков. Эти языки близки к угорским языкам и, кроме того, имеют довольно тесные исторические контакты (в частности, коми-зырянские диалекты) с прибалтийско-финской ветвью финно-угорских языков. Так как из угорских языков венгерский и из прибалтийско-финских языков финский и эстонский имеют довольно давние литературные традиции, думается, что опыт их ЯС пригодится и пермским языкам, в т. ч. коми-пермяцкому литературному языку.

Хотя создание коми-пермяцкого как отдельного литературного языка следовало из тогдашней политической обстановки, нельзя отрицать его роль в развитии самосознания коми-пермяков. Литературный язык в своей основе имеет кудымкарский говор иньвенского наречия.³ До 1927 г. книги печатались и на косинско-камском наречии. Потом из этого наречия в литературный язык была введена только умеренная л-овая орфография. Это – фонетическое явление, выражающееся в чередовании звуков л–в.

Что касается словарного состава литературного языка, то в нем мало слов диалектного происхождения, но зато он переполнен непосредственными и неприспособленными к фонетической системе коми заимствованиями из русского языка. В словарях⁴ местами такие слова превалируют над родными словами. Весьма странно видеть такие слова и словосочетания, как *берег, год, дружной, звезда, каша, природа, родной кыв, русло* и др. Для всех этих базовых слов находятся соответствия в диалектах, а также в произведениях писателей 1920-х и 1930-х гг. Для обогащения базового словарного состава следовало бы выяснить такие слова и опубликовать в окружной газете «Парма». Там же можно открыть и рубрику о родном языке. На страницах газеты имеется возможность организовать призывы к читателям для сбора диалектных слов и выражений. В целях развития эстонского языка пользовались таким методом и сто лет тому назад, и в 1972 г., когда Общество родного языка (*Emakeele Selts*) объявило конкурс для получения новых слов. Так

³ В иньвенском наречии довольно много руссизмов, так как это наречие оказалось в течение последних столетий в окружении русского языка.

⁴ Статья написана в 1995 г. У автора имелись под рукой словари коми-пермяцкого [19, 20].

получили свои слова для обозначения баранки, вермишеля, кодоскопа, лапши, майки, маркетинга, пончика, почтового индекса, пропуска, смога, сочника, трусов и др.

Чтобы охватить более широкий круг людей в целях ЯС, целесообразно организовать Общество родного языка – *Чужан кылын чукор*. Членами и корреспондентами общества могут быть писатели, преподаватели разных школ и училищ, студенты, школьники, редакторы газет и журналов, работники науки, культуры и администрации, а также просто любители родного языка. Возможно, было бы полезно опубликовать базовый словарь родственных языков. Нами составлен проект базового коми–коми-пермяцко–удмуртско–венгерско–финско–эстонского словаря. Думается, что такой словарь полезен для студентов и учащихся. В этом словаре имеются пробелы в коми-пермяцкой части, но эти пробелы можно заполнить при помощи диалектизмов, заимствований из близкородственных языков, или путем калькирования из других родственных языков (см. таблицу).

В этом примере всего 19 слов, притом 10 из них отличаются в некоторой степени в коми и коми-пермяцком литературных языках. В двух случаях можно найти соответствие в косинско-камском наречии (*зеп, кодзув*), а в шести случаях – в коми-пермяцком литературном языке соответствий нет. Думается, пробелы можно заполнить заимствованиями из литературного языка коми (*вӧр-ва, ёртасьӧм, йи, меж, рок, сикт*).

Пример шестязычного базового словаря

коми	коми-п.	удм.	венг.	фин.	эст.
аски	ашын	чуказе	holnap	huomenna	homme
вок	вон	вын	fivér	veli	vend, veli
войвыв	ойвыв	уй	észak	pohjoinen	põhi
войтыр	отир	калык	nép	kansa	rahvas
вӧр-ва	вӧр-ва	инкуазь	természet	luonto	loodus
гожӧм	гожум	гужем	nyár	kesä, suvi	suvi
ёртасьӧм	ёртасьӧм	энтъяськон	barátság	ystävyyt	sõprus
зеп	зеп	кисы	zseb	tasku	tasku
йи	йи	йо	jég	jää	jää
керка	керку	корка	ház	talo	maja

кодзув	кодзув	кизили	czillag	tähti	täht
кос	кос	кос	száraz	kuiva	kuiv
меж	меж	така	kos	pässi	päss
ош	ошка	ош	bika	härkä	härg
пызь	пизь	пызь	liszt	jauhe	jahu
рок	рок	жук	kása	puuro	puder
сикт	сикт	черко гурт	falu	kylä	küla
ыджыд	ыджыт	бадзымгес	nagy	suuri	suur
юква	черива	чорыг лым	halleves	kalakeitto	kalaleem

Большую роль в повышении знаний о родном крае играли у многих финно-угорских народов календари на родном языке. Значение таких календарей с увлекательным содержанием в прошлом было огромное, так как люди получали новые знания и эмоции именно через чтение на родном языке. Но надобность в таких календарях сохранилась и на дальнейших этапах развития национальных языков. Отметим, что такие календари публикуются в Эстонии и по сей день.

Мы поддерживаем ту точку зрения, что в нынешних условиях следует проводить обогащение словарного состава литературного языка. Одновременно с этим нужно приступить к расширению сферы национального языка. В этой работе большую роль могут играть пресса, радиовещание и личные примеры руководящих сил округа. Думается, что весьма положительную роль в этом сыграли бы легализация и восстановление национальных географических названий, например таких как *Балякок, Бужём, Ваты, Гайна, Гёрдин, Гёнош, Дойёг, Дёйкар, Дёршор, Дублень, Ельёв, Йёг, Йёгва* и др. Коренных жителей ободрили бы национальные названия на вывесках, дорожных указателях и географических картах. Если найдутся ресурсы, мы можем подготовить карту округа на коми языке в Тарту. Следующий этап – собственное ЯП – со всеми рассматриваемыми нами выше принципами, начался бы после завершения первого этапа ЯС.

Библиографический список

1. Цыпанов Е. А. Коми кыв. – Сыктывкар: «Коми книжное издательство», 1992 – 287 с.
2. Моисеевских Ю. А. Исторический путь и основные направления разви-

тия коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 164–173.

3. Бачев Г. Т. История развития родного языка, письменности и просвещения коми-пермяцкого народа // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе. – Кудымкар, 1993 – С. 77–81.

4. Smirnov, S. 1979, Nõukogude sotsiolingvistika päevaprobleemid // Keel ja Kirjandus – Tallinn, 1979 – С. 407–414

5. Галкина М. Е. О некоторых проблемах развития коми-пермяцкой национальной школы // История и культура коми-пермяцкого народа в школьной программе – Кудымкар, 1993 – С. 153–155.

6. Smirnov, S., Dulitšenko, A. Tegelikult keelepoliitika põhijooni Nõukogude Liidus // Keel ja Kirjandus – Tallinn, 1982 – С. 623–632.

7. Лаллукка С. Ассимиляция и численное развитие коми-пермяков // Коми-пермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 122–124.

8. Tauli, V. Introduction to a Theory of Language Planning – Uppsala: Uppsala universitet, 1968 – 227 с.

9. Tauli, V. Johannes Aavik's Language Reform 1912–1962 // Estonian Poetry and Language, Stockholm, 1965. – С. 106–124.

10. Tauli, V. Free Construction in Estonian Language Reform // Language Planning and the Building of a National Language – The Philippines, 1977 – С. 188–217.

11. Veski, J. V. Keelelisi töid – Tallinn: «Eesti Riiklik Kirjastus», 1958 – 317 с.

12. Erelt, T. Väike uudissõnastik – Tallinn: «Valgus», 1983 – 64 с.

13. Erelt, T., Kull, R., Meriste, H. Uudis- ja unarsõnu – Tallinn: «Valgus», 1985 – 152 с.

14. Erelt, T. Väike uudissõnastik – Tallinn: «Valgus», 1989 – 79 с.

15. Üheksa aastakümnet. Pühendusteos Johannes Aavikule [Девять десятилетий. Посвящение Йоханнесу Аавику. Составители Хельги Вихма и Карл Михкла] – Tallinn: „Valgus”, 1971 – 379 с.

16. Veski, J. V. Mälestuste raamat [Книга воспоминаний] – Tallinn: „Eesti Raamat”, 1974 – 313 с.

17. Фезнker В. Место коми-пермяцкого языка в пермской группе финно-угорских языков // Коми-пермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 73–74.

18. Сааринен С. Проблемы формирования и развития финно-угорских литературных языков // Комипермяки и финно-угорский мир – Сыктывкар, 1995 – С. 74–75.

19. Коми-пермяцкõй орфографическõй словарь – Пермь: «Пермской книжнõй издательство», 1966 – 257 с.

20. Коми-пермяцкõ-русскõй, русско-коми-пермяцкõй словарь – Кудымкар: «Коми-пермяцкõй книжнõй издательство» 1993 – 288 с.

Секция 4. Исследовательская работа студентов

*Анисимова Виолетта Алексеевна,
студент 3 курса Института
удмуртской филологии,
финно-угроведения и журналистики
УдГУ
as93as933@mail.ru*

К вопросу этимологии названия удмуртского календарного обряда Ошорок

В настоящее время на фоне активных процессов модернизации и интеграции мировых культур в обществе наблюдается большой интерес к национально-культурному наследию и, в первую очередь, обрядовой практике (как семейной, так и календарной).

Традиционные календарные обряды и обычаи – неотъемлемая часть культуры и быта любого народа, т.к. они пронизывают все стороны жизни, и их исполнение обязательно как для отдельного человека, так и для общества в целом. В календарной обрядности отражаются особенности образа жизни народа, его общественный строй, этнокультурная история, мироощущение, мировоззрение и миропонимание. В связи с этим, можем сказать, что обряды являются важным источником для воссоздания социальной и культурной истории народа.

Важно отметить, что для понимания природы того или другого обряда немаловажную роль играет также изучение его терминологии. В своём выступлении хочу акцентировать внимание на одном из менее изученных на сегодняшний день календарных обрядов – *ошорок*, и особенно, на этимологии этого термина.

Следует отметить, что слово *ошорок* (как и сам обряд) в современном удмуртском языке и культуре практически не употребляется.

Несмотря на то, что некогда ошорок был одним из значимых обрядов в системе календарного цикла закамских удмуртов, в гуманитарной научной литературе до настоящего времени имеются весьма скудные описания этого обряда.

Для понимания сути обряда обратимся к источникам, в которых

содержится информация об обряде. В 1889 году А. Ф. Комов пишет статью «Вотяки середины северной половины (второй стан) Бирского уезда», в которой он проанализировал религиозные обряды и верования удмуртов Бирского уезда Уфимской губернии (ныне это удмурты, проживающие на территории Башкортостана). Автором описаны обряды такие, как *Вый-арня* (совр.: *Вöй-арня* – масленица), *Иру-нынал* (совр.: *Эру-нунал* – букв.: день издавания шума), *Бадэж-нынал* (совр.: *Быдэж-нынал* – Великий день), *Кистон* (совр.: *кисьтон* – поминки), *Куруськон* (совр.: *куриськон* – букв.: прошение / испрашивание), *Высяськон* (совр.: *вöсьсяськон* – моление), *Мир-вэсь* (совр.: *Мöр-вöсь* – общественное моление) и другие. Наряду с перечисленными обрядами в статье содержится краткое описание своеобразных обрядовых действий на празднике *Ошорех* (Ошорок), носящих ярко выраженный эротический характер, сведения о которых больше не встречаются ни у одного автора XIX века, кроме современных. Как пишет Комов, «женщины со всей деревни в безобразном виде желая принять вид мужчины, привязывают себе палки, бубенчики и колокольчики и с песнями и наговорами, валяясь и крича иго-го, ходят по деревне. Если попадается мужчина, то они приговаривая иго-го, все наваливаются и тычут палками, домогаясь вынудить обещание поставить водки – в чём разумеется и успевают».

На эротическую окраску обряда ошорок обращает внимание и этнограф, профессор В. Е. Владыкин в своей монографии «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов», который пишет, что эротические обряды удмуртов относятся к древнейшим формам религии и, по-видимому, довольно рано ушли из обрядовой практики [Владыкин 2018: 140]. Далее учёный продолжает, что отголоски эротических проявлений особенно выразительны у группы удмуртов Калмез в цикле *пöртмаськон*, в обряде ошорок (у закамских удмуртов), когда в критические периоды годового цикла устраивались яркие обряды с ряженьем и шествием из дома в дом, причём песенные тексты, костюмы, поведение носили подчеркнуто непристойный характер.

Ошорок как обрядовое действо можем найти в монографии Т. Г. Миннихметовой «Календарные обряды закамских удмуртов». Исследователь отмечает, что одним из главных обрядовых праздников удмуртов, проживающих на территории Башкортостана, является *Быдэж-нынал* – Великий день, празднуемый ими в течение двух недель:

первая неделя – подготовительный этап, на второй неделе – проводились разного рода обряды. На четвёртый день после Быззынал проводился обряд *ошорог жуон* – «питьё/угощение ошорогом», праздник *ошорог* или просто *ошорог*. Основным атрибутом этого праздника было домашнее пиво, которое специально готовили для этого времени из ржаного солода и хмеля. При обходе дворов участников обряда угощали этим пивом. По данным Т. Миннихметовой, в отдельных районах Башкортостана, в которых проживает удмуртская диаспора, главными участницами обряда *ошорог* были женщины среднего и старшего поколения. Сценарий обряда заключался в том, что в этот день женщины ходили по улице, посещали дома, под гармошку пели шуточные бессмысленные песни. Однако по сведениям ученого, раньше в этот день ходили ряженные – *пёртмаськисьёс*. Они надевали вывернутые наизнанку шубы, шапки, менялись обувью, лица мазали сажей, а чтобы их не узнали, говорили и пели, меняя голос. Женщины при гулянии исполняли эротические танцы: поверх вывернутой наизнанку одежды вешали свёклу и морковь, или специально вырезанные деревянные предметы, символизирующие мужские половые органы, при этом всячески старались акцентировать внимание на присутствующем мужском символе. В традиции удмуртов, проживающих в Куединском районе Пермской области участниками этого обряда были пожилые женщины, которые ходили по домам, угощаясь чаем. Одна из участниц обязательно наряжалась медведем (надевала вывернутую шубу и шапку, к поясу привязывалась цепь, на которой её водили). Женщина-медведь набрасывалась на людей и старалась измазать их сажей. Одна из участниц обязательно привязывала к поясу спереди крупную свёклу, и изображала ржание жеребца. Во время обходной процессии женщины «издевались» над мужчинами, которые попадались на пути. Участницы обряда останавливали встречного мужчину и пытались снимать с него штаны, поэтому в этот день все мужчины прятались.

Информацию об обряде *ошорок* можем найти в монографии Т. Г. Владыкиной, Г. А. Глухой «Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря»: «*Ошорок* – приуроченный к весеннему периоду обряд стимулирования продуцирующих сил природы и человека. На второй после весенних поминок день, старушки рядились в отрепья, надевали вывернутые наизнанку шубы. В руки брали палку, к поясу привязывали морковь, репу, демонстрируя «мужские гениталии». С

возгласами «И-го-го!» и подпрыгивая, гонялись за молодыми парнями, валяли их, тыкая их палками и морковью. То же самое проделывали и с молодницами. Попавшихся на встречу мужчин пытались раздеть донага, имитируя насилие. В это время «ржали как лошади», пели скабрёзные песни».

Таким образом, из вышеописанного можно сказать, что обряд был приурочен началу весенне-полевых работ, главными участниками были женщины среднего и старшего поколения. Для обряда также характерно ряжение, обязательным персонажем обрядовой процессии был медведь. Обрядовые действия, совершаемые участниками, содержат в себе плодородящую функцию, то есть они были направлены на оплодотворение, приумножение всего живого, как в природе, так и в социуме. Согласно верованиям, проведение обряда, способствовало изгнанию болезней, всего плохого, приплоду скота, росту растений. Сегодня однозначно воспринимается как постыдное развлечение.

Особого внимания, кроме женщин, заслуживает центральная фигура обряда – медведь, которого в каждом доме обязательно угощали и/или давали овёс, который женщины обменивали на выпивку. Достаточно любопытным обрядовым действием является поведение самого ряженого медведя, который набрасывался на людей и старался измазать всех присутствующих сажей. Необходимо отметить, что сажа или вымазанное сажей лицо (*суам бам*) является одной из основных масок любого ряженья. В нашем случае ряженный медведь метит всех участников и соучастников обрядовой ситуации для «временного пребывания» в потустороннем мире во время безвременья.

В обряде ни разу не упоминается сам термин ошорок, кроме как названий. Это слово мы не найдём и в удмуртско-русских словарях. Хотя в словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам», где существует такой вариант понятия: «Очорос – угощение вином сподряд. Очорос сектаны – угощать сподряд». В современном удмуртско-русском словаре, изданном в 2008 году, также есть слово очорос, которое отмечено как диалектное и имеет два значения:

1) крепкий самогон (специально приготавливаемый для торжественных случаев);

2) первое круговое угощение вином на свадьбе [2008: 500]. Исходя из записей обряда, в некоторых локальных традициях закамских удмуртов обряд так и называется *ошорог жуон* (букв. ‘праздник / пир ошорога’

или ‘питьё ошорога’), как уже отметили выше для праздника специально готовили ржаное пиво, которым угощали участниц в каждом доме: *šukašen šektalo „ošorog šotiškom“ šuiša* – ‘поят пивом, говоря: «Ошорог даём». В связи с этим можем высказать предположение, что ошорок можно интерпретировать как праздник, как питье.

Любопытны факты интерпретации значения этого термина, рассмотренные в монографии Т. Г. Миннихметовой. Акцентируя внимание на происхождение слова *ошорок*, исследователь отмечает, что «Какого-либо объяснения данного термина носители традиции дать не могут. Сходство с *očoros* ‘крепкий самогон; угощение вином’, по всей вероятности, случайное: помимо труднообъяснимого *os ~ og* важно, что повсеместный переход *č š* в закамских говорах в слове татарского происхождения едва ли возможен. Поскольку одна из ряженных во время ошорога нередко изображает медведя, можно было бы сравнить первую часть этого слова с праперм. *ôšk(ошк)* – ‘медведь’, и видеть здесь реликт старого названия медведя (ср. ниже *оштолэзь*). Однако, во-первых, это не объясняет всего слова, и, во-вторых, наличие «медведя» среди ряженных в подобного рода обрядах – обычное дело и не является спецификой ошорога».

Как уже отмечалось, в обряде *ошорок* основными участниками являются женщины и ряженный медведь. Сеем предположить, что присутствие медведя играет особую роль и всё-таки может раскрыть пусть не полную, но основную суть обряда. Возможно, в образе медведя кроются древние реликты удмуртов почитание медведя, восходящие к эпохе охотничьего хозяйства. В древности удмурты редко осмеливались назвать действительным именем «гондыр», обычно говорили «пересь атай» (дедушка), «мйй мурт» (старик). О почитании медведя удмуртами сообщает и А. И. Емельянов. Он отмечает, что удмурты, встречаясь в лесу с медведем, снимали перед ним шапку, кланялись, иногда вставали на колени. Живого медведя никогда не называли по имени, а иносказательно, мёртвому медведю оказывали всяческое уважение.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать некоторые весьма поверхностные выводы. Во-первых, ошорок означает ритуальный напиток (пиво) и весь обряд как праздник / питье; во-вторых, первая часть термина *ош* сохранила представление о медведе как о предке, «пришельце» с того света, который появлялся в мире живых в определённые календарные периоды.

Литература

1. Комов А. Ф. Вотяки середины северной половины (второй стан) Бирского уезда. // Этнографические очерки. // Уфимские губернские ведомости. №№ 49, 50, 51.
2. Владыкин В. Е. «Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов»: Монография / В. Е. Владыкин. – Ижевск: «Удмуртия». 1994. – С. 251–253.
3. Миннихметова, Т. Г. «Календарные обряды закамских удмуртов» / Т. Г. Миннихметова; УИИЯЛ УрО РАН. – Ижевск: Издательство Удмуртского института истории, языка и литературы, 2000. 163, с.
4. Владыкина Т. Г. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря / Т. Г. Владыкина, Г. А. Глухова – Ижевск: Удмуртский университет, 2011. – 318 с.
5. Борисов, Т. К. «Удмурт кыллюкам»: [около 15 тысяч слов] / Т. К. Борисов; [вступ. ст. К. И. Куликова, коммент. Б. Ш. Загуляевой]; АН СССР, УрО УДНИИ, Удмурт. отд-ние Всесоюз. фонда культуры. – [Переизд. с изд. 1932 г. без изм.]. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, яз. и лит. УрО АН, 1991. – XXXII, 383 с.
6. Лыткин В. И., Гуляев Е. С. «Краткий этимологический словарь коми языка», М.: Наука, 1970. – 386 с.

*Аркашева Мария Юрьевна,
студент3 курса Института
удмуртской филологии,
финно-угроведения УдГУ
arkashieva@mail.ru*

**Пословицы и поговорки удмуртского языка
как этическая форма побуждения к действию**

Аннотация. В статье рассматриваются пословицы и поговорки удмуртского языка как этическая форма побуждения к действию; данные виды паремии классифицируются по способу выражения предиката, а именно по грамматической форме его выражения, а также по коммуникативно-целевой направленности.

Ключевые слова: пословицы и поговорки, побудительные предложения, этическая форма побуждения.

*Maria Y. Arkasheva,
student of the 3rd year of the Institute
Udmurt philology of Udmurt State University
arkashieva@mail.ru*

**Proverbs and sayings of the Udmurt language
as an ethical form of urge to action**

Summary. The article discusses the proverbs and sayings of the Udmurt language as an ethical form of urge to action; These types of paremia are classified according to the way the predicate is expressed, namely, according to the grammatical form of its expression, as well as according to the communicative-targeted orientation.

Key words: proverbs and sayings, motivating sentences, ethical form of motivation.

Одним из показателей развитого человека является употребление в речи пословиц и поговорок. Они представляют собой свод правил житейской мудрости, народной этики. В них выражено отношение народа к различным достоинствам и недостаткам человека, они содержат

оценку семейной жизни, взаимоотношений в семье, дружбы и любви, коллективизма, богатства и бедности, в них воплотились понимание счастья и горя, жизни и смерти. Пословицы и поговорки рождаются в процессе живой речи как одобрение или порицание конкретной ситуации, явления, действия. Удмурты не мыслят их как нечто отдельное. Поэтому на просьбу назвать несколько поговорок и пословиц от пожилых людей можно услышать ответ: «Не знаю». Это происходит потому, что представители старшего поколения не отделяют их от других типов предложений, так как для них это тоже традиционный способ выражения мысли в коммуникации.

Тем не менее, необходимо отметить, что пословицы и поговорки – это вошедшие в речевой оборот и имеющие поучительный смысл, краткие обобщающие ритмически организованные изречения, в которых отражается социально-исторический опыт народа, приобретаемый веками. Пословицы и поговорки используются для побуждения к определенному действию, поэтому по цели высказывания являются побудительными предложениями.

Рассмотрим, какие типы побудительных предложений используются в удмуртских пословицах и поговорках. Взяв за основу, что **побудительное предложение** – это предложение, выражающее волеизъявление говорящего, необходимо отметить, что они могут выражать:

- 1) просьбу, приказ, повеление, мольбу;
- 2) предостережение, угрозу, предложение, совет;
- 3) единодушие, согласие, разрешение или приглашение к совместному действию, призыв.

Как видим выше, побудительные предложения по своему значению различны и структура их не однотипна. Но для всех типов и форм побудительных предложений характерен один общий признак – побудительная интонация и использование грамматических форм, отражающих побуждение к действию, в частности, побудительное наклонение. Пословицы и поговорки удмуртского языка не просто дают какую-то информацию людям и побуждают к какому-то действию, а побуждают именно к нужному и правильному действию и имеют этическую, воспитательную функцию.

В структурном отношении рассматриваемые побудительные предложения делятся на следующие типы (ГСУЯ 1970: 28–35):

1. Предложения, в которых сказуемое выражено глаголом в форме

повелительного наклонения 2 лица единственного или множественного числа: *Мылкыддыя эш быръе*. ‘Выбирайте друга по душе’ (УФ 1987: 99) – этическая форма прямого побуждения к действию.

2. Побудительные предложения, сказуемое в которых выражено глаголом отрицательной формы повелительного наклонения со словом *эн* ‘не’, частицами *медам* ‘пусть не (пусть не я, пусть не мы)’, *медад* ‘пусть не ты (пусть не вы)’, *медаз* ‘пусть не (пусть не он, пусть не они)’ – 2 и 3 лица (преобладающая форма выражения):

а) *Бурдтэк эн лобзы: гадь вылад усёд*. ‘Без крыльев не взлетай: на зоб упадёшь’ (УФ 1987: 171). *Толлы пумит эн сяла*. ‘Не плюй против ветра’ (УФ 1987: 164). *Аслад визьмыд ке ёвёл, визьтэм муртэ эн визьма*. ‘Если своего ума нет, глупого не вразумляй’ (УФ 1987: 131) – форма побуждения к действию через отрицание;

б) *Пал кышнолэсь аджонзэ нокин но медаз адзы*. ‘Судьбу вдовы пусть никому не доведётся пережить’ (УФ 1987: 117). *Нылмурт чебер медам лу, ужась медло*. ‘Девушке не надо быть красивой, надо быть работающей’ (УФ 1987: 116) – этическая форма косвенного побуждения к действию.

Сочетания, состоящие из глаголов в форме повелительного наклонения и частиц *медам*, *медад*, выражающих 2 лицо единственного или множественного числа, имеют определённую общность с сочетаниями, состоящими из глаголов повелительной формы и отрицательным словом *эн* ‘не’. Те и другие выражают категорию отрицания. В тех и других знаменательное слово – глагол – выступает в форме повелительного наклонения. Однако между ними имеется существенная разница. Глагол с частицами *медам*, *медад* выражает категорию желательности – косвенного побуждения к действию.

Тогда как глаголы с отрицательным словом выражают действие, которое не должно совершаться – прямого побуждения к действию. Ср.: *Эн лобзы. Эн сяла. Эн визьма. Медазадзы. Чебер медам лу*.

3. Побудительные предложения, в которых глагол-сказуемое состоит из частицы *мед* ‘пусть’ и глагола будущего времени изъявительного наклонения. *Нунал мед ортчоз но, кут мед пӧсьтоз*. ‘День пусть проходит, и лапти пусть изнасятся’ (УФ 1987: 39). *Туннэ йыркурэд туннэ ик мед ортчоз*. ‘Сегодняшняя злость пусть сегодня же и пройдёт’ (УФ 1987: 85). *Куйгуэ усыыкуд, китйид кутыны вӧзад эшед мед луоз*. ‘Да будет с тобой рядом друг, чтобы поддержать тебя в горе’ (УФ 1987: 98) – фор-

ма желательности, но отсутствие побуждения к действию.

4. Побудительные предложения, в которых сказуемое выражено глаголом будущего времени: *Сьѳд уж лэсьтытозь, венен колодча гудод*. ‘Лучше иголкой колодец рыть, чем грязные дела творить’ (УФ 1987: 85). *Юонэн тодматскод – дандэ ыштод*. ‘Пьянство познаешь – честь потеряешь’ (УФ 1987: 193). В 3 и 4 типах выражена форма желательности, но отсутствует побуждение к действию.

5. Побудительные предложения, в которых сказуемое выражено безличным глаголом с суффиксом *-оно, -но*. Глагол иногда может сочетаться со вспомогательным глаголом: *Жеч муртьёс пӧлын жеч луэмед потэ ке, ас выжыысьтыд куинь полэс песяйдэ но песятайдэ вунэтоно ѳвӧл*. ‘Если среди хороших людей хочешь быть хорошим человеком, помни в своём родстве бабушку и деда в третьем колене’ (УФ 1987: 71) – этическая форма косвенного побуждения к действию.

6. Побудительные предложения со звукоподражательным наречием и глаголом в повелительном наклонении: *Тэтчемедлэсь азьло оп! эн шуы*. ‘Пока не прыгнул оп! не говори’ (УФ 1987: 80). Большая часть таких предложений содержит совет или предостережение, которые выражены в этической форме прямого побуждения к действию.

Среди пословиц и поговорок нами не были найдены следующие конструкции:

1. Побудительные предложения, сказуемое в которых выражено наречием. Также в роли сказуемого могут вступать наречия, которые имеют суффикс сравнительной степени и слова категории состояния.

2. Побудительные предложения, в которых глагол выступает в форме сослагательного (условного) наклонения в сочетании с частицами *медам* ‘пусть я не, пусть мы не’, *мед* ‘пусть’, *медад* ‘пусть ты не, пусть вы не’, *медаз* ‘пусть он (она) не, пусть они не’. В сложноподчинённых предложениях частица *медам* (*медад, медаз*) с глаголом в повелительной форме, имеющий дополнительный оттенок цели действия.

3. Побудительные предложения, в которых глагол-сказуемое имеет форму 1 лица множественного числа с финальным *-м, -ме*. Такие глаголы-сказуемые выражают призыв к совершению действия в будущем. При этом во время совершения действия будет участвовать и само говорящее лицо. Эти глаголы могут сочетаться с частицами *ойдолэ, ваелэ* ‘давайте’, *вай* ‘давай’, *я ‘ну’* и др., такие конструкции нами не обнаружены, и это, на наш взгляд, закономерно, так как такая форма в пословицах

и поговорках в принципе не используется. Например, *мед быгатысал мон лыктыны* 'хоть бы я смог прийти', в разговорной речи используется, но в пословицах не используется.

Таким образом, пословицы и поговорки удмуртского языка могут отражать совет или предостережение, выраженные в этической форме прямого и косвенного побуждения к действию. А также имеются пословицы, не выражающие значения побуждения, а передающие семантику желательности действия.

Литература

1. ГСУЯ – Грамматика современного удмуртского языка / Под общей редакцией В. И. Алатырева. – Ижевск: Удмуртия, 1970. – 250 с.
2. УФ – Удмуртский фольклор: Пословицы, афоризмы и поговорки / Составитель Т. Г. Перевозчикова. – Устинов: Удмуртия, 1987. – 276 с.

Баяндина Оксана Анатольевна,
*студент Пермского государственного
гуманитарно-педагогического
университета*
bayandina.97@inbox.ru

Образы цветов в коми-пермяцких фольклорных текстах

Аннотация. В статье подвергнуты анализу образы цветов, встречающиеся в коми-пермяцких фольклорных текстах. Определён круг цветущих растений и кустарников, чьи образы символичны и образны. Наиболее интересными оказались *горадзуль* «купальница», *роза*, *василёк*, *льöмпу цвет* «цветок черёмухи». Образы цветов в фольклоре, в первую очередь, символизируют молодость, юность, любовь и внешность человека.

Ключевые слова: коми-пермяцкий язык; фольклорные тексты, устойчивые сравнения; образы цветов; символика.

Oksana A. Bayandina,
*student of the Perm State
humanitarian pedagogical
university*
bayandina.97@inbox.ru

Images of colors in Komi-Permyak folklore texts

Summary. The article analyzes the images of colors found in Komi-Permyak folklore texts. The circle of flowering plants and shrubs is defined, whose images are symbolic and imaginative. The most interesting were «goradzul» (cornflower), «lömpu» (bird cherry). Images of colors in folklore, in the first place, symbolize youth, love and appearance of a person.

Key words: Komi-Permyak language; folklore texts, steady comparisons; images of flowers; symbolism.

Народный менталитет и духовная культура воплощаются в единицах национального языка, прежде всего через их образное содержание. Одним из ярких образных средств, способных дать ключ к разгад-

ке национального сознания, является устойчивое сравнение.

Устойчивые выражения имеют прямое отношение к условиям жизни носителей языка, их культуре, обычаям и традициям, так как язык несёт в себе отпечаток духовной и материальной культуры народа. Из этого следует, что образные средства у каждого народа формируются индивидуально.

Объектом нашего внимания стали коми-пермяцкие сравнительные обороты и иные выражения, встречающиеся в фольклорных текстах, содержание которых связано с символом цветка. Полагаем, что в фольклорных текстах, как в наиболее достоверном варианте народного языка, они в большей степени отражают устоявшиеся этнические эталоны.

В данной статье обратимся к образам цветов, как дикорастущих, так и окультуренных, имеющих место в сравнительных оборотах, фигурирующих в коми-пермяцких фольклорных текстах. Попытаемся определить, какие коннотации для них характерны.

Принято считать, что у многих народов к цветам сформировалось особое отношение. Любовались не только их красотой, но и использовали в народной медицине, обрядах, поверьях. Надо признать, что в коми-пермяцкой культуре цветы не занимают значимой роли, но, тем не менее, интересные образы растительного мира обнаруживаются, и всё это находит отражение в языке, в языковой картине мира народа.

Чаше образы цветов встречаются в частушках и сказках.

Ярким образом в коми-пермяцких фольклорных текстах является травянистое растение *купальница* (горадзуль). Своё место этот цветок нашёл и в сравнительных оборотах. Например, в частушках:

Шондіок тэ – ныв олан, «Солнышко ты – девичья жизнь,
Кыдз горадзуль цветитан... **Как купальница цветёшь...**»
(Никитина 1994: 137).

Счастливая, беззаботная девичья жизнь сравнивается то с солнышком, то с цветением купальницы.

В коми-пермяцкой сказке «*Тёпок да бабылiньёй*» (Капелька и бабочка) с купальницей сравниваются дети главных героев. Они такие же красивые и прекрасные, как этот цветок:

«*Кагазз шогмасё, топ кыдз горадзуллез жё: югытёсь, мичаёсь,*

ласковдойсь да рамось...) (Ожегова 1989: 201). Досл. «Дети родились, как купальницы же: светлые, ясные, ласковые и смиренные».

Купальница является почитаемым цветком в народной культуре, с ней связан богатый символизм и образность.

Коми-пермяки издавна относились к этому цветку с большой любовью, нежностью. Купальница встречается во многих обрядах, поверьях. Считается, что этот цветок имеет магические свойства, используется в предсказаниях, в народной медицине. У молодых девушек выступает в качестве оберега. Этнограф И. В. Ильина отмечала: «У коми-пермяков в Иванов день изготавливались специальные веники из свежих веток берёзы с добавлением веток черёмухи, смородины, белой крапивы и купальницы. Считалось, что во время мытья и парения в этот вечер молодая девушка очищается от всех злых духов, нехороших мыслей и всякой другой нечисти, а также набирается сил и здоровья на целый год. Венки и веники из купальницы коми-пермяцкие девушки в Иванов день бросали в воду с берегов рек. Так они благодарили воду за помощь во всех мирских делах и загадывали при этом самые сокровенные желания» (Ильина 1989: 118).

Коннотации, реализуемые этим фитонимом, отражают красоту, молодость и любовь. В русской традиционной культуре этот цветок такой коннотативной нагрузки не имеет.

В фольклорных текстах в составе сравнительных оборотов также встречается роза. В основном, в текстах народной частушки:

Катерина, бытьтё роза,

Сідз цветитё, ёктё вын...

(Никитина 1994:170).

«Катерина, словно роза,

Так цветёт, набирает силу...»

Сравнительный оборот *бытьтё роза* «словно роза» в приведённом контексте реализует семантику красоты, внешней привлекательности героини. Этот цветок традиционно является символом эстетического удовольствия. Роза служит своего рода языком для передачи всевозможных чувств и эмоций, поэтому с ней часто сравнивают именно девушку. Она не является распространённым растением среди коми-пермяков, поэтому, возможно, что этот сравнительный оборот возник под влиянием русской традиционной культуры.

В текстах народных частушек имеется большое количество примеров, в которых присутствует образ цветка, но отсутствуют грамматические средства сравнения: нет сравнительного падежа, нет

сравнительных послелогов, частиц; тем не менее, сама смысловая составляющая отражает образ названного цветка и выводит на уровень сравнения. Используется такое явление как изобразительно-психологический параллелизм образов.

Образы различных цветов богато представлены в народной частушке. В них выявляются образы: льна, василька, шиповника, мака, цветов черёмухи и т.д.

Остановимся на некоторых примерах.

Образ василька ассоциируется в фольклорных частушках с молодыми парнями. Обнаруживается семантика вынужденной разлуки (уход в армию):

Василёккес – лöz цветоккес,
Тийō арнас кулатō.
Зонка армияō мунас,
Нывкаэз касътывласō.
(Никитина 1994: 119).

«**Васильки** – синие цветки,
Вы осенью завянете.
Парень в армию уйдёт,
Девушки будут вспоминать».

У многих народов василёк – это посланник неба, призванный укреплять в людях веру и дарить надежду на лучшее, или символ верности и постоянства (Василек: эл ресурс). В коми-пермяцком фольклоре василёк часто сопоставляется с молодецким веком, молодецким временем:

Василёккес – лöz цветоккес,
Арнас ния кулōны.
Зонкаоккес – лöz синоккес,
Армияō мунōны.
(Никитина 1994: 121).

«**Васильки** – синие цветочки,
Осенью они умирают.
Парни – синие глазки,
В армию идут».

Среди образов цветов, часто используемых в песнях и частушках, являются цветы черёмухи. Они становятся символом счастливой жизни:

Льōмпу цветыс,
льōмпу цветыс,
Кисьтō-койō чōскыт дук.
Бур олан миянлō сетіс
Дона Сталин – ай и друг.
(Никитина 1994: 147).

«**Цвет черёмухи,**
цвет черёмухи,
Распространяет аромат.
Жизнь хорошую нам дал
Дорогой Сталин – отец и друг».

Цветы черёмухи связаны с весенней порой, поэтому могут символизировать любовные чувства, желание быть рядом с возлюблен-

НЫМ:

Льѡмпу цвет,

льѡмпу цвет,

Сіа чѡскыт дука.

Гармонист, Василий, пет,

Керкуас эн пукав.

(Никитина 1994: 106).

«Черёмухи цвет,

черёмухи цвет,

Пахнет вкусно.

Гармонист Василий, выходи,

Дома не сиди».

Также в коми-пермяцких частушках встречаются цветы шиповника. Этот цветок практически всегда указывают на любовные чувства двух молодых людей. Является символом молодости и любви:

Иньва дорас, берег дорас,

Кык жельнѡг цветитѡны.

Сэтчин нывка зонкакѡт

Любовь йылсь баитѡны.

(Никитина 1994: 71).

«Около Иньвы, на берегу,

Два **шиповника** цветут.

Там девушка с парнем

Говорят о любви».

Таким образом, в фольклорных текстах цветы играют значительную роль, наделяются особым символическим значением. Мир цветов в текстах эстетически привлекателен: купальница, васильки восхищают своей непритязательной красотой, роза притягивает своей яркостью, цветы шиповника – пышностью, насыщенностью красок и т.д. Материалы показывают, что цветы могут указывать на внешность человека. Многие цветы ассоциируются с женским началом, связаны с символом девичьей красоты. Также цветы являются символами любви, счастливой жизни. В фольклорных текстах несут положительную оценочную характеристику.

Литература

1. Василёк. URL: <http://granina.narod.ru/library/zolotn/vasilek.htm> (дата обращения: 28.10.2018).
2. Ильина И. В. Как в старину лечились // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 92–120.
3. Никитина Л. А. Ох и пела бы я / Л.А. Никитина. Кудымкар – 1994. – 208 с.
4. Ожегова М. Н. Шонді да тѡлісь – Солнце и месяц. Коми-пермяцкие народные сказки на рус. и коми-перм. яз. / М.Н. Ожегова. Кудымкар–1989.– 256 с.

Глухова Алена Васильевна,

*студент 3 курса
Института удмуртской филологии,
финно-угроведения УдГУ
alena_glukhova_1999@mail.ru*

**Речевой этикет: приветствие и прощание
(на материале удмуртского и венгерского языков)**

Аннотация. В данной статье рассмотрена национально-культурная специфика речевого этикета удмуртов и венгров, связанная с их обычаями и нравами. Проанализированы формы речевого этикета, используемые этими народами в различных коммуникативных ситуациях. Особое внимание обращено на формы речевого этикета, которые используются при приветствии и прощании. Стоит отметить, что в работе исследуются не только язык и речь, но и языковое поведение человека. Материалом для анализа этикетных форм удмуртского и венгерского языков послужило непосредственное наблюдение за их употреблением разными носителями языка в различных ситуациях в текстах удмуртской и венгерской классической и современной литературы. Актуальность исследования объясняется тем, что отсутствует комплексное описание лексических средств выражения этикета сопоставительного характера в удмуртском и венгерском языках.

Ключевые слова: этикетная лексика, удмуртский язык, венгерский язык, приветствие, благодарность, прощание, извинение.

*Glukhova Alena Vasilyevna,
3rd year student of
Institute of Udmurt Philology,
Finno-Ugric UdGU
alena_glukhova_1999@mail.ru*

**Speech Etiquette: Greeting and Farewell
(on the material of the Udmurt and Hungarian languages)**

Summary. This article discusses the national-cultural specifics of speech etiquette of Udmurts and Hungarians, associated with their customs. The forms of speech etiquette used by these peoples in various

communicative situations are analyzed. Particular attention is paid to the forms of speech etiquette, which are used in greeting and farewell. It should be noted that the work examines not only language and speech, but also human language behavior. The material for the analysis of the etiquette forms of the Udmurt and Hungarian languages was the direct observation of their use by different native speakers in various situations in the texts of the Udmurt and Hungarian classical and modern literature. The relevance of the study is explained by the fact that there is no comprehensive description of lexical means of expressing comparative etiquette in the Udmurt and Hungarian languages.

Key words: etiquette vocabulary, Udmurt language, Hungarian, greeting, gratitude, farewell, apology.

Та или иная обстановка, складывающаяся между собеседниками, предусматривает использование определенных форм речевого этикета. Без использования невозможно представить наше общение.

Одной из таких форм является приветствие. Его главная коммуникативная функция заключается в открытии беседы, диалога между коммуникантами.

Наиболее простое и короткое слово, которое венгры очень часто употребляют в неофициальной обстановке, по-дружески приветствуя друг друга, является *Szia*. Слово это имеет двойное значение: 'привет' и 'пока'. А это означает, что с помощью этого слова можно не только поздороваться, но и попрощаться. Точно по такому же принципу используется и слово: *Szervusz*. Оно довольно часто употребляется при обращении на «ты» или когда старший обращается к знакомому младшему. Если мы приветствуем несколько человек, то в этом случае говорим: *Sziasztok!* / *Szervusztok!* 'Привет (к нескольким лицам)'.

Например: *Szia, tudnál segíteni?* 'Привет, ты можешь мне помочь?' *Szervusztok barátaim! Hogy vagytok?* 'Приветствую вас, мои друзья! Как у вас дела?'

В удмуртском языке данным формам соответствует: *Ӝечбур* / *Ӝечбуресь* 'Здравствуй! / Здравствуйте! (к нескольким лицам)'. Это приветствие оказалось наиболее употребительным. В своей структуре слово-приветствие содержит значение *Ӝеч* 'хороший, добрый' + *бур* 'хороший, добрый'. Это приветствие оказалось богаче, содержательнее в смысловом отношении. Другие варианты приветствия, которые исполь-

зуются реже, но тем не менее являются литературными: *Чырткем / Чырткемесь и Умой / Умоесь* ‘Здравствуй! / Здравствуйте! (к нескольким лицам)’. Первый вариант в буквальном переводе на русский язык будет соответствовать значениям ‘бодрый, резвый’. Вероятно, именно это приветствие наиболее близко по смысловому аспекту к русскому здравствуй, здравствуйте. А приветствие *умой*, пожалуй, наиболее нейтрально по содержанию, образовано от слова *умой*, в буквальном переводе ‘добрый, хороший’.

Примеры: – *Ѕечбуресь, варматай, – кизэ мычиз кырсиез. – Чырткемесь, варманай! – Чырткем, чырткем!* – шумпотыса вазизы Манилэн анаез но атаез (Л.С. Нянькина. Кырси.) ‘Здравствуйте, тещь, – протянул руку зять. – Здравствуйте, теща. – Здравствуй, здравствуй! – радостно ответили мама и папа Мани’.

Еще одно приветствие в венгерском языке это: *Halló* ‘Здравствуй’. Слово очень похоже на английский вариант приветствия: *Hello*. Безусловно, проникает в состав венгерской этикетной лексики из европейских языков. Например: *Halló, itt Karl.* ‘Привет, это Карл’.

Рассмотрим вежливые, так называемые официальные приветствия. В венгерском языке они зависят от того, в какое время суток происходит общение, а именно утром, днём или вечером, именно поэтому слова приветствия отличаются друг от друга.

Утром: *Jó reggelt kívánok!* ‘Доброе утро!’ Днём: *Jó napot kívánok!* ‘Добрый день!’ Вечером: *Jó estét kívánok!* ‘Добрый вечер!’ Поздним вечером: *Jó éjszakát kívánok!* ‘Спокойной ночи!’

Меняется лишь часть фразы, которая и обозначает время суток: *reggel* ‘утро’; *nap* ‘день’; *est* ‘вечер’. Дословно получится ‘желаю доброго (хорошего) утра, дня, вечера, ночи’. Можно часто слышать краткие варианты такие как: *Jó napot! Jó estét! Jó éjszakát! Reggelt! Napot! Estét!*

Примеры: *Jó estét, kormányzó úr.* ‘Добрый вечер, господин губернатор’.

Jó napot kívánok! Őn az új szomszédunk, ha nem tévedek? ‘Добрый день. Если я не ошибаюсь, вы наш новый сосед?’

Reggelt, anyu! ‘Доброе утро, мамочка’.

Носителям удмуртского языка в повседневной жизни не свойственно использование форм приветствия, зависящих от времени суток, поэтому обычно употребляют одну и ту же форму: *Ѕечбур/Ѕечбуресь, Чырткем/Чырткемесь, Умой/Умоесь*. Но всё же такие формы существу-

ют и преимущественно функционируют в теле- и радио- журналистике, а так же могут быть использованы в официально-деловой обстановке. Так, венгерскому *Jó reggelt kívánok* соответствует удмуртское *Бур ĉукнаен* ‘Доброе утро’, *Jó napot kívánok* – *Бур нуналэн* ‘Добрый день’, *Jó estet kívánok* – *Бур жытэн* ‘Добрый вечер’.

Пример: *Бур ĉукнаен нумитасько тйледыз, Ижсыь радиозаводын ужасьёсты! Мон, Надежда Имполитова, ĉектйсько вьль иворьёсын тодматскыны* (Удмурт дунне). ‘Доброе утро, рабочие Ижевского радиозавода! Я, Надежда Имполитова, предлагаю познакомиться с новостями’.

Следует отметить, что в речевом этикете венгров существует приветствие высокой тональности, которое употребляется чаще всего по отношению к женщинам среднего и пожилого возраста, подчеркнуто вежливая форма *Kezét csókolom* ‘Здравствуйте’ (букв. ‘Целую Вашу ручку!’). Краткий вариант этой формы *Csókolom!* ‘Здравствуй!’ (букв. ‘Целую!’).

Специфика удмуртского приветствия также и в том, что в культуре удмуртского народа присутствует приветствие в вопросительной форме:

Ѕечбуресь-а, умоесь-а,

Эшъёсмы, туганъёсмы.

Ми тй доры лыктймы

Кырзаны но эктыны. (А. Тимерханова, И. Котельников).

‘Здравствуйте, наши друзья!

Мы пришли к Вам

Петь и танцевать’.

Данные приветствия используются с вопросительной частицей *-а* ‘ли’, таким образом, рассматриваемые формулы можно расценивать как эквивалент вопроса ‘Как дела?’, при этом культура удмуртского общения не предполагает ответа на данный вопрос, собеседник ограничивается обычным приветствием:

- *Чырткемесь-а?*

- *Умоесь, умоесь!*

Наиболее употребительной формой выражении прощания в удмуртском языке является: *Ѕеч луэ!* ‘До свидания!’ (букв. ‘Будьте хороши-ми’), венг. *Viszontlátásra!* ‘До свидания!’ Данные формы используются при обращении к собеседнику на «Вы».

Примеры: *Viszontlátásra, Preston úr!* – ‘Всего доброго, мистер

Престон'; *Тырмоз, ульмы ни. Ёеч луэ, Петр Ильич!* (А.Садакова) 'Хватит, пожилы уже. До свидания, Петр Ильич!'

Неофициальная форма: *Viszlát!* 'До свидания!', а так же: *Szia/Sziasztok!* и *Szervusz!/Szervusztok!* 'Пока!/Пока! (к нескольким лицам)'. Используются при прощании в непринужденном общении, в сниженной обстановке. В удмуртском языке подобным формам соответствует: *Ёеч лу!* 'До свидания!' (букв. 'Будь хорошим') или просто *Ёеч!* 'Пока!'. Примеры: *Viszlát, Teddy.* 'До встречи, Тедди'; *Hát, akkor szia, apu.* 'Что ж, пока, папочка'.

В удмуртском речевом этикете так же следует отметить значительное количество благопожеланий в функции прощания: *Ёеч бертэ (ветлэ)!* 'Счастливого пути!'; *Сюресты капчи мед луоз!* 'Пусть дорога ваша будет лёгкой!'. Назначение времени следующей встречи или желание дальнейшей встречи: *Їуказеозь!* 'До завтра!' *Гужем адзиськом на!* 'Летом еще увидимся!' *Адзиськытозь* 'До встречи'; просьба: *Анай-атай-дылы салам вералэ!* 'Родителям привет передайте!'; *Гожъялэ!* 'Пишите!' и др.

В своём докладе мы анализировали лишь наиболее используемые формы приветствия и прощания удмуртского и венгерского языков. Отметим, что проведённый анализ не претендует на объяснения всех фактов, но при этом даёт возможность для представления общей картины особенностей функционирования этикетной лексики этих двух народов.

Литература

1. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспект / Н. И. Формановская. М.: Рус. Яз., 1982. – 126 с.
2. Кузнецов А. В. Речевой этикет народов Волго-Уралья: Монография. – М.: Федеральное агенство по культуре и кинематографии Российской Федерации; Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2008. – 320 с.

Интернет ресурсы

1. <https://www.my-vengria.ru>
2. <https://ru.glosbe.com>

Кондратьева Наталья Владимировна,
*профессор кафедры общего
и финно-угорского
языкознания УдГУ
nataljakondratjeva@yandex.ru*

Елышев Владимир Валерьевич,
*студент Института удмуртской
филологии, финно-угроведения
и журналистики УдГУ*

**Художественное своеобразие произведения удмуртского писателя
Кирилла Ломагина «Зыгырья, киосыд вань дырья»**

Аннотация. В статье выявляются художественные особенности повести «Зыгырья, киосыд вань дырья», написанной удмуртским писателем и публицистом Кириллом Ломагиным: рассматривается образная система, выявляются стилистические особенности.

Ключевые слова: удмуртская литература, стилистические особенности, повесть, лейтмотив.

Natalja V. Kondratieva,
*Professor of the Department
of General Finno-Ugric Linguistics
of Udmurt State University
nataljakondratjeva@yandex.ru*

Vladimir V. Yelyshev,
*Student of Institute of Udmurt
philology, Finno-Ugric Studies
and Journalism of Udmurt State University*

**Peculiar poetic features of the story “Embrace if you have arms”
by the Udmurt writer Kirill Lomagin**

Summary. The article deals with peculiar poetic features of the story “Embrace if you have arms” by the Udmurt prose and publicist writer Kirill

Lomagin. The paper focuses on the imagery and style of the work.

Keywords: Udmurt literature, stylistic features, story, leitmotif.

Ломагин Кирилл Егорович (1933 – 2012) – известный удмуртский поэт и прозаик, автор 12 сборников на удмуртском и русском языках. В большинстве его книг отражаются сложные процессы, происходящие в душе человека, борющегося за право на свободное духовное развитие и личное счастье. В своих произведениях писатель размышляет о месте и роли человека на земле, о взаимоотношениях людей, глубине человеческих чувств. В прозаических жанрах лейтмотивом проходит идея патриотизма и гуманизма. Как отмечает критик и литературовед Т. И. Зайцева, «многие произведения К. Ломагина обладают схожей структурой с народной сказкой. Это, прежде всего, постановка проблемы, поиск решения, устранение проблемы. Читатель снова в привычной атмосфере, здесь он находит удовлетворение и чувство безопасности: описываемая система стабильна и знакома» (Зайцева 2007: 172). Богатый опыт журналистской деятельности оставил свой отпечаток на манере письма удмуртского автора. Публицистичность, образный язык, прагматизм коллизий лежат в основе большинства его прозаических произведений.

В творчестве Кирилла Ломагина отдельное место занимает тема войны: «В начале литературного пути он обращался к событиям Гражданской войны, затем – Великой Отечественной войны, (...) позднее в основе его повестей – отзвуки событий афганской и чеченской войн в жизни наших современников» (Зайцева 2007: 171). Особое место в этом цикле произведений занимает повесть «Зыгырья, киосыд вань дырья», впервые опубликованная в 1993 году. Через непростую судьбу удмуртского паренька Алексея Кузьмина, удмуртский писатель обращается к осмыслению афганского синдрома. Очевидно, намерение автора избрать главным героем человека обыкновенного, типичного. Имя Алексей – распространённое мужское личное имя греческого происхождения, которое в переводе обозначает 'защищать, отражать, предотвращать', что добавляет образу черты традиционности, типичности и привязанности к «общей» судьбе народа.

Произведение «Зыгырья, киосыд вань дырья», имеет следующий сюжет: во время десанта на парашюте Алексей Кузьмин попадает под вражеский обстрел. Из-за полученных ран врачи ампутируют его ле-

вую руку. Правая рука также теряет свою работоспособность, т.к. при падении он получил серьёзный ушиб. Дома, на родине, Алексея ждала его девушка Езорова Елена. Но молодой десантник не желал возвращаться. Он хотел забыть о Лене потому, что не хотел причинять ей боли: Кинлы кулэ улэп шойёс? (Ломагин 2004: 11). 'Кому нужны такие живые трупы?' Таким образом, проблема «войны и мира» в произведении плавно перетекает в проблему рода, семьи, смысла человеческого бытия и его продолжения в потомках: Кёня сылэ война, шуиськодэ? Вот со дун вёзы одно ватсалэ на, кёня сыло мынам но кыкез ик киосы, эшелэн, Зуфарлэн, кыкез ик пыдъёсыз (...) Лыдъялэ, кёня сылэ «афганецёслэн» жужаса вуымтэ яратонзы, вордскытэк кылем нылпиоссы, лэсьгымтэ ужъёссы, куашкатэм шудзы (Ломагин 2004: 52). 'Какова цена войны, Вы спрашиваете. К своим расчётам обязательно добавьте ту стоимость, во сколько Вы оцениваете мои руки, потерянные ноги моего товарища Зуфара (...) Посчитайте и не успевшую зародиться любовь «афганцев», их не родившихся детей, невыполненные дела, их разбившееся счастье'.

Повествование повести ведётся от третьего лица. Однако мысли автора-повествователя периодически трансформируются в мысли главных героев, и наоборот – зона повествования отдельного героя органично и почти неощутимо перетекает в зону повествования автора: Мусо эшъёсы, бöлякёсы, бусёнъёсы, зыгыръялэ ас шуддэс, музъемез, яратондэс, киосты вань дыръя. Мон öй ву озы карыны. Секундлы быдэ öпкелисько, лэсьгыса вуттымтэме жалясько (Ломагин 2004: 52). 'Дорогие друзья, соседи, родственники, цените (букв. обнимайте) свое счастье, землю, любовь, пока у вас есть руки. Я не успел. Теперь каждую секунду сожалею об этом'.

Афганская война – война, которая велась на чужой территории. Поэтому с самого начала произведения здесь идет противопоставление «свой – чужой», которое поддерживается как на уровне хронотопа, так и на уровне лейтмотивов произведения: Афган война угось Кабул, Саланг но музон пальёстй гинэ öз шукуръяськы. Солэн лек тулкымъёсыз вуылйзы анай-атайёслэн сюлэмъёсазы (Ломагин 2004: 8). 'Афганская война велась не только в Кабуле, Саланге и других территориях. Её злые отголоски доходили и до родительских сердец'. Нужно подчеркнуть, что лейтмотивы произведения «Зыгырья, киосыд вань дыръя» заложены уже в самом названии повести. Рука – это образ, через кото-

рый раскрывается смысл человеческого бытия: человеческие руки творят добрые дела, они же убивают других людей. По-видимому, чтобы раскрыть значимость образа руки, в произведении визуализируются тактильные ощущения: Леналэн киосыз туж небытэсь. Сямыз кадь ик. Малятиз, ѓжытак йѓтскылиз ке, перияськись муртэ но лйятоз-буйгатоз (Ломагин 2004: 8). 'Руки Лены очень мягкие. Как и её характер. Если она даже совсем чуть-чуть коснётся, погладит, то успокоит любого взъерошенного человека'.

Еще один лейтобраз произведения – образ крови. Прежде всего, это постоянное напоминание о войне: Отысь, изьёс пѓлысь, вир шапыкъёсты сяна, мон номыре тодам уг вайиськы (Ломагин 2004: 29). 'Я не могу вспомнить ничего, кроме капель крови между камнями'. Это показатель тревожности, беспокойства главного героя: Олѓш вирызлэсь бызыльэмзэ ик шѓдэ. Луп-луп карыса, туйнаськыса ик вань вирсэръёстйз ортче (Ломагин 2004: 70). 'Алексей чувствует движение крови. Пульсируя, она течёт по венам'. Автор произведения словно постоянно напоминает, что военный опыт бывших фронтовиков инициирует их иное мировидение, формирует новый взгляд на окружающую действительность: казалось бы, они каждую минуту бытия начинают ощущать, чувствовать жизнь по-иному. На это указывает и избыточное использование автором образов, связанных с разными частями тела человека.

Ещё одной особенностью произведения К. Ломагина является использование художественных тропов, среди которых доминируют сравнения. Можно заметить, что для создания визуальных образов автор чаще всего использует природные образы: Нылмурт интыысь кеч музэн лѓбак тэтчиз (Ломагин 2004: 5). 'Девушка вскочила с места подобно зайцу'; Съѓд валлэн нап изнэсэз выллем тѓлась йырсиез корказь ѓогет борды дэмзиз (Ломагин 2004: 6). 'Развевающиеся словно густая грива вороного коня волосы (девушки) зацепились за дверной крючок'; Чечег кадь шаплы пѓга Лена (Ломагин 2004: 14). 'Словно трясогузка резво прячется Лена'.

С точки зрения синтаксиса, можно заметить, что в произведении доминируют простые короткие предложения, перебиваемые небольшими фразами в диалогах. Подобное движение повествования позволяет автору акцентировать внимание на быстротечности человеческой жизни. В центре произведения оказываются внутренние переживания героя.

Таким образом, стилистические приёмы в произведении Кирилла Ломагина позволяют глубже понять идейное своеобразие повести «Зыгыря, киосыд вань дыръя», акцентируя внимания на способы выживания человека в современном мире.

Литература

1. Зайцева Т. И. Современная удмуртская проза (1980–2000-е гг.) / Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2007. – 174 с.
2. Ломагин К. Е. Зыгыря, киосыд вань дыръя: Повестьёсв. – Ижкар: Инвожо, 2004. – 120 б.

Зорин Павел Андреевич,
студент 3 курса УдГУ
zorin.paviel@mail.ru

Отражение удмуртских наименований грибов в словарях

Аннотация. В ходе работы исследованы три удмуртско-русских словаря разных годов издания (1932, 1983, 2008). В эти словари включены в общей сложности 163 названия для 40 грибов. При этом одни грибы имеют по множеству названий (к примеру: белый гриб имеет 18 наименований, маслята – 10 и т. п.); к тому же эти наименования варьируют от словаря к словарю. Создаётся также впечатление, что словари не всегда дают точную идентификацию предмета и его наименования. В дальнейшем предстоит серьёзная работа: 1) по сбору материала по другим источникам; 2) по уточнению списка наименований.

Ключевые слова: грибы, белый гриб, маслята, нянгуби, дуногуби.

Pavel A. Zorin,
3rd year student of UdGU
zorin.paviel@mail.ru

The Udmurt names of mushrooms in dictionarys

Summary. In the course of the work were studied three Udmurt-Russian dictionaries of different publication years (1932, 1983, 2008). These dictionaries include a total of 163 names for 40 mushrooms. In this case, some mushrooms have a variety of names (for example: white mushroom has 18 names, boletus – 10, etc.); in addition, these names vary from dictionary to dictionary. It also seems that dictionaries do not always give an accurate identification of the subject and its name. In the future, serious work remains to be done: 1) to collect material from other sources; 2) to clarify the list of titles

Key words: mushrooms, white fungus, boletus, nyangubi, dunogubi.

Грибы (лат. Fungi или Mycota) – царство живой природы, объединяющее эукариотические организмы, сочетающие в себе некоторые признаки как растений, так и животных. Грибы изучает наука миколо-

гия, которая считается разделом ботаники, поскольку ранее их относили к царству растений (Kirk и др. 2008: 371).

Роль грибов в природе и в хозяйстве человека трудно переоценить. Грибы присутствуют во всех биологических нишах – в воде и на суше, в почве и на всевозможных иных субстратах. Являясь редуцентами, они играют важную роль в экологии всей биосферы, разлагая различные органические материалы и способствуя образованию плодородных почв.

Мир грибов богат и разнообразен. Специалисты насчитывают до 100 тыс. их видов на нашей планете. В это число входят грибы, которые развиваются в виде плесени на стенах помещений, на черстве хлеба, сыре; грибы, поражающие растения и вызывающие заболевания людей. Из 10 тыс. видов шляпочных грибов и близких к ним, произрастающих на земном шаре, около 2 тыс. встречаются в нашей стране. К ним относятся съедобные и ядовитые грибы, разрушители древесины и лесной подстилки, источники биологически активных и лечебных веществ. В лесах России встречается около 30 видов ядовитых грибов. Количество съедобных грибов в нашей стране превышает 300 видов. Но на наш обеденный стол попадает значительно меньше – не более 60 (Тычинин и др. 1988: 24).

Центром наибольших грибных скоплений являются огромные лесные территории нашей страны. Наиболее урожайны молодые и средневозрастные смешанные леса, в которых с 1 га можно собрать до 270 кг съедобных грибов. В сосняках этого же возраста и в еловом высокоствольном лесу эта цифра составляет 257 кг. Богаты грибами берёзовые рощи. В средней полосе европейской части у нас в общегрибном лукошке на долю сыроежек приходится 34%, лисичек – 21%, валуев – 12%. Что же касается таких ценных видов, как белый гриб, подосиновик, подберезовик, рыжик, волнушка, то они попадают в корзины грибников в количестве по 2 – 4% от общего сбора грибов. На одного человека приходится в среднем в России (до Урала) по 7,9 кг грибов в год, в Белоруссии – 4, в Прибалтике – 5, на Украине – 1 кг (Смирняков и др. 1992: 7–10). Леса Удмуртии тоже богаты грибами. Среди них более 200 видов съедобны (Тычинин и др. 1988: 24).

Для изучения выбранной темы были использованы 3 удмуртско-русских словаря разных годов издания: Т. К. Борисов «Удмурт кыл-люкам» (Борисов 1991), Удмуртско-русский словарь 1983 года (УРС 1983), Удмуртско-русский словарь 2008 года (УРС 2008). В ходе работы,

в целом было обнаружено 40 видов грибов.

В словаре Т. К. Борисова (1991) встречается 57 удмуртских названий грибов, которым соответствует 24 русских наименования. Самое большое количество вариантов у таких грибов как: опята (8), маслята (5), дождевик (4), поганка (4), волнушка (4), трутовик (4).

В словаре 1983 года (УРС 1983) было найдено 62 удмуртских названия грибов, которым соответствует 28 русских наименований. Самое большое количество вариантов в удмуртском языке имеют: опята (5), поганка (4), рыжик (4), маслята (4).

Словарь 2008 года (УРС 2008) оказался самым богатым на названия грибов. На 39 русских наименований, в данном словаре зафиксировано 162 их соответствия на удмуртском языке. Самое большое количество вариантов, по данному словарю, у таких грибов как: белый гриб (18), маслята (13), боровик (10), волнушка (9), подберёзовик (8), опята (8).

В данные словари включены в общей сложности 163 удмуртских названия для 40 видов грибов (см. Приложение 1). При этом одни грибы имеют по множеству названий, например:

Белый гриб (18)	Алачагуби, дуногуби, няньгуби, пужымгуби, табаньгуби и т.д.
Маслята (13)	Вёёгуби, кёйгуби, саплягуби, табаньгуби, и т.д.
Опята (11)	Йёлгуби, лйялгуби, мыркгуби, опонька, пугуби и т.д.
Волнушка (11)	Ворпогуби, гоногуби, гожмогуби, йёлогуби, курытгуби, и т.д.
Боровик (10)	Дуногуби, ляггуби, парсьпельгуби, яггуби и т.д.
Подберёзовик (9)	Кызьпугуби, обаткагуби, сорокогуби, соркотогуби и т.д.

Как уже упоминалось ранее, в словаре 2008 года (УРС 2008) самое большое количество названий грибов. Это обусловлено тем, что в этот словарь внесено множество диалектных наименований. Поэтому, чаще всего, названия, которые есть в словаре 2008 года (УРС 2008), не всегда можно найти в словаре Т. К. Борисова (1991) или в словаре 1983 года (УРС 1983). Например, гриб вожгуби, который в словаре 2008 года переводится как рядовка, не имеет переводов в двух других словарях. Но встречается и такое, что названий, зафиксированных в словаре Т. К. Борисова (1991) или в словаре 1983 года (УРС 1983), нет в словаре 2008

года. Например, гриб *вожшыргуби* в первых двух словарях переводится как *сыроежка зелёная*, но в словаре 2008 года (УРС 2008) этот гриб не упоминается.

Бросается в глаза и то, что словарь Т. К. Борисова (1991) и словарь 1983 года (УРС 1983) имеют различное количество слов (сл. Борисова: около 15000 слов, сл. 1983 года: около 35000 слов), но количество наименований грибов практически одинаковое.

Часто встречаются такие случаи, когда несколько разных грибов имеют одинаковую идентификацию. Например, гриб *алачагуби* обозначает три разных названия грибов: *белый гриб*, *подберёзовик* и *подосиновик*. Также гриб *гордгуби* переводится и как *рыжик*, и как *подосиновик*. Это и то, что, например, один гриб имеет сразу 18 соответствий в удмуртском языке, наталкивает на некоторые сомнения о точности идентификации предмета и его наименования.

Также складывается впечатление, что в художественной литературе названий грибов больше, чем в словарях, упомянутых выше. Например, стихотворение А. Леонтьева:

*Нош кӧня меда губи?
Вань отын сялагуби,
Шыргуби, коньыгуби,
Нингуби, съӧднингуби,
Парсьгуби, мыльымгуби,
Будэ куткулонгуби,
Вань эишо гоногуби,
Жукгуби, вӧёгуби...*
(Леонтьев: 84–85)¹

Всего в этом стихотворении встречается 11 названий грибов, из которых 9 зафиксированы во всех трёх данных словарях, а два, *съӧднингуби* и *жукгуби*, не упомянуты ни в одном из словарей. Отсюда следует вывод, что данные словари не отражают реальное количество названий грибов. Поэтому в дальнейшем предстоит работа по дополнительному сбору материала по следующим источникам: 1) другие удмуртские словари: З. Кротова [Кротовъ 1785], Б. Мункачи [Munkácsi 1896], Ю. Вихманна [Wichmann 1987] и др;

2) диалектологический материал экспедиций, хранящийся на Кафедре общего и финно-угорского языкознания и в УИИЯЛ УрО РАН в

¹ Пример заимствован из компьютерной картотеки В. К. Кельмакова.

виде статей, монографий, сборников, текстовых публикаций. Например, Атаманов М. Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия, Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка, Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры, Тепляшина Т. И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия;

3) материал, собранный студентами УдГУ во время диалектологических практик;

4) художественная литература.

И на основе этого и полевого материала, который ещё предстоит собрать, будет производиться работа по уточнения данного списка наименований.

Литература и источники

1. Борисов 1991 – Удмурт кыллюкам = Толковый удмуртско-русский словарь: Около 15 тысяч слов / Т. К. Борисов. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР, 1991. – 383 с.

2. Кротовъ 1785 – Кротов З. Удмуртско-русский словарь: около 5000 слов. Предисловие Т. И. Тепляшиной. – Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1995. – 308 с. (= Краткой Вотской словарь съ российскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785 года).

3. Леонтьев – Котырьсь улон но мон: покчи нылпиослы хрестоматия / да-связ В. А. Анисимова. – Ижевск: Удмуртия, 2003. – С. 84–85.

4. Смирняков и др. 1992 – Смирняков Ю. И., Кошечев А. К., Кошечев А. А. Спутник грибника – Москва: Экология, 1992. – С. 7–10.

5. Тычинин и др. 1988 – Тычинин В. В., Марков В. М., Куликова С. К. Съедобные и ядовитые грибы Удмуртии [Текст]: справочник. – Ижевск: Удмуртия, 1988. – С. 24.

6. УРС 1983 – Удмурт-зуч словарь = Удмуртско-русский словарь : около 35000 слов / [А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. С. Скобелев, Т. И. Тепляшина]; НИИ при Совете Министров Удмуртской АССР; под редакцией В. М. Вахрушева. – Москва: Русский язык, 1983. – 591 с.

7. УРС 2008 – Удмурт-зуч словарь = Удмуртско-русский словарь: Ок. 50000 слов / РАН. УрО. Удм. ин-т ИЯЛ; Сост. Т. Р. Душенкова, А. В. Егоров, Л. М. Ившин, Л. Л. Карпова, Л. Е. Кириллова, О. В. Титова, А. А. Шибанов; Отв. редактор Л. Е. Кириллова. Ижевск, 2008. – 924 с.

8. Kirk и др. 2008 – Kirk P. M., Cannon P. F., et al. Ainsworth & Bisby's Dictionary of the Fungi. – CAB International, 2008. – 371 p.

9. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.

10. [Wichmann Y.] Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. Helsinki, 1987 (LSFU). XXIII + 421 S.

Маркова Анисья Валерьевна,
студент 2 курса УдГУ
markova.mav@yandex.ru

Гастрономические мотивы в произведениях Г. Красильникова

Аннотация. В статье рассматривается исследование способов создания характеров героев и художественного мира писателя посредством изучения гастрономических мотивов в произведении.

Ключевые слова: гастрономические мотивы, гастрономические пристрастия героев, раскрытие внутреннего мира героев.

Anisya V. Markova,
2nd year student of UdGU
markova.mav@yandex.ru

Gastronomic motifs in the works of G. Krasilnikov

Summary. The article discusses the study of ways to create the characters of the heroes and the artistic world of the writer through the study of gastronomic motifs in the work.

Key words: gastronomic motives, gastronomic predilections of heroes, disclosure of the inner world of heroes.

Творчество удмуртского прозаика Геннадия Дмитриевича Красильникова занимает особое место в удмуртской литературе. Он признанный мастер психологической прозы. Мир его литературных героев очень ярко и живо нарисован. Практически, все они – обычные работающие люди со своими мыслями, проблемами, переживаниями. В описании обыденной жизни героев Геннадий Дмитриевич большое внимание уделяет гастрономическим мотивам, которые помогают писателю в создании образов большинства персонажей.

В последние годы данная тема активно изучается и в русской литературе. Назовём работы таких исследователей, как Когут Константин Сергеевич «Мотив еды в пьесе А. П. Платонова «Волшебное существо», Марушкина Надежда Сергеевна «Отражение русской национальной традиции питания в диалогии Мельникова-Печерского «В лесах» и

«На горах», Павлова Анастасия Анатольевна «Пирь и застолья в романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлёвы», Румянцева Лена Иннокентьевна «Функционирование кулинарно-пищевого мифологического кода в прозе 1920-х гг.», Вячеслав Боярский «Гастрономическая архитектура: «Мёртвые души» Н. В. Гоголя и «История одного путешественника Г. И. Газданова».

Так, Любовь Витальевна Пузырёва в своей научной статье «Значение и функции частностей в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: образ Алёши Карамазова сквозь призму мотивов тематической группы «Еда» через гастрономические мотивы раскрывает образ Алёши Карамазова и выделяет важность их соблюдения при составлении общего характера героя.

Данную же тему раскрывает Сидорова Светлана Юрьевна в статье «Кулинарная метафора как культурная модель мира в литературе XX века». Через определённое блюдо, занимающее особую роль в каждом отдельно взятом произведении, ведется описание героев, раскрытие их внутреннего мира, мировоззрения и личностного характера в целом.

В удмуртской литературе данная тема до сих пор не исследована, имеются отдельные работы по гостевому этикету удмуртов. Для нас в этом ключе интересными показались произведения Г. Красильникова. В результате комплексного анализа прозы писателя были изучены гастрономические пристрастия его героев. «Вуж юрт» – самое кулинарное из произведений прозаика. Если читать его тщательно, обращая внимание только на то, что герои романа едят, мы заметим следующие гастрономические пристрастия персонажей: виртырем (кровяная колбаса), кеньырен шыд (суп с крупой), йёл (молоко), курегпуз (яйцо), бишбармак, шаньги (шанежки), араки (кумышка), йёлпыд (простокваша), огреч (огурец), шуккем вёй (сливочное масло), чечы (мёд), сйль (мясо), нянь (хлеб), перепеч, чай, котлет и другие.

Если взглянуть на главных героев романа Кабышевых, то можно увидеть, что их бережное и уважительное отношение к еде начинает параллельно сосуществовать с жадностью. С одной стороны, Макар занимается пчеловодством, для него это дело является одним из любимых, он трудолюбив. Но, с другой стороны, под влиянием Зои, он старается сохранить при себе всё то, что сам вырастил и добыл, не делясь ни с кем другим, например, картофель, который у него сгнил.

В центре повествования диалогии «Вуж юрт» семья Кабышевых.

Макар является хозяином семьи. Как и в любой семье с традиционными патриархальными устоями, у Кабышевых за обедом до отца никто к мясу не притрагивается. Это мы можем увидеть из следующих отрывков в произведении: «С супом покончено. Макар придвигает к себе тарелку с мясом и начинает делить его на куски. Зоя и Олексан молча ждут. Макар вытирает пальцы о волосы, слизывает с ножа жирные капли и ставит тарелку с бараниной на середину стола. Снова неторопливо едят, молча, сосредоточено».

«Шыдэн тусьты бушам бере, макар сйлен тэркыез аяз каре но юдэсэн-юдэсэн люкылыны кутске. Зояен Олексан возмаса пуко. Макарлэс азьло нокин сйль борды уг йётскылы. (с.17)

В Макаре также выражены черты жадности и упорства. Даже не имея физических возможностей, он всё равно старается достать мясо из косточки: «А Макар ещё долго сидит, любит высасывать из костей мозги, может посидеть и час, и два. Зубов не хватает разгрызть кость, долго возится с ней, обглаживает. А то берёт молоток и дробит её, достаёт мозг» (С.24)

«Нош Макар жёк съёрын кема пуке на: яратэ со ййрйискыны, лы сюриз ке, час но пукоз. Азыпиньёсыз өвёлэн лызэ олокызы но пыргытыны выре. Лы пушкыс вимзэ поттыны уг ке быгаты, молот кутыса, сузымтэ» (с.17)

Жена Макара, Зоя, всяческими способами старается сохранить и обогатить своё хозяйство. Своего единственного сына, Олексана, женщина воспитывает таким же, какой является она сама. Зоя не думает о других, для неё важно благополучие только своей семьи: «Совсем иначе к сыну относилась Зоя: ласкала, кормила сладостями. Намажет на хлеб масла, сверху мёду. – Ешь, сынок, только не ходи с хлебом на улицу – чужие мальчики попросят. Смотри, другим не давай, сам ешь!» (С. 15)

«Нянь вылэ чиньы зёкта вёй зыраса сётэ: «Си, пие, си. Ураме гинэ эн потты – эшьёсыд куроzy. Муртлы эн сётъя, ачид гинэ си» (с. 10)

За семейными обедами и ужинами Кабышевы практически всегда молчат и не торопятся: каждый молчит о своём. Никто из членов семьи не желает делиться с другими своими мыслями, переживаниями. Это можно увидеть из следующих отрывков: «Макар пришёл под вечер. Сели за стол, вдвоём молча пообедали. Зое нынче ёёжи не удался – пересолила. Раньше Макар бы обязательно стал ворчать. А сейчас не проронил ни слова» (С. 107)

«Жытазе Макар бертиз но, жёк съёры чошен гинэ пуксьыса. Вераськытэк сиськизы. Чёжиез пёлы Зоя тросгес сылал понэм, азьло дырря Макар одно ик зургетыны кутскысал. Нош туннэ пал кыл но ёз вера» (с. 85)

Ни что в хозяйстве Кабышевых не должно пропадать зря – всему всегда найдется место в «Вуж юрте». Макар и Зоя стараются жить по давно устоявшимся нормам жизни. Их главная цель – разбогатеть. Во всей дилогии, в доме Кабышевых, практически не описаны гостевые сцены. Их всего две: когда играют свадьбу Олексана и Глаши, и когда Зоя идёт к своей соседке Марье угостить её молозиво.

Но даже и в этой сцене Зоя не раскрывается с положительной стороны. Потому, как идёт к соседке не с добрыми намерениями.

Олексан – главный герой произведения. Его родители, в особенности мать – Зоя, с самого детства старается сформировать в сыне качества, свойственные ей самой: жадность, самолюбие, равнодушие к окружающим, эгоизм, вещизм. Возможно, у неё бы это получилось. Ведь, когда Олексан учился в школе, мальчик делал всё, как его просила мама: «В школу брал кусок хлеба с мёдом, на перемене уходил в угол и торопливо съедал» (С. 16)

«Школае чечьен нянь нуоз но, сиськон дыр вуэ ке, эшъёсызлэсь школа съёры пегъыса, сиськоз вал» (с. 10)

Олексан уезжает на курсы трактористов. В первое время учёбы он старается выполнять указания матери. Всю еду, принесённую из дому, ест втихую от других. Для него становится удивительным то, что его друзья угощают других курсантов едой, привезённой из дома. Так, сосед Андрей хочет его угостить, но Олексан отказывается. Он воспринимает данный поступок, как «прихорашивание» со стороны Андрея: «А ты, сосед, чего сидишь, как в гостях у сердитого дяди? Возьми, попробуй шанежки с мясом» (С. 34.)

«Нош тон, сосед, мар сокем кунояськыса пукиськод? Ме, тани утча али шаньгиез» (с. 27)

Другим человеком, который помог Олексану изменить взгляды на жизнь, стал Сабит. Он угощает Олексана бишбармаком. Олексан в ответ на доброту однокурсника решает оплатить Сабиту угощением домашней колбасой, хоть и далось ему это нелегко: «Когда Олексан вернулся в общежитие, все сидели за столом и ели бишбармак, который привёз с собой Сабит. <...> Сабит был уж очень настойчив, и Олексану при-

шлось попробовать чужое угощение» (С.35); Олексан нарочно задержался в комнате и, когда все вышли, вытащил свою котомку, развязал и протянул Сабиту домашнюю колбаску» (С.35)

«Сабитлы дорысьтыз бишбармак ыстиллям. Їуказеяз, Олексан бертыку, быдэс общежитие жёк котырын пуке вал: пиос Сабитлэсь бишбармаксэ «верьяло». Олексанэз адзыса Сабит султйз. <...> Китйз кутыса ик, пуктйз. Олексан амалтэк сиёнзэ верьяно луиз, с. 27-28». «— Сабит, тани, дорын милям така вандйллям. Сиыса утча.

- О-о, якши! Милям таёе лэсьтыны уг тодо. Валла, ческыт, кылдэ нбылод! (с.28)

Роман «Толсяська» по теме и по сюжету является продолжением повести «Вуж юрт». Мы снова встречаемся со знакомыми героями: Олексаном, Сабитом, Андреем, Дарьей, Зоей и многими другими. Однако в романе мы знакомимся и с новыми героями: Глашей, Чупыргы Васёй, Гироем, Харитоном Кудриным и другими.

В повести «Вуж юрт» действие, в основном, идёт в доме Макара, вокруг «Вуж юрта». В романе «Толсяська» хронотоп расширяется. Теперь писатель больше старается показать колхозную жизнь.

В романе, Олексан – совершенно новый человек. Эти изменения сказываются и на его процессе еды. Всё чаще и чаще Олексан обедает не дома, а в квартире трактористов. Он гордится тем, что работает вместе, сообща со всеми другими тружениками. В жизни Олексана происходят и другие изменения, личного характера – женитьба на Глаше.

Зоя, как и Олексан, переживает изменения. Она, как и раньше старается властвовать в доме, но понимает, что теперь главной хозяйкой в доме является Глаша. У Зои пропадает интерес к жизни, она опускает руки. Понимает то, что сколько и что бы она не говорила Олексану, он уже не будет её слушать. Автор состояние равнодушия к жизни описывает и через отношение героя к еде: «Куд-куд нуналэ гурзэ но өз эстылы, толло шыдзэ шунтыса сие: оген муртлы трос-а бен кулэ...» (с.142)

Очень интересным комическим героем романа является Чупыргы Вася. Гастрономические сцены очень чётко и ярко помогают изобразить все тонкости характера Чупыргы Васи: его беззаботность, балагурство, удивительное везенье, острый язык. Как правило, герой очень много ест и при том все это никак не сказывается на его здоровье: «Эх, люблю культурно поесть! Как только приезжаю в город, сразу иду в ресторан. Председателя нашего, сам знаешь, то в бюро, то на совещание пригла-

шают, его там ругают, а я в это время сижу и ем солянку или бефстроганное!» (С.317)

Таким образом, гастрономические мотивы использованы Г. Д. Красильниковым для исследования внутреннего мира литературных героев и раскрытия через неё характера персонажей произведений. Описание самих трапез помогают в создании характеров героев и художественного мира писателя. При рассмотрении описания различных трапез и застолий в произведениях Г. Красильников обращает на себя внимание не столько обилие разнообразных яств, сколько детальное описание самого процесса еды. Из художественного текста можно извлечь большой пласт информации как о продуктах, традиционно используемых в удмуртской культуре, так и об обычаях, обрядовой стороне, связанной с принятием пищи.

Приложение 1. Список удмуртских наименований грибов

Название / Источник	Борисов 1991	УРС 1983	УРС 2008
сыроежка		лудшыргуби (диал.), шыргуби	лудшыргуби (диал.), шыргуби
сыроежка красная	гордышыргуби	гордышыргуби	гордышыргуби
сыроежка синяя (синявка)	лызышыргуби, лызгуби (диал.)	лызышыргуби, лызгуби (диал.)	лызышыргуби, лызгуби (диал.)
сыроежка зеленая	вожшыргуби	вожшыргуби	
сыроежка жёлтая		чужшыргуби	чужшыргуби

ПЕРМИСТИКА XVII:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

<i>белый гриб</i>	<i>гирыбгуби</i> (диал.), <i>бабанайгуби</i> (диал.), <i>тöддыгуби</i>	<i>бабанайгуби</i> (диал.), <i>тöддыгуби</i>	<i>алачагуби</i> (диал.), <i>бабанайгуби</i> (диал.), <i>гирыбгуби</i> (диал.), <i>дуногуби</i> (диал.), <i>зöкныд</i> (диал.) <i>жучгуби</i> (диал.), <i>йöногуби</i> (диал.), <i>няньгуби</i> , <i>парсьпельгуби</i> (диал.), <i>пужымгуби</i> , <i>пужымьяггуби</i> , <i>сабанайгуби</i> (диал.) <i>салдатгуби</i> (диал.), <i>топольгуби</i> (диал.), <i>тöддыгуби</i> , <i>тöддыобот</i> (диал.) <i>тытыгуби</i> (диал.), <i>тэльгуби</i> (диал.)
<i>боровик</i>	<i>ляггуби</i> (диал.), <i>яггуби</i>	<i>ляггуби</i> (диал.)	<i>дуногуби</i> (диал.), <i>жучгуби</i> (диал.), <i>ляггуби</i> (диал.), <i>яггуби</i> , <i>парсьпельгуби</i> (диал.), <i>пужымгуби</i> , <i>пужымьяггуби</i> , <i>чашкагуби</i> , <i>чашкагуби</i> (диал.), <i>ягоньыгуби</i>
<i>груздь</i>	<i>ниньгуби</i>	<i>нингуби</i>	<i>нингуби</i> <i>суртгуби</i> (диал.) <i>ыльрыжик</i> (диал.)
<i>белый груздь</i>		<i>тöддынингуби</i> , <i>йöлогуби</i> (диал.)	<i>йöлогуби</i> (диал.), <i>тöддыгуби</i> , <i>тöддынингуби</i>
<i>жёлтый груздь</i>		<i>йöлонингуби</i> (диал.)	<i>йöлонингуби</i> (диал.)

опята, опёнок	йӧлгуби (диал.), опонькагуби (диал.), лйял- губи, мыркгуби (диал.) сюресгуби (диал.)опенкагу- би (диал.), шыркгуби (диал.), ялгуби (диал.)	дйялгуби (диал.), лйялгуби, мыркгуби (диал.), опонькагуби (диал.), ялгуби (диал.)	дйялгуби (диал.), лйялгуби, мыркгуби (диал.), опенкагуби, опонька (диал.), пугуби, толлйялгуби (диал.) (опёнок осенний), ялгуби (диал.)
луговые опята	чургуби	возьгуби (диал.), ожогуби (диал.), чургуби	возьгуби, лызожогуби, музьемгуби, ожогуби, сюресгуби (диал.), чургуби
крапивник, подкрапив- ник	пушнергуби	пушнергуби	пушнергуби
маслята, маслёнок	вӧёгуби, вӧсьгуби (диал.), табаньгуби (диал.), сапля- губи (диал.), чужскӧтулгуби (диал.)	вӧёгуби, саплягуби (диал.), табаньгуби (диал.), табаньгуби (диал.), чужжвӧйгуби (диал.)	вӧёгуби, вӧётки (диал.), вӧсьгуби (диал.), кӧйгуби (диал.), масленча (диал.), пужжымгуби, сальтырнагуби (диал.), саплягуби (диал.), табаньгуби (диал.), таплягуби (диал.), чужжвӧйгуби (диал.), чужжкӧтулгуби (диал.), шангагуби (диал.)

ПЕРМИСТИКА XVII:

Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками

шампиньон	гайгуби (диал.), сокологуби шарпангуби,	гайгуби (диал.), сабанайгуби (диал.) (ложный шам- пиньон), соколёгуби	гайгуби (диал.), ганьгуби (диал.) кыедгуби (диал.), сабанайгуби (диал.), соколёгуби, сурокгуби (диал.) (шампиньон бурый), шарпанагуби (шам- пиньон луговой)
рыжик	коньыгуби, гордгуби	коньыгуби, кызгибы (диал.), кызгуби, яггуби	гордгуби (диал.), гордбелянка (диал.), коньыгуби, кызгуби, пужымгуби (диал.), яггуби
дождевик	гудырипуз (диал.), зоргуби, зорпуз (диал.), зоркоко (диал.)	гудырипуз, зоргуби, зоркоко (диал.)	гудырипуз, зорпуз, зоргуби, зоркоко (диал.), пелепырон (диал.)
зонтик			куркагуби, сйтярагуби (диал.)
лисичка, лисички	мыльымгуби, эшгуби (диал.)	мыльымгуби, чужгуби, эшгуби (диал.)	мыльымгуби, чурокгуби (диал.), чужгуби, эшгуби (диал.)
подберёзо- вик, берёзо- вик	обаткагуби	кызьпугуби, обадка (диал.)	алачагуби (диал.), кдйгуби (диал.), кызьпугуби, обадка, сорокогуби (диал.), сорокой (диал.), сорокойгуби (диал.), соркотогуби (диал.)

подосиновик	пиугуби	гондыргуби (диал.), гордгуби, пиугуби	алачагуби (диал.), бабапель (диал.), гондыргуби (диал.), гордгуби (диал.), гордыйр (диал.), кӱйгуби (диал.), пиугуби
мухомор	кутвиёнгуби, куткулонгуби	куткулонгуби	кутвиёнгуби, куткулонгуби, чибиньгуби (диал.)
поганка	дэригуби (диал.), сьӱдтыбыргуби (диал.), кыедгуби, кыйгуби (диал.)	дэригуби (диал.), кыедгуби, кыйгибы (диал.), ожогуби	дэригуби (диал.), кыедгуби, кыйгуби (диал.), кыйгибы (диал.), назёмгуби (диал.) (бледная поганка)
волнушка, волнуха	вожйӱлогуби (волнушка зелё- ная), йӱлогуби, ӱлогуби (диал.), сялагуби	гоногуби (диал.), йӱлогуби (диал.), куреньгуби (диал.)	валкартагуби (диал.), ворпогуби (диал.), гожмогуби (диал.), гоногуби, йӱлогуби (диал.), курытгуби, куреньгуби (диал.), курытконьгуби, парсьпельгуби (диал.)
трутовик, вязовик	сирпугуби, сеньки, сеньки (диал.), сабанайгуби	сиргуби, сирпугуби	сиргуби, сирпугуби, пугуби, сенькигуби, уйпугуби
свиннушка, свинуха	парсьгуби, тулеггуби	парсьгуби (диал.), тулеггуби	куарогуби, парсьгуби, свинка (диал.), тулеггуби

<i>сморчок</i>			<i>эустаригуби (диал.),</i> <i>искалжшгуби</i> <i>(диал.),</i> <i>музьемдйгуби (диал.),</i> <i>пульсогуби,</i> <i>скалжшгуби,</i> <i>тётёрогуби (диал.),</i> <i>эмьюмгуби</i>
<i>воронка</i>			<i>воронкагуби,</i> <i>кузькукгуби,</i> <i>лудзязеггуби,</i> <i>музьемгуби (диал.)</i>
<i>рогатник,</i> <i>рогатик</i>	<i>эустаригуби</i>	<i>сезьыгуби</i>	<i>эустаригуби (диал.),</i> <i>сезьыгуби (диал.)</i>
<i>серушка</i>		<i>сялагуби</i>	<i>сялагуби</i>
<i>моховик</i>	<i>вожсваёгуби</i>	<i>вожсваёгуби,</i> <i>кёсваёгуби</i>	<i>вожсваёгуби,</i> <i>гондыргуби (диал.),</i> <i>кёсчужкётулгуби</i>
<i>дубовик</i>		<i>тыпыгуби</i>	<i>тыпыгуби (диал.)</i>
<i>ежовик</i>	<i>ожогуби</i>		<i>чюшъялгуби</i>
<i>рядовка</i>			<i>вожгуби (диал.),</i> <i>зязеггуби</i>
<i>мокруха</i>			<i>нюргуби</i>
<i>губчатый</i> <i>гриб, древес-</i> <i>ный гриб</i>			<i>мекангуби</i>
<i>горькушка</i>			<i>сурдгуби (диал.)</i>
<i>говорушка</i>			<i>чаркагуби (диал.)</i>
<i>шишкогриб</i>			<i>чыжсингуби</i>
<i>чайный гриб</i>			<i>юонгуби,</i> <i>улэпгуби</i>

Савельева Виктория Александровна,
студент 5 курса ПГГПУ
victorijasaveljeva@yandex.ru

**Приёмы развития устной речи в процессе подготовки
к устному собеседованию в 9 классе**

Аннотация. Статья посвящена проблемам развития устной речи в процессе подготовки к устной части государственной итоговой аттестации. В тексте статьи представлен приём работы по развитию речевых умений учащихся, проверяемых устным собеседованием. Предлагаются упражнения для подготовки к пересказу с привлечением дополнительной информации и монологическому высказыванию.

Ключевые слова: устная речь, развитие устной речи, устное собеседование, поэтапная подготовка, ситуативные задания

Victoria A. Savelyeva,
5th year student of PGPPU
victorijasaveljeva@yandex.ru

**Methods of development of oral speech in the preparation process
for oral interview in grade 9**

Summary. The article is devoted to the problems of the oral speech development in the process of preparing for the oral part of the state final certification. The text of the article presents the method of work on the development of speech skills of students, tested by oral interview. Exercises are offered to prepare for retelling with the involvement of additional information and monologic utterance.

Key words: oral speech, development of oral speech, oral interview, gradual training, situational tasks

Устная речь – важнейший компонент жизни человека, поэтому её развитию необходимо уделять много внимания. Для того чтобы учащиеся овладели навыками связной речи, работу необходимо проводить на каждом уроке. Развитие речи – это последовательная, постоянная учебная работа, она имеет свои методы и приёмы работы, свою программу

формирования умений.

В школьных учебниках по русскому языку для основной школы (УМК под ред. М.М. Разумовской, УМК под ред. Шанского) встречаются разные виды упражнений по развитию устной речи. Все упражнения и задания обеспечивают два основных направления работы: развитие неподготовленной устной речи и развитие подготовленной устной речи.

УМК под ред. М. М. Разумовской представляет обширный материал для развития подготовленной устной речи, в частности, навыков говорения на лингвистические темы. Например, упр. 63 (5 кл.): «Ответьте на вопросы так, чтобы получился связный рассказ на тему «Наш язык» (см. текст упр. 62)». Для выполнения таких заданий предлагаются образцы рассуждения, которые помогают учащимся правильно построить ответ. К упражнениям для развития неподготовленной устной речи относятся устный опрос, описания, рассказы (созданные на уроке в процессе подготовки к сочинению). Примеры упражнений из УМК тех же авторов: упр. 83, 84 (6 кл.) «Ответьте на вопросы и выполните задания», упр. 128 (9 кл.) «Ответьте на вопрос: Какие картины К.Ф. Юона вы знаете? Расскажите о них (устно)».

В УМК под ред. Шанского заданий для развития устной речи значительно меньше. Упражнения составлены таким образом, что их можно использовать для развития как письменной, так и устной речи. Например, упр. 184 (6 кл.) «Прочитайте § 24, 26, 33–35. Составьте и запишите сложный план сообщения о составе слова и способах словообразования. Расскажите по нему о словообразовании в русском языке, приведите свои примеры». Встречаются упражнения для создания устного высказывания по опоре, например, упр. 232 (7 кл.) «Определите по опорным (ключевым) словам тему возможного высказывания. Подберите заголовок. Составьте устный рассказ».

С 2018-го года в итоговую аттестацию по русскому языку в 9-ом классе включена устная часть. «Целью введения устной части государственной итоговой аттестации по русскому языку является усиление стратегического направления развития современной школы – коммуникативной направленности в обучении» (Нарушевич 2017).

Исходя из целей устной части ОГЭ и объекта контроля, была создана модель итогового собеседования. Она включает следующие типы заданий:

1. Чтение текста вслух;

2. Пересказ текста с привлечением дополнительной информации;
3. Монологическое высказывание по одной из выбранных тем;
4. Диалог с экзаменатором-собеседником.

Задание 1 – чтение текста вслух – направлено на контроль навыков чтения письменного текста: темп чтения, соответствие интонации знакам препинания текста, соблюдении орфоэпических, грамматических и речевых норм, отсутствии искажений слов.

Задание 2 – пересказ текста с привлечением дополнительной информации – направлено на проверку навыков осмысленного чтения текста и его анализа, умения выделять микротемы и строить вторичное монологическое высказывание с включением цитаты, соблюдения грамматических, речевых, орфоэпических норм.

Задание 3 – монологическое высказывание по одной из выбранных тем – нацелено на проверку выполнения коммуникативной задачи по созданию связного монологического высказывания с учетом речевой ситуации.

Задание 4 – диалог с экзаменатором-собеседником нацелено на проверку умений общения, владения диалогической речью с учетом речевой ситуации.

Проанализировав упражнения из традиционных учебников по русскому языку, мы выявили и систематизировали приём работы по развитию речевых умений учащихся, проверяемых устным собеседованием. В данной статье предложены упражнения для подготовки к двум заданиям: пересказу с привлечением дополнительной информации и монологическому высказыванию.

При подготовке к пересказу важно сохранять смысловую цельность текста, при этом надо включить в пересказ цитату, не нарушая его логики. При разработке упражнений мы обратили внимание на то, что работа по подготовке к пересказу ведется в несколько этапов. Мы предлагаем упражнения на каждый этап.

1 этап. Беседа по содержанию текста с целью выяснения глубины его понимания.

Прочитайте текст. Ответьте на вопросы: О чём он? О каких исторических событиях упоминается в тексте? Что вы знаете об этих событиях? Какие имена исторических личностей, упомянутые в тексте, вам знакомы? Как можно озаглавить этот текст? Определите тему и идею текста.

2 этап. Выявление в тексте микротем как основы для пересказа.

Прочитайте текст. Определите его тему. Разделите текст на абзацы. Выделите в каждом абзаце микротему. Найдите в каждом абзаце слова, раскрывающие микротему.

Опираясь на микротемы, составьте план текста, подготовьтесь к пересказу по плану.

3 этап. Анализ языковых средств, служащих для связи частей текста.

Установите, какие способы и средства связи предложений использованы в 1 и 3 абзацах текста, посвящённого Л.И.Яшину.

4 этап. Сопоставление смысла основного текста и цитаты.

Прочитайте текст. Выделите в тексте вступление, основную часть и заключение. Определите основную мысль текста. Установите смысловые связи между приведёнными цитатами и основной мыслью текста, докажете правильность своего мнения. Выберите из цитат ту, которая в наибольшей степени отражает основную мысль текста. Найдите в тексте место, куда можно вставить эту цитату, определите способ включения цитаты в текст. Сопоставьте свой ответ с образцом.

5 этап. Отработка способов передачи чужой речи.

Найдите в тексте о Чкалове то место, куда цитата может быть включена без ущерба для смысла и строения текста. Используйте разные способы включения цитаты в текст: прямая речь, косвенная речь.

При подготовке к устному монологическому высказыванию важно учитывать, что в экзаменационном задании темы монологов соответствуют трём типам речи: описание, повествование и рассуждение. Следовательно, учащиеся должны хорошо ориентироваться в функциональных особенностях и композиции этих типов речи. При разработке заданий мы обращали внимание на поэтапную подготовку к связному монологическому высказыванию.

1 этап. Работа с типами речи.

1) Определите, что общего между этими текстами? В чем заключаются их различия? Постройте композиционную схему каждого текста.

2) Выберите среди предложенных текстов текст типа рассуждение. Докажите, что текст относится к этому типу речи. Выделите композиционные части рассуждения.

3) Восстановите в тексте недостающий фрагмент в зависимости от типа речи.

4) Прочитайте текст. Определите, какие типы речи в нём сочетаются. Какой из типов речи является ведущим? Почему? Составьте схему, отражающую сочетания типов речи в тексте.

5) Прослушайте рассказ ученика о том, как он гулял в лесу. Какую часть этого рассказа вы считаете недостаточно продуманной? Почему? Подготовьте свой рассказ о прогулке в лесу.

2 этап. Работа с высказыванием по опоре.

1) Рассмотрите картинки. Подготовьте устный рассказ по картинкам.

2) Проанализируйте план и составленный по этому плану текст. Найдите пункты плана, которые ученик недостаточно раскрыл, составляя свой текст. Устно дополните недостающие части текста.

3) Создайте небольшое рассуждение о пользе чтения книг, опираясь на следующую схему.

4) Выберите одну из предложенных тем. Познакомьтесь со своей карточкой. Подготовьтесь к устному монологическому высказыванию. Приготовьтесь оценивать монологические высказывания друг друга по критериям.

5) Подготовьте для своего одноклассника карточку, по которой он сможет создать монологическое высказывание. Выберите для карточки определённый тип речи. Пользуйтесь моделями карточек устного собеседования как образцами.

3 этап. Ситуативные задания.

При подготовке к устному собеседованию важно учитывать, что задание 3 направлено на проверку частично подготовленной устной речи. Для развития связной монологической речи учёные-методисты предлагают включать в процесс обучения ситуативные задания, позволяющие использовать приближенные к реальной жизни ситуации для мотивации к монологическому высказыванию. Приведём примеры ситуативных заданий (при разработке заданий мы учитывали соотношение тем для монолога с тремя типами речи).

1) Ситуация: У Вас закончились зимние каникулы, но во время новогодних праздников с Вами произошёл забавный случай. Вам не терпится рассказать об этом своим одноклассникам.

Задание: подготовьте рассказ о забавном случае, который произошёл с Вами в новогодние праздники.

2) Ситуация: Ваш друг описал интересные места и достоприме-

чательности, с которыми он познакомился во время поездки в Москву. Поделитесь и Вы с ним своими впечатлениями об одном из любимых мест родного края.

Задание: подготовьте описание одного из любимых мест.

3) Ситуация: Вам нужно объяснить пятиклассникам, почему они должны хорошо владеть устной речью.

Задание: подготовьте рассуждение-объяснение о том, почему необходимо развивать устную речь.

Таким образом, нами разработаны задания, направленные на развитие связной устной речи в процессе подготовки к устному общению в 9 классе. Поэтапная подготовка позволяет учитывать специфику работы над развитием речевых умений к определённому виду устного общения. Ситуативные задания обуславливают коммуникативную целесообразность монологического высказывания и способствуют развитию умений устной речи в условиях, приближенных к реальному общению.

Литература

1. Нарушевич А. Г. Устная часть ОГЭ по русскому языку. Блицподготовка / А. Г. Нарушевич. – М.: Просвещение, 2017.
2. Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. – 37-е изд. – М.: Просвещение, 2010. – 317 с.
3. Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – 33-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 254 с.
4. Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М. Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – 34-е изд. – М.: Просвещение, 2012. – 223 с.
5. Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – 8-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 237 с.
6. Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Т. А. Ладыженская, М.Т. Баранов, Л. А. Тростенцова и др. ; науч. ред. Н. М. Шанский. – 8-е изд. – М.: Просвещение, 2011. – 206 с.
7. Русский язык: учеб. для 5 кл. общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. / Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – 5-е изд. – М.: Дрофа, 1999. – 384 с.
8. Русский язык: учеб. для 6 кл. общеобразоват. учреждений / М.М. Раз-

умовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; Под ред. М. М. Разумовской, П.А. Леканта. – 14-е изд. – М.: Дрофа, 2010. – 363 с.

9. Русский язык: учеб. для 7 кл. общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – 13-е изд. – М.: Дрофа, 2009. – 316 с.

10. Русский язык: учеб. для 8 кл. общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С.И. Львова, В.И. Капинос и др.; Под ред. М.М. Разумовской, П.А. Леканта. – 12-е изд. – М.: Дрофа, 2009. – 269 с.

11. Русский язык: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др.; Под ред. М. М. Разумовской, П. А. Леканта. – 13-е изд. – М.: Дрофа, 2011. – 286 с.

12. Цыбулько И. П., Малышева Т. Н. Русский язык. Методические рекомендации по оцениванию выполнения заданий итогового собеседования по русскому / И. П. Цыбулько, Т. Н. Малышева; ФИПИ, 2018.

Шукова Анна Владимировна,
студент 2 курса
ГБПОУ «Кудымкарский
педагогический колледж»
schukova2017@gmail.com

**Употребление числительных в современном
коми-пермяцком языке**

Аннотация. В исследовании рассмотрен вопрос об употреблении числительных в современном коми-пермяцком языке: проанализирована работа А. С. Кривошёковой-Гантман, использование коми-пермяцких числительных в СМИ, проведён опрос среди населения (д. Корчёвня Ёгвинского поселения).

Ключевые слова: количественные, порядковые, обобщительные, обобщительно-личные числительные, категория числа, приблизительный счет.

Schukova Anna V.,
2nd year student of Kudymkarsky
Pedagogical College
schukova2017@gmail.com

The use of numerals in modern Komi-Permyak language

Summary. The study examined the use of numerals in the modern Komi-Permyak language: the work of A. S. Krivoshchekova-Gantman analyzed, and the usage of Komi-Permian numerals in the media were, survey was conducted among the population (village Korchevnnya of the Yogvinsky settlement).

Key words: quantitative, ordinal, generalizing, generalized personal numerals, category of number, approximate score.

Знание части речи «Числительное» необходимо, так как с числительными учащиеся встречаются на уроках математики, истории, литературы и др. Числительные сопровождают человека в течение всей жизни. Данную тему исследовала кандидат филологических наук, ко-

ми-пермяцкий лингвист Антонина Семёновна Кривощёкова-Гантман. Она выделила следующие грамматические признаки коми-пермяцких числительных:

1. Числительные не имеют категории числа. Числовые формы образуются лишь у субстантивированных числительных. Понятие о числе заключается в лексическом значении самих числительных: *отӧк морт* «один человек», *вит морт* «пять человек».

2. Числительные сочетаются с существительными, стоящими всегда в форме единственного числа: *куим морт* «три человека», *двадцать пять вӧв* «двадцать пять лошадей». Существительное в форме множественного числа может стоять при числительном, обозначающем итоговый счет: *кольтес кватя* «яиц всего шесть», *велӧтчисез тридцатя* «учащихся тридцать».

3. Числительные (количественные) могут меняться местом с именем существительным, к которому относятся. Перестановка числительного придаёт значение приблизительного счета: *Ашын вӧв-кыкӧн мунасӧ станцияӧ* «Завтра приблизительно на двух лошадях поедут на станцию». Переместившееся имя числительное может взять на себя некоторую грамматическую нагрузку существительного: падеж, указательные суффиксы. Однако форм числа числительное всё же не имеет и при этом условии.

4. Числительные имеют специфические формообразовательные суффиксы –нан-, -а, -от: *кык* «два», *кыкнан кыын* «в обеих руках», *куимӧт* «третий», *книгаэс куима* «книг (всего) три». (А.С. Кривощёкова-Гантман 1962: 226–230).

В кратком очерке коми-пермяцкого языка, составленном А. С. Кривощёковой-Гантман, указано, что в современном коми-пермяцком языке состав числительных смешанный. В нём представлены как исконные числительные, так и заимствованные из русского языка. При счёте до 10 обычно используются исконные числительные, счёт далее 10 чаще ведётся с помощью числительных, заимствованных из русского языка.

Приблизительный счёт передается двумя способами:

1. перестановкой числительного после определяемого существительного, например: *кык морт* «два человека», *морт-кык* «человека два»;

2. сочетанием двух числительных: *кольть вит-кватя* «(приблизительно) пять-шесть яиц»

В позиции сказуемого количественные числительные оформляют-

ся с помощью суффикса –а(я) и показывают итоговый счет, например: велѳтчиссез классас тридцатя «всего учеников в классе тридцать».

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффикса –ѳт (реже ѳдз): кыкѳт «второй», нѳльѳт, нѳльѳдз «четвертый». В значении «первый» употребляется слово медѳдзза или первѳй, в значении «второй», кроме кыкѳт-мѳд, мѳдик, мѳдѳдз. Исконно порядковые числительные далее дасѳт «десятый» встречаются редко, вместо них употребляются заимствованные: одиннадцатѳй, двенадцатѳй и т.д. В предложении порядковые числительные могут быть определениями (нѳльѳт керкуыс вѳлі виль «четвертый дом был новый»), сказуемыми (сылѳн керкуыс тасянѳ нѳльѳт «его дом отсюда четвертый»).

От любого числительного, кроме ѳтік «один», могут быть образованы с помощью суффикса –нан- особые формы- обобщительные числительные: кыкнан-, куимнан-. Они употребляются только с определяемыми существительными и выражают количественный признак предмета обобщенно: витнан классисѳ «из (всех) пяти классов», кыкнан кийн «в (обеих) руках».

Самостоятельное употребление обобщительных числительных возможно в том случае, если к ним присоединяются притяжательные суффиксы –ным, –ныт, –ныс, которые вносят в обобщительное числительное значение лица: кыкнанным «оба (мы)», кыкнанныт «оба (вы)», кыкнанныс «оба (они)».

Обобщительные числительные с притяжательными суффиксами принято называть лично-обобщительными. Сочетаясь с существительными и местоимениями, лично-обобщительные числительные согласуются с определяемыми словами в падеже и числе, например: менѳ ѳтнамѳс корисѳ школаѳ «меня одного пригласили в школу», мянѳс ѳтнаннымѳс корисѳ школаѳ «нас одних пригласили в школу». (А.С. Кривошѳкова-Гантман 1985: 604).

Употребление числительных в средствах массовой информации.

Диктор коми-пермяцкой телекомпании Багуева И. Г. в информационной программе «Вести-Кудымкар» употребляет числительные на коми-пермяцком языке. Например, «Гектар вылісь ѳксѳ куимдас центнер мымда»(17.08.2018).

«Ќні Пермскѳй край пасѳта уджалѳны витдас ѳтік призывнѳй комиссия» (23.10.2018)

Составные числительные диктор употребляет на двух языках: «117

(өтік сё дассизим) год тырис бы коми-пермяцкёй гижисьлö Михаил Павлович Лихачёвлö» (№ 24 (246) 18.06.2015).

В окружной газете «Кама кытшын» («В окружении Камы»), единственной газете на коми-пермяцком языке, простые числительные употребляются на исконно коми-пермяцком языке, а сложные числительные пишутся цифрами, например: в статье «Иднакар керöны энтузиастртэс» отрывок из статьи «...өтік журналыслöн доньс пö 12000 руб» («Стоимость одного журнала составляет двенадцать тысяч рублей») (№ 24 (246) 18.06.2015).

Употребление числительных в речи коми-пермяков

Опрос, проведённый в д. Корчевня Ёгвинского поселения

<i>Возрастная группа/ Употребление числительных</i>	<i>от 7-16</i>	<i>от 17-30</i>	<i>от 30-50</i>	<i>от 50-80</i>
<i>1-8</i>	+	+	+	+
<i>9-20</i>	-	-	+	+
<i>21-100</i>	-	-	-	+
<i>101-1000</i>	-	-	-	-

Опрос показал, что среди разных возрастных групп (опрошено 26 человек) знание числительных от одного до восьми составляет 100%, знание числительных от девяти до двадцати – 50%, от двадцати одного до ста – 25%, а так же счет от ста одного до тысячи и больше – 0%.

Таким образом, анализ выявил, что на сегодняшний день исконно коми-пермяцкие числительные в речи чаще употребляются только до десяти, далее счёт ведётся с помощью числительных, заимствованных из русского языка. Большую роль в возрождении и употреблении коми-пермяцких числительных играет информационная программа «Вести-Кудымкар».

Литература

1. Коми-пермяцко-русский словарь: Ок. К 63 27000 слов / Р. М. Баталова, А. С. Кривощёкова-Гантман. – М.: Рус.яз.,1985.624 с. – стр.604.
2. Коми-пермяцкий язык: Фонетика, лексика и морфология. Учебник

для высших учебных заведений / под редакцией и при соавторстве проф. В. И. Лыткина. – Кудымкар, 1962 – стр. 226–230

3. Электронный ресурс <https://www.google.ru/кривошекова-гантман> (22.11.2018)

Ратегова Ирина Петровна,
студент 3 курса
ГБПОУ «Кудымкарский
педагогический колледж»
e-mail:irishka.rategova@mail.ru

**Лексический анализ рассказа Е. Рамос-Павловой
 «Менам дона мам»**

Аннотация: В исследовании представлен краткий анализ творчества Е. Рамос-Павловой: лексический анализ повести «Танька» и рассказа «Менам дона мам».

Irina P. Rategova
3 rd year student of KudymkarSKIY
Pedagogical college
irishka.rategova@mail.ru

Lexical analysis of the story «My dear mum» by E. Ramos-Pavlova

Summary. The study presents a brief analysis of E. Ramos-Pavlova's stories «Tanya» and «My dear mum».

В литературно-художественном сборнике «Иньва» (1995 г.) была напечатана повесть Елены Павловой «Танька». В 1993 году автор получила первую премию в окружном литературном конкурсе на родном языке. В это время Елена Павлова училась в 11 классе Сепольской средней школы Кочёвского района

«В 1994 году поступила в Российский университет дружбы народов на факультет журналистики, параллельно получила диплом переводчика с испанского языка на русский язык.

В настоящее время Е. А. Павлова работает переводчиком в представительстве испанского агентства в Москве.

Повесть «Танька» произвела большое впечатление не только на читателей, но и на мастеров художественного слова». (Мальцева 2006: 31)

Читателей привлекает сюжет повести, необычная завязка и развяз-

ка произведения и образ главного героя. Лексический анализ (в аспекте художественно-изобразительных средств) повести «Танька» показал, что в ней присутствуют разные выразительные средства.

«Сё нюжалан луннэз нылё эзё тырмё. Шорок нюжотіс ассис киэсё, мед нія вермисё резсыны сёстём ванас, пемыт вёр лэдзис нійё аслас под увтё, мед нывка да кёин вермисё котрасыны лапья уввез коласёт, повзётлыны ётамёдс сук уввез сайсянь, чеччавны да быглясьны небыт нитш вылын. Крут мыс бытьтё сы понда и лэбтисис вёр шёрас, мед Танька вермис кикоксё чапкалёмён шонтны боккесё дзирыт майскёй шонді увтын. А кёин просто сідз куйліс ордчён, сія думайтіс, сідз и позьё керны ёртлё, раз уж ёртасин. Сы понда жё и сія эз ёткажитчы торйётны Танькакёт быдёс сылісь гажётчёмсё. А нывка эз жалеит ассис гажётчёмсё, сія топ мезмис сийёсись и ёні лэбзис сувтчытёг». (Павлова 1995: 181)

В этой цитате встречаются олицетворения: «шорок нюжотіс киэсё», «мыс лэбтисис вёр шёрас»; эпитеты: «пемыт вёр», «нюжалан луннэз», «небыт нитш», «дзирыт шонді» сравнение: «топ мезмис».

В газете «Кама кытшын» за 23 августа 2018 года был напечатан рассказ Елены Рамос-Павловой «Кочёво-Юрла-Кудымкар» (написан в 2015г.). Между двумя произведениями большой срок – 25 лет, поэтому возникли вопросы: изменилась ли тематика произведений и индивидуальный стиль автора?

Сюжет рассказа следующий: героиня вспоминает историю, как она в молодости, на попутном транспорте добиралась с Кочёво до Кудымкара и повстречала двух противоположных по характерам людей.

В рассказе «Менам дона мам» повествование ведётся от первого лица. Маленькая героиня, которой всего два года, вспоминает о своей маме, рано ушедшей из жизни. Любовь матери показана через обращения к ребёнку: «Тэ менам чёскыт торок, менам каньпьян, узь, шонді югёрок. Узь, менам Барбоско, менам тупкаок».

Анализ рассказа выявил, что в нём встречаются заимствованные слова: «... ме уже тёда», «...мамё больше абу», «...нарёшнё керём ме понда».

Автор использует лексико-фонетические диалектизмы, например: «...нарёшнё керём ме понда», «...что мукёдчид колё терпитны», «Ме пукті ассим юрёс мамё тшёка увтё», «Зубытыс сэтён жё ёвсьё», «...сійё гыжжала жагёника», «...тоже ыксі», «...сідз шуч и овлё».

Таким образом, анализ произведений Е. Рамос-Павловой выявил, что в повести «Танька» использован литературный язык, а в рассказе «Менам дона мам» присутствуют заимствованные слова и лексико-фонетические диалектизмы, данное явление можно объяснить тем, что автор оторван от малой родины, живёт в русскоязычной среде.

Список литературы

1. Павлова Е. А «Танька» // Иньва: литературно-художественное издание/ Сост. Ф. Истомин. 1995. – 194 с.
2. Коми-пермяцкие писатели: Биографический справочник для образовательных учреждений. В 2 ч. Часть II. / Авт.-сост.: Н.А. Мальцева. – Кудымкар, 2006. – 36 с.
3. Рамос-Павлова Е. А. Кочёво-Юрла-Кудымкар // Кама кытшын, № 33, 23 августа 2018 г.
4. Рамос-Павлова Е. А. Менам дона мам // Кама кытшын, № 37, 20 сентября 2018 г.
5. Лексика современного русского языка с точки зрения её социально-диалектного состава (сфера употребления). URL: www.hi-edu.ru [дата обращения: 22.11.2018]
6. Задания и материалы для творческой работы по лексическому анализу художественного текста (в аспекте художественно-изобразительных средств). URL: [www.linguistics – online. narod. ru](http://www.linguistics-online.narod.ru) [дата обращения: 22.11.2018]

Рекомендации**XVII Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвящённого коми-пермяцкому языковеду****Григорию Андреевичу Нечаеву
(Кудымкар, 23–24 ноября 2018 г.)**

XVII Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвящённый коми-пермяцкому языковеду Григорию Андреевичу Нечаеву, проведённый Кудымкарским педагогическим колледжем совместно с Администрацией губернатора Пермского края, Министерством по делам Коми-Пермяцкого округа и Пермским федеральным исследовательским центром УрО РАН, продолжил сложившиеся во время предыдущих симпозиумов традиции.

Симпозиум «Пермистика» начал свою работу в 1986 г. по инициативе профессора Удмуртского государственного университета В. В. Кельмакова с зонального уровня. Постоянно повышая свой статус, он вырос до международного уровня, при этом расширилась тематика докладов, увеличилось количество центров исследования пермских языков и, соответственно, мест проведения симпозиума. С 1988 г. стало традицией посвящать очередные симпозиумы учёным и исследователям, внёсшим значительный вклад в развитие пермской филологии.

В работе XVII Международного симпозиума приняли участие учёные, занимающиеся вопросами пермского языкознания, из Ижевска, Кудымкара, Перми, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Венгрии, Финляндии. На двух пленарных и четырёх секционных заседаниях заслушано и обсуждено 60 научных докладов.

В центре внимания докладчиков находились актуальные проблемы грамматики, лексикологии, диалектологии, ономастики пермских языков, вопросы функционирования литературных языков, а также вопросы теории и методики преподавания пермских языков, теории и прагматики искусства художественного слова. Изложенные в докладах положения исследований в целом отражают значительные достижения пермского языкознания и вносят определённый вклад в разработку основных тематических направлений пермского и, шире, финно-угорского языкознания.

Участники симпозиума отметили высокий научный уровень заслушанных докладов и сообщений.

Участники и организаторы симпозиума выражают благодарность департаменту внутренней политики Администрации губернатора Пермского края, Министерству по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, Администрации г. Кудымкара и Пермскому федеральному исследовательскому центру УрО РАН за помощь в организации и проведении научного форума по пермским языкам. Они также выражают надежду на дальнейшую поддержку в сохранении, исследовании и развитии национальных языков, и в частности, коми-пермяцкого языка.

Учитывая предложения, высказанные в ходе обсуждения пленарных и секционных докладов, XVII Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» рекомендует:

1. Провести XVIII Международный симпозиум «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» в г. Ижевске.

2. В связи с тем, что до сегодняшнего дня не выполнены рекомендации XIV Международного симпозиума, состоявшегося в 2012 г., Департаменту внутренней политики Пермского края, Министерству образования и науки Пермского края и Министерству по делам Коми-Пермяцкого округа проработать организационный, кадровый и финансовый вопросы по созданию в Пермском крае, предпочтительно в г. Кудымкар, отдела по сохранению, исследованию и дальнейшему развитию коми-пермяцкого языка.

3. Министерству по делам Коми-Пермяцкого округа обратиться с ходатайством к Министерству образования и науки Пермского края о выделении финансовых средств на следующие исследования:

– «Изучение и обобщение научной деятельности коми-пермяцкого языковеда Григория Андреевича Нечаева»;

– «Изучение и разработка теории синтаксиса коми-пермяцкого языка»;

– «Создание учебника нового поколения «Коми-пермяцкий язык. Пособие для вузов».

4. Продолжить работу по созданию различных типов словарей коми, удмуртского и коми-пермяцкого языков.

5. Систематически проводить социолингвистические исследования языковой ситуации в Коми-Пермяцком округе, Республике Коми, Удмуртской Республике.

Сведения об авторах

Аксёнова О. П., к. филол. н., г. Кудымкар

Анисимова В. А., студент 3 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Аркашева М. Ю., студент 3 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Арзамазова О. А., н. с. лаборатории лингвистического картографирования и исторической лексикологии ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Бадретдинова Л. Г., магистр ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Баяндина О. А., студент 4 курса коми-пермяцко-русского отделения ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Гайдамашко Р. В., к. филол. н., н. с. Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.

Галкина М. Е., н. с. КГАОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», г. Кудымкар.

Глухова А. В., студент 3 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Гуляева Н. И., к. филол. н., н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Данилова Н. В., студент 2 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Дерябина Н. Н., преподаватель ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Долганова С. С., студент 2 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Дудина А. С., мл. н. с. КГАОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», г. Кудымкар.

Егоров А. В., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Елышев В., студент Института удмуртской филологии, фин-

но-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Зиявадинова О. С., к. филол. н., н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Зорин П. А., студент 3 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Ившин Л. М., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Кардапольцева А. С., студент 4 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Камитова А. В., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Карпова Л. Л., доктор философии, с. н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Кельмаков В. К., д. филол. н., профессор ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Кириллова Л. Е., к. филол. н., с. н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Князева С. А., студент 2 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Кондратьева Н. В., д. филол. н., ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Коньшин А. Е., д. и. н., профессор, с. н. с., КГАОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», г. Кудымкар.

Королева Ю. В., МАУК «Центр коми культуры» г. Сыктывкара.

Красильникова Е. Н., студент 4 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Кучева Ю. Н., студент 4 курса ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Лисовская Г. К., н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Лобанова А. С., к. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Лудыкова В. М., д. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

Максимов С. А., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Мальцева Н. А., к. пед. н., преподаватель ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Маркова А. В., студент 2 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Матвеева Е. М., к. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Меркушева Т. Н., к. филол. н., директор ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Мызников С. А., д. филол. н., член-корр. РАН, зав. кафедрой РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

Некрасова О. И., к. филол. н., н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Немет Золтан, магистр Университета г. Сегед, Венгрия.

Обрезкова Н. А., член Союза писателей РФ, магистр, г. Сыктывкар.

Остапова Е. В., к. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

Плотникова И. В., студент 5 курса коми-пермяцко-русского отделения ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Пономарева Л. Г., к. филол. н., н. с. КГАОУ ДПО «Коми-Пермяцкий институт повышения квалификации работников образования», г. Кудымкар.

Попова О. А., к. филол. н., МБОУ «Кочёвская СОШ», с. Кочёво, Коми-Пермяцкий округ.

Попова Р. П., к. филол. н., доцент, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет», г. Сыктывкар.

Прозорова Ю. Н., студент 2 курса Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Пунегова Г. В., к. филол. н., с. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Ракин А. Н., д. филол. н., профессор, гл. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Ракин Н. А., доктор философии, н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Ратегова И. П., студент 3 курса ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Савельева В. А., студент 5 курса коми-пермяцко-русского отделения ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Сажина С. А., к. филол. н., с. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Салминен Эса-Юсси, преподаватель финского языка ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск, Россия; Финляндия.

Степанова О. А., аспирант Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Сычева Ю. С., магистр филологии, МАОУ «СОШ № 38 г. Сыктывкара», г. Сыктывкар.

Тимерханова Н. Н., к. филол. н., доцент, зав. кафедрой ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Титова О. В., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Утева Л. В., к. филол. н., директор МБУ ДПО «Межшкольный методический центр», с. Кочёво, Коми-Пермяцкий округ.

Федина М. С., к. филол. н., зам. директора ГАУ РК «Дом дружбы народов Республики Коми», г. Сыктывкар.

Федосеева Е. Н., к. филол. н., с. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Федосеева В. В., преподаватель ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Федюнева Г. В., д. филол. н., доцент, гл. н. с. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Цыпанов Е. А., д. филол. н., ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар.

Черных А. В., д. и. н., член-корр. РАН, зав. сектором этнологических исследований отдела истории, археологии и этнографии ПФЦИ УрО РАН.

Шибанов А. А., к. филол. н., н. с. Удмуртского ИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, г. Ижевск.

Шкляев А. Г., к. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Шелмеци Шома, магистр, преподаватель ФГБОУ ВО «Удмурт-

ский государственный университет», г. Ижевск.

Шушакова Г. Н., к. филол. н., доцент ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», г. Ижевск.

Щербаков М. М., студент 4 курса коми-пермяцко-русского отделения ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», г. Пермь.

Щукова А. В., студент 2 курса ГБПОУ «Кудымкарский педагогический колледж», г. Кудымкар.

Содержание

Приветственное слово Л. В. Политова, и.о. руководителя Администрации губернатора Пермского края.....	4
Приветственное слово В. В. Рычкова, Главы Коми-Пермяцкого округа – министра Пермского края.....	5

Пленарные доклады

Коньшин А.Е. <i>Имя Г. Нечаева в советской лингвистике.....</i>	9
Черных А. В., Каменских М. С. <i>Языковое многообразие Пермского края и проблемы сохранения родных языков.....</i>	22
Федюнева Г. В. <i>Диалектное слово беспелюха «неряха, неумёха» в контексте исторических контактов на русском Севере.....</i>	36
Кельмаков В. К. <i>Слово кам и гидроним Кам(а) в письменных источниках на удмуртском языке.....</i>	45
Меркушева Т. Н. <i>Коми-пермяцкие исследования в пермистике.....</i>	59

Секция 1. Вопросы лексикологии и фразеологии пермских языков

Пономарева Л. Г. <i>Коми-пермяцко-русский рукописный словарь 1785 года: способы обозначения на письме звука ъ.....</i>	66
Кондратьева Н. В., Бадретдинова Л. Г. <i>Лексические особенности перевода стихотворения Юрки К. Ихалайнена «Ei tuo runainen» на удмуртский язык.....</i>	79
Лобанова А. С. <i>О некоторых лексико-семантических особенностях рукописной работы протоиерея Антония Попова «Краткий пермский словарь с российским переводом, собранный и по алфавиту расположенный» 1785 г.</i>	85
Мальцева Н. А. <i>К этимологии названия мифологического существа коми-пермяков «суседку».....</i>	92
Попова О. А. <i>Употребление и значение устойчивых выражений с компонентом 'петны' / 'выходить, выйти' в коми-пермяцком языке.....</i>	97
Ракин А. Н. <i>Генезис метеорологической лексики коми-пермяцкого языка.....</i>	104
Степанова О. А. <i>Роль 20–30-ых гг. XX века в становлении и развитии общественно-политической терминологии удмуртского языка.....</i>	112
Тимерханова Н. Н. <i>Географическая терминология в удмуртском языке (особенности создания и перевода).....</i>	118
Утева Л. В. <i>Выраженность фиктивного родства в коми-пермяцком языке.....</i>	124
Гайдамашко Р. В. <i>Лексика коми-пермяцкого языка рукописей протоиерея Антония Попова (1748–1788) с точки зрения ее происхождения.....</i>	132

Аксёнова О. П. Дialeктные особенности ономастикона в коми-пермяцком языке.....	138
--	-----

Секция 2. Вопросы диалектологии, истории пермских языков, проблемы типологии и контактирования языков

Гуляева Н. И. Несобственно-вопросительные предложения в коми-пермяцком языке.....	144
Ившин Л. М. Об оформлении сложных слов в памятниках ранней удмуртской письменности (на примере первой грамматики удмуртского языка).....	151
Некрасова О. И. Об одной особенности к-ового деепричастия в коми-зырянском и коми-пермяцком языках.....	157
Немет З. Взаимосвязь форм вежливого обращения и неочевидного прошедшего времени в современном удмуртском языке.....	167
Сажина С. А. Особенности словесной акцентуации в языке кировских пермяков.....	174
Федосеева Е. Н. О некоторых диалектизмах коми-пермяцкого языка.....	180
Цыпанов Е. А. Семантика загадочного этнонима чудь в словарях коми языка.....	187

Секция 3. Этнокультурный аспект в пермистике

Зиявадинова О. С. Язык и образы пролетарской эпохи в поэзии В. А. Савина.....	193
Лисовская Г. К. Особенности языка просветительской поэзии В. А. Савина.....	198
Обрезкова Н. А. Инфинитив в стихотворении поэтессы Е. Макаровой «Мыным кельше синмаськыны...» / «А меным муса тэнад мич...» / «Мне нравится влюбляться...» (на удмуртском и коми языках).....	205
Остапова Е. В. Языковые особенности перевода на русский язык диалогии В. Савина «Райын» / «В раю» и «Инасьтём лов» / «Неприкаянная душа».....	213
Попова Р. П. Функции цветообозначений в коми-пермяцких поэтических текстах.....	220
Пунегова Г. В. Средства отражения и обозначения интонации в коми художественных произведениях.....	229
Ракин Н. А. Коми-пермяцкая литература на венгерском, финском и эстонском языках.....	246
Салминен Э-Ю. Нынешнее положение переводческой деятельности с удмуртского языка на финский.....	254
Шкляев А. Г. Сила родного слова (из опыта перевода с коми-пермяцкого на удмуртский язык).....	257

Лудыкова В. М. Синтаксис коми пословиц и поговорок: простое предложение	263
Федосеева В. В. Фразеологические единицы в романе В. Климова «Гублян».....	274
Дудина А. С. Концепт пути в повести И. А. Минина «Сто вёрст до города».....	279
Дерябина Н. Н. Развитие национального образования в Коми-Пермяцком округе.....	285
Курс О. О путях развития и укрепления позиций национального языка.....	290

Секция 4. Исследовательская работа студентов

Анисимова В. А. К вопросу этимологии названия удмуртского календарного обряда Ошорок.....	301
Аркашева М. Ю. Пословицы и поговорки удмуртского языка как этическая форма побуждения к действию.....	307
Баяндина О. А. Образы цветов в коми-пермяцких фольклорных текстах.....	312
Глухова А. В. Речевой этикет: приветствие и прощание (на материале удмуртского и венгерского языков).....	317
Кондратьева Н. В., Елышев В. В. Художественное своеобразие произведения удмуртского писателя Кирилла Ломагина «Зыгыръя, киосыд вань дыръя».....	322
Зорин П. А. Отражение удмуртских наименований грибов в словарях.....	327
Маркова А. В. Гастрономические мотивы в произведениях Г. Красильникова.....	332
Савельева В. А. Приёмы развития устной речи в процессе подготовки к устному собеседованию в 9 классе.....	343
Щукова А. В. Употребление числительных в современном коми-пермяцком языке.....	350
Ратегова И. П. Лексический анализ рассказа Е. Рамос-Павловой «Менам дона мам».....	355

Рекомендации XVII Международного симпозиума

«Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками», посвящённого коми-пермяцкому языковеду Григорию Андреевичу Нечаеву (Кудымкар, 23–24 ноября 2018 г.).....	358
--	-----

Сведения об авторах.....	360
---------------------------------	-----

Научное издание

**ПЕРМИСТИКА XVII: Диалекты и история пермских языков
во взаимодействии с другими языками
Материалы Международного симпозиума
(23–24 ноября 2018 г., г. Кудымкар)
Сборник научных статей**

Редакционная коллегия:

Черных Александр Васильевич, д. и. н., член-корр. РАН (отв. за выпуск)
Дерябина Нина Николаевна (сост.)
Мальцева Надежда Александровна, к. пед. н. (сост., отв. редактор)
Меркушева Татьяна Николаевна, к. филол. н.

Издание осуществлено в авторской редакции: авторы опубликованных материалов несут ответственность за точность приведённых фактов, цитат, статистических данных, собственных имён и прочих сведений. При перепечатке материалов ссылки на данный сборник обязательны.

Корректоры Войлокова Л. М., Ратегова Л. П.
Вёрстка Хорошева А. М.
Обложка Хорошева А. М.

ПРОО «Общество радетелей коми-пермяцкого языка и культуры «Югöр»

Юридический адрес: 619000, г. Кудымкар, ул. 50 лет Октября, 30-63

Почтовый адрес: 619000, г. Кудымкар, ул. Студенческая, 9
при содействии ООО «Формула»

Подписано в печать 25.12.2018 г.

Формат 60х90 1/16. Бумага ВХИ. Гарнитура Times New Roman, PT.

Печать офсетная. Тираж 150 шт. Заказ №

ИП Коньшина Е. И.
619000, г. Кудымкар, пер. Кувинский, 4
ООО «Юника»
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13